

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД



САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 2 (133) • 2020

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

**Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490 в каталоге агентства «Роспечать»**

Цена для подписчиков — 572 руб., в розничной продаже — свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Редактор, корректор ***М.В. Седова***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 27.04.2020 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 24,8. Уч.-изд. л. 21.1. Тираж 950 экз. Заказ 112.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Е.В. Вавилин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Н.М. Великая	доктор политических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А.А. Вилков	доктор политических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Е.Р. Ергашев	доктор юридических наук, профессор (Уральский государственный юридический университет)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)
М.А. Липчанская	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Л.В. Логинова	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России))
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О.М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Слободникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л.А. Тимофеев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR



САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 2 (133) • 2020

ISSN 2227-7315

The journal is included by Higher Attestation Commission of Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the Russian list of reviewed journals, where major scientific dissertations and thesis results are to be published

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, Volskaya, 1.

E-version is located on the official site of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" (<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office in the Sphere of Mass Communication of Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", 2020

EDITORIAL BOARD

I.N. Senyakin	doctor of law, Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor ((Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
E.V. Vavilin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
E.R. Ergashev	doctor of law, Professor (Ural State Law University)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
M.A. Lipchanskaya	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
L.V. Loginova	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
O.M. Rodionova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
L.A. Timofeev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

- 15 Солдаты Великой Победы

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 29 **Кондрашов Ю.А.**
Юридическая природа событий
- 35 **Репьев А.Г., Васильков К.А.**
«Превенция» как правовая категория: в порядке научной дискуссии
- 43 **Родионова А.С.**
К вопросу о понятии и функциональной природе санкций норм российского права
- 51 **Рубанова М.Е., Мамочкина Е.М.**
Гражданское общество в Российской Федерации в условиях современных вызовов и угроз
- 57 **Телегина В.А.**
Одна из проблем формирования судейского корпуса
- 63 **Тищенко В.В.**
Философско-правовые основания формирования конфедеративного союза
- 75 **Швед Е.Н.**
Правоприменительная техника: понятие и типология средств и приемов
- 86 **Домнина О.В.**
Деятельностный и нормативный компоненты механизма реализации правоохранительной функции Российского государства
- 92 **Байдарова М.А.**
Формы реализации правовых исключений: теория и практика

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 98 **Стребкова Е.Г.**
Обеспечение равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации в органах законодательной власти
- 108 **Новикова Е.С.**
К вопросу об актуальности применения института самоконтроля на основании Постановлений Европейского Суда по правам человека
- 115 **Сальникова Д.А.**
Принципы конституционно-правовой политики по вопросам защиты свободы предпринимательской деятельности в России, Беларуси и Казахстане

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 123 **Цыбуленко З.И.**
Публичные сервитуты в законодательстве Российской Федерации

- 134 **Атаян В.В.**
Терминологическое и правоприменительное микширование чартера и фрахтования
- 144 **Ульянова М.В.**
Доктринальные подходы типологизации института семьи
- 151 **Абдразакова А.А.**
Сравнительно-правовой анализ регулирования деривативов в Российской Федерации и Республике Казахстан

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

- 161 **Бытко Ю.И.**
Проблемы правовой регламентации проверки сообщения о преступлении
- 171 **Воронков Л.Ю.**
Негативные обстоятельства при проведении идентификационных исследований по следам на гильзах стреляных в пистолете ЧЗ-75
- 177 **Караева Ю.С.**
Значение социального статуса и роли личности для целей криминологического прогнозирования индивидуального преступного поведения
- 185 **Комиссаренко Е.С.**
Раздельное содержание различных категорий осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых, их соотношение
- 194 **Овчинникова Н.О.**
Возможности использования решений ЕСПЧ для удаления пробелов в российском уголовно-процессуальном праве
- 203 **Проводина Е.В., Красовская О.Ю.**
Правовая природа предупреждения, предусмотренного судебным штрафом как мерой уголовно-правового характера
- 210 **Степанов В.В., Галушкин В.И.**
Реконструкция — эффективное средство исследования обстоятельств преступления
- 220 **Гусаренко Д.М.**
Критерии криминализации посягательств на особо ценные объекты животного мира (ст. 258¹ УК РФ)
- 230 **Исаев А.Э.**
Угрозы безопасности участников уголовного судопроизводства

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 240 **Шестерякова И.В.**
Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся-членов ЕАЭС: вопросы коллизионного регулирования
- 245 **Байбекова Э.Ф., Калимулина И.В.**
Применение навыков медиации — ключ к успешному разрешению корпоративных конфликтов

- 253 Хотько О.А., Михнюк А.И.**
Проблемы правового обеспечения защиты прав граждан в сфере экологической и продовольственной безопасности
- 261 Мохов А.Ю.**
Правовые проблемы обеспечения коллективной продовольственной безопасности Евразийского экономического союза
- 269 Федотова А.А.**
Теоретико-правовые основы разграничения процессуальных и процедурных норм бюджетного права

ПЕРСОНАЛИИ

- 277 Бараев Т.М., Колоколов Г.Р.**
Архитектор «правовой медицины» в Саратове

CONTENTS

- 15 Soldiers Of The Great Victory

THEORY OF STATE AND LAW

- 29 **Kondrashov Yu.A.**
Legal Nature of Events
- 35 **Repyev A.G., Vasilkov K.A.**
“Prevention” as a Legal Category: in the Order of Scientific Discussion
- 44 **Rodionova A.S.**
On the Concept and Functional Nature of Sanctions in Russian Law
- 51 **Rubanova M.E., Mamochkina E.M.**
Civil Society in the Russian Federation in the Context of Modern Challenges and Threats
- 57 **Telegina V.A.**
One of the Problems of Forming the Judiciary
- 63 **Tishchenko V.V.**
Philosophical and Legal Basis for the Formation of the Confederate Union
- 75 **Shved E.N.**
Law Enforcement Technique: Concept, Typology of Tools and Techniques
- 87 **Domnina O.V.**
Activity and Regulatory Components of the Mechanism for Implementing the Law Enforcement Function of the Russian State
- 92 **Baidarova M.A.**
Forms of Implementation of Legal Exceptions: Theory and Practice

CONSTITUTIONAL LAW

- 99 **Strebkova E.G.**
Ensuring Equal Rights and Freedoms of Men and Women and Equal Opportunities for Their Implementation in Legislative Bodies
- 108 **Novikova E.S.**
On the Question of the Relevance of Applying the Institute of Self-control Based on the Decisions of the European Court of Human Rights
- 116 **Salnikova D.A.**
Principles of Constitutional and Legal Policy on Freedom of Business Protection Issues in Russia, Belarus and Kazakhstan

CIVIL LAW

- 124 Tsybulenko Z.I.**
Public Easements in the Legislation of the Russian Federation
- 134 Atayan V.V.**
Terminological and Law Enforcement Mixing of Charter and Freightling
- 144 Ulianova M.V.**
Doctrinal Approaches to Typologizing the Family Institution
- 151 Abdrazakova A.A.**
Comparative Legal Analysis of Derivatives Regulation in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT RIGHT. CRIMINAL PROCEEDING

- 161 Bytko Yu.I.**
Problems of Legal Regulation of Crime Report Verification
- 171 Voronkov L.Yu.**
Negative Circumstances when Conducting Identification Studies on the Traces on the Cartridges of Gunmen Fired in the ČZ-75 Pistol
- 177 Karavaeva Yu.S.**
Significance of the Social Status and Role of the Individual for the Purposes of Criminological Forecasting of Individual Criminal Behavior
- 186 Komissarenko E.S.**
Separation of Different Categories of Convicted Persons as well as Sus-pects and Accused Persons, Their Parity
- 194 Ovchinnikova N.O.**
Possibilities of Using the Decisions of the ECHR to Remove Gaps in Rus-sian Criminal Procedure Law
- 203 Provodina E.V., Krasovskaya O.Yu.**
Legal Nature of a Warning Provided for by a Judicial Forfeiture as a Criminal Law Measure
- 210 Stepanov V.V., Galushkin V.I.**
Reconstruction Is an Effective Means of Investigating the Circumstances of a Crime
- 220 Gusarenko D.M.**
Criteria for Criminalization of Attacks on Particularly Valuable Objects of the Animal World (art. 258¹, Criminal code of the RF)
- 230 Isaev A.E.**
Security Threats to Participants in Criminal Proceedings

OTHER BRANCHES OF LAW

- 240 Shesteryakova I.V.**
Agreement on Pension Provision for Employees-Members of the EEU: Issues of Conflict of Laws Regulation
- 246 Baibekova E.F., Kalimullina I.V.**
Applying mediation skills is key to successfully resolving corporate conflicts

- 253 Khotko V.A., Mikhnyuk A.I.**
Problems of Legal Support for the Protection of Citizens' Rights in the Field of Environmental and Food Security
- 262 Mokhov A.Yu.**
Legal Problems Of Ensuring Collective Food Security Of The Eurasian Economic Union
- 269 Fedotova A.A.**
Theoretical and Legal Foundations of the Distinction between Procedural and Proceeding Rules of Budget Law

PERSONALIA

- 277 Baraev T.M., Kolokov G.R.**
Architect of "Legal Medicine" in Saratov

СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

SOLDIERS OF THE GREAT VICTORY



Несмотря на то, что от Победы нас отделяют 75 лет, для поколения победителей и их потомков, к сожалению, война не закончилась. Фашизм был повержен как идеология, как политический режим, осужден международным Нюрнбергским трибуналом, но, тем не менее, не был уничтожен окончательно. Нацистских преступников, сражавшихся в националистических подразделениях СС, теперь героизируют, оказывают поддержку на государственном уровне в странах Прибалтики. В Польше принят закон о декоммунизации, в соответствии с которым были переименованы улицы, снесены памятники советских времен. Степан Бандера и его приспешники с некоторых пор стали национальными героями Украины.

Европейский парламент в официальной резолюции от 19 сентября 2019 г., принятой 535 голосами «за», 66 голосами «против» и 52 воздержавшимися, официально заявил, что теперь любое упоминание советских воинов освободителей будет трактоваться как «искажение истории» и запрещаться. Помимо этого, депутаты ЕС призвали Россию покаяться за преступное освобождение мира от нацизма. Теперь, согласно их новым установкам, не было никакой Победы советского народа в мае 1945-го, не было десятков миллионов убитых русских мирных жителей, т.е. не было ни панфиловцев, Сталинграда, Курской битвы и взятия Берлина. Фашизм у них приравнивается к коммунизму.

Сегодня Европейский Союз забыл о Мюнхенскомговоре 1938 г. между Чемберленом, Даладье, Муссолини и Гитлером о передаче Германии области Чехословакии, как пролог к пакту Молотова-Риббентропа, там просто все списывают на сговор «диктаторов». Польские политики также постарались забыть, что по итогам мюнхенского соглашения Польша активно участвовала в разделе Чехословакии, получив Тешинскую область.

Объединение же усилий союзников произошло лишь в 1941–1945 гг., (а реально в 1944 г.), когда мировая война полыхала уже во всей своей разрушительной силе, и лишь после того, как Красная Армия выстояла и нанесла серьезные поражения вермахту под Москвой и Сталинградом.

Совершенно очевидно, что в начавшейся 22 июня 1941 г. войне для советских людей речь шла о жизни или смерти народа и государства, о войне без компромисса, войне справедливой, ставшей для всех нас Великой Отечественной войной.

Призыв Советского Правительства «Все силы народа — на разгром врага!» нашел горячий отклик и в сердцах преподавателей, сотрудников, студентов СЮИ. На защиту Родины добровольцами и по мобилизации ушли на фронт многие преподаватели-мужчины, сотрудники из числа учебно-вспомогательного персонала, юноши-студенты, включая первокурсников. Среди тех, кого первыми призвали в армию и на кого выпали неимоверные тяготы войны были: проректор по административно-хозяйственной части **П.И. Ягунов**, заведующий кафедрой теории и истории государства и права **С.А. Епанешников**, заведующий кафедрой политической экономии **П.П. Кочегаров**, преподаватель военной кафедры **М.А. Добров**, преподаватель **В.П. Решетников**, старший лаборант

кафедры гражданского права **Г.С. Куприенко**, библиотекарь **М.И. Якубенко**, шофер **А.Я. Рыжов**, сотрудник института **С.И. Митрофанов**, студенты **А. Ячев**, **П. Мринич**, **И. Молчанов**, **Ю. Овчинников**, **Н. Старчиков**. Только с 22 июня по 1 августа 1941 г. на фронт ушли более 60 студентов, преподавателей и сотрудников. Всего же до конца августа в ряды Красной Армии были мобилизованы 93 студента. На первом курсе в 1940–1941 учебном году в институте обучалось около 200 студентов: после призыва в армию на курсе осталось 34 студента (5 юношей, остальные — девушки). 52 студента для продолжения обучения были направлены в Военную юридическую академию.

В связи со сложной обстановкой военного времени в 1941 г. государственные экзамены были проведены в сжатые сроки. В первую очередь их сдавали студенты, уходившие на фронт. Решением Государственной экзаменационной комиссии СЮИ от 28 июня 1941 г. 71 выпускнику была присвоена квалификация юриста (Приказ № 65 от 28 июня 1941 г., подписанный директором института **П.И. Угрюмовым**).

В 1942 г. в связи с возникновением непосредственной угрозы городу (фронт приближался и достиг Сталинграда) в Саратове была создана дивизия народного ополчения. Командиром ее был назначен участник Гражданской войны, военный руководитель института **К.К. Рыбалко**, начальником политотдела — бывший директор института **А.И. Федорцов**, начальником штаба одного из полков дивизии — ассистент **Р.Х. Хрулицкий-Бурбо**. Многие преподаватели и сотрудники вуза стали бойцами Кировского (районного) полка дивизии народного ополчения. Ополченцы восстанавливали разрушенные фашистской авиацией цеха заводов, рыли окопы, прокладывали коммуникации. Не без помощи студентов-юристов проходила прокладка газопровода Саратов–Москва.

В 1943–1944 гг. преподавателей и студентов СЮИ довольно часто привлекали к различным работам. Они трудились на заводах, стройках, имевших важное оборонное и хозяйственное значение, участвовали в погрузочно-разгрузочных работах на железнодорожных станциях, Волжской речной пристани.

После госпиталей и окончательной Победы над врагом достойным пополнением состава преподавателей и сотрудников Саратовского юридического института стали не менее 40 фронтовиков, участвовавших в боях против немецко-фашистских захватчиков. Аудитории заполнило новое поколение студентов. Многие из них были вчерашними фронтовиками, которых в СЮИ принимали вне конкурса. На их гимнастерках сверкали боевые ордена и медали. «Фронтовиков на студенческой скамье было в те годы много, — вспоминал спустя годы доктор юридических наук, профессор **В.М. Манохин**, — в учебу они внесли прежде всего дисциплину и неодолимое желание знать все то, что долгое время было лишь мечтой. Помню, в 1947 году, после массовой демобилизации из армии, на первый курс было принято более 400 военных, три группы были офицерскими».

В сражениях за Родину погибли, умерли от ран в полевых госпиталях и были официально признаны без вести пропавшими не менее 12 выпускников, сотрудников и студентов СЮИ. Среди них: красноармеец, студент СЮИ — **Евгений Иванович Баранов** (24 августа 1942 г. в боях за город Новороссийск южнее Волчьих Ворот пропал без вести), выпускник СЮИ 1941 г. — **Николай Иванович Беляков** (погиб в боях за Родину, место захоронения не установлено), капитан, выпускник СЮИ 1941 г. — **Василий Федорович Галаганов** (23 сентября 1943 г. погиб в бою, первичное место захоронения — Ленинградская область, Кириш-

ский район, рабочий поселок Будогощь), лейтенант, помощник повара столовой СЮИ, Герой Советского Союза — **Владимир Кириллович Венцов-Венцель** (погиб 25 сентября 1943 г. при форсировании Днепра, похоронен в селе Вишневое Репкинского района Черниговской области), лейтенант, студент СЮИ **Иван Павлович Косяченко** (в сентябре 1941 г. пропал без вести), старший лейтенант, старший лаборант кафедры гражданского права СЮИ **Григорий Степанович Куприенко** (в 1944 г. пропал без вести), военный судья, военный юрист 3-го ранга, выпускник СЮИ 1941 г. — **Иван Борисович Миронов** (в декабре 1942 г. погиб в бою за станцию Троицкая Московской железной дороги), лейтенант, студент СЮИ — **Сергей Федорович Парамонов** (погиб в бою 21 марта 1944 г., похоронен в местечке Ольгополь Винницкой области), старший сержант, студент СЮИ — **Виктор Никитович Полянин** (16 марта 1942 г. старший сержант В.Н. Полянин погиб в бою, похоронен в деревне Зубец Ленинградской области), красноармеец, студент СЮИ — **Николай Иванович Порошенко** (в июле 1943 г. Н.И. Порошенко пропал без вести), сержант, сотрудник СЮИ — **Петр Иванович Сергеев** (22 июня 1942 г. сержант П.И. Сергеев погиб в бою, похоронен в районе шоссе Пулковско-Пушкино), лейтенант, выпускник СЮИ 1941 г. — **Иван Георгиевич Сорокин** (погиб 10 октября 1943 г., похоронен на поле боя).

Значительная часть ушедших на фронт выполняли воинский долг в действующих боевых частях и дивизиях как на офицерских должностях, так и на рядовых, как военными прокурорами и следователями, так и командирами, политработниками стрелковых и танковых взводов, рот, батальонов, артиллерийских дивизионов и простыми солдатами. Все отмечены боевыми орденами и медалями, почти 90% фронтовиков получили ранения. Четверо студентов-фронтовиков, поступивших в СЮИ после Победы, получили в годы Великой Отечественной войны звание Героев Советского Союза: **Павел Михайлович Богатов, Иван Григорьевич Зелепукин, Борис Григорьевич Сорокин, Алексей Иванович Фадеев.**

С началом Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков развернулись масштабные сражения, в которых наравне со всеми участвовали наши будущие преподаватели, сотрудники и студенты.

В ожесточенных боях вблизи государственной границы, в Литве вступил в свой первый бой курсант **Петр Васильевич Рамзаев**. Как вспоминал Петр Васильевич: «пришлось пережить все ужасы начала войны: страшную неразбериху в управлении войсками, панику, боязнь попасть в окружение, а еще хуже того — в плен, огромные потери наших войск в людях и технике и т.д. Находясь непрерывно в боях, наш полк несколько раз попадал в окружение, и каждый раз ночами приходилось прорываться к своим, теряя боевых товарищей, но, к счастью, пленен я не был».



10 августа 1941 г. в рукопашной схватке на подступах к городу Холм Новгородской области П.В. Рамзаев был тяжело ранен. После трехмесячного лечения в госпитале города Казани направлен во Владимир в 627-й артиллерийский полк 180-й стрелковой дивизии. Воевал на Воронежском фронте, защищал Москву, громил немцев под Сталинградом и Курском, освобождал Украину, Румынию, Венгрию, Австрию и Чехословакию.

В августе 1944 г. капитан П.В. Рамзаев получил назначение в войска 2-го Дальневосточного фронта, где командовал батареей дальнобойных 122-миллиметровых пушек. Войну закончил в Манджурии 2 сентября 1945 г., пройдя таким образом всю Отечественную войну с первого и до последнего дня.

В 1954 г. в звании майора и должности начальника штаба артиллерийского дивизиона был демобилизован из армии по состоянию здоровья. Затем учился в СЮИ, работал в суде и с 1965 г. трудился в СЮИ, СГАП. 15 лет П.В. Рамзаев руководил деканатом заочного факультета, в течение нескольких лет возглавлял кафедру гражданского права. Кандидат юридических наук, доцент. В 1997 г. ему присвоено Почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

За мужеством героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны против фашистской Германии и милитаристской Японии награжден орденами Отечественной войны I-й и II-й степени, Красной Звезды, медалями «За Отвагу», «За Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За Победу над Японией». В мирное время награжден орденом Дружбы народов. К сожалению, ранения, полученные на войне, дали о себе знать и 2 января 2010 г. Петра Васильевича не стало.

В первые месяцы Великой Отечественной войны бойцы Красной Армии несли большие потери, несмотря на это они сдержали мощное наступление немецких корпусов. Так, два месяца продолжалось Смоленское сражение, где немцы несли серьезные потери, но Москву и Кремль агрессору так и не позволили взять. Только под Смоленском противник потерял около 100 тыс. солдат и офицеров, огромное количество единиц боевой техники и транспорта.

В октябре 1941 г. враг рвался в Крым, однако жесткая оборона, героизм защитников, поддержка гражданского населения сорвали три наступления немцев, враг потерял под Севастополем в боях более 300 тыс. солдат.

Примером мужества, верности Родине может служить боевой путь краснофлотца **Николая Алексеевича Барина**ва. Из военного училища, в ноябре 1941 г. его направили в Крым, на керченское направление, где уже шли ожесточенные бои.



В них пулеметчик Н.А. Баринoв был дважды ранен. Первое ранение было легким, касательным (правой руки) и поэтому обошлось без госпитализации, второе — серьезным. В связи с ранением был эвакуирован в Черкесск, а затем — последовательно в Нальчик, Баку и Термез. Перенес сложную операцию по извлечению осколков мины.

После излечения в сентябре 1942 г. Н.А. Баринoв был направлен для дальнейшего прохождения службы на Закавказский фронт и назначен на должность сначала помощника командира минометного взвода, а затем — старшины минометной роты в 89-й отдельной стрелковой бригаде. С 1943 г. и до окончания Великой Отечественной войны Н.А. Баринoв находился в

Иране, где ему пришлось участвовать в различных военных операциях, а также в обеспечении безопасности проведения Тегеранской конференции лидеров стран-участниц антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритании), состоявшейся 28 ноября – 1 декабря 1943 г.

Н.А. Баринов был награжден многими правительственными наградами. Среди них орден Отечественной войны I-й степени, две медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

В марте 1947 г. Н.А. Баринов был демобилизован из армии и вернулся в Саратов. В 1949 г. поступил в СЮИ, который закончил экстерном в 1952 г.

Он прошел путь от следователя районной прокуратуры до старшего помощника прокурора Саратовской области по кадрам, с сентября 1967 г. и до последнего дня своей жизни — 30 декабря 2014 г. Н.А. Баринов — доктор юридических наук, профессор, преподавал, занимался активной научной деятельностью в СЮИ, СГАП, СГЮА, снискав уважение, любовь, благодарность коллег и многочисленных учеников. В 1998 г. Николай Алексеевич был удостоен почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Война принимала затяжной характер, к которой ни фашистская Германия, ни ее армия не были готовы.

30 сентября 1941 г. группа армий «Центр» перешла в наступление на Брянском участке, 2 октября — в направлении Вязьмы. Под Москвой развернулась гигантская битва — первая решающая битва Второй мировой войны.

Прорваться с ходу к Москве в октябре немцам не удалось. Большую роль в этом сыграли курсанты военных училищ, срочно поднятые по тревоге и брошенные против танковых колонн врага.

В октябре 1941 г. на главном направлении ценой своей жизни несколько дней сдерживали натиск противника курсанты Подольского пехотного и артиллерийского училищ и среди них **Василий Михайлович Манохин**, который окончил десятилетку за два дня до войны и поступил в Подольское артиллерийское училище. Двенадцать дней курсанты сражались с фашистскими частями под Мало-Ярославцем, неся потери и оказавшись в окружении. Но выстояли. За эти дни курсанты подбили около 100 немецких танков, фашисты потеряли только убитыми свыше 5 тыс. солдат и офицеров. Понесли большие потери и курсанты. Вернулись в Подольск только 400 человек из 2 тыс. В память о тех событиях одна из улиц в Москве названа «Улицей Подольских Курсантов».



В.М. Манохин прошел дорогами войны от Москвы до Берлина. В феврале 1942 г. — офицер-артиллерист, командир взвода, командир батареи на Западном фронте, Ленинградском фронте, Прибалтийских фронтах, 2-м Белорусском фронте, последние бои были в Германии, где и произошла встреча с англичанами и наступила Победа. Окончил войну капитаном, заслужил шесть боевых орденов, в их числе Александра Невского (награждались командиры частей и подразделений за умелый, победный бой при незначительных потерях), Отечественной войны I-й и II-й степени, Красной Звезды, орденом Польши «За заслуги на поле брани», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

С осени 1946 г. В.М. Манохин — в СЮИ в начале студент, аспирант, затем кандидат наук (1954) и доктор наук (1963), соответственно доцент и профессор.

В конце 1959 – начале 1960 гг. по поручению руководства вуза основал новую кафедру — кафедру административного права, которой заведовал 40 лет.

Уже в мирное время Заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ был награжден орденом Почета.

Зимой потрепанные немецкие корпуса были отброшены на 100–300 км на запад. Безумная идея о разгроме СССР в ходе «блицкрига» превратилась для Германии в поражение. Контрнаступление под Москвой в январе 1942 г. переросло в общее наступление Красной Армии по всему фронту: на северо-западе против немецких войск, блокировавших Ленинград. В битве за Ленинград принимали участие будущие преподаватели, сотрудники и студенты Саратовского юридического института. Среди них **Алексей Константинович Авдеенков** в



1941 г. он стал курсантом военно-политического училища пограничных войск НКВД, которое окончил в 1941 г. В течение года он занимал должность секретаря партбюро в заградительном батальоне 1-й дивизии НКВД Ленинградского фронта, а впоследствии был назначен комиссаром батальона 7-го пограничного полка той же дивизии.

О его подвиге на войне вспомнили уже в наше время. 5 июня 1998 г. в статье «Защитник Невского Пятачка жив» (Саратовские вести от 17 июля 1998 г.) написали о захоронении на Невском Пятачке погибших здесь солдат Великой Отечественной. Как сообщалось, они были погребены со всеми почестями, в том числе и найденные останки нашего земляка из города Ершова Алексея Капитоновича Авдеенкова, 1921 г. рождения, политрука 1-й роты, 1-го батальона, 7-го стрелкового полка, 1-й стрелковой дивизии НКВД.

Невский Пятачок представлял из себя небольшой участок земли (километр на километр), где погибло более 100 тыс. советских бойцов и командиров. Однако А.К. Авдеенков в этом «аду» был только тяжело ранен.

Через несколько дней после публикации статьи в редакцию Книги Памяти зашел сам «погибший и захороненный» капитан запаса. Он, волнуясь рассказал, как их рота занимала оборону в пятидесяти метрах от немцев. Пятачок был землей бесстрашия, защищали этот клочок земли только добровольцы. Копать нельзя — вода, поэтому приходилось обходиться без траншей и землянок. Убитых складывали в штабеля, служившие щитом для обороняющихся.

Бои шли очень тяжелые. Ливень огня, немцы наседали, наши стояли насмерть. Потери несли огромные. В критический момент защитники «Пятачка» вызывали на себя артогонь. Земля горела и была красной от крови. В этом кошмаре более суток никто не мог продержаться — или ранили, или убивали.

Политрук А.К. Авдеенков тоже долго не продержался: его тяжело ранили. Снарядом в клочья разорвало командирскую сумку, где находился медальон с адресом родственников. Его и нашли ребята из поискового отряда и поэтому решили, что он был убит вместе с другими защитниками Родины, они похоронили А.К. Авдеенкова. Но судьба сохранила жизнь Алексею Капитоновичу. После войны он окончил СЮИ, более 25 лет работал в органах прокуратуры Саратовской области. В СЮИ, СГАП занимал должность старшего лаборанта кафедры методологии криминалистики и технического обеспечения расследо-

вания преступлений, являлся одним из создателей музея криминалистики, вел значительную военно-патриотическую работу.

За исполнение воинского долга перед Отечеством А.К. Авдеенков был награжден высшими правительственными наградами: орденом Отечественной войны I-й и II-й степеней, орденом Красной Звезды, а также медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Ценой 872-дневной упорной обороны города и огромных потерь, ленинградцы оттягивали в период блокады значительные немецкие силы на себя, которые, в ином случае, были бы направлены к центру России.

В кровопролитных боях под Ленинградом в составе 1232-го стрелкового полка 370-й стрелковой Дальневосточной дивизии в качестве командира стрелковой роты сражался **Василий Николаевич Демьяненко**.

Лейтенант В.Н. Демьяненко участвовал в знаменитой Тихвинской операции (октябрь–декабрь 1941 г.), в результате которой не были осуществлены замыслы врага по полной блокаде Ленинграда.

Как вспоминал В.Н. Демьяненко: «Наши части наткнулись на упорное сопротивление врага. Зачастую приходилось атаковать опорные пункты, системы огня, которые не были до конца подавлены. Развернулось ожесточенное сражение на старинных русских землях, где каждый город, каждое село связано с тысячелетней историей России. В кровопролитном бою под г. Старая Русса (7–8 марта 1942 г.), когда уже удалось сломить сопротивление немцев в с. Курляндском, я был тяжело ранен. Двумя месяцами раньше на этой же земле погиб мой старший брат — лейтенант Александр Демьяненко, командир взвода 30-го отдельного лыжного батальона». Много лет спустя маршал Советского Союза А.М. Василевский с горечью скажет: «На первом этапе войны особенно большие потери были в среднем командном составе. Командиры взвода, роты, поднимающие людей в атаку, часто первыми и погибали» (Комсомольская правда. 1975. 30 апреля).



За мужество и героизм Василий Николаевич награжден орденом Отечественной войны I-й степени, орденом Красная Звезда, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг.».

В течение пятидесяти лет В.Н. Демьяненко работал в СЮИ после того, как окончил его с отличием в 1948 г. За заслуги в научной деятельности, укреплении законности и многолетнюю безупречную работу В.Н. Демьяненко было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР» и почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1998).

После окончания зимних боев 1941–1942 гг. германское командование меняет направление главного удара и пытается прорваться к нефтяным промыслам Майкопа, Грозного, Баку, перейти через Кавказский хребет и одновременно перерезать в районе Сталинграда Волгу как важнейшую транспортную артерию страны.

Смелость и отвагу в боях за Кавказ проявили женские авиационные полки, сформированные в Саратовской области М.М. Расковой, награжденной Звездой

Героя за участие в беспосадочном перелете Москва — Дальний Восток (1938). В их составе воевала штурман, гвардии старший сержант **Ольга Тимофеевна Голубева-Терес**.



В мае 1942 г. 588-й ночной легко бомбардировочный авиационный полк убыл на фронт и 27 числа вошел в состав 218-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии 4-й воздушной армии. Летчицы полка сражались на р. Миус, бомбили немецкие войска на переправах через Дон, в ходе битвы за Кавказ, участвовали в обороне Ставрополя, отражении немецкого наступления в районе Орджоникидзе и прорыве обороны на реке Терек.

В ноябре – декабре 1943 г. 46-й гвардейский ночной легкобомбардировочный авиационный полк принимал участие в Керченско-Эльтигенской десантной операции. Летный состав полка прикрывал десант в районе Эльтигена, подавляя огневые точки и прожекторы в районе

высадки.

В течение ноября – декабря 1943 г. гвардейские экипажи полка, в том числе и экипаж штурмана Голубевой, совершили 122 боевых вылета в район Эльтигена, сбросили на позиции врага 24,4 т авиабомб, а также доставляли своим войскам продовольствие. Всего к 1944 г. на ее личном счету было 156 боевых вылетов, во время которых было сброшено 1,5 т авиабомб.

На завершающем этапе войны, экипаж Голубевой участвовал в бомбардировках немецкой обороны в Крыму, Белоруссии, Польше, Восточной Пруссии, Померании и Чехословакии.

После окончания Великой Отечественной войны летом 1951 г. окончила Военный институт иностранных языков Советской Армии. В 1964 г. Ольга Тимофеевна переехала в Саратов, преподавала английский в СЮИ.

За героизм и мужество, проявленные в годы Великой Отечественной войны Ольга Тимофеевна Голубева-Терес награждена орденами «Красного Знамени», Отечественной войны I-й степени — дважды, Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За боевые заслуги» — дважды, «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

В кровопролитных боях за Сталинград в операции по прорыву обороны немцев на р. Дон в районе г. Калач в составе 2-й батареи, 87-го гвардейского минометного полка прославленных «Катюш», 66-й гвардейской стрелковой дивизии участвовал **П.А. Соколянский**.



18-летнему гвардии ефрейтору П.А. Соколянскому, призванному в мае 1942 г. в РККА, пришлось полной мерой «хлебнуть» испытать и горечь временных неудач, а потом и радость Победы.

После разгрома немцев под Сталинградом Петру Андреевичу довелось участвовать в освобождении городов Харькова, Киева, Одессы, в окружении и разгроме Яско-Кишиневской группировки, окружении и взятии

города Будапешта, в разгроме немецких войск у озера Балатон, в освобождении городов София и Белград, во взятии Бухареста и Вены.

Как свидетельствовал Петр Андреевич: «Население Болгарии, Югославии, Венгрии, Румынии со слезами радости на глазах горячо приветствовало нас, стремясь выразить свою благодарность. Угощали вином, фруктами, орехами, преподносили вышитые полотенца, носовые платки, огромные букеты цветов. Все это забыть невозможно, и какими жалкими, никчемными становятся потуги тех, кто пытается очернить и опорочить героическое прошлое нашего народа».

За проявленную в боях храбрость и мужество награжден орденом Славы III-й степени и медалями «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

После войны П.А. Соколянский окончил СЮИ и с 1976 по 1998 г. работал юрисконсультом СЮИ.

В результате разгрома немцев под Сталинградом к весне 1943 г. наши войска в ходе зимнего наступления выдвинулись в сторону противника до 300–400 км по фронту и в глубину, образовав огромный выступ — так называемую Орловско-Курскую дугу, где и развернулось переломное сражение Великой отечественной войны.

В боях на Орловско-Курском направлении отважно сражался командир танкового взвода, 49-й танковой бригады, выпускник Орловского бронетанкового училища им. М.В. Фрунзе — **Григорий Иванович Болдырев**.

За умелое ведение боевых действий в 1942 г. лейтенант Г.И. Болдырев был награжден орденом Красной Звезды. В 1943 г. он уже капитан, командир танковой роты участвовал в знаменитом танковом сражении под Прохоровкой. За героизм и мужество проявленные в боях с врагом в составе 111-й танковой бригады, 25-го танкового корпуса, 13-й Армии, 1-го Украинского Фронта он был награжден вторым орденом Красной звезды.

В 1944 г. майор Г.И. Болдырев был назначен заместителем начальника штаба 111-й танковой Ново-Волынской бригады. И в этом же году награжден орденом Отечественной войны II-й степени. За время боев был трижды ранен, один раз тяжело.

В мае 1944 г. откомандирован на учебу в Академию бронетанковых и механизированных войск им. И.В. Сталина. После окончания Академии до 1957 г. работал в штабах ЮГВ (южная группа войск).

В 1958 г. по состоянию здоровья полковник Болдырев был демобилизован. В октябре 1967 г. Григорий Иванович пришел на кафедру гражданской обороны в СЮИ.

Противник, проиграв сражение под Курском, начал отход к Днепру. Продолжая наступление по всему фронту, части Красной Армии рассекли немецкую оборону и начали операции по разгрому отдельных группировок противника. Логическим завершением стратегической Орловско-Курской операции стало освобождение Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики.

Свой вклад в освобождение Украины и захват плацдармов на другом берегу р. Днепр внес лейтенант **Владимир Кириллович Венцов (Венцель)**, до войны работавший помощником повара в столовой СЮИ.

Боевой путь В.К. Венцова (Венцеля) начинался непросто. Первоначально в призыве в армию ему было отказано, т.к. он являлся немцем, поэтому вынужден был выдать себя за лицо другой национальности.

В.К. Венцов (Венцель) с октября 1941 г. сражался на Западном, Юго-Западном, Брянском и Центральном фронтах в должности командира пулеметного взвода, затем роты 1185-го стрелкового полка 356-й стрелковой дивизии.



Но особенно отличился В.К. Венцов в тяжелых боях при форсировании Днепра. Рота под его командованием первой в полку форсировала Днепр у п. Любеч и захватила небольшой плацдарм. 19-летний офицер лично вел огонь по контратакующему противнику из станкового пулемета, но погиб смертью храбрых, уничтожив в этом последнем бою десятки гитлеровцев.

За этот ратный подвиг Владимир Кириллович Венцов (Венцель) был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно.

Не давая немцам передышки, войска Красной Армии освободили Киев, с ходу форсировали Южный Буг, Днестр, десятки других рек, освободили Херсон, Николаев, в начале апреля — Одессу. Преодолев реку Прут, войска 3-го Украинского фронта вышли на южную границу СССР и перенесли боевые действия на территорию Молдавии, Белоруссии, Прибалтики.

В битве за освобождение Украины участвовала командир отделения взвода пешей разведки, ефрейтор **Таисия Максимовна Масюкова**. В июле 1941 г. Таисия Максимовна ушла добровольцем на фронт. Место призыва: Кировский РВК, г. Саратов. С великой грустью и со слезами на глазах она вспоминает те события: «Война застигла нас сразу после школы. Был выпускной бал и через месяц мы всем нашим выпуском пошли на фронт.



Т.М. Масюкова воевала в составе 574-го стрелкового полка 121-й Рылъской стрелковой дивизии, наравне с мужчинами. Первую свою медаль «За Отвагу» ефрейтор Масюкова получила в бою за населенный пункт Никольниково 30 августа 1943 г., когда огнем из автомата уничтожила 27 гитлеровцев, а 3-х захватила в плен.

В конце сентября 574-му полку, где служила Т.М. Масюкова, была поставлена боевая задача — форсировать Днепр. В конце сентября ночью у села Григорьевка в районе сильной трехъярусной обороны немцев по крутому берегу Днепра батальон форсировал реку и захватил плацдарм, который удерживал, несмотря на минометный и артиллерийский обстрел.

После переправы через Днепр во взводе из 27 человек осталось 15. В этом бою Таисию Максимовну контузило.

Потом 574-й полк участвовал в освобождении г. Киева. Т.М. Масюкова была награждена второй медалью «За отвагу». За освобождение Киева 121-й стрелковой дивизии было присвоено звание Киевской.

За подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, Т.М. Масюкова была награждена орденом Отечественной войны I-й степени, орденом «Красной Звезды», двумя медалями «За Отвагу», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После демобилизации в 1945 г. Таисия Максимовна поступила и в 1949 г. окончила Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского. В дальнейшем работала в партийных органах. С 1964 г. по 1999 г. являлась заведующим кабинетом кафедры истории и социологии Саратовского юридического института им. Д.И. Курского.

В боях по уничтожению Яско-Кишиневской группировки противника в августе 1944 г. участвовал командир минометной роты 2-го Украинского фронта лейтенант **Борис Вениаминович Виленский**.

Борис Вениаминович Виленский в 1941 г. ушел на фронт и закончил войну в 1945 г. Воевал на 2-м Украинском фронте, был минометчиком.

23 августа 1944 г. в ходе наступательных боев в районе с. Столничень минометчики роты лейтенанта Б.В. Виленского при штурме дотов вели огонь по траншеям противника, не давая ему возможности для контратаки. Борис Вениаминович, находясь непосредственно в боевых порядках пехоты, корректировал огонь минометов и подавил огонь трех станковых пулеметов, уничтожив в результате более 20 румынских солдат.

В феврале 1945 г. командир роты Б.В. Виленский умело организовал огонь своих минометов по высоте 328 м при прорыве обороны в районе с. Челтово, чем обеспечил успешное продвижение пехоты своего батальона и уничтожил в этом бою до 30 солдат и офицеров, подавил огонь 3-х минометов противника.

За свой ратный подвиг Б.В. Виленский награжден орденами Отечественной войны I-й и II-й степени, Красной звезды и другими медалями.

После окончания юрфака при Киевском госуниверситете в 1952 г. Борис Вениаминович был принят на работу в СЮИ. Доктор юридических наук, профессор. В 1969 г. он основал кафедру истории государства и права, которой руководил более 15 лет. Борис Вениаминович скончался в 1991 г.

В освобождении Правобережной Украины и Молдавии также участвовал **Владлен Александрович Дубривный**.

В феврале 1943 г. он был призван в ряды Советской Армии и направлен в качестве курсанта в 7-й учебный воздушно-десантный полк, где прошел обучение в школе младших командиров. С апреля по август 1943 г. Дубривный — стрелок 9-го запасного полка резерва Ставки Главнокомандующего; в сентябре 1943 г. был направлен на 2-й Украинский фронт, где воевал автоматчиком в составе 10-й гвардейской механизированной бригады до октября 1944 г.

Первый свой бой под г. Кировоградом В.А. Дубривный провел в качестве танкового десантника-автоматчика. В этом бою гранатами он уничтожил немецкий пулеметный расчет и спас жизнь командиру роты, хотя сам был ранен.



В октябре 1944 г. направлен на обучение во 2-е Ростовское училище самоходной артиллерии, а после его расформирования, в 1946 г. демобилизовался из Армии. Затем учился в СЮИ, работал в прокуратуре, защитил кандидатскую диссертацию, перевелся в СЮИ, где проработал последующие 38 лет. Профессор, заслуженный юрист РФ, «Почетный работник прокуратуры».

За участие в боевых действиях по освобождению Отечества Владлен Александрович Дубриный был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Его сердце остановилось 24 августа 2003 г.

В результате Яско-Кишиневской операции советские войска разгромили группу армий «Южная Украина», разбили почти все румынские дивизии, находившиеся на фронте, захватили более 200 тысяч пленных, свыше 2-х тыс. орудий, 340 танков и штурмовых орудий, около 18 тыс. автомашин и другую боевую технику, уничтожили 490 танков и штурмовых орудий, 1,5 тыс. орудий, около 300 самолетов. Были освобождены Молдавия и значительная часть территории Румынии, открыта дорога на Балканы.



В освобождении Белоруссии, Прибалтики и Восточной Пруссии в составе 621-го Оршанского Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени штурмового авиационного полка, 307-й штурмовой авиационной дивизии, 3-й штурмовой авиационной армии участвовал **Владимир Алексеевич Теплов**.

Владимир Алексеевич Теплов в декабре 1940 г. был призван в ряды Красной Армии и направлен учиться на штурмана самолета в Ташкентскую военную авиашколу. С августа 1942 г. и до конца войны летал всю войну на знаменитом штурмовике Ил-2 стрелком-радистом. В 1943 г. В.А. Теплов, будучи на Брянском фронте, сбил первый самолет противника ФВ-190, за что был награжден орденом Красной Звезды. При следующем вылете на штурмовку немецких танков получил тяжелое ранение в ноги, но несмотря на это, экипаж продолжал выполнять боевое задание и только после возвращения на аэродром В.А. Теплов был отправлен в госпиталь. После выздоровления продолжал летать на боевые задания. Воевал на Курской дуге, на 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах, участвовал в освобождении Вильнюса, Каунаса, Шауляя и других городов Литвы и Латвии, а также Восточной Пруссии. В составе полка Ил-2 участвовал в проведении боевых операций на 1-м Украинском фронте на Сандомирском плацдарме в Польше, в Висло-Одерской и Берлинской операциях в Германии, а затем в освобождении столицы Чехословакии Праги. За время боевых действий стрелком-радистом В.А. Тепловым было сбито 9 вражеских истребителей. Демобилизовался из армии в конце 1945 г.

За боевые заслуги награжден орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «Завзятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1951 г. после окончания Саратовского юридического института 33 года работал в судебных органах. В 1984 г. перешел на работу в СЮИ. Кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РСФСР отдал делу обучения и воспитания студентов 14 лет.

В боях за освобождение Прибалтики участвовал лейтенант **Дмитрий Павлович Рассейкин**. 12 июля 1941 г. он добровольно ушел на фронт и до конца Великой Отечественной войны находился в действующей армии, был военным следователем 145-й стрелковой дивизии, 43-й Армии, 1-го Прибалтийского Фронта, принимал участие в боях. Был ранен, контужен. Так, 7 октября 1944 г. в «наступательном бою за поселок Лукнишки Литовской ССР Д.П. Рассейкин первым ворвался в поселок и установил красный флаг на здании костела и тем самым увлек всех наступающих красноармейцев и командиров на успешное завершение боя».

За проявленную в боях храбрость награжден орденами «Отечественной войны 1-й степени», «Красной Звезды», медалями «За Отвагу», «За боевые Заслуги», «За Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После демобилизации из Советской Армии в начале 1946 года Наркоматом юстиции СССР был направлен в Ташкентский юридический институт, где проработал 12 лет доцентом.

С ноября 1957 г. Д.П. Рассейкин перевелся в Саратовский юридический институт и работал заведующим кафедрой криминалистики. С его приходом кафедра, состоявшая из 4-х человек, выросла в большой коллектив, самый большой по своей численности в институте. Много внимания Д.П. Рассейкин уделял подготовке кадров преподавателей, научных работников в области криминалистики. Под его руководством подготовлен и защищен ряд кандидатских диссертаций. Была проведена большая работа по созданию криминалистического музея и оформлению кабинета кафедры.

В 1968 г. Д.П. Рассейкин успешно защитил докторскую диссертацию. Им написано свыше 30-ти научных работ, в т.ч. 4 монографии, в частности по вопросам борьбы с преступностью, уголовной регистрации и др.

Д.П. Рассейкин скончался на 64-м году жизни 15 июля 1973 г. .

В завершающих операциях Великой Отечественной войны в Европе участвовал **Александр Павлович Чугунов**.

После окончания школы в августе 1942 г. был призван в ряды Красной Армии и направлен в Саратовское военно-пехотное училище. Закончил его с отличием и командование предложило ему должность командира учебного взвода в училище, но Александр попросился на фронт.

В ноябре 1943 г. младший лейтенант Чугунов стал командиром взвода управления батареи 76-миллиметровых пушек. В этой должности воевал до Победы.

Александр Павлович освобождал Молдавию, Югославию, Венгрию и Австрию. Был ранен и контужен. Победу встретил в австрийском г. Грац. Затем служил в Румынии и Болгарии. В 1948 г. старший лейтенант А.П. Чугунов демобилизовался и поступил в Саратовскую юридическую школу, решил посвятить свою жизнь борьбе с преступностью. Работал в прокуратуре на различных должностях и заочно учился в СЮИ. В 1980 г. Александр Павлович Чугунов назначается



Приволжским (Саратовская, Волгоградская и Астраханская области) транспортным прокурором.

Кавалер орденов Отечественной войны, Красной Звезды и Знака Почета, награжден медалью «За отвагу», «За освоение целинных земель». Заслуженный юрист РСФСР, Почетный работник прокуратуры России, государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Александр Павлович Чугунов прослужил в органах прокуратуры более 40 лет.

С 1990 г. работал доцентом кафедры правосудия и прокурорского надзора, передавая свой богатейший опыт юриста студентам. Умер в 2019 г.

Тяжелыми дорогами войны также прошли профессора, доценты, сотрудники Академии: **В.В. Гаврилов, В.Н. Горшков, С.С. Гримович, Е.М. Бабушкин, Р.И. Бажанов, П.П. Башаров, Ю.А. Белый, В.М. Быков, А.М. Витченко, Г.В. Воронков, В.В. Дементьев, В.Н. Заботкин, А.И. Казаков, Я.Е. Камейко, Ф.С. Князев, В.С. Кононов, А.П. Лобанов, С.А. Лыгин, П.И. Медведев, И.С. Ной, В.А. Тархов, К.Ф. Тихонов, И.Е. Фарбер, М.Н. Хлынцов** и др.

Во время войны многие наши преподаватели и сотрудники трудились в тылу. Это заведующая кафедрой иностранных языков **М.С. Аншакова**, кандидат юридических наук, доцент, отличник высшей школы СССР **Н.А. Акинча**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Всероссийской академии естественных наук **М.И. Байтин**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ **М.А. Вукот, Р.Н. Алимова, В.Ф. Баконов, Р.А. Лапова** и др.

* * *

В 1945 г. закончилась самая кровопролитная и жестокая война, развязанная кликой Гитлера, война, в которой основная тяжесть легла (как по количеству сражавшихся на фронтах — около 13 млн человек на конец войны, так и по числу погибших — более 27 млн человек — 40% всех жертв, против 360 тыс. англичан и 400 тыс. американцев, а также по материальным потерям) на плечи советского народа. От боевых действий и фашистского террора особенно пострадала Европа, где погибли 40 млн человек.

Победили в той войне благодаря чувству высочайшего патриотизма, дружбе народов СССР. Бок о бок сражались татарин и русский, грузин и белорус, узбек и украинец и т.д.

Нелегко досталась Великая Победа. Свой посильный вклад в нее внесли наши земляки и, в частности, те, кто работал и учился в Саратовской юридической академии.

Низкий поклон Вам, дорогие ветераны! О Вашем подвиге и героизме будет вспоминать не одно поколение наших соотечественников.

*Ректорат,
Совет ветеранов*

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10033

УДК 340

Ю.А. Кондрашов

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СОБЫТИЙ

Введение: одной из важных задач для эффективного правового регулирования является изучение юридических фактов-событий в динамике различных правоотношений. **Цель:** проанализировать и выявить полную классификацию событий как вида юридических фактов. **Методологическая основа:** диалектический метод, анализ, формально-юридический. **Результаты:** юридические события в настоящее время выступают как процессы, которые могут управляться человеком. Поэтому, можно сделать вывод, что как таковые, события исчезают. Явлений, не зависящих от воли и сознания человека, становится намного меньше. **Выводы:** дальнейшее развитие вопроса юридической природы событий имеет как научную, так и практическую ценность. Классификация юридических фактов-событий, по мнению многих ученых, является многоаспектным, собирательным явлением, которое позволит совершенствовать правоприменительную практику.

Ключевые слова: юридическая природа событий, юридические факты, юридические события, классификация юридических событий, правоотношения.

Yu.A. Kondrashov

LEGAL NATURE OF EVENTS

Background: one of the important tasks for effective legal regulation is to study legal facts-events in the dynamics of different legal relations. **Objective:** analyze and identify the full classification of events as a type of legal facts. **Methodology:** dialectical method, analysis, formal-legal. **Results:** in general, legal events now act as processes that can be controlled by a person. Therefore, we can conclude that, as such, events disappear. The phenomena that are not dependent on the will and consciousness of a person become much less. **Conclusions:** the further development of the issue of the legal nature of events has both scientific and practical value. The classification of legal facts and events, according to many scholars, is a multidimensional, collective phenomenon that will improve the law-enforcement practice.

Key-words: legal nature of events, legal facts, legal events, classification of legal events, legal relations.

*«Я называю события, вызывающие возникновение
или окончание правоотношений,
юридическими фактами»
Фридрих Карл фон Савиньи*

Многие явления реальной действительности, которые происходят независимо от человеческой воли, могут нести функции предпосылок к фактам возникновения, изменения или прекращения юридических правоотношений. Подчеркнем, что такие явления соотносятся с понятием юридического факта, точнее с такой его разновидностью как событие.

Понятие события (фр. e-venement от e-venit, лат. буквально «выходить наружу», «появляться») неразрывно связано со временем. Ведь сложно понять «время» без «событий», которые в нем происходят.

Событие возможно охарактеризовать некоторыми чертами.

Во-первых, протяженностью во времени. Событие не происходит каждый момент, что отличает его от понятия момента.

Во-вторых, независимостью от воли и сознания человека. Событие является неким потрясением, своеобразной точкой между прошлым и будущим.

Похоже, что событие как понятие оказалось более широким, чем момент, в который они происходят и они не могут в нем поместиться целиком [1, с. 119.].

Гуманитарные науки определяют понятие «событие» как единый и целостный одномоментный процесс, проистекающий в широких временных рамках. Однако во времени данный процесс «не сводится к математической точке, а имеет временную структуру и протяженность» [2, с. 225.].

Событие, как юридический факт, отражено в праве и влечет юридические последствия.

Юридический факт является определенным жизненным обстоятельством, который закреплен в гипотезе нормы права и наступление которого вызывает юридические последствия для возникновения, изменения или прекращения правоотношений.

Характер юридических последствий и воля участников правоотношений являются критериями классификации юридических фактов.

Например, в ст. 8 ГК РФ имеется перечень юридических фактов, однако исчерпывающим он не является. Правовые отношения возникают в следствие различных фактов, которые, в том числе не имеют закрепления в законодательстве. Для юридических фактов характерны определенные признаки, без которых их существование невозможно. Во-первых, любой юридический факт будет являться определенным жизненным обстоятельством, которое предусмотрено правовой нормой, предопределяющей его юридические свойства. Во-вторых, любой юридический факт должен содержать определенную информацию о конкретном виде общественных отношений, вызывающую последствия в правовом поле.

Юридические факты в совокупности с нормами права должны определять содержание прав и обязанностей участников правоотношений. Важно понимать, что довольно часто для возникновения или прекращения правоотношения необходимо выявить несколько юридических фактов, совокупность которых называется юридическим составом.

Явления, которые подвластны человеческой воле, называют действиями, а юридически значимые факты, возникающие помимо человеческой воли и сознания, называют событиями.

Все юридические факты (действия и события) приводят к абсолютно разным последствиям, поэтому их можно классифицировать на: правообразующие (например, человек, пострадавший от наводнения имеет право на материальную помощь), правоизменяющие (например, вуз изменяет плату за обучение), правопрекращающие (например, расторжение брака в связи со смертью супруга), правоподтверждающие, правовосстанавливающие и правопрепятствующие.

Все события можно также подразделить на абсолютные и относительные.

Те явления, которые возникают и развиваются независимо от волевой деятельности субъектов, будут абсолютными событиями. К примеру, стихийные бедствия (наводнение, засуха, землетрясение, вьюга и т.п.) и другие природные явления (разломы и обвалы, падение метеорита и т.п.).

Относительными будут являться события, которые всегда возникают по воле субъектов, но развиваются независимо от воли таковых (например, рождение ребенка).

Важно понять, что смерть человека, которого лишили жизни — это событие относительное. Хотя такое событие, как смерть, возникло в результате волевых действий преступника, однако, остановка (прекращение) жизнедеятельности организма потерпевшего, уже от воли убийцы не зависит.

Довольно схожи с относительными событиями сроки. В юридической литературе как самостоятельный вид юридических фактов выделяют понятие срока [3, с. 21–22.]. Необходимо иметь в виду, что юридическое значение имеет не истечение времени календарного, а истечение определенного срока, наступление определенного момента и т.п. Даже в том случае, когда срок точно не определен для значения юридического факта имеет смысл не время вообще, а его истечение [4].

В настоящее время понятие срока обычно рассматривается исходя из нескольких положений. Срок, как средство фиксации ограничения во времени, возможности пересмотра совершенного юридически значимого акта, и срок, как средство обеспечения упорядоченности ритма правовой жизни, с помощью которого достигается определенность в правоотношениях и обеспечивается оперативность в совершении действий, связанных как с выполнением субъективной юридической обязанности стороны правоотношения, так и с возможностью воспользоваться субъективным юридическим правом [5, с. 164].

Наступление (или истечение) срока может автоматически породить, изменить или прекратить определенные права и обязанности. Также наступление (или истечение) срока может породить определенные правовые последствия вместе с некоторым поведением субъектов. Поэтому сроки всегда играют самостоятельную роль в механизме правового регулирования общественных отношений.

Рождение человека, его смерть, различные природные и техногенные явления (снегопад, дождь, наводнение, авария, катастрофа), а также и социальные явления (забастовки, восстания) можно отнести к событиям.

События — это самостоятельный тип юридических фактов. Они становятся таковыми, если устанавливаются законом и имеют социально-правовую значимость для субъекта правоотношения.

Различают события, наступающие независимо от воли человека, которые не могут быть, при определенных конкретных обстоятельствах, предвидимы и предусмотрены. Также различают определенные случайные действия, лишенные элементов вины, хотя внешне имеющие признаки правонарушения, которые не влекут юридической ответственности. Данные вышеизложенные виды случаев связаны с понятием казуса.

В составе казуса выделяют непреодолимую силу. Это тоже событие, однако, характеризующееся как абсолютное. Такое событие касается не одного лица, совершающего определенные действия (бездействия), а неопределенного числа иных лиц.

Необходимо учитывать, что исполнение различных обязательств при непреодолимой силе должно объясняться не затруднительностью такого исполнения, а его невозможностью.

Также события различают по иным критериям. Например, О.А. Красавчиков также относил к событиям «естественную убыль товаров (усушку и утруску) при их транспортировке» [6, с. 60].

События природного, экологического, техногенного и социального характера классифицируются по сфере возникновения.

Можно выявить события общего характера — коммерческие и бытовые. Коммерческие подразделяются по отраслям хозяйственной деятельности (например, транспортные, банковские, в строительстве, промышленности, лесном хозяйстве). К коммерческим событиям можно отнести неплатежеспособность, монополизм, политическую нестабильность и др. [7]

Весомое значение имеет классификация юридических событий по критерию воздействия на поведение уполномоченных органов, выделяют обычные и чрезвычайные события.

События, требующие фиксации их наступления, являются обычными (например: рождение, смерть).

Для событий чрезвычайных требуется вмешательство и принятие экстренных мер, направленных на борьбу с негативным событием (например, в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, имущество, в интересах общества по решению государственных органов, может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества¹).

В зависимости от наступающих юридических последствий, юридические факты подразделяются на правопозитивные (такие события влекут юридические последствия без воздействия на ход правоотношения (подача искового требования, возражения) и правозастырающие.

В юридической литературе можно встретить классификацию событий по критерию повторяемости. Выделяют периодические (например, снегопады и дожди) и уникальные (например, солнечное затмение) юридические события. Такое деление юридических событий можно считать условным, поскольку для некоторых географических мест дождь или снег будут являться уникальным событием.

¹ См. ст. 242 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 18 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2019. № 29, ч. I., ст. 3844.

Моментальные и протяженные события также следует разделить: моментальными будут различные происшествия; протяженными — различные процессы.

По характеру последствий стоит обратить внимание на обратимые и необратимые юридические события. Необратимым событием, которое неизбежно должно наступить, будет являться течение срока и времени в праве. Но основное количество юридических событий является обратимым, поскольку их, как правило, рассматривают с позиции возможности восстановления правовых последствий.

Вместе с тем выделяют персональные, коллективные и массовые юридические события.

В общей массе юридические события в настоящее время выступают как процессы, которые могут управляться человеком. Поэтому, можно сделать вывод, что как таковые события исчезают. Явлений, не зависящих от воли и сознания человека, становится намного меньше.

Научно-технический прогресс помогает расширить возможности человека воздействовать на такие явления, в результате «круг юридических событий постепенно сужается, поскольку сокращается диапазон явлений, не зависящих от воли человека» [8].

Представляется, что для повышения эффективности правового регулирования, изучение юридических событий, как вида юридических фактов, в динамике различных правоотношений, является одной из важных задач.

Дальнейшее развитие вопроса юридической природы событий имеет как научную, так и практическую ценность. Классификация юридических фактов-событий, по мнению многих ученых, является многоаспектным, собирательным явлением, которое позволит совершенствовать правоприменительную практику.

Библиографический список

1. *Жюльен Ф.* О «времени». Элементы философии «жить» / пер. с фр. В.Г. Лысенко. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 280 с.
2. *Хасанов Ильгиз А.* Время как объективно-субъективный феномен: словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 328 с.
3. *Исаков В.Б.* Юридические факты в российском праве. М.: Юстицинформ, 1998. 48 с.
4. *Кондрашов Ю.А.* Фактор времени в юридической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 22 с.
5. *Кулапов В.Л., Кондрашов Ю.А.* Фактор времени в юридической деятельности. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. 162 с.
6. *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
7. *Гражданское право: учебник для вузов / под ред. В.В. Залесского, М.М. Рассолова.* М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. 703 с. (Серия «Dura lex, sed lex».)
8. *Воронин А.Е.* Юридические факты-события в российском праве: общетеоретический анализ: автореф... дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 20 с.

References

1. *Julien F.* On “Time”. Elements of the Philosophy of “Live” / Transl. from French by V.G. Lysenko. Moscow: Progress-Tradition, 2005. 280 p.
2. *Hasanov Ilgiz A.* Time as an Objective-Subjective Phenomenon: a dictionary. Moscow: Progress-Tradition, 2011. 328 p.
3. *Isakov V.B.* Legal Facts in Russian Law. Moscow: Justicinform, 1998. 48 p.

4. *Kondrashov Yu.A.* Time Factor in Legal Activity: extended abstract of dis. ... cand. of law. Saratov, 2012. 22 p.
5. *Kulapov V.L., Kondrashov Yu.A.* Time Factor in Legal Activity. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2014. 162 p.
6. *Krasavchikov O.A.* Legal Facts in Soviet Civil Law. Moscow: Gosyurizdat, 1958. 183 p.
7. Civil law: textbook for high schools / under the editorship of V.V. Zalessky, M.M. Rassolova. Moscow: UNITY-DANA, Legality and law, 2002. 703 p. (Series «Dura lex, sed lex».)
8. *Voronin A.E.* Legal Facts-Events in Russian Law: General Theoretical Analysis: extended abstract of dis. ... cand. of law. Vladimir, 2008. 20 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10034

УДК 340.1; 34.03

А.Г. Репьев, К.А. Васильков

«ПРЕВЕНЦИЯ» КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: В ПОРЯДКЕ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

Введение: авторами предпринята попытка рассмотрения юридического феномена «превенция» с позиции категории права, т.е. наиболее общего понятия правоведения, отражающего существенные связи и свойства явлений, охватывающих деятельность по предупреждению, профилактике, пресечению противоправных деяний. **Цель:** положить начало научной дискуссии относительно теоретического восприятия всего понятийного ряда, отражающего сферу предупреждения и профилактики преступлений, административных правонарушений и иных видов деликтов с целью его унификации, а также приведения к единообразию, конкретизации. **Методологическая основа:** общетеоретический анализ понятий «предупреждение», «пресечение», «профилактика», совокупность диалектического и системного методов исследования, формально-юридический подход, герменевтика. **Результаты:** выдвигается гипотеза о том, что содержание явлений «предупреждение», «пресечение», «профилактика» охватывается категорией «превенция». **Выводы:** используя общенаучные и частные методы исследования, такие как: диалектический, формально-юридический, толкования и интерпретации, рассматривается этимология категории «превенция», выделяются качественные признаки.

Ключевые слова: правовая категория, профилактика, предупреждение, превенция.

A.G. Repyev, K.A. Vasilkov

“PREVENTION” AS A LEGAL CATEGORY: IN THE ORDER OF SCIENTIFIC DISCUSSION

Background: the authors made an attempt to consider the legal phenomenon of “prevention” from the position of the category of law, i.e. the most general concept of jurisprudence, reflecting the essential connections and properties of phenomena covering activities for the prevention, prevention, and suppression of illegal acts. **Objective:** to initiate a scientific discussion regarding the theoretical perception of the entire conceptual series, reflecting the scope of crime prevention and prevention, administrative offenses and other types of tort in order to unify it, as well as bring it to uniformity and concretization. **Methodology:**

© Репьев Артем Григорьевич, 2020

Кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия), заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел (Барнаульский юридический институт МВД России); e-mail: repyev-artem@yandex.ru

© Васильков Константин Александрович, 2020

Следователь отдела МВД России по Первомайскому району Алтайского края (г. Новоалтайск); e-mail: konstantin.vasilkov.95@mail.ru

© Repyev Artem Grigoryevich, 2020

Candidate of Law, Associate professor, doctoral student, Theory of state and law department (Saratov State Law Academy), Deputy head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies (Barnaul Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

© Vasilkov Konstantin Aleksandrovitch, 2020

Investigator of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation on the Pervomaysky District of the Altay territory (Novoaltaysk)

general theoretical analysis of the concepts of “prevention”, “suppression”, “prevention”, a combination of dialectical and systemic research methods, a formal legal approach, hermeneutics. Results: a hypothesis is put forward that the content of the phenomena “warning”, “suppression”, “prevention” is covered by the category “prevention”. Conclusions: using general scientific and private research methods, such as: dialectic, formal legal, interpretation and interpretation, the etymology of the category of “prevention” is considered, qualitative features are highlighted.

Key-words: legal category, prevention, prophylaxis, warning.

На сегодняшний день первостепенное направление по борьбе с проявлениями антиобщественного поведения граждан законодательство определяет через институт профилактики. Данное понятие включает в себя перечень мер, закрепленных в федеральных и ведомственных нормативных правовых актах, а также способов недопущения антиобщественных деяний и сопутствующих им процессов политического, экономического характера.

Несмотря на продолжительную историю и эволюцию института государственного предупреждения, данный вопрос в достаточной мере не разработан. Цели, задачи, методы, средства, способы такой реакции аппарата власти на деликтное поведение граждан регламентированы разрозненными нормативными правовыми актами (от федерального до локального уровней), хотя в своем сочетании, должны представлять собой единую систему.

Вступление в силу Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в корне не изменило ситуацию, поскольку, мы полагаем, что всю деятельность органов государства (и правоохранительного, и, например, социального, медицинского, образовательного профилей) термин «профилактика» не охватывает. Полагаем, что применительно к юридической сфере не сможет этого сделать и слово «предупреждение». Попробуем аргументировать свою позицию.

Исключительно в юридическом ключе (не учитывая медицинский аспект в виде перечня мер, направленных на поддержание иммунитета человека) термин «профилактика» осознанно употребляется в названии и содержательной части по меньшей мере десяти федеральных законов. Относительно слова «предупреждение» количественное значение использований в нормативных правовых актах будет сопоставимым. Кроме того, его технико-юридическое свойство характеризуется высокой омонимичностью.

В частности, предупреждение связывается законодателем с системой каких-либо мер по недопущению наступления неблагоприятных для общества последствий, результатов чьей-либо деятельности. К примеру, предупреждение лесных пожаров¹, или финансирования терроризма². Вторым вариантом толкования данного термина является его восприятие как сигнала, предостерегающего субъекта от чего-либо. Таким сообщением может считаться «предупреждение

¹ См.: Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2019 г.), ст. 53.1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 50, ст. 5278; 2018. № 30, ст. 4547.

² См.: Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (в ред. от 2 августа 2019 г.), гл. 2 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33, ч. I, ст. 3418; 2018. № 18, ст. 2560.

залогодержателя о правах третьих лиц на предмет ипотеки», осуществляемое залогодателем в письменной форме³. Наконец, в третьей интерпретации «предупреждение» рассматривается с позиции пенологии, т.е. как вид и (или) мера наказания, один из наиболее мягких по своей природе (как правило, дисциплинарного или административного характера), выносимый в виде порицания и предостерегающий субъект от дальнейшего противоправного поведения⁴.

Приведенные доводы, как полагаем, актуализируют предпринятую нами попытку выделения родового понятия, объединившего бы все видовые, что в свою очередь позволило бы унифицировать не только систему законодательства, но и правоприменительную практику. Обратимся для этого к правовой доктрине, уделив внимание этим терминам в значении рода деятельности, направленного на недопущение противоправного поведения. Дискуссии ученого сообщества относительно этого вопроса не прекращаются.

К примеру, В.Н. Бурлакова определяет предупреждение преступлений как «деятельность государственных органов и иных, в том числе общественных организаций, осуществляемая с целью стабилизации преступности на социально терпимом уровне посредством устранения или нейтрализации порождающих ее причин» [1, с. 134].

Мнение автора, несмотря на основательность, нуждается в уточнении. Такие оценочные конструкции, как «стабилизация преступности», «социально терпимый уровень» не способствуют внесению ясности, однородности в понятийный аппарат науки. В такой ситуации представить себе конечный, социально-приемлемый результат будет весьма сложно.

В свою очередь, М.А. Коржев пишет, что «предупреждение преступлений в более узком, прикладном значении представляет собой деятельность, направленную на недопущение их совершения путем выявления и устранения причин преступлений, условий, способствующих их совершению, оказания предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением» [2, с. 76].

Подход, предложенный автором, существенно сужает адресата мер государственного предупреждения. Известно, что эти меры могут быть как общего характера (профилактическая беседа участкового уполномоченного полиции с гражданином во время обхода административного участка; выступление инспектора подразделения по делам несовершеннолетних на собрании учащихся и их родителей), так и индивидуального (проверка по месту жительства лица, состоящего на учете в органах внутренних дел; посещение гражданина с целью контроля за условиями хранения гражданского огнестрельного оружия).

Г.Г. Смирнов определяет предупреждение преступности как «совокупность экономических, социальных, политических, идеологических, правовых и иных мер, осуществляемых на общесоциальном и специально-криминологическом уровнях, путем профилактики, предотвращения и пресечения преступлений в целях их недопущения» [3, с. 156].

³ См.: Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (в ред. от 2 августа 2019 г.), ст. 12 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 29, ст. 3400; 2017. № 31, ч. 1, ст. 4766.

⁴ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 2 августа 2019 г.), ст. 3.4 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2019. № 10, ст. 893.

Полагаем, что данная трактовка рассматриваемого термина наиболее полно отражает его сущность и включает в себя, помимо всего прочего, предотвращение и пресечение в рамках единой деятельности по недопущению совершения противоправных деяний всеми участниками общественных отношений.

Перейдя к соотношению терминов «предупреждение» и «профилактика», тезисно остановимся на толковании данного вопроса отдельными авторами. В частности, отмечается: «понятия „профилактика” и „предупреждение” правонарушений соотносятся между собой как часть и целое. Без профилактики не может быть предупреждения, и наоборот, предупреждения правонарушений не может быть без эффективной профилактики конкретных противоправных деяний. Профилактика является самым ранним, начальным этапом предупредительной деятельности, направленной на недопущение правонарушения» [4, с. 100].

Законодательство Российской Федерации на сегодняшний день не позволяет в полной мере ни согласиться с данным утверждением, ни опровергнуть его. Как было отмечено ранее, оно оперирует и тем и другим термином, но дефинирует на федеральном уровне лишь одно из них. Так, определение понятия «профилактика» закреплено в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Это «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»⁵.

Понятие «предупреждение» раскрывается лишь отдельными ведомственными нормативными правовыми актами. К примеру, в соответствии с Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19, «предупреждение преступлений органами внутренних дел — это деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением»⁶.

Полагаем, что с учетом динамично развивающихся общественных отношений уголовного, административного характера, назрела необходимость выделить грани соприкосновения понятий «предупреждение» и «профилактика», а также определить их объем и правовую сущность.

Первично обращает на себя внимание, что предупреждение преимущественно рассматривается в криминологическом значении, поэтому в большинстве научных работ употребляется в связке с термином «преступление» [5; 6]. Кроме того, приведенное ведомственное законодательство акцентирует внимание на адресате предупреждения в виде лица, склонного к совершению преступлений и административных правонарушений, а «профилактика» применяется в отно-

⁵ См.: Российская газета. 2016. 28 июня.

⁶ См.: Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (в ред. от 28 ноября 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шении более широкого круга лиц. Подтверждением служат устойчивые формы воспитательного воздействия на граждан и недопущения отклонения их действий от норм права в виде профилактического обхода административного участка, профилактической беседы и т.п.⁷ Как известно, предотвращению подлежат все противоправные деяния: не только уголовно-, но и административно наказуемые (в широком смысле, не ограничиваясь нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

С учетом приведенных позиций и определений (как доктринального, так и нормативного характера) не вызывает сомнений тот факт, что профилактика является:

во-первых, целенаправленным, систематическим процессом, характеризующимся длящимся характером;

во-вторых, родом деятельности всех субъектов, имеющих государственно-властные и управленческие полномочия, реализующие меры воздействия на объект внутри своей юрисдикции (правоохранительные органы, учреждения образования, здравоохранения, органы опеки и попечительства и пр.).

Следовательно, утверждать то, соотносятся ли «профилактика» и «предупреждение» как часть и целое, на сегодняшний день не позволяют ни правотворческий материал, ни правовая доктрина. Следовательно «предупреждение» все же более узконаправленная деятельность, препятствующая именно общественно вредным и опасным деликтам. Сказанное предоставляет нам возможность выдвинуть гипотезу, что родовой категорией, охватывающей содержание и профилактики и предупреждения, могла бы стать «превенция».

Термин «превенция» происходит от позднелатинского *praeventio* — опережаю, предупреждаю; англ. *prevention* — предупреждение, предохранение, предотвращение [7, с. 156]. Другое значение данного слова — действовать на опережение, упреждать развитие неблагоприятных последствий [8, с. 956]. В этой связи этимологически превенция включает в себе и систему общих мер в отношении всех граждан (читай — профилактику), и индивидуальную адресную работу (предупреждение) и не может рассматриваться как их синоним. Она должна восприниматься как родовое понятие. Полагаем оно не случайно, в ряде нормативных правовых актов, присутствует формулировка «идеология превенции»⁸, включающая в себя совокупность идей, взглядов, ценностных установок и набор конкретных мер, направленных на выявление причин и условий способствующих совершению правонарушений, меры воспитательного, просветительского характера по привитию членам гражданского общества устойчивого убеждения о необходимости добровольного исполнения обязанностей, отказа от совершения антиобщественных действий в виде нарушения запретов и ограничений.

Однако до настоящего времени не до конца определен объем, сущность и значение данного явления. При этом подавляющее большинство авторов пре-

⁷ См.: Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Стандарт комплексной профилактики нарушений обязательных требований (утв. Протоколом заседания проектного комитета по основному направлению стратегического развития Российской Федерации «Реформа контрольной и надзорной деятельности» от 12 сентября 2017 г. № 61 (11)). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

подносят термины «предупреждение», «профилактика» и «превенция» как синонимы [9; 10]. Мы же полагаем, что понятие «превенция» шире, и в рамках современного правового регулирования может быть представлена как самостоятельная категория права: с одной стороны, охватывающая в своем содержании все перечисленные составляющие, а с другой — позволяющая выйти на новый уровень теоретического обобщения и иной вариант воздействия на общественные отношения. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, превентивное влияние существует не только в границах уголовного права, а также и во всех остальных отраслях. О какой бы отрасли не шла речь, в рамках конкретного правового регулирования существуют нормы, закрепляющие рамки поведения, а также предусматривающие юридическую ответственность, в которые уже заложена превентивная составляющая, выражающаяся в устранении повторного нарушения норм права. Другими словами «право без ответственности невозможно» [11, с. 4]. Данный тезис позволяет говорить о всестороннем характере превенции, независимо от конкретной отрасли права (несмотря на то, что ярче всего превенция выражается в рамках уголовного и административного законодательства).

Во-вторых, превенция распространяется на всех граждан, что позволяет говорить о всеобщности данной категории. Как указывает профессор И.В. Максимов «...юридический инструментарий, находящийся в руках административного наказания, призван воздействовать, прежде всего, на самого правонарушителя с тем, чтобы в силу коммуникативного устройства общественных отношений посредством более лояльных и лишь эмоциональных нагрузок сформировать адекватную позицию других лиц, сформулировать их внутреннее убеждение» [12, с. 89]. Попробуем развить эту мысль и укажем, что общая превенция должна быть рассмотрена шире, не только в рамках административного наказания, но и в контексте юридической ответственности в целом.

В-третьих, нормы, регламентирующие необходимость и определяющие задачи превенции прописаны в большом количестве нормативных правовых актов: от федерального (федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») до ведомственного (приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»; приказ Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы») уровней. Колоссальное количество норм права, регулирующих отдельные аспекты превентивной деятельности, позволяют говорить о возможности ее абстрактного обобщения в полноценную категорию правоведения.

В-четвертых, практическая деятельность сотрудников правоохранительных органов состоит из реализации превентивной задачи в рамках должностных обязанностей. Данный тезис уже был ранее подтвержден приведенным перечнем нормативных правовых актов, каждый из которых содержит указание на постоянное предупреждение и профилактику в конкретной сфере общественных отношений. Вышеизложенное обосновывает универсальность правовой кате-

гории «превенция» и выводит ее на качественно новый уровень в деятельности правоприменителей различных областей.

Таким образом, как представляется превенции присущи: всесторонность, всеобщность, абстрактность, универсальность. Все эти признаки, перечень которых, безусловно, не исчерпывающий, доказывают выдвинутый тезис о превенции как категории права. Отдельные ученые ранее предпринимали попытки выделить даже отдельную отрасль «уголовно-превентивное право» [13, с. 95], однако, дальше выдвинутой гипотезы рассуждения не ушли.

Таким образом, по нашему мнению, превенция — это деятельность всех участников общественных отношений (государственных и частных, юридических и физических лиц, властных и невластных) не только по недопущению, предотвращению противоправного поведения субъектов права, но и воспитательная, идеологическая работа среди населения. Профилактика — это система общих предохранительных мер, реализуемых соответствующими государственными субъектами в пределах своей юрисдикции (участковый уполномоченный полиции — на административном участке, педагог — в образовательной среде, и т.д.). Предупреждение, в свою очередь, это адресная, узконаправленная деятельность субъектов, наделенных полномочиями государственного принуждения в отношении граждан, склонных к совершению антиобщественных действий, совершению административных правонарушений и преступлений (внесение следователем представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений; проверка участковым уполномоченным полиции по месту жительства лица, состоящего под административным надзором; обследование инспектором по делам несовершеннолетних бытовых условий проживания семьи, состоящей на учете).

В выдвинутых положениях проблемные вопросы осмысления места и роли категории «превенция» в праве и законодательстве, безусловно, не заканчиваются. Мы попытались выделить лишь некоторые очертания ее в юридической литературе и нормативного закрепления, пробудив, тем самым, научный интерес к данному вопросу.

Библиографический список

1. Бурлакова В.Н., Кропачева Н.М. Криминология: учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2013. 304 с.
2. Коржев М.А. Понятие и система предупреждения преступности // Инновационная наука. 2015. № 7. С. 76–78.
3. Смирнов Г.Г. Проблемы развития и реализации криминологического учения о предупреждении преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 380 с.
4. Гербеков И.И. Понятие и виды профилактики правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4. С. 99–105.
5. Варыгин А.Н., Яковлев Д.Ю. Преступления против жизни, совершаемые женщинами: криминологическая характеристика, особенности мотивации и предупреждения. М.: Юрлитинформ, 2017. 160 с.
6. Касаев И.Х. Предупреждение преступлений, совершаемых участниками этнических преступных группировок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 24 с.
7. Каримов Э.Т.о. Общая и специальная превенция как цель наказания // Вектор науки ТГУ. 2012. № 3. С. 156–160.
8. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.

9. *Анищенко Е.В.* Превенция региональных приграничных конфликтов военного характера // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 319–326.
10. *Червоная Ю.А., Оганезов Э.М.* Превенция в российском уголовном праве // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 9 (17). С. 510–512.
11. *Акашкин А.Ю.* Правовая категория: содержание и значение // Вестник НГУ. Серия: Право. 2008. № 1. С. 3–7.
12. *Максимов И.В.* Частная и общая превенция административного наказания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3. С. 88–94.
13. *Петренко А.В.* О понятии предупреждения преступлений // Вестник международного института экономики и права. 2011. № 1. С. 92–100.

References

1. *Burlakova V.N., Kropacheva N.M.* Criminology: textbook. Third Generation Standard. SPb.: Peter, 2013. 304 p.
2. *Korzhev M.A.* Concept and System of Crime Prevention // Innovative Science. 2015. № 7. P. 76–78.
3. *Smirnov G.G.* Problems of Development and Implementation of Criminological Teaching on Crime Prevention: doc. .. of doc. of law. M., 2005. 380 p.
4. *Gerbekov I.I.* Concept and Types of Prevention of Offences // Legal science and law enforcement practice. 2017. № 4. P. 99–105.
5. *Varygin A.N., Yakovlev D.Y.* Crimes against Life Committed by Women: Criminological Characteristic, Peculiarities of Motivation and Warnings. M.: Jurlitinform, 2017. 160 p.
6. *Kasayev I.H.* Prevention of Crimes Committed by Members of Ethnic Criminal Groups: extended abstract of diss. of cand. of law. Saratov, 2013. 24 p.
7. *Karimov E.T.o.* General and Special Prevention as the Target of Punishment // Vector of science of TSU. 2012. № 3. P. 156–160.
8. The Great Interpreted Dictionary of Russian Language / Author and Editor-in-Chief. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1536 p.
9. *Anishchenko E.V.* Prevention of Regional Border Conflicts of a Military Nature // Military law. 2018. № 6 (52). P. 319–326.
10. *Chervonaya Yu.A., Oganезov E.M.* Prevention in Russian Criminal Law // Modern scientific research and development. 2017. № 9 (17). P. 510–512.
11. *Akashkin A.Y.* Legal Category: Content and Meaning // Journal of the NSU. Series: Law. 2008. № 1. P. 3–7.
12. *Maksimov I.V.* Private and General Prevention of Administrative Punishment // Journal of the Saratov State Law Academy. 2012. № 3. P. 88–94.
13. *Petrenko A.V.* On the Concept of Crime Prevention // Journal of the International Institute of Economics and Law. 2011. № 1. P. 92–100.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10035

УДК 340

А.С. Родионова

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ САНКЦИЙ НОРМ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Введение: на пути дальнейшего совершенствования правовой системы в Российской Федерации имеется целый ряд трудностей, которые требуют научного осмысления и практического разрешения. К их числу следует отнести и проблему охраны права посредством разнообразных санкций. Эффективность данного правового инструмента по-прежнему по ряду направлений достаточно низкая. Нередки случаи отсутствия надлежащих средств защиты, установленных в законе, значительное число судебных актов, призванных осуществить защиту нарушенного права попросту не исполняются на практике. При этом в юридической науке и российском законодательстве в настоящий момент не проводится четкого разграничения между мерами юридической ответственности и средствами правовой защиты, что усугубляет проблему. Сложившаяся ситуация весьма негативно отражается на уровне правовой защищенности существенного числа прав работающих граждан, предпринимателей, малоимущих, пенсионеров, студентов и иных категорий субъектов права. **Цель:** формирование авторского понимания сущности и функциональной природы санкций норм права. **Методологическая основа:** основными методами исследования являются формально-юридический, системно-структурный и функциональный. **Результаты:** предложено авторское понимание характерных особенностей санкций норм права, их функциональной характеристики. **Выводы:** предлагается уточненное определение «санкции норм права» как обязательного элемента той или иной нормы права в виде правила поведения, имеющего формально-определенный характер, надлежащий уровень дифференциации мер воздействия, соразмерность противоправному деянию, а также функционально направленного на охрану предписания диспозиции нормы права посредством возложения мер юридической ответственности или применения мер защиты права, основанием действия которых выступает совершение правонарушения или возникновение дефектного юридического факта. Утверждается, что на настоящий момент, санкции защиты права продолжают оставаться наименее изученными в общей теории права. Так, они не находят своего точного определения в классификационных рядах санкций норм права. В связи с этим осуществляется уточнение классификация санкций норм права по степени их определенности, посредством выделения в качестве дополнительной самостоятельной группы, наряду с абсолютно-определенными, относительно-определенными и альтернативными санкциями в праве также санкций с вариативно-продолженным действием предусмотренных в них юридических последствий.

Ключевые слова: охрана права, санкции нормы права, юридическая ответственность, меры защиты права.

A.S. Rodionova

ON THE CONCEPT AND FUNCTIONAL NATURE
OF SANCTIONS IN RUSSIAN LAW

Background: on the way to further improving the legal system in the Russian Federation, there are a number of difficulties that require scientific understanding and practical resolution. These include a variety of sanctions. The effectiveness of this legal instrument is still quite low in a number of areas. Often there is a lack of appropriate remedies established by law, a significant number of judicial acts designed to protect the violated right are simply not implemented in practice. At the same time, legal science and Russian legislation do not currently draw a clear distinction between legal liability measures and legal remedies, which exacerbates the problem. The current situation has a very negative impact on the level of legal protection of a significant number of the rights of working citizens, entrepreneurs, the poor, pensioners, students and other categories of legal entities. **Objective:** to form the author's understanding of the essence and functional nature of sanctions of the law. **Methodology:** the main research methods used in the study are formal-legal, system-structural and functional. **Results:** the author's understanding of characteristic features of sanctions of legal norms and their functional characteristics is proposed. **Conclusions:** the clearer definition of the term "the sanctions of law" as a mandatory element of a rule of law in the form of rules of conduct with formally-defined character, the proper level of differentiation of measures proportional to the wrongful act, as well as functionally aimed at protecting regulations the provisions of law by the laying on the measures of legal liability or the application of measures of the rights' protection, the basis of which is the commission of the offense or the occurrence of defective legal fact is suggested. The author of the article argues that to the present moment sanctions for the protection of law continue to be the least studied in the general theory of law. Thus, they often do not find their exact definition in the classification series of sanctions of the law. In this regard, the classification of sanctions of legal norms is being clarified according to their degree of certainty by identifying it as an additional independent group along with absolutely-defined, relatively-defined and alternative sanctions in law, also sanctions with a variable-prolonged effect of the legal consequences provided for in them.

Key-words: protection of law, sanctions of rules of law, legal responsibility, measures of protection of law.

Значительная часть субъектов правоотношений вполне осознанно и добровольно соблюдает установленные законом запреты и исполняет возложенных на них юридические обязанности. Несмотря на это, вопрос о правовой защите и охране продолжает быть актуальным в силу того, что защита требуется не только от противоправного виновного нарушения права, но и от иных действий, которые именуется объективно противоправным нарушением или иногда их причисляют к дефектным юридическим фактам. Если меры юридической ответственности традиционно признаются в качестве мер реагирования на правонарушение, закрепляемые в санкциях соответствующих норм права, то статус мер реагирования на невиновное нарушение права в окончательном виде не определен ни в юридической науке, ни на практике.

На наш взгляд, санкции являют собой инструмент не только чисто охранительного воздействия в ответ на совершенное правонарушение, но могут и должны содержать инструменты правовой защиты от невиновного нарушения права,

например, в виде мер восстановления права, признания незаконного правового акта недействительным и др.

Увеличение числа правовых актов разнообразной природы (от правоприменительных и правоинтерпретационных до нормативных правовых актов) процесс во многом неизбежный и естественный в силу развития регулируемых правом общественных отношений, их усложнения, а также количественного роста. Однако при этом растет и число правовых актов принятых или изданных с определенными изъянами, дефектами, которые требуют исправления или отмены подобного акта. Возрастающий день от дня документооборот в правовой сфере общественной жизни актуализирует такой вид санкций защиты права, как санкция недействительности правового акта. Неопределенность же юридической природы и правовых последствий и подобных правовых актов с дефектом порой вовсе не прописана в законе, также зачастую не имеется должных процедур в законодательстве по признанию и отмене дефектных правовых актов, что, на наш взгляд, выступает весьма существенным пробелом законодательства и вызывает целый ряд трудностей в правоприменительной практике.

Понятие санкции нормы права, ее природы, оснований применения, места и роли в механизме правового регулирования являются одними из узловых вопросов в учении о праве в целом. Более точное определение понятия «санкция нормы права», ее характерных черт и функциональной роли позволит глубже проникнуть в понимание проблем соотношения мер юридической ответственности и средств защиты права, разграничения правонарушения и дефектного юридического факта.

Обращаясь к этимологии термина «санкция», следует отметить, что он происходит от латинского слова «sanctio», что в буквальном переводе означает строжайшее установление.

В словарях мы можем также обнаружить ряд следующих трактовок данного термина:

санкция есть утверждение или одобрение властью определенного акта или действия;

санкция — это мера наказания или иного воздействия на нарушителя закона или договора;

санкция представляет собой средство принуждения со стороны государства, его органов и должностных лиц [1, с. 273].

В большинстве вариантов определения понятия санкции наблюдается тесная ее связь с властью и осуществлением государством своих управленческих функций. В практике социально-правового бытия встречаются случаи применения санкции-утверждения, санкции-согласия, санкции-ответственности и санкции-защиты, которые, так или иначе, являются проявлением властно-управленческой активности. Сопряжение санкции и властных отношений сопровождает весь ход человеческой истории, начиная с первобытного общества до наших дней. Все виды социальной власти в той или иной мере опираются в своей реализации на рассматриваемый инструмент управленческого воздействия.

В определенный исторический период право и государство заимствуют данное средство у предшествующих им социальных институтов. К примеру, с момента появления государства и права религия утрачивает право на санкционирование важнейших социальных связей, передав его одновременно новым более сложным регуляторам.

Рассматривая непосредственно проблему правовых санкций, т.е. санкций, напрямую увязанных с механизмом правового регулирования, обратим внимание на многозначность терминологического использования анализируемого термина.

В итоге под термином санкция понимаются различные государственно-правовые феномены. В их числе можно выделить следующие правовые инструменты:

санкция-одобрение (иногда ее именуют санкцией-утверждением), под которой понимается решение компетентного органа государственного управления или должностного лица по приданию юридической силы или ее признанию за действием или актом другого субъекта, а также определенное разрешение на совершение каких-либо действий участниками общественных отношений (например: санкционирование ареста судом в уголовно-процессуальном законодательстве; санкция прокурора в уголовно-исполнительном праве, необходимая для осуществления задержания правоохранительными органами осужденного к лишению свободы, покинувшего исправительное учреждение, в ситуации, когда он уклоняется от возвращения в данное исправительное учреждение в определенный законом срок¹; санкция прокурора постановления начальника воспитательной колонии и др.);

санкция-наказание или санкция-принуждение, выражающаяся в конкретных мерах негативного характера организационного, имущественного или личного плана (например, меры ограничения свободы, штраф, понижение в должности, увольнение, лишение права, занимать определенные должности и т.д.);

санкция, как элемент нормы права, предусматривающая различные меры реагирования на нарушение диспозиции данной нормы (негативная санкция) [2, с. 223] или перевыполнение ее требований (поощрительная санкция).

Ряд авторов, например, полагают, что далеко не все виды норм права имеют санкцию в качестве обязательного элемента. Исследователи утверждают, что санкция присуща лишь охранительным нормам, а регулятивные нормы их лишены. При этом они отстаивают позицию о двухзвенном строении правовой нормы. Дискуссия вокруг строения нормы права самым непосредственным образом затрагивает трактовку санкции в праве. Таким образом, отмеченная проблема так и не нашла своего окончательного разрешения в современной юридической литературе.

Авторы, отстаивающие точку зрения о двухзвенном строении правовой нормы, подготовили целый ряд работ, начиная с середины прошлого века по настоящий момент, в которых выдвинули целый комплекс аргументов в защиту своей позиции. К примеру, С.В. Курылев утверждал, что норма права любого вида обязательно состоит из двух элементов, которыми выступают гипотеза и диспозиция. Санкция же, по мнению правоведа, есть лишь разновидность юридических последствий, но не является при этом элементом нормы права. В регулятивных нормах санкция вовсе отсутствует, а в правоохранительных нормах она предстает в виде особого рода диспозиции [3, с. 45].

Похожих взглядов придерживался и Н.П. Томашевский, который доказывал, что структура юридической нормы ограничена исключительно двумя элементами — гипотезой и диспозицией. Последние, со слов автора, обозначаются в

¹ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

науке уголовного права в качестве диспозиции и санкции. Н.П. Томашевский, отстаивая двухзвенное строение нормы права, писал, что санкции не являются обязательным элементом любой нормы. Обеспечение санкцией и ее охраной имеет более сложный характер и не требует установления в каждой норме специальной санкции [4, с. 221–223].

Созвучные идеи отстаивали О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, которые обосновывали тезис о том, что далеко не любая норма права обязательно должна иметь санкцию, поскольку в системе права имеются иные нормы, содержащие санкции, именуемые охранительными нормами. В отдельных случаях охрана ряда норм обеспечивается и вовсе всей системой права [5, с. 156–160].

Обобщая взгляды представителей двухзвенного понимания структуры нормы права, обратим внимание на то, что они не считают обязательным наличие санкции в каждой норме права, разделяя их на две группы — регулятивные и охранительные. При этом приверженцы данной точки зрения полагают, что санкция имеется лишь у охранительных предписаний, в структуре которых она занимает место диспозиции. Отсутствие санкций у регулятивных норм ряд исследователей объясняет возможностью принудительного обеспечения их реализации посредством именно охранительных норм, которые с первыми находятся в тесной функциональной и диалектической взаимосвязи.

Представленная позиция о структуре нормы права, безусловно, имеет ряд ценных положений, позволяет иначе взглянуть на структурную организацию системы права. Однако, на наш взгляд, она все же не лишена и отдельных недостатков, на которых следует остановиться чуть подробнее.

Во-первых, вызывает критическое замечание несоответствие одного из существенных признаков нормы права, а именно обеспеченность ее реализации возможностью государственного принуждения, и отсутствие у так называемых регулятивных норм санкции как таковой. Охрана нормы права от нарушений традиционно в юридической литературе связывается с ее государственно-властным характером, без чего она вовсе не является таковой, а может быть причислена к числу религиозных, морально-нравственных и иных видов социальных норм. В этой связи необходимо привести следующее классическое определение нормы права, согласно которому она представляет собой «...исходящее от государства и им охраняемое общеобязательное, формально-определенное предписание, выраженное в виде правила поведения или отпратного установления и являющееся государственным регулятором общественных отношений» [2, с. 208].

Последовательный критик двухзвенной трактовки строения нормы права М.И. Байтин, аргументировано утверждал, что государственная охрана предписаний нормы права является неотъемлемой частью ее правовой природы. По его справедливому мнению, если предполагать обратное, презюмируя возможность охраны отдельной нормы всей системой права, а также вероятным наличием неких охранительных норм, то неизбежным становится вывод о признании того, что регулятивная норма права не отвечает всем сущностным признакам, ввиду своего двухзвенного строения не содержит в себе непосредственно средств собственной охраны со стороны государства [2, с. 208].

В результате получаем, что возможность государственного обеспечения регулятивной нормы ставится в прямую зависимость от существования иных нормативных предписаний. Это фактически означает утрату ей собственного самостоятельного значения в системе права. Подобное положение также противостоит

речит устоявшемуся в юридической литературе тезису о том, что норма права не зависимо от ее вида есть относительно самостоятельный элемент содержания и структуры системы права. В этой связи полагаем необходимым согласиться со следующим авторитетным высказыванием известного правоведа С.Н. Братуся, по мнению которого «норма без санкции перестает быть мерой, масштабом поведения, поскольку нарушение этой меры, выход за указанные рамки не повлечет за собой надлежащую реакцию, государственное осуждение и государственное принуждение» [6, с. 68].

Особую позицию в дискуссии о структуре нормы права и роли в ней санкции занимал О.Э. Лейст, уделивший этой проблеме достаточно много внимания в своих трудах. Так, исследователь считал, что в целом норма права может быть сведена к одному единственному обязательному элементу в ее структуре — к диспозиции. Иные же элементы, выделяемые в юридической литературе, он предложил считать лишь факультативными атрибутами юридической нормы, но не ее элементами. По его мнению, гипотеза и санкция могут отсутствовать у целого ряда правовых норм. Одновременно О.Э. Лейст писал, что санкция может быть общей у целой совокупности норм и она не подлежит включения в состав одной конкретной нормы права [7, с. 23].

Нам представляется последний подход к строению нормы права достаточно противоречивым, а переименование гипотезы и санкции из структурных элементов в атрибуты нормы неоправданным и лишь запутывающим ситуацию в еще большей мере. Одновременно подчеркнем то обстоятельство, что даже в словарях термином «атрибут» обозначается определенное неотъемлемое свойство или признак явления [1, с. 41], а не какой-либо факультативный момент в его понимании. Думается, что санкция имманентно присуща любой норме права, вопрос лишь в ее содержательной и функциональной специфике.

С учетом изложенного, полагаем возможным предложить следующее уточненное определение санкций норм права.

Санкция нормы права есть обязательный элемент той или иной нормы права в виде правила поведения, имеющий формально-определенный характер, надлежащий уровень дифференциации мер воздействия, соразмерность противоправному деянию, а также функционально направленный на охрану предписания диспозиции нормы права в виде возложения мер юридической ответственности или применения мер защиты права, основанием действия которых выступает совершение правонарушения или возникновение дефектного юридического факта.

При этом важнейшими признаками санкций норм российского права выступают:

- охранительный характер;
- системность;
- должный уровень разнообразия мер реагирования;
- соразмерность совершенному деянию;
- основанием их применения выступают не только правонарушения, но и дефектные юридические факты.

В процессе изучения природы санкций норм права также представляется немаловажным раскрытие их функционального предназначения. На наш взгляд, санкции правовой нормы выполняют ряд взаимосвязанных функций:

регулятивную, что предполагает реализацию санкцией права не только охраны права, но и позитивной косвенной регламентации общественных отношений,

поскольку санкции реализуются в ходе правоприменительной деятельности соответствующих субъектов, что предполагает процессуальную или процедурную регламентацию правоприменения;

охранительную, которую необходимо четко подразделять на ряд подфункций: карательную или штрафную; восстановительную или подфункцию защиты; предупредительную или сигнализирующую;

информационно-воспитательную, сопряженную с оказанием определенного информационно-психологического воздействия на нарушителя предписаний права.

Обозначенные функций, присущих санкциям в праве, наиболее полно раскрывают их природу, место в структурной организации отдельной нормы и системы права в целом. Также они демонстрируют всю палитру санкционного воздействия права на регулируемые им общественные отношения.

Наименее изученными в отечественной юридической литературе, на наш взгляд, продолжают оставаться по настоящий момент санкции защиты права. Так, они зачастую не находят своего точного определения в классификационных рядах правовых санкций.

К примеру, требует уточнения классификация санкций норм права по степени их определенности, посредством выделения в качестве дополнительной самостоятельной группы наряду с абсолютно-определенными, относительно-определенными и альтернативными санкциями в праве также санкций с вариативно-продолженным действием предусмотренных в них юридических последствий. Ярким примером последних выступают санкции недействительности правовых актов. С одной стороны, санкция недействительности правового акта имеет абсолютно-определенный характер, поскольку представляет собой одну меру государственно-правового воздействия в отношении нарушителя и принятого им акта в виде признания его недействительным. С другой стороны, недействительность юридического акта влечет за собой и иные правовые последствия, но их совокупность будет различной в каждом конкретном случае. Это может быть и реституция, а может быть и иная мера, что делает санкцию недействительности в какой-то мере альтернативной по содержанию возможных правовых последствий для нарушителя правовой нормы.

К сожалению, действующая система законодательства в российской Федерации не во всех случаях устанавливает четкие основания применения санкций защиты права, порой не определяет круга лиц, которые могут их применять, а также характеризуется пробельностью в области признания недействительными отдельных видов правовых актов, например трудовых договоров. Также наличествуют пробелы в правовой регламентации санкций защиты и оснований их применения в административном, избирательном, финансовом и семейном праве.

Исходя из этого, полагаем, что длительное время анализируемая нами тематика будет востребована в доктринальных и научно-практических изысканиях, поскольку круг проблем в области защиты права по российскому законодательству далеко не исчерпывается лишь теми проблемами, которые нашли освещение в данной статье. Любое исследование санкций норм российского права будет изначально носить не вполне завершенный характер и оставлять пространство для дальнейших научных исследований.

Библиографический список

1. Краткий словарь иностранных слов / сост. С.М. Локшина. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 384 с.
2. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
3. *Курылев С.В.* О структуре правовой нормы // Труды Иркутского государственного университета. Иркутск, 1958. Т. XXVII, вып. 4. С. 45–48.
4. *Томашевский Н.П.* О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории права. М.: Госюриздат, 1960. С. 221–245.
5. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1966. 381 с.
6. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. 215 с.
7. *Лейст О.Э.* Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1962. 238 с.

References

1. Short dictionary of foreign words / comp. by S.M. Lokshina. M.: «Sov. Encyclopedia», 1966. 384 p.
2. *Baitin M.I.* The Essence of Law (Modern Normative Legal Understanding on the Verge of Two Centuries). revised and suppl. 2nd add. M.: LLC ID «Law and state», 2005. 544 p.
3. *Kurylev S.V.* On the Structure of the Legal Norm / / Proceedings of the Irkutsk State University. Irkutsk, 1958. Vol. XXVII, vol. 4. P. 45–48.
4. *Tomashevsky N.P.* On the Structure of the Legal Norm and Classification of Its Elements // Questions of the General Theory of Law. Moscow: Gosyurizdat, 1960. P. 221–245.
5. *Ioffe O.S., Shargorodsky M.D.* Questions of the Theory of Law. Moscow: Gosyurizdat, 1966. 381 p.
6. *Bratus S.N.* Legal Responsibility and Legality. Moscow: Yurid. lit, 1976. 215 p.
7. *Leist O.E.* Sanctions in Soviet Law. Moscow: Gosyurizdat, 1962. 238 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10036

УДК 342

М.Е. Рубанова, Е.М. Мамочкина

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Введение: статья посвящена анализу современного состояния гражданского общества в Российской Федерации и проблемам его развития. Актуальность темы обуславливается высокой значимостью гражданского общества в создании демократического правового государства свободных индивидов и высокой степенью остроты проблем, препятствующих его развитию. **Цель:** анализ уровня развития гражданского общества в России в целом, и отдельных его элементов в частности на современном этапе, а также выявление основных проблем, препятствующих развитию гражданского общества в Российской Федерации. **Методологическая основа:** в статье используются формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический методы. **Результаты:** выявлен ряд проблем, препятствующих развитию гражданского общества в Российской Федерации, предложены способы их устранения. **Выводы:** сегодня гражданское общество в Российской Федерации находится на начальном этапе своего формирования. В стране существует комплекс проблем оказывающих негативное воздействие на процесс становления и развития данной модели общественных отношений, ключевой из которых является проблема политико-правового абсентеизма населения.

Ключевые слова: гражданское общество, Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации, средства массовой информации, политические партии, политико-правовой абсентеизм.

М.Е. Rubanova, E.M. Mamochkina

CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES AND THREATS

Background: the article analyzes the current state of civil society in the Russian Federation and the problems of its development. The relevance of the topic is due to the high importance of civil society in the creation of a democratic state of law of free individuals, and a high degree of severity of the problems hindering its development. **Objective:** to analyze the level of development of civil society in Russia as a whole, and some of its elements in particular at the present stage, as well as to identify the main problems hindering the

© Рубанова Марина Евгеньевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки (Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова); e-mail: mariru65@yandex.ru

© Мамочкина Елена Михайловна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры права и правоприменительной деятельности (Поволжский кооперативный институт (филиал) АНОО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»); e-mail: mamochkina.elena@yandex.ru

© Rubanova Marina Evgenyevna, 2020

Candidate of law, associate Professor, Social-legal and humanitarian-pedagogical sciences department (Saratov state agrarian University named after N. I. Vavilov)

© Mamochkina Elena Mikhailovna, 2020

Candidate of law, associate Professor, Law and law enforcement department (Volga region cooperative Institute (branch) of the center of the Russian Federation «Russian University of cooperation»)

development of civil society in the Russian Federation. Methodology: the article uses formal-legal, comparative-legal, historical methods. Results: a number of problems impeding the development of civil society in the Russian Federation were identified, and ways of their elimination were proposed. Conclusions: today, civil society in the Russian Federation is at the initial stage of its formation. In the country there is a complex of problems having a negative impact on the process of formation and development of this model of social relations, the key of which is the problem of political and legal absenteeism of the population.

Key-words: *civil society, Public chamber of the Russian Federation, public chambers of subjects of the Russian Federation, mass media, political parties, political and legal absenteeism.*

История возникновения и развития мысли о гражданском обществе уходит в глубокую древность, в античные времена. О необходимости создания гражданского общества говорили такие известные мыслители Древней Греции и Древнего Рима, как Аристотель, Платон, Цицерон. Однако стоит отметить, что в их понимании рассматриваемая модель общественных взаимоотношений сильно отличается от того смысла, который сегодня вкладывается в данный термин. Древнегреческие мыслители понимали под «гражданским сообществом» особый стиль совместной жизни членов греческих полисов (городов-государств), основной чертой которого было политическое общение [1, с. 117]. Основы современного понимания гражданского общества были заложены много позже, такими философами, как И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс. Сегодня, под данной дефиницией, понимается идеальная модель общественного устройства, которая отражает систему экономических, нравственных, политических и иных отношений индивидов, добровольно объединившихся в различные ассоциации, союзы для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей [2, с. 89]. Однако в данном определении не отражена основная черта гражданского общества — удержание государства от злоупотребления властью. По своей сути гражданское общество представляет собой систему общественных институтов исключительно негосударственной природы, объединившихся с целью недопущения злоупотребления государством своей властью. Стоит обратить внимание на тот факт, что данная модель общественного устройства является идеалом. Это значит, что достичь его в материальном мире не представляется возможным. Однако гражданское общество является своеобразным маяком для развития общественного устройства. Именно проблемам развития в Российской Федерации данной системы общественных отношений в современных условиях посвящена данная научная работа.

Одной из важнейших проблем создания и развития институтов гражданского общества в России является существенная зависимость многих из них от государственного аппарата. Рассмотрим в качестве примера Общественную палату Российской Федерации. Правовой статус Общественной палаты зафиксирован в соответствующем федеральном законе. Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» главной целью поставленной перед Общественной палатой является обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, иных некоммерческих организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности,

защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционного строя Российской Федерации и демократических принципов развития гражданского общества в Российской Федерации¹. Иными словами, главной целью Общественной палаты является представление интересов субъектов общественных отношений, имеющих негосударственную природу, во взаимодействии с государством при решении наиболее значимых публичных вопросов. От эффективности выполнения данной цели Общественной палаты напрямую зависит уровень развития гражданского общества в России. При этом уровень эффективности деятельности Общественной палаты РФ прямо пропорционален уровню ее независимости от государства. В противном случае Общественная палата рискует превратиться в квазигосударственный орган. В связи с этим стоит отметить, что наличие подлинной независимости Общественной палаты Российской Федерации от государства вызывает сомнения, которые связаны с порядком ее формирования. Так, в соответствии со ст. 8 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» она формируется в трехступенчатом порядке: 40 членов с их письменного согласия назначаются Президентом РФ; 85 избираются региональными общественными палатами из числа своих членов; 43 избираются членами Общественной палаты РФ из двух названных выше категорий, из числа кандидатов выдвинутых общественными объединениями и иными некоммерческими организациями. В то же время, согласно п. 7 и 8 ст. 8 Федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», 2/3 членов общественных палат регионов назначаются представителями государственной власти — высшим должностным лицом субъекта РФ (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) и законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ соответственно². Таким образом, один из важнейших институтов гражданского общества в рамках всей Российской Федерации, и его аналоги на уровнях субъектов, формируются при непосредственном участии государства. Предполагается, что данная ситуация не в полной мере соответствует принципам гражданского общества, поскольку данные условия формирования общественных палат России и ее субъектов, создают благоприятную среду для создания их зависимости от государства. Более того, ст. 28 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» и ст. 15 Федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», устанавливают, что финансовое обеспечение деятельности Общественной палаты осуществляется за счет соответствующего бюджета — федерального либо регионального соответственно³. Данные положения, в свою очередь могут привести к финансово-экономической зависимости общественных палат от государства.

¹ См.: Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2017 г. № 392-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 50, ч. III, ст. 7563.

² Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2017 г. № 392-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 50, ч. III, ст. 7563.

³ См.: Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2017 г. № 392-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 50, ч. III, ст. 7563; Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2017 г. № 392-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 50, ч. III, ст. 7563.

Тем не менее, приходится констатировать, что вряд ли получится изменить указанную финансовую основу деятельности общественных палат, поскольку сами они создаются некоммерческими организациями, и, следовательно, обеспечить себя необходимыми материальными ресурсами не в состоянии. Однако изменить их порядок формирования все же представляется возможным. В качестве наиболее демократичного примера можно привести выборы членов общественных палат. Подобный порядок формирования помог бы снизить уровень зависимости общественных палат от государственных институтов.

Еще одним важным институтом для развития гражданского общества являются независимые средства массовой информации. Значимость СМИ обусловлена тем воздействием, которое они оказывают на общественное мнение. Как утверждает К.А. Орлов, СМИ представляют собой современный способ информационного воздействия, способное оказывать как постоянное, так и спонтанное воздействие на граждан, влиять на ценности, установки и мотивы поведения, в т.ч. и в правовой сфере [3, с. 13]. Из данного утверждения следует, что СМИ являются основным инструментом формирования общественного мнения. С данным умозаключением сложно не согласиться, т.к. с одной стороны, именно СМИ формируют содержательное наполнение информационного потока, потребляемого обществом. С другой — большую роль играет способ подачи данной информации, ведь от того в каком ключе она была преподнесена, зависит эмоциональное отношение конкретного человека к обсуждаемым фактам. В целях максимального приближения современной системы общественных отношений к идеальному гражданскому обществу, а также обеспечения ее нормального функционирования, особую значимость приобретает обеспечение независимости СМИ от внешних воздействий. Стоит отметить, что на данный момент выполнение данной задачи оставляет желать лучшего. Большая доля российских СМИ находятся в прямой зависимости от разного рода субъектов, в т.ч. от государственного аппарата и органов местного самоуправления.

Так, стоит отметить, что согласно индексу свободы прессы, разрабатываемому влиятельной международной неправительственной организацией «Репортеры без границ», Российская Федерация на 2019 г. занимает 149-е место в мире из 180⁴. Во многом, указанное положение России среди стран по уровню свободы печати, является результатом чрезмерно большого количества в стране государственных СМИ. При этом о существовании данной проблемы говорил еще в 2012 г. Президент РФ Д.А. Медведев. Для ее преодоления глава государства предложил сократить число государственных СМИ: «У государства должен быть один сильный, полноценный госканал, через который государство могло бы доводить свою точку зрения»⁵. Стоит согласиться с тем, что сокращение числа негосударственных СМИ в Российской Федерации плодотворно скажется на развитии гражданского общества, поскольку данный процесс приведет к снижению количества политически заинтересованных субъектов на рынке медиа-индустрии.

Следующий значимый для развития гражданского общества институт который имеет смысл рассмотреть — политическая партия. В соответствии с п. 1

⁴ Репортеры без границ (Reporters Without Borders). URL: <https://rsf.org/ranking#> (дата обращения: 24.05.2019).

⁵ Медведев: России нужен один полноценный государственный телеканал. РИА Новости, МИА «Россия сегодня» [сайт]. 2012. URL: <https://ria.ru/media/20120125/548443338.html> (дата обращения: 24.05.2019).

ст. 3 Федерального закона «О политических партиях», под политической партией понимается общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления⁶. В данном определении заложена причина важности политической партии для развития гражданского общества. Во-первых, это привлечение граждан к участию в политической жизни страны. Именно политические партии выражают и защищают интересы разного рода социальных групп. Таким образом, политические партии способствуют повышению роли социальных страт и общества в целом в решении политических вопросов страны. Во-вторых, большую значимость имеет тот факт, что партии участвуют в выборах и референдумах разного уровня, а также в общественных и политических акциях. Иными словами, политические партии участвуют в борьбе за власть.

В этих особенностях политической партии как общественного объединения и проявляется ее важность для гражданского общества в России. Однако ряд положений отечественного законодательства, отображающие правовой статус политической партии и ее роль в качестве института, участвующего в приобщении граждан к управлению делами государства, на современном этапе вызывает ряд вопросов. Во-первых, данное утверждение относится к требованиям по численности членов партии. В соответствии с подп. «б» п. 2 ст. 3 Федерального закона «О политических партиях» в партии должно состоять не менее пятисот членов политической партии⁷. Стоит отметить, что до вступления в силу Федерального закона от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ (в ред. от 28 апреля 2009 г. № 75-ФЗ), данный пункт предусматривал поэтапное снижение численности политических партий, но оставляя ее на более высоком уровне: до 1 января 2010 г. численность членов партии должна быть не ниже 50 000, и в региональных отделениях половины субъектов — 500, в остальных — 250, с 1 января 2010 г. до 1 января 2012 г. — 45 000 в партии, в региональных отделениях половины субъектов — 450, в остальных — 200, с 1 января 2012 г. — 40 000 в партии, в региональных отделениях половины субъектов — 400, в остальных — 150⁸. Таким образом, до 1 января 2010 г., минимальная численность членов политической партии была в 10 раз выше современной. На первый взгляд подобное снижение требований к числу партийцев представляется положительным изменением, которое позволяет в более простом порядке зарегистрировать менее массовым социальным группам политические партии. Однако необходимо подчеркнуть, что столь резкое снижение требования к количеству членов партии и сама данная низкая планка влекут за собой «размывание» сути политической партии и снижение их эффективности. Данный шаг привел к тому, что вместо создания сколько-нибудь значимых влиятельных и многочисленных партий, объединяющих интересы больших социальных страт, в России были созданы десятки «партий-карликов».

⁶ См.: Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (в ред. от 3 июля 2018 г. № 178-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 28, ст. 4142.

⁷ См.: Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (в ред. от 3 июля 2018 г. № 178-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 28, ст. 4142.

⁸ См.: Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (в ред. от 3 июля 2018 г. № 178-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 28, ст. 4142.

Так, по данным Минюста Российской Федерации на 15 мая 2019 г. в стране зарегистрирована 61 политическая партия⁹. Подобная ситуация представляется серьезным уроном по репутации самого института политической партии, а, следовательно, уроном и гражданскому обществу.

На основе всего сказанного, следует отметить низкий уровень развития институтов гражданского общества в России на современном этапе. Данное положение дел обусловлено несколькими причинами. Во-первых, относительно небольшой «возраст» Российской Федерации как демократического государства. Действовавший в советскую эпоху тоталитарный, позже авторитарный режимы правления не могли сказаться положительным образом на развитии гражданского общества. Вследствие этого, сегодня, гражданское общество, как и его правовая база в России находится на начальных этапах своего формирования и для достижения сколь-нибудь значительных высот ему предстоит пройти не малый эволюционный процесс. Во-вторых, большой проблемой для создания, развития и адекватного функционирования институтов гражданского общества в России является высокая степень правового и политического абсентеизма. Низкий уровень политико-правовой активности российских граждан препятствует созданию эффективного противовеса государственной власти, что, по своей сути, влечет к замедлению развития гражданского общества.

Таким образом, с одной стороны, современное состояние российского гражданского общества не является экстраординарным и соответствует исторически сложившимся условиям развития России. Однако, с другой стороны, высокий уровень политического и правового абсентеизма граждан РФ, создает серьезные препятствия для развития гражданского общества. Следовательно, необходимо ускорение темпов создания и развития институтов гражданского общества.

Библиографический список

1. Орлова И.В. Теория гражданского общества: к истории вопроса // Философия и общество. 2006. С. 116–134.
2. Кулапов В.Л. Теория государства и права: учебник. Саратов, 2011. 486 с.
3. Орлов К.А. Средства массовой информации как элемент гражданского общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2012. С. 13–17.

References

1. Orlova I.V. Theory of Civil Society: on the History of the Issue // Philosophy and society. 2006. P. 116–134.
2. Kulapov V.L. Theory of State and Law: textbook. Saratov, 2011. 486 p.
3. Orlov K.A. Mass Media as an Element of Civil Society // Bulletin of South Ural state University. Series: Right. 2012. P. 13–17.

⁹ Список зарегистрированных политических партий. Министерство юстиции Российской Федерации [сайт]. URL: <https://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 27.05.2019).

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10037

УДК 342.56

В.А. Телегина

ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ
СУДЕЙСКОГО КОРПУСА

Введение: при формировании судейского корпуса в законодательстве существуют определенные требования к образованию. В статье рассматриваются противоречия между ФЗ «О статусе судей в РФ» и нормативно-правовыми актами Министерства образования и науки, определяющими специальности и федеральные государственные стандарты, которые затрагивают целый ряд важных вопросов. **Цель:** выявление причин сложившейся ситуации, определение возможных путей ее законодательного решения. **Методологическая основа:** диалектический метод, функциональный и сравнительный анализ позволяют исследовать формирование проблемы и подход к ее правовому решению. Примеры судебной практики и эмпирический анализ конкретизируют и подтверждают теоретические выводы. **Результаты:** аргументирована позиция автора о необходимости совершенствования правового регулирования требований к образованию кандидатов на должность судьи. Выработаны и обоснованы конкретные предложения. **Выводы:** требования к образованию кандидата на должность судьи должны быть четко регламентированы и приведены в соответствие с современными реалиями в системе высшего юридического образования. Сложившиеся в силу объективных обстоятельств противоречия между Законом и современной классификацией направлений подготовки юристов нарушают право граждан, получивших высшее юридическое образование по укрупненной группе специальностей, на возможность претендовать на должность судьи, а также усложняют работу по формированию судейского корпуса. Существующие предложения полностью не решают эту проблемы и нуждаются в доработке.

Ключевые слова: статус судей, высшее юридическое образование, судебная практика, законодательное закрепление.

V.A. Telegina

ONE OF THE PROBLEMS OF FORMING THE JUDICIARY

Background: in the formation of the judiciary, the most important role is played by the educational requirements, which are enshrined in legislation. The article discusses the conflict between the Federal Law “On the Status of Judges in the Russian Federation” and by-laws of the Ministry of Education and Science that define specialties and federal state standards, which raises a number of important issues. **Objective:** to identify the causes of the situation, to determine possible ways of its legislative solution. **Methodology:** dialectical method, functional and comparative analysis let investigate the problem formation and approach to its legal solution. Examples of judicial practice and empirical analysis concretize and confirm theoretical conclusions. **Results:** the author’s position on the need to improve the legal regulation of requirements for the education of candidates for the post of judge was

© Телегина Валентина Александровна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: tel-va61@mail.ru

© Telegina Valentina Aleksandrovna, 2020

Candidate of law, associate Professor, Prosecutor’s supervision and criminology department (Saratov State Law Academy)

argued. Specific proposals have been worked out and substantiated. Conclusions: requirements to education of the candidate for a post of the judge should be accurately regulated and brought in conformity with modern realities in system of higher legal education. The contradictions developed by virtue of objective circumstances between the Law and modern classification of directions of preparation of lawyers break the right of the citizens who have received higher legal education on the enlarged list of occupations, on possibility to apply for a post of the judge, and also complicate work on formation of the judicial case. The existing proposals do not fully resolve this problem and need to be further developed.

Key-words: *status of judges, higher legal education, judicial practice, legislative consolidation.*

В России продолжается реформа судоустройства и судопроизводства. Очередным витком реформы стало внесение изменений в Федеральный Конституционный закон «О судебной системе» и Федеральный Конституционный закон «О судах общей юрисдикции»¹ согласно которым в 2019 г. были образованы, сформированы и начали действовать апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции. Было приведено в соответствие все процессуальное законодательство, значительно изменена существующая система полномочий судов. Тем самым увеличены законодательные гарантии прозрачности и открытости судебного процесса, самостоятельности судов, независимости судей. Столь масштабные и стремительные перемены несомненно будут еще осмысляться и дорабатываться. Вместе с тем одним из самых актуальных и многогранных остается вопрос формирования высокопрофессионального судейского корпуса. Базовой основой в этом направлении является законодательное закрепление требований к образованию кандидата на должность судьи. Однако существующая редакция ФЗ «О статусе судей в РФ»² исключает возможность претендовать на должность судьи гражданам, получившим высшее юридическое образование по укрупненной группе специальностей по направлению «юриспруденция», что создало проблему требующую законодательного разрешения.

Особенностью статуса судьи является то, что требования к профессиональному образованию и его уровню закреплены в Конституции РФ и ФЗ «О статусе судей РФ». Так, ст. 119 Конституции Российской Федерации закреплено, что «судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет». Федеральным законом установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации. Согласно ст. 4 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» обязательным условием является наличие высшего юридического образования по специальности «Юриспруденция» или высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция».

¹ См.: Федеральный Конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ» (в ред. от 30 октября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1; 2018. № 31, ст. 4811; Федеральный Конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (в ред. от 6 марта 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 24, ст. 3064; 2019. № 10, ст. 883.

² См.: Федеральный закон от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в РФ» (в ред. от 25 октября 2019 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ 1992. № 53, ст. 627; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 31, ст. 4444.

Но в результате реформы высшего образования сформировалась новая система подготовки юристов, уровни квалификации и стандарты, повлекшие за собой противоречия между законом и правовыми актами Министерства образования и науки России, регулирующими подготовку специалистов высшими образовательными учреждениями по направлению «Юриспруденция». Это выяснилось в результате рассмотрения судебного спора, который обозначил всю сущность данного вопроса. Так, Сергею Баранову — выпускнику 2006 г. Белгородского института МВД по специальности «правоохранительная деятельность», имеющему квалификацию «юрист», кандидата юридических наук, квалификационной коллегией судей Белгородской области было отказано в рекомендации на должность судьи районного суда, по причине несоответствия его образования требованиям ФЗ «О статусе судей». Мотивировано решение было тем, что претендент должен иметь диплом по специальности «Юриспруденция», а не «Правоохранительная деятельность». Баранов воспользовался своим правом и обжаловал это решение в суд. Белгородский областной суд признал вывод квалификационной коллегии верным³. Это решение было обжаловано в административную коллегию Верховного Суда РФ, которая апелляционным определением от 14 февраля 2018 г.⁴ признала решение Белгородского областного суда законным. Было указано, что действующим законодательством предусмотрены специальные условия, необходимые для замещения должности судьи, в части наличия у претендующего лица высшего образования определенного уровня по конкретной специальности и направлению подготовки. Согласно подп. 1 п. 1 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» не предусмотрено приравнивание различных по значению понятий «направление подготовки», «специальности» и «укрупненные группы направлений подготовки и специальностей». При таких обстоятельствах вывод областного суда о несоответствии С.А. Баранова требованиям подп. 1 п. 1 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» является верным. Тем самым судебная практика обозначила существенную проблему, которая затрагивает права большого количества граждан, и которая требует законодательного решения.

Безусловно решение административной коллегии формально полностью соответствует положениям закона. Однако следует особо отметить, после реформы высшего образования специальности «Юриспруденция» или такого стандарта не существует. Есть направление подготовки «Юриспруденция» и укрупненные группы специальностей, которые относятся к этому направлению наравне с бакалаврами и магистрами.

Целью создания таких групп специальностей была профориентация с учетом потребностей и пожеланий работодателей. Вопрос о профориентации подготовки специалистов неоднократно ставился и на высшем государственном уровне. Так, 1 марта 2018 г. Владимир Путин в ежегодном послании Федеральному собранию РФ указал на необходимость вывести образование на новый уровень, нацеленный на профориентацию⁵.

³ См.: Решение Белгородского областного суда. Дело № За-203/2017 ~ М-137/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 16.12.2019).

⁴ См.: Апелляционное определение административной коллегии Верховного Суда РФ от 14 февраля 2018 г. N 57-АПГ17-8. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 16.12.2019).

⁵ Ежегодное послание Владимира Путина Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. URL <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 16.12.2019).

Для реализации поставленных задач, Высшая школа усовершенствовала систему подготовки квалифицированных юридических кадров, которая сегодня направлена не только на содержательность, но и на связь с практической работой. Это и отражается в Федеральных государственных образовательных стандартах. Стандарты определяют совокупность обязательных общих требований к юристам и специальных по соответствующей специализации. Приказами Минобрнауки России, были определены новые специальности высшего образования 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» с квалификацией «юрист» и утверждены соответствующие образовательные стандарты⁶.

В настоящее время все ведущие юридические вузы и факультеты осуществляют подготовку по этим специальностям с присвоением квалификации «юрист». Причем в соответствии с требованиями стандарта, выпускники, в результате освоения этих программ, должны овладеть навыками по защите прав и законных интересов граждан, общества, государства во всех сферах правового регулирования, в т.ч. в области судебной защиты. А выпускники специальности 40.05.04 должны обладать способностью осуществлять полномочия по отправлению правосудия — т.е. ориентированы на работу в судебной системе. Но неопределенность и противоречивость закона и подзаконных актов лишает их возможности претендовать на должность судьи. Ситуация парадоксальная. Она ущемляет права граждан, получивших высшее юридическое образование уровня специалиста, имеющих квалификацию «юрист», создает проблему в создании кадрового резерва для судейского корпуса, а также негативно сказывается на формировании правосознания и правовой культуры общества. Такая ситуация сложилась в результате целого ряда объективных факторов.

Во-первых, это включение нашего образования в Болонский процесс, что потребовало масштабного и быстрого изменения системы образования, в том числе и юридического, а также создания новых государственных образовательных стандартов в этой сфере. Однако в этой спешке, как справедливо отмечает судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь, большой проблемой стала «утрата традиционной для отечественного образования фундаментальной подготовки юристов» [1, с. 7]. Между тем, качество и уровень их подготовки является определенным залогом слаженной работы всего государственного механизма и стабильности социальных отношений.

Во-вторых, это нарушение системы правового регулирования, что привело к противоречиям положений законов и подзаконных нормативно правовых актов. Ведь существующие стандарты были установлены подзаконными актами Минобрнауки России, который является федеральным органом исполнительной власти. Согласно системе правового регулирования, закрепленной в ст. 115 Кон-

⁶ См.: Приказ Минобрнауки России от 16 ноября 2016 г. № 1424 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.02 „Правоохранительная деятельность (уровень специалитета)“»; Приказ Минобрнауки России от 19 декабря 2016 г. № 1614 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.01 „Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета)“»; Приказ Минобрнауки России от 16 февраля 2017 г. № 144 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.04 „Судебная и прокурорская деятельность (уровень специалитета)“»; Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: [https:// legalacts.ru](https://legalacts.ru). (дата обращения: 17.12.2019).

ститутации РФ, они должны соответствовать федеральным законам и приниматься на их основании, а не наоборот. И эта тенденция с точки зрения права носит негативный характер.

В-третьих, искусственное излишнее дробление юридических специальностей в ущерб базовому фундаментальному юридическому образованию так же создало препятствия для подбора кадров всей правоохранительной системы, которые теперь пытаются устранить суды, прокуратура, следственные органы и др.

Каждый из этих факторов нуждается в специальном исследовании. В рамках нашей темы следует отметить, что действующая редакция ст. 4 и 5 Закона о статусе судей не предусматривает возможных изменений федеральных государственных стандартов, поэтому иного выхода как вносить изменения в закон на сегодняшний день нет. Предложения и законопроекты о новой редакции этих статей существуют, но их анализ позволяет отметить недостаточную проработку данного вопроса.

Так например, Канцеляров А.В. в статье «Закон о статусе судей требует корректировок» предлагает изложить подп. 1 п. 1 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в следующей редакции: «Судьей может быть гражданин Российской Федерации, имеющий высшее юридическое образование по квалификации „юрист” по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе высшего образования, относящейся к укрупненной группе специальностей „Юриспруденция”, или высшее образование по направлению подготовки „Юриспруденция” квалификации (степени) „магистр” при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки „Юриспруденция”» [2, с. 40].

Однако напомним, что до 2012 г. включительно, граждане получали высшее фундаментальное юридическое образование по специальности «Юриспруденция» с присуждением квалификации «юрист». Несмотря на то, что сейчас подготовку по этой специальности уже не осуществляют, наличие такого высшего юридического образования и его уровень никто не оспаривает. На сегодняшний день возраст этих юристов 30 лет и выше, у них достаточный стаж работы по юридической специальности, т.е. они максимально соответствуют требованиям к кандидатам на должность судьи и составляют наибольшую часть кадрового резерва. Если в новой редакции Закона в требованиях к образованию исключить специальность «Юриспруденция», а оставить только новые группы по направлению «Юриспруденция», то эти граждане необоснованно будут лишены возможности претендовать на должность судьи, что повлечет за собой и определенный кадровый дефицит.

Такой же недостаток у законопроекта, разработанного Верховным Судом РФ, которым предлагают закрепить как требование наличие высшего юридического образования с присвоением квалификации (степени) «Специалист» или квалификации (степени) «магистр», не учитывая наличия существующего образования по специальности «Юриспруденция»⁷. Сейчас этот документ дорабатывается.

Законопроект, разработанный Правительством РФ, расширяет положение п. «а» ст. 4 словами о высшем юридическом образовании по укрупненной группе специальностей и направлении подготовки «Юриспруденция» (за исключением «Судебная экспертиза»). Вряд ли стоит так подробно обозначать группы специ-

⁷ Архив Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 16.12.2019).

альностей в законе. Базовым понятиями здесь будут направление — «юриспруденция» и уровень квалификации «юрист», а не группы. У «Судебной экспертизы» вообще совершенно иная квалификация — эксперт, а не юрист, поэтому упоминание о ней в законе избыточно⁸. Существует еще ряд законопроектов по этому вопросу, которые так и не стали предметом рассмотрения в Государственной Думе РФ.

Представляется, что квалификация «юрист» является объединяющим элементом требований специальности «Юриспруденция» и сегодняшних специальностей по направлению «Юриспруденция». А подп. 1 п. 1 ст. 4 Федерального закона «О статусе судей в РФ» возможно изложить в следующей редакции: «получивший высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе высшего образования по специальности или направлению подготовки «юриспруденция» с присвоением квалификации „юрист” либо высшее образование по направлению подготовки „Юриспруденция” квалификации (степени) „магистр” при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки „Юриспруденция”, с дальнейшим приведением в соответствие других статей. Такая редакция дает возможность соблюсти права граждан, получивших высшее юридическое образование до 2012 г., и получивших образование по существующим сегодня стандартам специалитета и магистратуры, а также нейтрализовать существующие противоречия в законодательных актах.

Поиск эффективного решения этой проблемы становится насущной необходимостью. Улучшить качество формирования судейского корпуса возможно только при наличии достаточного профессионального кадрового резерва, а для этого предстоит разработать и создать сбалансированную правовую основу требований к образованию кандидатов на должность судьи.

Библиографический список

1. *Бондарь Н.С.* Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции или космополитические иллюзии // *Юридическое образование и наука.* 2013. № 1. С. 7–15.
2. *Канцеляров А.В.* Закон о статусе судей требует корректировок // *Администратор суда.* 2017. № 3. С. 38–40.

References

1. *Bondar N.S.* Modern Landmarks of Russian Legal Education: National Traditions and Cosmopolitan Illusion // *Legal education and science.* 2013. №1. P. 7–15.
2. *Kantselyarov A.V.* Law on Judges Status Needs Adjustments // *Court Administrator.* 2017. № 3. P. 38–40.

⁸ Архив Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 16.12.2019).

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10038

УДК 342.24

В.В. Тищенко

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЕДЕРАТИВНОГО СОЮЗА

Введение: конфедерацию часто определяют как некую «промежуточную» форму территориально-государственного устройства, что не позволяет более глубоко познать сущность конфедеративного государства. **Цель:** поиск нового подхода к пониманию сущности государства, его назначению в обществе. **Исследование оснований образования конфедеративного союза в планетарном масштабе. Методологическая основа:** анализ соотношения понятий «сущность» и «форма», диалектический метод исследования, системный и телеологический подходы. **Результаты:** аргументирована позиция относительно образования планетарной конфедерации, целей ее существования, проанализирована роль права в интеграционных процессах и его значение в преодолении социальных кризисов. **Выводы:** установление мирового правопорядка невозможно без соответствующего социально-правового института, которым является государство.

Ключевые слова: государство, право, общество, конфедерация, цивилизация, мультикультурализм, территориально-государственное устройство.

V. V. Tishchenko

PHILOSOPHICAL AND LEGAL BASIS FOR THE FORMATION OF THE CONFEDERATE UNION

Background: confederation is often defined as a kind of “intermediate” form of territorial-state structure. That’s why it is hard to understand the essence of a confederate state. **Objective:** search for a new approach of understanding the essence of the state, its purpose in society; examination of the formation foundations of a confederate union on a planetary scale. **Methodology:** analysis of the relationship between the concepts of “essence” and “form”, the dialectical method of research, systemic and teleological approaches. **Results:** the position on the formation of the planetary confederation, the goals of its existence is argued, the role of law in integration processes and its significance in overcoming social crises are analyzed. **Conclusions:** establishing of a global law and order is impossible without the corresponding social and legal institution, which is the state.

Key-words: state, law, society, confederation, civilization, multiculturalism, territorial-state structure.

*Цивилизация не сможет продолжать существование,
свободы не останется, мир не будет сохранен,
если большая доля человечества не объединится,
чтобы защитить их и продемонстрировать,
что у них есть полицейская власть,
перед которой будут трепетать варварские
и атаквистические силы.
У. Черчилль*

На вопрос о решающем значении содержания или формы в явлении однозначного ответа на данный момент нет, но мы считаем, что существо явления не может в полной мере проявляться в неправильных формах, которые создают иллюзорное представление и ведут по ложному пути. Понятия «форма» и «содержание» тесно связаны друг с другом.

Государственная власть действует на территории, на которую распространяются ее властные полномочия, поэтому необходимо определить, как власть организована в пространстве. Вне территории юридическая наука о государстве не мыслит, потому что без определенного пространственного предела государственная власть существовать не может. Власть по необходимости организует эту самую территорию. В данном случае под территорией государства мы понимаем область пространства, на которое распространяется его юрисдикция.

Видится правильной точка зрения Н.И. Грачева, который считает, что понятие «государственное устройство» призвано отразить внутреннее строение государственно-организованного общества в его территориальном разрезе, т.е. показывает из каких территориальных частей состоит государство, правовое положение этих территориальных частей, каким образом организована государственная власть и осуществляется управление на территории государства, а также характер отношений между центральной властью и властью региональной [1, с. 118]. Мы же в данной работе будем использовать термин «территориально-государственное устройство».

Форма государства, как и форма территориально-государственного устройства, не есть однократно данное и неизменное установление. На форму государства оказывают влияние политические, экономические, социальные, географические и иные факторы, вследствие чего форма конкретного государства видоизменяется — приобретает новые качественные характеристики. Это могут быть как эволюционные, так и революционные изменения в устройстве государства. На становление и изменение формы государства всегда оказывали влияние: экономический уклад, географическое положение страны, культурные особенности, национальный состав населения, традиции и обычаи народа, правосознание и другие факторы. Также необходимо отметить, что теоретические конструкции о государстве, создаваемые учеными, не всегда в полной мере проявляются в общественных отношениях. Конкретно-исторические государства — есть проявление смещения различных идей и общественных практик, что не является препятствием для классифицирования по тем или иным признакам.

Широчайший спектр идей о формах государства и не менее будоражащая воображение государственная реальность позволяют усомниться в возможности создания универсальной модели государства. Великие умы прошлого и современности создавали свои теоретические построения государства, выявляли

закономерности его развития или предрекали его крах. Не все идеи подтверждались на практике или подтверждались частично. Это позволяло с большой долей скепсиса относиться к таким моделям. Но в истории есть примеры, когда идеи прошлого получают воплощение в настоящем.

Древнегреческий философ Аристотель утверждал, что «человек есть существо политическое». Интерес людей к политическим процессам есть следствие того обстоятельства, что человек есть «существо коммуницирующее». История человечества — это история взаимодействия и объединения. Это обстоятельство прослеживается с древних времен по настоящее время. Раздираемые антагонизмами и войнами социальные группы (сословия, классы, нации) вопреки всему стремились к установлению мира, гармоничному развитию, установлению порядка и самоопределению.

Может ли быть обеспечено выживание без определенного порядка, который бы устанавливал и гарантировал людям их права и обязанности, восстанавливал справедливость и защищал от сил, стремящихся к разрушению и хаосу? Государство есть создаваемая человеком в целях выживания организованная сила, устанавливающая порядок на определенной территории, находящая выражение в публичных институтах. Но важно понимать, что государство не есть самоцель, но лишь средство в руках человека, поэтому должно быть правильно организовано.

Есть ли идеальная форма государства, универсальная для всех типов государств в истории человечества? Идеальной для всех, на наш взгляд, нет, потому что отличались исторические условия, в которых создавались, развивались и погибали государства. Наша идея заключается в том, что с учетом накопленного опыта и знаний, пройдя этап империй и национальных государств, создав международное право, мы наконец-то можем сформировать конфедеративный союз, который являлся бы закономерным результатом развитого человеческого общежития.

Является ли такое видение дел безграничной фантазией об утопии, к которой можно стремиться, но которая недостижима, и представляет собой, используя выражение И. Канта, «максимум совершенства, недостижимого на практике, но служащего путеводной звездой»? [2, с. 26]

Существуют разные точки зрения по поводу классификации государства по территориально-государственному признаку. Согласно первой, к формам государственного устройства относятся только федерации и унитарные государства. Другие исследователи помимо «классических» форм территориально-государственного устройства выделяют также иные формы, например: конфедерацию, содружество, унию, империю и т.д. Взгляды на классификацию форм государственного устройства у представителей данной группы ученых различны.

Не вызывает сомнений, что выбор правильной формы государства (соответственно формы территориально-государственного устройства как ее составного элемента) не может быть результатом волюнтаризма или простого копирования. Более того, существует точка зрения, что государственная форма не может быть при этом и результатом свободного, рационального выбора, как создания идеальной гипотезы критического разума; ... не существует и не может существовать какой-то единой лучшей, идеальной формы и для какого-то конкретного государства, а в зависимости от различных объективных условий любое государство (а значит и его форма) подвержено изменениям [3, с. 131].

О. Шпенглер пишет о том, что форма государства или «форма государственного организма, как он ее называет, должна определяться не разумом («буквой писаной конституции»), но «естественной формой», которая и обеспечит нормальное функционирование государства [4, с. 387]. То есть форма территориально-государственного устройства не есть результат рациональности, а определяется реальными общественными отношениями конкретного народа, образует с ними единый дух с его религией, искусством и философией, представлениями и мыслями, его культурой и внешними факторами: климатом, ландшафтом и др. Каждый народ, обладающий собственной государственностью, порождает тип политической культуры, составной частью которой является вполне определенная политико-правовая конструкция его организации. Большое значение при этом имеет первоначально установленная форма политической организации, являющаяся результатом естественного хода вещей, органично произрастающая из культурной жизни нации. Она и задает на все последующие времена государственно-правовую традицию конструирования государственности [1, с. 101–102].

«И если необходимо допустить, что одна форма правления более совершенна, чем другая, независимо от обычаев и склонностей конкретных людей, то почему же мы не можем спросить, какая форма самая совершенная из всех, хотя современные неуклюже конструированные и плохо действующие правительства, кажется, служат потребностям общества, и установить новую систему правления будет нелегко, как построить корабль по новому чертежу» [5, с. 98].

Конечно, при невозможности отказаться от различий в отношениях между социальными группами, сформировавшихся в процессе становления и развития общества, не вызывает сомнений, что нельзя игнорировать исторические особенности, язык, правовые традиции, экономический уклад.

Проблема улучшения государства интересовала людей еще в древности [6; 7]. Нельзя не упомянуть о космополитических идеях стоиков, которые отрицали естественные отличия между людьми, выступали за мировое государство и закономерно критиковали полисное устройство. История формирования каждого конкретного современного государства сложна и многоаспектна. Однако не стоит соглашаться с утверждением, что форма государства обуславливается лишь внешними и внутренними объективными факторами, отрицая при этом рациональный аспект. Именно присущий людям субъективизм мешает нынешним государствам приобрести ту форму, которая могла наиболее адекватно отразить в современную эпоху его сущность и содержание, потому что сама логика человеческого общежития предполагает отсутствие (хотя бы и в настоящее время) множества «формально независимых» друг от друга человеческих сообществ, которые бесконечно вступают друг с другом в соперничество. Ни одно протогосударство, государство, государственно подобное образование, международный союз прошлого и настоящего в полной мере не отражают сущности истинного государства, которое призвано обеспечить существование и выживание человека.

Человек стремится вступать в правоотношения, поэтому создание условий для взаимодействия, общения людей и защиты и есть то главное в государстве, тот фундамент, на котором оно вообще может быть основано. Другими словами — создание условий для здорового общества свободных людей. Результатом создания государства должен стать не бесконечный «конфликт суверенов», не непрекращающееся противостояние властей, а мир между народами. Сам факт

нашего существования ставит перед нами такое количество сложных для решения проблем, что противоборство становится непродуктивно. Если исторически раздробленность людских сообществ еще можно объяснить несовершенством средств коммуникации, слабым развитием правовой мысли и правосознания, неразвитостью социально-гуманитарных наук, то в XXI в. людская разобщенность вызывает недоумение.

Государство — это известный союз людей, а всякий союз заключается для достижения блага. Высшим из всех союзов будет тот, который заключается для высшего блага. Это и есть союз политический, целью которого будет самодовлеющая и совершенная жизнь [8, с. 1]. Хотелось бы уточнить, что государство является именно институционально оформленным союзом.

Конфедерация является формой территориально-государственного устройства, споры о наличии признаков государственности которой до сих пор не прекращаются.

Конфедеративные образования, как часто указывается, относительно недолговечны. Отмечается, что обычно конфедерация создается для реализации каких-то определенных целей, по достижению которых происходит распад конфедерации либо ее трансформация в федерацию. Многие исследователи говорят о том, что данное явление обречено на деградацию.

Существуют несколько взглядов на конфедерацию. Согласно первому, конфедеративное образование представляет собой форму международной интеграции, а значит формой именно государственного устройства не является. В качестве примеров приводятся Организация Объединенных Наций, Организация Североатлантического договора и Организация стран-экспортеров нефти. На наш взгляд, если и можно считать конфедерацию формой межгосударственного сотрудничества, то некоторые вышеуказанные примеры не выдерживают никакой критики, потому что, при этом любые международные отношения можно считать конфедеративными. Популярна точка зрения, что конфедерация — это союз суверенных государств, образуемый для достижения определенных целей (военных, экономических и др.), в котором союзные органы лишь координируют деятельность государств — членов конфедерации и только по тем вопросам, для решения которых они объединились. В литературе отмечается, что конфедерация не обладает сама по себе суверенитетом и потому недолговечна.

Однако при такой трактовке конфедеративного устройства, он мало чем отличается от межгосударственного союза. Одной из главных причин отрицания суверенитета конфедерации является то обстоятельство, что довольно часто исходят из классической трактовки «абсолютного суверенитета», которая, на наш взгляд, уже не применима в XXI в. Полная самостоятельность государств в своих делах и ранее воспринималась с оговорками, но при современной «системе сдержек и противовесов межгосударственного уровня» в лице общеземных международных организаций, различных коалиций, высоким уровнем транспарентности границ при движении товаров и населения, необходимо переосмыслить концепцию суверенитета. Классический суверенитет одного, так или иначе нарушает суверенитет другого уже одним своим существованием. Такое «столкновение суверенитетов», которое порождает различного рода конфликты, призвана не допускать, к примеру, Организация Объединенных Наций, что закрепляется в Уставе оной организации. Ее целями являются: 1) поддержание международного мира и безопасности и с этой целью принятие эффективных коллективных мер

для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира, а также проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира; 2) развитие дружественные отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принятие других соответствующих мер для укрепления всеобщего мира; 3) осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии; 4) быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей¹. Если создается такого рода международная организация, то общество сознает те опасности, которые стоят за изоляцией государств друг от друга.

Иногда конфедерацию рассматривают как переходный этап к федеративному государству, на котором конфедерация либо распадается, либо преобразуется в федерацию.

Третья точка зрения заключается в том, что конфедерация есть именно форма государственного устройства, т.е. является государством.

На наш взгляд, конфедерация является именно формой государственного устройства, т.е. обладает признаком государственности. Существенные трудности с пониманием данного явления связаны в первую очередь с устоявшейся парадигмой понятия государства, которое неразрывно связано с государственным суверенитетом.

Традиционно причиной создания конфедерации называют какую-либо экономическую, политическую или военную задачу, ради решения которой происходит объединение суверенных образований. Ссылаясь на исторический опыт, правоведы говорят, что являясь неустойчивым образованием, они распадаются при первом удобном случае. И более-менее длительное существование конфедеративного государства — это скорее исключение из правила [9, с. 78]. В качестве примеров конфедерации приводятся объединенные в конфедерацию штаты Северной Америки с 1776 по 1787 гг., конфедерация Египта и Сирии 1952 г., Республика Семи Объединенных Нижних Земель 1580–1795 гг., Сенегамбия 1982–1989, Австро-Венгрия после 1867 г. и т.д. Существует позиция, согласно которой Советский Союз в последние месяцы своего существования также начал преобразовываться в конфедерацию, однако процесс был прерван Беловежскими решениями в декабре 1991 г. Было образовано Содружество Независимых государств, которое конфедерацией, по мнению профессора А.Ф. Черданцева, не является [10, с. 36].

Б.Н. Чичерин называл образования подобного рода «сложным государством». «Сложные государства суть те, в которых несколько государств соединяются вместе, не теряя, однако, своей самостоятельности. Их можно разделить на две категории: соединения и союзы. Первые состоят в том, что несколько государств объединяются под властью одного монарха, сохраняя каждое свое особое устройство. Во-вторых, напротив, устанавливается в некоторых отношениях

¹ Устав ООН. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 19.02.2020).

общее устройство» [8, с. 182]. Ученый также проводит различие между союзами: союз государств, в котором преобладает раздельность, и союзное государство, в котором преобладает единство.

Что, если в современном мире именно конфедеративная форма государственного устройства, которая учитывает и центростремительные, и центробежные силы, может стать самой адекватной и стабильной формой организации государственной власти?

Государство неразрывно связано именно с правом, а не с другими социальными регуляторами. Отмечается, что правовая коммуникация давно преодолела территориально-государственные границы, стала международной, планетарной коммуникативной системой (международное право), ее принципы, основные нормы действуют в отношении всех государств и народов. Что касается морали, нравственности, религии, науки, то они не являются глобальными, всеобщими коммуникативными системами; не существует общей морали, нравственности, единой религии, а в научной коммуникации участвуют лишь немногие [11, с. 26]. Если мы говорим о международном праве, то почему не можем говорить о «государстве государств», которое положит «конец всем войнам», установит мир и порядок.

Конфедерация априори предусматривает собой высокую степень самостоятельности входящих в нее субъектов вне зависимости от того, определяют ли ее как форму государственного или межгосударственного устройства. В условиях стремления народов к самоопределению конфедеративная форма организации высшей власти (империума) является, на наш взгляд, наиболее адекватной, потому что, с одной стороны, бесконечно распадаться государства на все более мелкие образования не могут, а с другой, одна культура не должна подавлять другую или доминировать над ней, если конечно, эта культура не несет в себе непосредственной угрозы.

Вне зависимости от локальных целей и задач отдельных государств у всех и каждого должно быть стремление к сохранению человеческого общежития, а значит и к мирному сосуществованию.

Что представляет государство без цели сохранения своего населения? Что такое право без человека и что такое общество без людей? Очевидно то, что любые действия должны быть направлены, в первую очередь, на сохранение человеческого рода. И мы пытаемся двигаться именно в этом направлении, попутно отвлекаясь на разного рода глобальные и региональные конфликты. Конечно, это не одномоментный процесс, и сложно убедить всех и каждого, что все человечество объединено общим стремлением, а социальные группы не должны враждовать друг с другом, потому что многие антагонизмы и противоречия коренятся очень глубоко в нашей культуре. Объединяться стоит не только для отражения каких-либо внутренних или внешних угроз, как это обычно и делается, но для создания условий для нормального и устойчивого существования. Сама человеческая природа, т.е. разумная природа предполагает, что мы, отказавшись от ненависти и вражды, должны создать единый союз.

Недостаточно просто создать какое-то совместное предприятие, а нужно его правильно организовать, чтобы оно функционировало по своему назначению. Б.Н. Чичерин проницательно отмечал, что, например, при установлении в обоих государствах представительного порядка могут возникнуть столкновения, ибо верховная власть распределяется по разным центрам, которые надобно приводить

к соглашению. В общем деле, например при ведении войны, различные представительства могут идти вразлад. Когда одно из двух государств слишком слабо по сравнению с другим, подобные столкновения не имеют значения; но когда силы более менее равны, сладить с таким сложным механизмом не всегда легко [8, с. 182–183]. Это, однако, лишь один пример трудности, с которым сталкиваются при создании такого рода конфедераций.

Обращение к войне независимо от ее целей рассматривалось как неотъемлемое право каждого государства, как высшее проявление его суверенитета на международной арене. Оно носило название «право на войну» (*jus ad bellum*), а также на все другие формы использования силы или угрозы силой для защиты действительных или мнимых прав и интересов государств и ревностно охранялось всей системой принципов и норм международного права на протяжении многих веков и даже тысячелетий [12, с. 35]. В конце XX в. исследователям удалось подсчитать, что за 5600 лет летописной истории человечество пережило 14600 войн, примерно 2,6 ежегодно, и что только 10-ти из 185 поколений, живших в этот период, «посчастливилось провести свои дни, не познав ужасы войны» [13, с. 185–186]. Конфликты в более или менее открытой форме продолжают и по сей день. И хотя ООН запретило войны как явление, они никуда не пропали. Бомбардировка НАТО Югославии — наглядный тому пример. Полное нарушение норм международного права при попустительстве мирового сообщества.

И. Кант считал, что естественным состоянием для людей является война, а не мирное сосуществование, а значит состояние мира должно быть между людьми установлено. Далее позволим себе процитировать отрывок из его работы «К вечному миру»: «При всей порочности человеческой природы, которая в неприкрытом виде проявляется в свободных отношениях между народами (в то время как в гражданско-правовом состоянии она сильно замаскирована из-за принуждения правительства), все же удивительно, что слово право еще не изгнано полностью из военной политики как педантичное и что ни одно государство еще не отважилось провозгласить это публично. ... Способ, каким государства добиваются своих прав, — это не судебный процесс, а только война; войной же и ее счастливым исходом — победой — не решается вопрос о праве, и мирный договор хотя и кладет конец данной войне, но не военному состоянию (т. е. такому состоянию, в каком всегда можно найти предлог к новой войне; это состояние нельзя просто объявить несправедливым, так как в нем каждый — судья в своем собственном деле). ... Но разум с высоты морально законодательствующей власти, безусловно, осуждает войну как правовую процедуру и, напротив, непосредственно вменяет в обязанность мирное состояние, которое, однако, не может быть ни установлено, ни обеспечено без договора народов между собой. Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать союзом мира (*foedus pacificum*) и который отличался бы от мирного договора (*pactum pacis*) тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый — всем войнам, и навсегда.» [14, с. 264–266]. Кант отрицает «государство народов» и видит установление вечного мира без установления над народами высшей власти законодателя. То есть имеется ввиду человеческое объединение, основанное не на установлении всеобщей государственной власти, которая повлечет за собой принуждение. Если мы согласны с тем, что мир способен достичь «вечного мира», но видим его достижение через создания единого конфедеративного государства, которое obviously можно было бы назвать «Дом для народов» — государство, которое будет

обеспечивать порядок и мир. В данном случае мы согласны с В.И. Лениным, что «право есть ничто без аппарата, способного принудить к соблюдению норм права» — мир есть ничто без средства, которое бы могло к нему привести. Конечно, на это можно обоснованно возразить, что Кант говорил о согласии между народами, основанном на разуме, а не на внешней силе, но ведь и внешняя сила создается разумом не просто так.

Необходимо отметить, что состояние мира постоянно делается оправданием для существования имперского порядка: только обширная, централизованно управляемая политическая система могла бы избежать перманентной войны ради удержания или же передвижения границ, с чем вынужденно связана деятельность небольших по объемам политических структур. Против изначальной естественности мелких политических структур имперская идеология выдвигает указание на неизбежную неспособность к миру [15, с. 154].

В I в. до н.э. Цицерон рассуждал: «Да и что такое государство, как не общий правопорядок?». Если право и государство являются двумя неразделимыми между собой явлениями, то почему бы государству подобно праву также не быть общей мерой для неравных субъектов, подобно праву? Государство есть мера для поддержания порядка, благодаря которому обеспечивается существование и развитие человеческого рода. Конечно, на практике встречались извращенные формы организации человеческого общежития, которые являлись механизмами угнетения свободы и справедливости, уничтожения целых народов. В тех случаях определенная преступная клика извращала право на существование, которая путем применения насилия и обмана приходила к власти. Право на существование — это существо человеческой жизни. Любое явление, которое может быть понято человеком, должно быть рассмотрено с позиции его дальнейшего существования, а государство в данном случае исключением не является.

Конфедеративная форма государства — это не утопия и не фантастика, если она будет организована разумно, что предполагает общие критерии образования конфедерации (например, отсутствие дискриминации). Важнейшей предпосылкой для образования конфедеративного союза — осознание такими разными на первый взгляд людьми общей для всех цели.

Единая мера для всех и каждого — это то, что должно отличать государство от иных людских объединений. Мы, однако, утверждаем, что это характерно только подлинному «идеальному» государству, в котором все люди будут объединены для достижения своей основной цели. Объединение согласно всемирной воле для совместного подчинения общей власти.

Парадокс в том, что свойственные человеку два противоположных по своей сути явления (стремление к объединению и разделению) играют ключевую роль в создании общей конфедерации. Обладая свободой, субъект права участвует при принятии общих решений. С одной стороны у субъекта сохраняется признаки индивидуальности и идентичности, а с другой стороны, он осознает себя частью единого целого и не противопоставляет себя ему.

Различные типы государства и права — это проявление изначальной разобщенности людей, отличных условий их выживания и существования отдельных культур. Но отличие культур, которым пытаются обосновать невозможность к установлению единого порядка, не есть закономерное развитие нашего мира. Государство, право, язык, а также иные многочисленные составляющие куль-

туры — это инструменты, созданные человеком и необходимые ему для существования, выживания и развития.

Прекрасно иллюстрирует распространение культур Найал Фергюсон рассказом о двух кораблях. На борту первого, пришедшего в 1532 г. на север Эквадора, находилось менее 200 испанцев. Они сопровождали человека, уже назначенного генерал-капитаном (губернатором) Перу. Целью экспедиции было завоевание для короля Испании империи инков и приобретение лично для себя золота и серебра. Второе судно, «Каролина», достигло Нового Света 138 лет спустя, в 1670 г., пристав к острову у побережья нынешней Южной Каролины. Среди пассажиров были серванты, и амбиции их не шли дальше поисков жизни лучшей по сравнению с их мучениями в Англии. В этом рассказе о двух Америках два корабля предстают символами. На одном плыли конкистадоры, на другом — законтрактанные серванты. Первые грезил о легкой наживе, о горах золота. Вторые помнили не только нищету на родине. Они знали, что будут вознаграждены превосходной северо-американской землей, а также участием в делах общества [16, с. 151]. Две европейские страны привезли в Новый Свет настолько разные институты, можно сказать разные цивилизации, что определяет различия между Северной и Южной Америкой до настоящего времени.

Государство есть форма человеческого объединения, устанавливающая и поддерживающая определенный порядок в отношениях между людьми. Порядок, обеспечивающий существование и выживание человека — это цель, к которой стремится человек такими средствами, как государство и право. Истинный порядок, однако, принципиально недостижим в условиях множества государств и государственных образований, каждое из которых претендует на установление своего «правильного порядка» организации деятельности людей. Истинный порядок является не просто набором установленных вольнодумцами «правил», которые именуют свои изысканиями «правилами» лишь потому, что заставили определенную группу людей на определенной территории им подчиняться, а также не просто руководством по имманентно присущим живому существу качествам таким, например, как жизнь и свобода.

Нельзя отрицать то обстоятельство, что порядок есть явление труднодостижимое. Однако достичь общего порядка может только государство, которое бы являлось выражением силы и воли людей. Государство, которое может обеспечить мирное, безопасное существование человеческого рода, но не насилием и обманом, а согласованием воли, организованным принуждением и убеждением, которое не ввергнет общество в пучину тирании и беззакония, но обеспечит возможность удовлетворения прав и обязанностей всякого и каждого, которое будет строиться на согласии и взаимопомощи, а не на корыстных сиюминутных интересах. Такое положение дел невозможно при существовании множества суверенных объединений, каждое из которых видит себя самоцелью всего сущего. В рамках современного международного права такого консенсуса достичь невозможно уже потому, что равный над равным власти не имеет. Не в том смысле, что равные субъекты не могут достичь согласия по какому-то вопросу, но в том, что равный субъект всегда может отказаться от соглашения. Однако мы не оправдываем абсолютно ничем не ограниченную власть, подобно «Левиафану» Т. Гоббса. Объединиться и подчиниться высшей власти не с целью удовлетворения сиюминутных потребностей, а осознавая себя как существо, способное к единству для своего же блага. Только единое государственное образование спо-

собно обеспечить человечеству необходимый ему порядок, но нельзя забывать, что такое государство есть всего лишь средство для достижения цели.

Подводя итог вышесказанному, мы видим следующие причины для образования конфедеративного союза, который бы объединил все народы:

- 1) стремление к самоопределению;
- 2) стремление к миру и безопасности;
- 3) стремление к развитию;
- 4) стремление к установлению правопорядка.

Как писал английский политический мыслитель Томас Гоббс, когда каждый является врагом каждого, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую им дают их собственная физическая сила и изобретательность, то в таком состоянии нет места для трудолюбия, т.к. никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна [17, с. 87].

Люди постоянно находятся в поисках лучшей жизни. Человечеству необходимо правильно организованное государство, которое бы являлось средством установления единого порядка для множества субъектов с разными интересами, но с общей конечной целью. Образование единой планетарной конфедерации не фантазия, но закономерность, к которой человечество рано или поздно придет.

Библиографический список

1. *Грачев Н.И.* Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства. М.: ООО «Книгодел»; Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2009. 468 с.
2. *Керимов А.Д.* Современное государство: вопросы теории. М.: Норма, 2007. 144 с.
3. *Грачев Н.И.* Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009. 540 с.
4. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. 606 с.
5. *Юм Д.* Идея совершенного государства // О свободе. Антология западно-европейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. 463 с.
6. *Аристотель.* Политика. М.: АСТ, 2010. 400 с.
7. *Цицерон М.Т.* О государстве. О законах. М.: Академический проспект. 256 с.
8. *Чичерин Б.* Курс государственной науки Часть 1. Общее государственное право. М.: Типо-литография Выс. Утв. Т-ва И.Н. Кушкерева и К, 1894. 481 с.
9. *Сырых В.М.* Теория государства и права: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2012. 704 с.
10. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Уральской государственной юридической академии, 1996, 217 с.
11. *Архипов С.И.* Коммуникативная теория права А.В. Полякова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 4. С. 20–27.
12. Международно-правовые проблемы европейской безопасности / ред. кол. А.И. Иойрыш, А.П. Мовчан, В.А. Романов. М., 1977. 191 с.
13. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб., 2001. 352 с.
14. *Кант И.* К вечному миру. М.: РИПОЛ классик, 2018. 434 с.

15. *Мюнклер Х.* Империи. Логика господства над миром. От Древнего Рима до США. М.: Кучково поле. 400 с.
16. *Фергюсон Н.* Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира / пер с англ. К. Бандуровского; под ред. И. Кригера. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 544 с.
17. *Гоббс Т.* Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: МЫСЛЬ, 2001. 478 с.

References

1. *Grachev N.I.* State Sovereignty and Forms of Territorial Organization of the Modern State. М.: ООО "Knigodel"; Volgograd: Publishing house Volgograd Institute of Economics Sociology and Law, 2009. 468 p.
2. *Kerimov A.D.* Modern State: Problems of Theory. М.: Norma, 2007. 144 p.
3. *Grachev N.I.* State Structure and Sovereignty in the Modern World: Problems of Theory and Practice: diss. ... doc. of law. Volgograd, 2009. 540 p.
4. *Shpengler O.* Sunset of Europe. Essays on the Morphology of World History. М.: Thought, 1998. Vol. 2: World-historical perspectives. 606 p.
5. *Yum D.* The Idea of a Perfect State // About Freedom. Anthology of the West European classical liberal thought. М.: Nauka, 1995. 463 p.
6. *Aristotle.* Politics. М.: AST, 2010. 400 p.
7. *Cicero M.T.* About the State. About Laws. М.: Academic prospect. 256 p.
8. *Chicherin B.* Course of State Science Part 1. General state law. Moscow: Tipo-lithography Vys. Utv. T-va I.N. Koshkarev and Co, 1894. 481 p.
9. *Syrykh V.M.* Theory of State and Law: Textbook for universities. 6th ed., revised and suppl. М.: CJSC Justicinform, 2012. 704 p.
10. *Cherdantsev A.F.* Theory of State and Law: lectures. Ekaterinburg: Publishing house Ural. state law. Acad., 1996, 217 p.
11. *Arkhipov S.I.* Communicative Theory of Law A.V. Polyakova // Electronic Annex to the "Russian legal journal". 2016. № 4. P. 20–27.
12. International Legal Problems of European Security / Ed. Col. A.I. Ioyrysh, A.P. Movchan, V.A. Romanov. М., 1977. 191 p.
13. *Baron R., Richardson D.* Aggression. SPb., 2001. 352 p.
14. *Kant I.* Perpetual Peace. Moscow: RIPOL classic, 2018. 434 p.
15. *Munkler H.* Empires. The Logic of World Domination. From Ancient Rome to the United States. Moscow: Kuchkovo pole. 400 p.
16. *Ferguson N.* Civilization: The West and the Rest / N. Ferguson, tr. from English. К. Bandurovsky ed. by I. Krieger. Moscow: AST: CORPUS, 2014. 544 с.
17. *Gobbs T.* Leviathan or Matter, Form and Power of State Church and StateCivil. М.: Thought, 2001. 478 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10039

УДК 340.1

Е.Н. Швед

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА: ПОНЯТИЕ И ТИПОЛОГИЯ СРЕДСТВ И ПРИЕМОВ

Введение: развитие правовой системы любого государства и разработка базовых направлений совершенствования системы законодательства невозможны без всестороннего изучения и использования юридической техники. **Цель:** сформулировать определение понятия «правоприменительная техника», провести типологию средств и приемов правоприменительной техники. **Методологическая основа:** в качестве общей исследовательской методологии в диссертации выступает диалектический метод научного познания, который применяется в единстве с общенаучными и частнонаучными методами (исторический, типологический, сравнительно-правовой, логические приемы и др.). **Результаты:** аргументирована авторская позиция по вопросу определения понятия «правоприменительная техника», проведена типология ее средств и приемов. **Выводы:** правоприменительная техника — самостоятельный вид юридической техники, представляющий собой совокупность средств и приемов, используемых и применяемых в соответствии с определенными правилами для подготовки актов применения права, а также выполнения действий, предшествующих их принятию.

Ключевые слова: юридическая техника, правоприменительная техника, правоприменение, акты применения права, средства и приемы правоприменительной техники, типология.

E.N. Shved

LAW ENFORCEMENT TECHNIQUE: CONCEPT, TYPOLOGY OF TOOLS AND TECHNIQUES

Background: the development of the legal system of any state and the development of basic directions for improving the system of legislation are impossible without a comprehensive study and use of legal technology. **Objective:** to formulate a definition of the concept of “law enforcement technique”, conduct a typology of the means and techniques of law enforcement technique. **Methodology:** the dialectical method of scientific knowledge, which is used in conjunction with general scientific and particular scientific methods (historical, typological, comparative legal, logical techniques and others), acts as a general research methodology in the dissertation. **Results:** the author’s position on the definition of the concept of “law enforcement technology” is argued, and the typology of its tools and techniques is carried out. **Conclusions:** law enforcement technology is an independent type of legal technology, which is a set of tools and techniques used and applied in accordance with certain rules for the preparation of acts of application of law, as well as performing actions leading to their adoption.

Key-words: legal technology, law enforcement technique, enforcement, acts of enforcement, law enforcement tools and techniques, typology.

© Швед Екатерина Николаевна, 2020

Научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации управления правовой информатизации (Национальный центр правовой информации Республики Беларусь); e-mail: shved_en@mail

© Shved Ekaterina Nikolaevna, 2020

Researcher of the department of scientific and methodological support of legal informatization of the legal informatization management (National Center for Legal Information of the Republic of Belarus)

В юридической науке прочно закрепилась теория, в соответствии с которой важнейшими стадиями (элементами) механизма правового регулирования являются правотворчество и реализация права [1, с. 12; 2, с. 11]. И правотворчество, и реализация права свидетельствуют о государственно-властном воздействии на процесс правового регулирования. Правотворчество «дает ему жизнь», а реализация права его конкретизирует, продолжает. Иными словами, важнейшее качество реализации права — это его воплощение в жизнь через поведение участников общественных отношений.

В науке за все время изучения проблем реализации права сложились различные подходы к ее понятию, формам, классификации. Основных форм реализации права четыре — соблюдение, исполнение, использование и применение права. Последняя из названных форм, занимает особое место в процессе реализации правовых норм. Так, разработчик теории российской правовой политики А.В. Малько в своих исследованиях отметил особо важное значение правоприменительной формы реализации правовой политики [3, с. 99].

Теоретические вопросы применения права нашли более широкое и всестороннее освещение в юридической литературе 50-х гг. XX в. Именно в эти годы появляются первые комплексные исследования проблем применения норм права (издаются монографии, защищаются диссертации и т.д.). Значимым событием стала и развернувшаяся на страницах авторитетного издания — журнала «Советское государство и право» (№ 4–8/1954 и № 1–2/1955) — дискуссия по вопросам применения норм права. В частности, были обсуждены вопросы о том, что понимать под применением норм права, какой круг реальных фактов осуществления норм права следует отнести к применению, кто применяет право, какова специфика акта применения права и многие другие.

Конечно, и в рамках изучения таких форм реализации права, как исполнение, соблюдение, использование, имеется ряд актуальных проблем, заслуживающих внимания ученых. При соблюдении, исполнении и использовании правовых предписаний также приходится оценивать фактические обстоятельства, находить и толковать норму, принимать решение и т.д. Более того, каждая из форм права может стать самостоятельным объектом юридической техники. В частности, профессор Н.В. Сильченко указал на возможность выделения внутри техники реализации права технику применения права, технику использования, технику исполнения и технику соблюдения права [4, с. 26].

Вместе с тем, для юридической техники, на наш взгляд, имеют преимущество вопросы применения правовых норм, ведь по итогам этой деятельности издаются акты применения права. Правоприменительные акты, как и нормативные правовые акты, имеют юридическую силу и вес, а значит должны быть подготовлены по определенным правилам юридической техники. Таким образом, учитывая имеющиеся подходы к определению сущности и форм реализации права, отличительные характеристики и значимость применения права, а также ранее проведенные исследования относительно юридической техники, представляется возможным говорить в большей степени не о технике реализации права, а о технике применения права.

В настоящее время правоприменительная техника — мало изученный подвид юридической техники в сравнении с правотворческой техникой. Первые упоминания о «внедрении» юридической техники в сферу применения права встречаются в 50–60-е гг. XX в. Так, И.Л. Брауде писал: «Юридическая тех-

ника должна также учитывать вопросы применения и возможного в будущем толкования нормативного акта» [5, с. 53]. О.А. Красавчиков также выделил правоприменительную технику в качестве самостоятельного вида юридической техники наряду с правотворческой и правосуществительной [6, с. 122]. Более подробно вопросы, связанные с техникой подготовки актов применения права, рассматривались учеными уже с 70-х гг. XX в., когда С.С. Алексеев в своих работах впервые на постсоветском пространстве ввел в научный оборот термин «юридическая техника», рассуждал над видами юридической техники, ее составом и т.д. По С.С. Алексееву, техника индивидуальных актов «касается выработки и оформления актов в области реализации норм социалистического права и прежде всего в области применения права» [7, с. 143–144]. Задачу техники применения права сформулировал в то время и югославский теоретик права Р. Лукич [8, с. 285].

В последующие годы юридическая наука оказалась «небогатой» на разработки правоприменительной техники, внимание ученых в большей степени было направлено на рассмотрение общих вопросов реализации права, правоприменения как особой формы реализации и т.д. Параллельно велась активная работа по изучению в целом юридической техники, ее классификации, состава, при том основной акцент был сделан на правотворческой технике, как наиболее популярной и важной в механизме правового регулирования.

На рубеже существования независимой Республики Беларусь комплексных исследований правоприменительной (правореализационной) техники не проводилось. Хотя некоторые вопросы совершенствования правоприменительных актов и рассматривались специалистами-юристами (А.В. Егоров, И.П. Сидорчук и др.), тем не менее, комплексная научная теоретическая разработка проблем правоприменительной техники в целом не осуществлялась. Практически единственным «светлым пятном» последних лет в «научной жизни» правоприменительной техники Беларуси стал прошедший в 2012 г. на юридическом факультете Гродненского государственного университета имени Янки Купалы республиканский научный семинар «Правоприменительная техника», который был направлен на «углубление междисциплинарных связей в области изучения правоприменительной техники и разработку рекомендаций по использованию теоретических знаний в деле совершенствования правоприменительной практики» [9, с. 99].

Вместе с тем юридическая наука Российской Федерации и Украины более «богата» на крупные работы по технике применения права. Так, в 1999 г. в г. Екатеринбурге была защищена кандидатская диссертация по проблемам правоприменительной техники (А.А. Тенетко, «Юридическая техника правоприменительных актов»); в 2008 г. защищены еще несколько диссертаций — в г. Саратове (А.Н. Илясов, «Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ)») и в г. Киеве (П. Н. Балтаджи, «Юридический язык правоприменительных актов»); в 2011 г. увидела свет еще одна работа в г. Нижнем Новгороде (А.С. Логинов, «Правоприменительная техника»); наконец, в 2014 г. в г. Москве защищена первая докторская диссертация (И.В. Колесник, «Теоретическая модель правоприменительной технологии»). Несмотря на имеющиеся разработки, стоит признать, что в настоящее время для ученых и практиков правоприменительная техника — по-прежнему малоисследованная категория.

Анализ перечисленных и других научных разработок дает основание констатировать наличие двух основных подходов к определению правоприменительной техники.

Первый подход связан с восприятием правоприменительной техники как совокупности методов и приемов, необходимых исключительно для подготовки правоприменительных актов (узкий подход). Сторонниками данного подхода являются А.Н. Илясов [10, с. 8], Д.В. Сазонова [11, с. 70] и др. Исходя из такого узкого понимания правоприменительной техники, она нужна для правильного в формально-содержательном смысле составления документа, когда правоприменитель уже знает суть решения и ему остается совершить последнее действие — перенести его в письменную форму, т.е. составить акт применения права. Правоприменительная техника при таком подходе является лишь техникой «строительства» правоприменительного акта.

Второй подход включает в сущность правоприменительной техники и иные действия наряду с подготовкой акта применения права (широкий подход). Представителями этой группы исследователей являются А.С. Логинов [12, с. 6–7], Г.И. Миняшева [13, с. 187], И.В. Колесник [14, с. 40] и др.

Единообразия в понимании правоприменительной техники не наблюдается. По нашему мнению, объем этого понятия зависит от анализа и разрешения многих научных проблем: понятия правоприменения, этапов правоприменительного процесса, его результатов, от взглядов на юридическую технику в целом, ее виды и т.д. Исследование указанных проблем позволило нам определить правоприменительную технику как самостоятельный вид юридической техники, представляющий собой совокупность средств и приемов, используемых и применяемых в соответствии с определенными правилами для подготовки актов применения права, а также выполнения действий, предшествующих их принятию.

Типология средств и приемов правоприменительной техники. В доктрине права остается практически неизученным вопрос, касающийся упорядочения и приведения в единую систему средств и приемов правоприменительной техники, их нормативного закрепления. Данные проблемы осложняются, в первую очередь, тем, что акты применения права издаются многочисленными государственными органами, характер деятельности которых порой совсем различен. В отличие от нормативных правовых актов, правоприменительные акты характеризуются индивидуальной определенностью, которая связана с тем, кто применяет нормы права, какие цели преследуют данные акты, какие общественные отношения они призваны урегулировать, какова конкретная обстановка случая, потребовавшего правового урегулирования, и т.д. Индивидуальность каждого акта применения права дает основание говорить и о различиях в применении в процессе подготовке этих актов тех или иных средств и приемов юридической техники.

Вместе с тем в создании разных актов применения права имеются и общие аспекты: схожа юридическая природа актов применения права, все они выносятся государственными органами в пределах их компетенции, адресованы определенным конкретным лицам и подлежат обязательному исполнению. Это свидетельствует о том, что различные правоприменительные акты наделены общими признаками и свойствами, каждый из них облечен в соответствующую форму, а значит имеется возможность выделить те единые средства и приемы юридической техники, правильное использование которых позволит говорить об эффективности различных правоприменительных актов.

На наш взгляд, совокупность средств и приемов правоприменительной техники можно разделить на два типа.

Первый тип — средства и приемы совершения действий, предшествующих созданию правоприменительного акта.

Вопрос определения средств и приемов правоприменительной техники указанного типа связан с проблемами выделения стадий всего правоприменительного процесса. Четко установить действия, составляющие процесс применения права, весьма сложно. На сегодняшний день они предлагаются лишь в общей теории права и теории отраслевых наук. Анализ этих теоретических разработок, а также изучение особенностей практической деятельности субъектов применения права позволяют определить лишь общий (примерный) «набор» тех действий (операций), которые они должны выполнить. По нашему мнению, можно выделить два основных этапа правоприменения, предшествующих изданию правоприменительного акта (решению дела): 1) установление фактических обстоятельств дела; 2) выбор и анализ норм права.

В рамках рассматриваемого типа можно выделить группу программно-технологических средств правоприменительной техники. Еще в 1981 г. Р. Лукич рассуждал о применении кибернетических методов в поиске среди множества правовых норм ту общую норму, которая нужна для данного конкретного случая. Суть этого метода, по Р. Лукичу, состоит в применении математических машин («электронных мозгов») для сбора и классификации юридически значимых данных, и прежде всего правовых норм» [8, с. 294–295].

В настоящее время мы, без сомнения, можем говорить о том, что наиболее доступной и легко обрабатываемой является правовая информация, полученная с применением компьютеров, поскольку широкое распространение, притом на государственном уровне, получили различные информационные правовые базы и системы поиска. В современной Республике Беларусь гарантом поиска эталонной (актуальной) правовой информации являются внедренные в государственную систему правовой информации информационно-правовые ресурсы. Например, посредством поисковых систем «ЭТАЛОН» и «ЭТАЛОН-ONLINE» любой субъект правоприменения имеет возможность получить доступ к эталонной официальной правовой информации, а также использовать в своей деятельности самые передовые научные разработки в сфере правовой информатизации.

Кроме поиска необходимой правовой информации, «машина может оказывать существенную помощь в уяснении смысла подлежащих применению норм» [15, с. 169]. Во многих странах в автоматизированные информационно-правовые системы введены не только законодательство, но и судебная практика, различные методические материалы, научные труды и комментарии юристов. Вместе с тем ответственность за применение той или иной правовой нормы лежит исключительно на том, кто применяет норму, ведь после того, как компьютер помог отыскать норму, правоприменитель должен проверить, действительно ли она соответствует данной конкретной ситуации, проверить подлинность текста соответствующей нормы, истолковать ее для себя и т.д.

В свете изложенного, нам представляется верным считать компьютеры и иные информационно-коммуникационные технологии именно средствами правоприменительной техники, поскольку они являются лишь вспомогательным подспорьем, «орудием» для выявления обстоятельств рассматриваемого дела, поиска норм права, необходимых для применения к конкретному случаю.

Для совершения действий, предшествующих созданию правоприменительного акта, правоприменитель использует и различные приемы правоприменительной техники. Например, прием конкретизации положений. Как утверждает М.В. Залоило, «в процессе правоприменительной конкретизации содержание общей юридической нормы конкретизируется, индивидуализируется применительно к отдельному обстоятельству, факту или их совокупности» [16, с. 107]. Ученый даже выделает отдельный вид конкретизации — правоприменительную конкретизацию.

Еще одним приемом, с помощью которого устанавливаются факты обстоятельств дела, в литературе называют доказательства. В то же время в определенных случаях право не требует доказательств фактов, а полагает их в качестве истинных без доказательств. В этом случае, по Р. Лукичу, используются такие приемы юридической техники как правовая презумпция и правовая фикция [8, с. 299–300].

Одним из приемов правоприменительной техники рассматриваемого типа можно считать юридическую квалификацию. Юридическая квалификация сопровождает весь процесс правоприменения и необходима на каждом его этапе. Прием юридической квалификации заключается в том, чтобы сопоставить суждения о совокупности установленных обстоятельств с суждениями о содержании нормы права. По-другому этот прием правоприменительной техники можно назвать «юридической оценкой». В то же время, обращаем внимание на справедливое замечание Е.В. Чвялевой относительно того, что юридическую квалификацию, связанную с формой реализации, следует отличать от квалификации в правоприменительном процессе, т.е. от правоприменительного действия, которое осуществляется официальными органами (судом, администрацией и т.д.), должностные лица которых владеют профессиональными правовыми знаниями [17, с. 78].

Кроме вышеперечисленных приемов считаем возможным указать группу приемов правоприменительной техники, используемых для обработки информации. Такими приемами, на наш взгляд являются: гипотезы, версии, опровержения, обобщения, аргументации, теории, аналогии и т.д. С их помощью возможна выработка оптимального пути разрешения юридического конфликта, а именно доказывание истинных суждений и опровержение ложных, аргументация своих умозаключений, обобщение имеющейся информации и т.д.

Второй тип — средства и приемы создания правоприменительного акта.

Выделение в данном случае отдельного типа технико-юридического инструментария, посвященного лишь подготовке акта применения права (в большей степени его текста), не случайно: «большую часть актов применения права составляют именно акты-документы. Письменная форма акта-документа позволяет точно зафиксировать его содержание, проверить его законность и обоснованность» [18, с. 207].

Первую подгруппу средств рассматриваемого типа составляют формальные средства, коими являются, например, реквизиты правоприменительного акта. В зависимости от содержания и вида правоприменительные акты могут иметь различную форму. Основной, преимущественной формой актов применения правовых норм, является письменная. Формальным средством правоприменительной техники зачастую выступает определенный шаблон (структура). Конечно, требования, предъявляемые к актам по различным категориям дел, имеют

свои особенности. По наиболее сложным делам законодатель строго определяет структуру акта и содержание каждой его части. Как утверждает В.В. Лазарев, по своей структуре акты применения правовых норм состоят из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей [19, с. 61]. В свою очередь, И.Я. Дюрягин считает, что мотивировочная часть присуща лишь судебным актам [20, с. 155].

Как и в случае с правотворческой техникой, в правоприменительной технике большая роль отводится, так называемым, содержательным средствам. Сюда традиционно включаются во всем многообразии языковые средства — стиль, понятия, особая терминология, речевые обороты и т.д. Эта подгруппа средств правоприменительной техники очень важна, ведь акты применения норм права характеризуются строгим стилем изложения, лаконичностью, четкостью формулировок, ясностью содержания и т.д.

В правоприменительной технике значительные особенности имеет такое языковое средство как терминология. Государственный орган, осуществляющий подготовку правоприменительного акта, обязан учитывать терминологию нормативных правовых актов, нормы которых подлежат реализации. В то же время в правоприменительных актах могут применяться многие разновидности правовой терминологии. Так, среди языковых средств правоприменительной техники А.А. Тенетко выделяет фразеологизмы, полагая, что они являются «важнейшим средством оптимизации текстов и юридической речи в целом и составляют костяк любого правоприменительного акта» [21].

В качестве еще одного средства правоприменительной техники рассматриваемого типа в литературе называют юридические конструкции (например, М.Л. Давыдова [22, с. 115] и др.). Использование юридических конструкций играет исключительно важную роль при подготовке любых правовых актов, не только актов применения права. Согласимся с профессором И.Н. Сенякиным, который называет юридические конструкции «одним из важнейших средств устранения законодательного дисбаланса» и считает наиболее правильным рассматривать их как многоаспектное явление [23, с. 695].

Для создания правоприменительного акта используются также инструментальные (компьютеры, бумагу и пр.) и учетно-регистрационные средства. Они необходимы для подтверждения факта получения документов, их вручения, отправки, нахождения в канцелярии, архиве (штампы, надписи, регистрационные номера и др.).

Что касается приемов правоприменительной техники рассматриваемого типа, то среди них можно назвать конкретизацию, используемую при формулировании текста акта. Как отмечает Г.Г. Шмелева, государственные органы (например, верховные суды), анализируя и обобщая правоприменительную практику, могут прийти к выводу о необходимости конкретизировать ту или иную норму права. Тогда они формулируют в особых актах более конкретные правила поведения общего характера либо включают в акты, созданные ранее правоприменительными органами при рассмотрении юридических дел. Тем самым этим положениям придается уже и юридически общий характер [24, с. 21].

Нередко функции некой конкретизации выполняют примечания. В последние годы в литературе примечания часто относят к технико-юридическому приему и значимому содержательному явлению. Примечания часто используются как в правотворчестве, так и в правоприменении, в них нередко помещаются прило-

жения, перечни и т.д. Однако необходимость использования этого приема часто подвергается критике. Так, Л.А. Морозова считает, что далеко не все примечания выполняют «пояснительную функцию» [25, с. 87]. В то же время, рассматривая примечания как прием или атрибут технико-юридического оформления правоприменительного акта, считаем возможным говорить о его «полезных функциях». Например, посредством примечаний можно давать «расшифровку» каких-либо сроков, размеров, пояснительных примеров. Можно использовать примечания, как предлагает Н.А. Власенко, «для определения юридических терминов» [25, с. 88], ведь правоприменительный акт зачастую невелик и не содержит большого числа правовых конструкций и категорий.

Еще одним из приемов создания акта применения права является использование ссылок. В настоящее время законодательством не установлено требование использования ссылок на применяемые нормы. Тем не менее в литературе встречаются предложения о необходимости законодательного закрепления обязанности компетентного органа или лица ссылаться в принятом акте на применяемую норму права [26, с. 65].

Подводя итог вышеизложенному отметим следующее.

Правоприменительная техника — самостоятельный вид юридической техники, представляющий собой совокупность средств и приемов, используемых и применяемых в соответствии с определенными правилами для подготовки актов применения права, а также выполнения действий, предшествующих их принятию.

Существуют два типа средств и приемов правоприменительной техники. Первый тип — средства и приемы совершения действий, предшествующих созданию правоприменительного акта. В качестве вспомогательных средств, позволяющих осуществить указанные действия, выступают программно-технологические средства юридической техники (официальные информационно-поисковые системы поиска правовой информации, банки данных правовой информации, электронные ресурсы и т.д.). Приемами правоприменительной техники указанного типа являются конкретизация положений, доказательства, юридическая квалификация (юридическая оценка), обобщения, гипотезы, аналогии и др.

Второй тип средств и приемов правоприменительной техники — средства и приемы создания правоприменительного акта. Средства можно подразделить на формальные (реквизиты правоприменительного акта, его структура), содержательные (языковые средства — стиль, терминология и т.д.), инструментальные (компьютер, бумага и пр.), учетно-регистрационные (штампы, надписи и пр.) и др. В свою очередь приемы создания правоприменительного акта — это конкретизация текста, использование примечаний, ссылок и др.

Проведенная типология показывает, что к правоприменительной технике во многом применим арсенал средств и приемов правотворческой техники, поскольку содержание акта применения права, как и нормативного правового акта, выражено в виде определенного юридически осмысленного текста. Вместе с тем, с учетом изученной специфики этих актов, средства и приемы правоприменительной техники имеют свои особенности. Примером могут служить отличительные требования к терминологии правоприменительных актов, заключающиеся в прямой зависимости от терминологии нормативного правового акта, норма которого подлежит применению. Имеются особенности правоприменительных актов, касающиеся их формы, ведь зачастую она установлена на законодатель-

ном уровне. Правила использования средств и приемов правоприменительной технике будут отличаться в зависимости от своеобразия субъекта правоприменения, ситуации, которую необходимо разрешить, уровня профессионализма должностных лиц, иных факторов.

Библиографический список

1. Поленина С.В., Куманин Е.В. Социальные аспекты правотворчества и реализации права // Советское государство и право. 1984. № 8. С. 12–19.
2. Глазырин В.В. Эффективность правоприменительных актов // Советское государство и право. 1984. № 2. С. 11–17.
3. Малько А.В., Ростовщиков И.В., Рудковский В.А. Правоприменительная политика в современной России: проблемы формирования и осуществления (обзор материалов международного «круглого стола») // Государство и право. 2014. № 8. С. 99–105.
4. Сільчанка М.У. Падыходы да кадэфікацыі юрыдычнай тэхнікі // Юстыцыя Беларусі. 2017. № 8. С. 25–28.
5. Брауде И.Л. Вопросы законодательной техники // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 52–59.
6. Красавчиков О.А. Ученые труды: в 3 т. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1961. Т. 6: Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система). 379 с.
7. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2-х т. Свердловск, 1973. Т. 2. 401 с.
8. Лукич Р. Методология права. М.: Прогресс, 1981. 304 с.
9. Сильченко Н.В. Республиканский научный семинар «Правоприменительная техника» // Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. 2013. № 1. С. 99–103.
10. Илясов А.Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 31 с.
11. Сазонова Д.В. Значение совершенствования правореализационной техники // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 4. С. 68–73.
12. Логинов А.С. Правоприменительная техника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 37 с.
13. Миняшева Г.И. Юридическая технология подготовки правоприменительных актов: понятие и сущность // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 185–188.
14. Колесник И.В. Понятие и признаки правоприменительной технологии // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 31–41.
15. Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М.: Юридическая литература, 1986. 192 с.
16. Залоило М.В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 105–112.
17. Чвялева Е.В. Роль юридической квалификации в реализации права // Проблемы реализации права: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Свердловский ордена Трудового Красного Знамени юридический институт имени Р.А. Руденко. 1990. С. 77–80.
18. Агульняная тэорыя права: навуч. дапам / М.У. Сільчанка, В.В. Сядзельнік, С.А. Жаўняровіч / пад. рэд. М.У. Сільчанкі. Гродна: ГрДУ. 2004. 298 с.
19. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. 200 с.
20. Дюрягин И.А. Применение норм советского права. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1973. 248 с.

21. *Тенетко А.А.* Юридическая техника правоприменительных актов: автореф. дис. ... канд. юрид наук. Екатеринбург, 1999. 22 с.
22. *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2009. 318 с.
23. *Сенякин И.Н.* Роль юридических конструкций в устранении дисбаланса нормативных правовых актов // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 693–700.
24. *Шмелева Г.Г.* О конкретизации юридических норм, осуществляемой в связи с правоприменением // Вестник Львовского университета. Серия юридическая. 1983. № 22. С. 20–25.
25. *Морозова Л.А.* Юридическая техника (Обзор материалов научно-методического семинара) (Окончание) // Государство и право. 2000. № 12. С. 85–98.
26. *Новоселов В.И.* Законность актов органов управления. М.: Юридическая литература, 1968. 108 с.

References

1. *Polenina S.V., Kumanin E.V.* Social Aspects of Lawmaking and the Implementation of Law // Soviet state and law. 1984. № 8. P. 12–19.
2. *Glazyrin V.V.* The Effectiveness of Law Enforcement Acts // Soviet state and law. 1984. № 2. P. 11–17.
3. *Malko A.V., Rostovshchikov I.V., Rudkovsky V.A.* Law Enforcement Policy in Modern Russia: Problems of Formation and Implementation (review of materials of the international “round table”) // State and Law. 2014. № 8. P. 99–105.
4. *Silchanka N.V.* Approaches to the Codification of Legal Technology // Justice of Belarus. 2017. № 8. P. 25–28.
5. *Braude I.L.* Issues of Legislative Technology // Soviet State and Law. 1957. № 8. P. 52–59.
6. *Krasavchikov O.A.* Scholarly Works: in 3 volumes. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1961. Т. 6. Soviet science of civil law (concept, subject, composition and system). 379 p.
7. *Alekseev S.S.* Problems of the Theory of Law: a course of lectures in 2 volumes. Sverdlovsk, 1973. Т. 2. 401 p.
8. *Lukich R.* Methodology of Law. М.: Progress, 1981. 304 p.
9. *Silchenko N.V.* Republican Scientific Seminar «Law Enforcement Technique» // Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 4. Jurisprudence. 2013. № 1. P. 99–103.
10. *Ilyasov A.N.* Law Enforcement Technique and Law Enforcement Technology (theoretical and legal analysis): extended abstract dis. ... cand. of law. Saratov, 2008. 31 p.
11. *Sazonova D.V.* The Value of Improving Law Enforcement Technology // Bulletin of the Volga Academy of Public Administration. 2012. № 4. P. 68–73.
12. *Loginov A.S.* Law Enforcement Technique: extended abstract dis. ... cand. of law. N. Novgorod, 2011. 37 p.
13. *Minyasheva G.I.* Legal Technology for the Preparation of Law Enforcement Acts: Concept and Essence // Gaps in Russian legislation. 2011. № 1. P. 185–188.
14. *Kolesnik I.V.* The Concept and Signs of Law Enforcement Technology // Law and modern states. 2013. № 4. P. 31–41.
15. *Kazmin I.F.* General Problems of Law in the Conditions of Scientific and Technological Progress. М.: Legal literature. 1986. 192 p.
16. *Zaloilo M.V.* Concretization and Interpretation of Legal Norms: Problems of Correlation and Interaction // Journal of Russian Law. 2010. № 5. P. 105–112.
17. *Chvyaleva E.V.* The Role of Legal Qualification in the Implementation of Law // Problems of the Implementation of Law: Intercollegiate collection of scientific papers: Sverdlovsk Order of the Red Banner of Labor Law Institute named after R.A. Rudenko, 1990. P. 77–80.

18. *The General Theory of Law: textbook* / N.V. Silchenko, V.V. Sedelnik, S.A. Zhevnerovich. Edited by N.V. Silchenko. Grodno: State University, 2004. 298 p.
19. *Lazarev V.V. The Application of Soviet Law*. Kazan: Kazan University Press, 1972. 200 p.
20. *Dyuryagin I.A. The Application of Soviet Law*. Sverdlovsk: Middle Ural Book Publishing House, 1973. 248 p.
21. *Tenetko A.A. The Legal Technique of Enforcement Acts: extended abstrat dis. ... cand. of law*. Yekaterinburg. 1999. 22 p.
22. *Davydova M.L. Legal Technique: Problems of Theory and Methodology: monograph*. Volgograd: VolSU Publishing House, 2009. 318 p.
23. *Senyakin I.N. The Role of Legal Constructions in Eliminating the Imbalance of Normative Legal Acts // Legal Technique*. 2013. № 7 (ч. 2). P. 693–700.
24. *Shmeleva G.G. On Concretization of Legal Norms Carried out in Connection with Law Enforcement // Bulletin of the Lviv University. Legal Series*. 1983. № 22. P. 20–25.
25. *Morozova L.A. Legal Technique (Review of materials of the scientific and methodological seminar) (End) // State and law*. 2000. № 12. P. 85–98.
26. *Novoselov V.I. Legality of Acts of Governing Bodies*. M.: Legal literature. 1968. 108 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10040

УДК 340.1

О.В. Домнина

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТЫ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Введение: стремление соответствовать статусу полноценного в правовом, социально-экономическом, идеологическом отношении образования требует от государства выполнения многочисленных функций, одна из которых предопределена необходимостью создания таких условий существования общества, которые бы обеспечивали его безопасность, привычный и основанный на признаваемых нормах и правилах порядок, предупреждали бы возникновение каких-либо негативных проявлений и позволяли развиваться. Традиционное направление деятельности государства по решению перечисленных задач называется функцией правоохраны и осуществляется она в рамках особого рода системы — правоохранительной. **Цель:** формирование авторского понимания места и роли деятельностного и нормативного компонентов в механизме реализации правоохранительной функции Российского государства. **Методологическая основа:** основными методами исследования являются формально-юридический, системно-структурный. В дополнение к ним применяется деятельностный подход. **Результаты:** предложено авторское понимание природы и специфики деятельностного и нормативного компонентов в механизме реализации правоохранительной функции Российского государства. **Выводы:** юридическая деятельность, осуществляемая в рамках механизма реализации функции охраны правопорядка государством (правоохранительная деятельность) — это опосредуемая правом и осуществляемая на его принципах в процедурно-процессуальных формах, целенаправленная, интеллектуально-волевая, управленческая деятельность компетентных субъектов, направленная на обеспечение состояния защищенности и безопасности отношений и явлений, находящихся в сфере правового воздействия, а также интересов общества, государства и личности от возможных аномалий путем использования правовых способов, средств и гарантий. Нормативная основа анализируемого механизма довольно многообразна и многовариантна. Критикуется позиция, согласно которой, правила поведения, регламентирующие связи и отношения внутри правоохранительной системы, носят исключительно охранительный характер. Хотя, именно охранительные нормы преобладают в силу особенностей изучаемого объекта, а также его целей, задач и функций.

Ключевые слова: функции государства, охрана правопорядка, правоохранительная функция государства.

© Домнина Ольга Викторовна, 2020

Соискатель кафедры теории государства и права, старший преподаватель кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_tgp@ssla.ru

© Domnina Olga Viktorovna, 2020

Postgraduate degree seeker, Theory of state and law department, senior lecturer, Legal psychology, forensic science and pedagogy department (Saratov State Law Academy)

O.V. Domnina**ACTIVITY AND REGULATORY COMPONENTS
OF THE MECHANISM FOR IMPLEMENTING THE LAW
ENFORCEMENT FUNCTION OF THE RUSSIAN STATE**

Background: the desire to meet the status of a legally mature, socio-economic, and ideological education requires the state to perform numerous functions, one of which is predetermined by the need to create such conditions for the existence of society that would ensure its security, the usual order based on the recognized norms and rules, preventing the occurrence of any negative manifestations, and allowing development. Traditionally, the direction of the state's activity in solving these tasks is called the law enforcement function and it is carried out within a special kind of system-law enforcement one. **Objective:** to form the author's understanding of the place and role of the activity and normative components in the mechanism of implementation of the law enforcement function of the Russian state. **Methodology:** main methods of research are formal-legal, system-structural, besides an activity approach is applied. **Results:** the author's understanding of the nature and specifics of the activity and regulatory components in the mechanism of implementation of the law enforcement function of the Russian state is proposed. **Conclusions:** legal activity carried out within the framework of the mechanism for implementing the function of law enforcement by the state (law enforcement) is a purposeful, intellectual-volitional, managerial activity of competent subjects, mediated by law and carried out on its principles in procedural and procedural forms, aimed at ensuring the state of protection and security of relations and phenomena that are in the sphere of legal influence, as well as the interests of the society, the state and the individual from possible anomalies through the use of legal methods, means and guarantees. The normative basis of the analyzed mechanism is quite diverse and multi-variant. The author criticizes the position that the rules of conduct governing relations within the law enforcement system are exclusively protective. Although, it is the protective rules that prevail due to the characteristics of the object being studied, its goals, tasks and functions.

Key-words: state functions, law enforcement, law enforcement function of the state.

Современный этап развития общества свидетельствует о нестабильности в сфере международного сотрудничества. На фоне процессов глобализации отчетливо проявились новые опасности для общества, а также сопутствующие им порой печальные результаты. События последних лет вызвали обоснованные сомнения в методах и способах межгосударственного интеграционного взаимодействия. Глобализация настолько смешала внутреннюю и международную сферы участников данного процесса, что послужило поводом для вмешательства во внутренние дела отдельных государств (как открыто, так и завуалировано).

Изложенное подтверждает, что правоохранительная система государства всегда являлась и остается одним из необходимых условий существования современных государств, действительности закона, верховенства права, мирного общежития людей. Слабая, неспособная выполнять возложенные на нее задачи, она создает потенциальные угрозы не только внешнего вмешательства со стороны более сильных в политическом, экономическом и военном отношении государств, но и приводит к опасности развития деструктивных внутригосударственных процессов: недействительность законов, рост числа правонарушений, развитие правового нигилизма и т.д.

Поэтому охрана и защита граждан, их прав, законных интересов и провозглашенных свобод выступает одной из приоритетных задач современного государства, выполнение которой без наличия эффективной правоохранительной системы невозможно. Необходимость создания такой системы в Российском государстве осознавалось всегда и является актуальной по сей день.

За почти 30-летний период существования современного Российского государства наблюдается постоянное реформирование правоохранительной системы. Это обстоятельство позволяет нам сделать как минимум три вывода. Во-первых, пристальное внимание к правоохранительной функции государства со стороны высших органов власти и должностных лиц свидетельствует об осознании ее важного значения в становлении и развитии Российского правового государства и гражданского общества. Во-вторых, необходимость постоянного реформирования вызвана ненадлежащим состоянием действующего механизма реализации правоохранительной функции государства, ее неспособностью выполнить ряд поставленных перед ней задачи. В-третьих, постоянное реформирование свидетельствует также о неэффективности проводимых реформ, не достижении запланированных ранее результатов, постоянном поиске способов и средств совершенствования правоохранительной деятельности Российского государства.

Значение правоохранительной функции государства для дальнейшего развития российского гражданского общества, российской государственности в целом, имеет практика постоянного реформирования новейшей отечественной правоохранительной системы, взятые в совокупности с отсутствием научно обоснованного подхода к комплексному совершенствованию функционирования государства в рассматриваемой сфере, подтверждают актуальность темы исследования.

Центральными составляющими механизма реализации рассматриваемой функции Российского государства является деятельность соответствующих субъектов правоохраны. Ее характеристика представляется весьма важной, поскольку правоохрана рассматривается в качестве функции системы, а деятельность выступает формой ее выражения. Только деятельность может показать динамическую сторону и функциональные связи какого-либо органа.

Деятельность — сложное явление и представляет собой специфическую форму активного поведения и отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование в интересах людей [1, с. 160]. Содержание понятия деятельности включает несколько элементов: цель; субъект; объект; инструментальную составляющую (средства, методы и способы); процесс деятельности — совокупность актов поведения и этапов их совершения.

В отечественной юридической литературе высказана в целом верная мысль о том, что «... есть все основания для рассмотрения правоохранительной деятельности в буквальном значении, в качестве деятельности по охране права. В таком случае признание охраны правового порядка целью правоохранительной деятельности вполне обосновано. Таким образом, в широком смысле, а также с учетом объектной обусловленности правоохранительная деятельность может рассматриваться как деятельность по охране правопорядка» [2, с. 232]. При этом именно деятельность составляет основу динамики реализации правоохранительной функции государства. Механизм осуществления правоохранительной функции государства предполагает особую деятельность, которая влечет юридически значимые последствия и преследует цель охраны правового порядка.

Юридическая деятельность, осуществляемая в рамках механизма реализации функции охраны правопорядка государством (правоохранительная деятельность) — это опосредуемая правом и осуществляемая на его принципах в процедурно-процессуальных формах, целенаправленная, интеллектуально-волевая, управленческая деятельность компетентных субъектов, направленная на обеспечение состояния защищенности и безопасности отношений и явлений, находящихся в сфере правового воздействия, а также интересов общества, государства и личности от возможных аномалий путем использования правовых способов, средств и гарантий.

Основные признаки правоохранительной деятельности:

1) она выступает формой осуществления правоохранительной функции и осуществляется по нескольким направлениям: осуществление правосудия; контроль и надзор; охрана общественного порядка; защита прав и свобод человека и гражданина; раскрытие и расследование преступлений; привлечение к юридической ответственности; исполнение уголовных и административных наказаний; восстановление нарушенных прав;

2) осуществляется правоохранительными органами государства, за которыми действующим законодательством закрепляется функция правоохраны, а также в ряде случаев возможно делегирование негосударственным субъектам отдельных полномочий по ее осуществлению;

3) цель правоохранительной деятельности — обеспечение состояния защищенности и безопасности отношений и явлений, находящихся в сфере правового воздействия, а также интересов общества, государства и личности;

4) поскольку большая часть правоохранительной деятельности выпадает на соответствующие государственные органы, то ее инструментальной составляющей выступают меры принуждения;

5) правоохранительная деятельность осуществляется в форме правоприменения и поэтому имеет процедурно-процессуальный характер. Поскольку правоохранительная деятельность связана с возможностью ограничения прав и свобод человека, т.к. она осуществляется в процессуальной форме. Правовая процедура — порядок, последовательность совершения юридически значимых действий, направленных на достижение определенного результата. Это позволяет говорить о ней как о гарантии соблюдения прав и свобод граждан и требований закона;

6) правоохранительная деятельность составляет содержание правоохранительной службы.

Следующим значимым блоком средств механизма реализации правоохранительной функции государства является нормативная составляющая, которая играет роль фундамента, основы, связующей все иные компоненты данного механизма, определяет порядок создания и деятельности субъектов правоохраны. Как и иные элементы механизма реализации функции государства, нормативный представляет собой мини-систему и он обладает всеми системными свойствами.

В юридической литературе существуют различные подходы к определению нормативного элемента механизма реализации правоохранительной функции государства. Так, А.Г. Братко видит в нем только нормы права, регламентирующие отношения, возникающие в сфере правоохраны [3, с. 183; 4, с. 196]. Более широкое представление нормативной основы правоохранительной системы позволяет включать в нее структурированные и являющиеся частью российского

законодательства правовые нормы по обеспечению правоохраны: правовые акты, регулирующие деятельность правоохранительных органов, нормы процессуального характера. Все это в совокупности называется правовым компонентом правоохранительной системы, куда, наряду с отмеченной нормативной основой, входят правовые гарантии и юридическая практика [5, с. 41].

Такая трактовка одного из элементов правоохранительной системы заслуживает внимания и имеет право на существование. Однако, на наш взгляд, она несколько не доработана автором, что вызывает некоторые нарекания.

В частности, во-первых, кажутся не совсем удачными используемые формулировки. Называя одну из составляющих правоохранительной системы правовым компонентом, автор будто допускает существование в ней чего-то неправового и противопоставляет их. Во-вторых, правовые гарантии и средства имеют нормативную формализацию, закрепление в праве, а потому составляют совокупность правовых норм. Более того, если гарантии и средства не находят отражения в праве, они не могут считаться правовыми и выполнять регулятивное и обеспечительное значение. В-третьих, юридическая практика логичнее и уместнее смотрится в деятельностном элементе, поскольку представляет собой единство деятельности, результата и опыта. В-четвертых, не совсем корректно определена непосредственно нормативная основа, в которой объединяются различные по природе явления (нормы и акты). Кроме этого, возникает вопрос о целесообразности выделения актов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов, поскольку содержат нормы по обеспечению правоохраны и процессуальные нормы.

В связи с изложенным, считаем, что правильнее будет в качестве нормативного компонента механизма реализации правоохранительной функции Российского государства рассматривать именно правовые нормы.

Отметим, что нормативная основа анализируемого механизма довольно многообразна и многовариантна. Считать, что правила поведения, регламентирующие связи и отношения внутри правоохранительной системы, носят охранительный характер — ошибочно. Хотя, несомненно, именно охранительные нормы преобладают в силу особенностей изучаемого объекта, его целей, задач и функций. При этом нужно иметь в виду, что охранительные нормы представлены в каждой отрасли права, поэтому в правоохранительной системе представлены не только отрасли и институты, охранительная направленность которых доминирует.

Сложность и многоаспектность внутрисистемных связей обуславливает и различный характер нормативного компонента. Так, все это многообразие представлено помимо охранительных норм, нормами-принципами, учредительными, регулятивными.

Нормы-принципы, являющиеся предельно абстрактными по своему содержанию, выступают ориентирами правоохранительной деятельности. развития всего механизма реализации правоохранительной функции государства. По системе нормативно закрепленных принципов можно оценивать уровень развития правоохранительной деятельности, определить ее тип и систему ценностей, на первоочередную охрану которой она нацелена.

Нормы учредительного характера содержатся в законах и положениях, которыми учреждаются правоохранительные органы или иные негосударственные структуры, осуществляющие функцию правоохраны.

Регулятивные нормы устанавливают права и обязанности субъектов правоохранительных отношений, регламентируют процесс правоохраны, отношения по взаимодействию осуществления правоохранительной функции и т.д.

Особое значение имеют процессуальные нормы. Осуществляемая, чаще всего, в форме правоприменения правоохранительная деятельность, связанная с реализацией принудительных мер, имеет процессуальный характер. Четко установленные правовыми нормами процедуры являются гарантиями соблюдения прав и свобод граждан, законности осуществления правоохраны. Этим и предопределяется значение процессуальных норм в нормативной составляющей правоохранительной системы.

Завершая характеристику нормативной составляющей системно-элементного компонента правоохранительной системы, необходимо указать на то, что нормы содержатся в актах различных по юридической силе и по уровню публичной власти (федеральных, региональных актах, актах органов местного самоуправления). Такая ситуация требует грамотного, качественного с точки зрения технического оформления актов правотворчества, поскольку единство и непротиворечивость нормативного элемента — залог единства механизма реализации правоохранительной функции государства и его эффективности.

Надо отметить, что юридические нормы являются и объектом правоохранительной деятельности. Они в числе иных явлений правовой системы нуждаются в охране. В этом случае они предстают уже как объект воздействия механизма реализации правоохранительной функции государства. Но, с другой стороны, правовые нормы регламентируют деятельность субъектов правоохраны, и здесь они являются составной частью данного механизма, что позволяет вести речь о диалектической двойственности нормативных правовых предписаний по отношению к правоохранительной функции государства.

Библиографический список

1. *Философский энциклопедический словарь* / редколл. С.С. Аверинцев и др. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 814 с.
2. *Пожарский Д.В.* Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 426 с.
3. *Братко А.Г.* Правоохранительная система (вопросы теории). М.: Юридическая литература, 1991. 208 с.
4. *Братко А.Г.* Правоохранительная система: Вопросы теории: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 370 с.
5. *Правкин И.В.* Правоохранительная система в условиях реформирования российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 165 с.

References

1. *Philosophical encyclopedic dictionary* / editorial board. S.S. Averintsev et al. 2nd ed. M.: Sov. Encyclopedia., 1989. 814 p.
2. *Pozharsky D.V.* The Protective Function of the State (Theoretical and Methodological Problems): dis. ... doct. of law. Moscow, 2014. 426 pp.
3. *Bratko A.G.* Law Enforcement System (Questions of Theory). M.: Legal lit., 1991. 208 p.
4. *Bratko A.G.* Law Enforcement System: Questions of Theory: dis. ... doct. of law. Moscow, 1992. 370 p.
5. *Pravkin I.V.* Law Enforcement System in the Conditions of Reforming the Russian State: dis. ... cand. of law. M., 2011. 165 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10041

УДК 340.137

М.А. Байдарова

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ ИСКЛЮЧЕНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Введение: исключения имплементируются в юридические нормы для того, чтобы быть реально задействованными в процессе регулирования общественных отношений. Претворение нормативных предписаний, содержащих исключения из правил, подразумевает собой их практическую реализацию. **Цель:** исключения в праве представляют собой не застывшую, а динамичную категорию, получающую непосредственную реализацию. Автором ставится цель проанализировать реализацию исключений в праве. **Методологическая основа:** используется совокупность методов научного познания, среди которых системно-структурный и сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно модели присутствия исключений в различных формах реализации права. **Выводы:** реализация исключений находится в рамках традиционной парадигмы реализации права и отражается в четырех формах: соблюдение, исполнение, использование, применение.

Ключевые слова: реализация правовых исключений, формы, соблюдение, исполнение, использование, применение, ограничения, дозволения.

М.А. Baidarova

FORMS OF IMPLEMENTATION OF LEGAL EXCEPTIONS: THEORY AND PRACTICE

Background: exceptions are implemented in legal norms in order to be really involved in the process of regulation of public relations. The implementation of regulatory requirements containing exceptions to the rules implies their practical implementation. **Objective:** exceptions in law are not a fixed, but a dynamic category that receives direct implementation in law. The author aims to analyze the implementation of exceptions in law. **Methodology:** a set of methods of scientific cognition is used in the research, including system-structural and comparative-legal research methods. **Results:** the author argues the author's position regarding the model of the presence of exceptions in various forms of the implementation of law. **Conclusions:** the implementation of exceptions is within the framework of the traditional paradigm of the implementation of law and is reflected in four forms: compliance, enforcement, use, application.

Key-words: implementation of legal exceptions, forms, compliance, execution, use, application, restrictions, permits.

Вопросы реализации права всегда представляли особый интерес для представителей юридической науки.

© Байдарова Марина Александровна, 2020

Соискатель кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: fetisowa.marina2010@yandex.ru

© Baidarova Marina Aleksandrovna, 2020

Postgraduate degree seeker, Theory of state and law department (Saratov State Law Academy)

Социальное назначение права заключается в регулировании поведения людей. В свою очередь правовые нормы не могут выполнять регулирующую функцию без их реализации в действительности. Классическими формами реализации права выступают следующие: соблюдение, исполнение, использование и применение [1, с. 707–710]. Первые три формы коррелируют с ограничениями и дозволениями. В частности, соблюдение и исполнение непосредственно связаны с ограничениями (точнее, соблюдение с запретами; исполнение с обязанностями); использование права соотносится с дозволениями. Применение как особая форма реализации права интегрирует в себе и дозволения и ограничения [2].

Реализация исключения в праве — процесс материализации правовых предписаний в поведении субъектов права, позволяющий достичь баланса субъективных прав и юридических обязанностей в правовом регулировании общественных отношений [3, с. 45–49].

Бесспорным является то, что само присутствие исключений в праве дает возможность последнему быть высокочувствительным к природе регулируемых им объектов [4, с. 123].

Соблюдение права есть пассивная форма его реализации; при ней субъект права воздерживается от противоправного поведения в своих действиях и бездействиях [5, с. 16]. Доминантой при соблюдении права выступает такая разновидность ограничений как правовые запреты. «Соблюдение права, — верно пишет С.В. Бошно, — форма реализации права, которая выражается в том, что субъект права соотносит свое поведение с юридическими запретами» [6, с. 154].

Соответственно, роль магистрального правила при соблюдении права играют запреты; исключения в свою очередь предстают в виде дозволений.

В контексте рассуждений об эскорте исключениями реализации права для обеспечения полноты и результативности правового регулирования, исключения при проекции к соблюдению права олицетворяют не что иное как запрет. В частности, разрешается в установленном порядке въезд и выезд определенных категорий граждан на территорию закрытого образования, за исключением запретных зон установленных в последнем. Например, ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» устанавливает, что «валютные операции между резидентами запрещены, за исключением». Список исключений из названного запрета содержится в тридцати пунктах указанной нормы¹.

По нашему мнению, конструкция здесь такова: общим правилом является дозволение, а исключения, воплощающиеся в запрете, привносят в регуляцию компонент соблюдения.

Исполнение — это такая форма реализации права, которую необходимо определять, как претворение в жизнь обязывающих юридических предписаний [7, с. 9]. На наш взгляд, аксиоматичен тот факт, что генеральную функцию при исполнении права выполняют юридические обязанности.

Тем самым, по аналогии с соблюдением права, можно утверждать, что исполнение основывается на обязанностях, имеющих амплуа правил ограничительного характера; исключения опять выполняют миссию дозволений.

В свою очередь умозаключение о сопровождении исключениями каждой формы реализации права, необходимом для достижения наибольшего коэффициента

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50, ст. 4859.

его действия, обуславливает апорию об исключениях-обязанностях, имеющих место быть в сегменте, где господствуют дозволения.

Обязывания и запреты являются подвидами ограничения в праве, что во многом объясняет превалирование в их природе свойства императивности. Однако подобное единство не устраняет комбинирование правил и исключений, выступающих как обязывания и запреты. Иными словами, если правилом служит обязывание, то в качестве исключения из него может выступать не только дозволение, (что закономерно), но и запрет; при этом вполне допустима и иная вариация: запрет — правило, обязывание — исключение из него.

Кибернетический закон необходимого разнообразия жизни детерминирует конгломерат в реализации права соблюдения и исполнения, и как следствие, чисто гипотетически можно предположить существование в законодательстве различных вариаций сочетания правил и исключений: «запрет как правило, и запрет как исключение из него», «обязывание, выступающее правилом, и обязывание как исключение», вполне допустима и такая конструкция как «исключение из исключений» [8, с. 79–80], проецирующаяся не только на запреты и обязывания, но и на права (дозволения), которыми обладают участники правоотношений.

Упоминание о дозволениях обуславливает необходимость анализа такой формы реализации права как использование, а также иллюстрирования роли и значения исключений в механизме ее осуществления.

Использование права — это форма реализации, основанная на управомочивающих нормах, закрепляющих юридические возможности субъектов [9, с. 6].

Краеугольным элементом использования права служит дозволение. Соответственно, как неоднократно подчеркивалось, если дозволение в ходе использования права выступают как правила, то исключения выражаются в виде ограничений: в контексте реализации права они предстают как запреты (соблюдение) и обязывания (исполнение).

Для использования права также как и для соблюдения и исполнения характерно множество комбинаций, синтезирующих в себе правила и исключения из них. Особенностью и тех и других служит диспозитивная природа, когда использование как правил, так и в особенности исключений зависит от усмотрения правообладателя; олицетворяющая правовую возможность, которая «является лишь потенцией социальной действительности» [10, с. 43].

В еще большей степени, чем при использовании, связь реализации исключения с усмотрением находит свое выражение в процессе правоприменения.

В самом общем виде правоприменение можно охарактеризовать как властную организационную деятельность компетентных органов, направленную на разрешение юридического казуса на основе действующего законодательства [11, с. 710].

В контексте сказанного можно признать определенную правоту сторонников расширенного понимания правоприменения, включающих в него режимы соблюдения, исполнения, использования [12, с. 77]. Это обуславливает специфику правоприменения, заключающуюся в том, что оно совмещает в себе инструментарий, как раз и присущий иным формам реализации права — запреты (соблюдение), обязывания (исполнение), дозволения (использование). Такого рода синтез обуславливает присутствие в правоприменении разновекторных юридических средств, к которым, без сомнения, относятся исключения, выступающие в виде дозволений, обязываний, запретов.

Таким образом, названные формы коррелируют с тем фактом, что исключения в проекции к правилам предстают как дозволения или ограничения. Тем самым, если магистральным правилом той или иной формы реализации выступает ограничение, то исключение подразумевает собой дозволение и наоборот. При этом надо учитывать, что проявление исключений в ходе реализации сложнее указанной схемы; наряду с указанной дихотомией «правило-исключение», последние могут вносить добавочный компонент в соответствующую форму реализации, обеспечивая ее максимальную эффективность.

Названный дуализм непосредственно отражается в конструкции реализации исключений, которая выглядит следующим образом. При соблюдении, где роль правил играют запреты, исключения предстают в виде дозволений. В свою очередь, в контексте рассуждений о сопроводительном характере исключений при их реализации, следует констатировать, что исключения могут воплощаться в запретах, привнося в регуляцию компонент соблюдения. При исполнении права, основывающемся на обязанностях, исключения выполняют миссию дозволений. Эскортирующая функция исключений, необходимая для достижения наибольшего коэффициента исполнения права, обуславливает наличие исключений-обязанностей, имеющих место быть в сегменте исполнения. При использовании права правилами служат дозволения; исключения выражаются в виде ограничений: в контексте реализации права они предстают как запреты (соблюдение) и обязывания (исполнение).

Для соблюдения, исполнения, использования характерно множество комбинаций, синтезирующих в себе правила и исключения из них. Так, если правилом служит обязывание, то в качестве исключения из него может выступать не только дозволение, но и запрет; при этом вполне допустима и иная вариация: запрет — правило, обязывание — исключение из него. Дозволения могут олицетворять не только исключения из ограничений (запретов и обязываний), но и из иных дозволений. В этой связи вполне допустима и постановка вопроса об исключениях из исключений. Подобное сочетание объясняется кибернетическим законом необходимого разнообразия, гиперболизировано проявляющим себя в ходе реализации права.

Особым образом реализуются исключения в форме правоприменения. Спецификой применения права служит, с одной стороны, интеграция в себе компонентов тех или иных форм реализации. Подобная интеграция детерминирует присутствие в применении права как исключений-дозволений, так и исключений-ограничений. С другой стороны, такие отличительные качества правоприменения как властная природа, конкретизирующий эффект, отраженный в правоприменительном акте, процессуальное оформление, субъектный состав, непосредственно влияют на исключения. В частности, исключения — это нормативные веления государства, обладающие свойством конкретизации, воплощающиеся в акте правоприменения, вынесенным в установленной процессуальной форме уполномоченными на то субъектами.

Доминирующее количество исключений напрямую связано с усмотрением правоприменителя. В данном смысле применение исключений диспозитивно. Усмотрение применения большей части исключений — объективная данность, обеспечивающая результативность, дифференцированность и оперативность правового регулирования. Вместе с тем превалирование фактора усмотрения обуславливает способность злоупотребления исключениями. Для ликвидации

(минимизации) негативного эффекта применения исключений подходят различные инструментариумы, основным из которых следует считать надлежащее толкование исключений.

Библиографический список

1. *Вопленко Н.Н.* Реализация права // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 2. 802 с.
2. *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. М., 1960. 511 с.
3. *Белоусов С.А., Суменков С.Ю.* Исключения в праве как возможность достижения баланса либо обретения дисбаланса: общетеоретический анализ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С.45–50.
4. *Гук П.А., Суменков С. Ю.* Исключения в праве и их реализация в судебной деятельности // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 123–130.
5. *Осипов А.В.* Соблюдение норм советского права как форма их реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1980. 23 с.
6. *Бошно С.В.* Правоведение. Основы государства и права: учебное пособие. М., 2007. 490 с.
7. *Шаронов В.С.* Исполнение права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 26 с.
8. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. 376 с.
9. *Сенников И.Е.* Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 21 с.
10. *Матузов Н.И., Ушанова Н.В.* Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов, 2010. 270 с.
11. *Вопленко Н.Н.* Понятие и особенности применения права // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 2. 802 с.
12. *Тихомиров Ю.А.* Механизм правоприменения // Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2008. 277 с.

References

1. *Voplenko N.N.* Implementation of Law // General Theory of State and Law. Academic course in three volumes / executed editor M.N. Marchenko. 3rd ed., revised and supplemented. M., 2007. Vol. 2. 802 p.
2. *Nedbailo P.E.* Application of Soviet Legal Norms. Moscow, 1960. 511 p.
3. *Belousov S.A., Sumenkov S.Yu.* Exceptions in Law as a Possibility of Achieving Balance or Finding an Imbalance: General Theoretical Analysis // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. No. 3 (43). P. 45–50.
4. *Guk P.A., Sumenkov S.Yu.* Exceptions in Law and Their Implementation in Judicial Activity // Journal of Russian law. 2006. No. 8. P. 123–130.
5. *Osipov A.V.* Compliance with the Norms of Soviet Law as a Form of Their Implementation: extended abstract of dis. ... cand. of law. Saratov, 1980. 23 p.
6. *Boshno S.V.* Jurisprudence. Fundamentals of State and Law: textbook. Moscow, 2007. 490 p.
7. *Sharonov V.S.* Enforcement of Law: extended abstract of dis. ... cand. of law. Saratov, 2018. 26 p.
8. *Exceptions in Law: Theoretical and Instrumental Analysis.* Moscow, 2016. 376 p.
9. *Sennikov I.E.* Use of Law as a Form of Direct Implementation of Legal Norms: extended abstract of dis. ... cand. of law. N. Novgorod, 2003. 21 p.

10. *Matuzov N.I., Ushanova N.V.* Possibility and Reality in the Russian Legal System. Saratov, 2010. 270 p.

11. *Voplenko N.N.* Concept and Features of Law Application // General theory of State and Law. Academic course in three volumes / Rel. edited by M.N. Marchenko. 3rd ed., revised and supplemented. M., 2007. Vol. 2. 802 p.

12. *Tikhomirov Yu.A.* Mechanism of Law Enforcement // Law Enforcement: Theory and Practice / executed editor Yu.A. Tikhomirov. Moscow, 2008. 277 p.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10042

УДК 342.722.1

Е.Г. Стребкова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАВНЫХ ПРАВ И СВОБОД МУЖЧИН И ЖЕНЩИН И РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ОРГАНАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

***Введение:** вопросы, касающиеся обеспечения равных прав и свобод мужчин и женщин остаются актуальными для современной юридической науки. Реализация равных прав мужчинами и женщинами в органах законодательной власти является необходимым индикатором развития демократического режима в государстве. **Цель:** на основе комплексного анализа исследовать сущность и содержание категории равенства прав и свобод мужчин и женщин в законодательных органах власти, определить современные тенденции в практике государств по обеспечению равенства мужчин и женщин в законодательных органах государственной власти, а также перспективы их развития. **Методологическая основа:** исторический, сравнительно-правовой, системный, анализ и синтез, системно-структурный методы исследования. **Результаты:** предлагается авторская дефиниция понятий «равные права и свободы», «равные возможности»; анализируются статистические данные об участии женщин в парламентах различных государств, а также особенности реализации прав мужчин и женщин в законодательных органах. **Выводы:** ценность права состоит в юридических гарантиях его реализации. Достижение фактического равенства мужчин и женщин в законодательных органах государственной власти является правовым идеалом, к которому следует стремиться современному демократическому правовому государству. Поддержка женщин в реализации их прав в законодательных органах государственной власти наравне с мужчинами является временно необходимой мерой до достижения фактического равенства в реализации прав мужчин и женщин. Обеспечение равных прав и равных возможностей их реализации для мужчин и женщин — это единственный путь к цивилизованному государству, в котором комфортно всем гражданам страны.*

***Ключевые слова:** равные права, равные свободы, равные возможности, мужчины и женщины, гендерное равенство, законодательные органы государственной власти, позитивная дискриминация.*

E.G. Strebkova

**ENSURING EQUAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MEN
AND WOMEN AND EQUAL OPPORTUNITIES FOR THEIR
IMPLEMENTATION IN LEGISLATIVE BODIES**

Background: issues related to ensuring equal rights and freedoms of men and women remain relevant for modern legal science. The realization of equal rights by men and women in legislative bodies is a necessary indicator of the development of a democratic regime in the state. **Objective:** on the basis of a comprehensive analysis, to study the essence and content of the category of equality of rights and freedoms of men and women in the legislative authorities, to identify current trends in the practice of states to ensure equality of men and women in the legislative bodies of state power, as well as their development prospects. **Methodology:** historical, comparative legal, systemic, analysis and synthesis, systemic and structural research methods. **Results:** author's definition of the concepts of "equal rights and freedoms", "equal opportunities" is proposed; statistical data on the participation of women in the parliaments of various states, as well as features of the realization of the rights of men and women in the legislative bodies are analyzed. **Conclusions:** the value of law is the legal guarantees of its implementation. Achieving de facto equality of men and women in the legislative bodies of state power is the legal ideal to which the modern democratic rule of law should strive. Support for women in parliaments is needed as a temporary measure until the barriers to women's legislative bodies are removed. Ensuring equal rights and equal opportunities for their realization for men and women is the only way to a civilized state in which all citizens of the country are comfortable.

Key-words: equal rights, equal freedoms, equal opportunities, men and women, gender equality, legislative bodies of state power, positive discrimination.

*Женщины без мужского общества блекнут,
а мужчины без женского глупеют.
А.П. Чехов*

С XIX в. не прекращается борьба за фактическое и юридическое равенство мужчин и женщин. В XXI в. проблемы гендерного равенства продолжают волновать умы ученых-правоведов. В частности, следует отметить таких ученых, как В.В. Чвыкалов, который провел историко-правовое исследование гендерного равенства в праве, Д.Ф. Латыпова изучившая историко-методологический аспект правового положения женщин, И.Б. Карамурзова проанализировавшая проблемы гендерного равенства в трудовом праве России, Р.А. Торосян, диссертация которой посвящена конституционному регулированию запрета дискриминации мужчин в России, М.К. Гордина изучившая теоретические и практические вопросы гендерного равноправия граждан в современной России, Э.М. Ефремова, которая провела теоретико-правовой анализ реализации принципа равноправия женщин в Российской Федерации, А.А. Максимов исследовавший конституционно-правовые основы обеспечения равенства прав и свобод мужчин и женщин, И.И. Ларинбаева, работа которой посвящена юридической онтологии гендерного равноправия, Л.П. Рыбка рассмотревшая гендерный аспект реализации принципа равного доступа граждан к военной службе по контракту.

Несмотря на юридически закрепленное равенство женщин и мужчин, участие в политической деятельности продолжает оставаться той сферой общественной жизни, в которой доминируют мужчины. Особый интерес представляет диссер-

тация А.В. Кочеткова «Конституционно-правовые основы обеспечения гендерно сбалансированного представительства в законодательных органах Российской Федерации и зарубежных стран». Следует согласиться с тем, что «отсутствие гендерно сбалансированной системы представительства в органах публичной власти на всех уровнях в большинстве стран являются фактами, которые признаются демократическим мировым сообществом» [1, с. 8].

Для того, чтобы начать исследовать проблемы обеспечения равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации, следует сначала определиться с тем, что следует понимать под равными правами, равными возможностями. Являются ли данные понятия синонимами или это совсем разные понятия, имеющие различный смысл?

Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона равенство как политический принцип представляет собой начало государственного устройства, по которому все граждане без различия происхождения, расы, нации, вероисповедания, сословия, класса, пола пользуются одинаковыми гражданскими политическими правами. Равенство стало идеалом к которому стремятся все реформы политического строя в демократическом духе [2, с. 477].

Исходя из современной концепции права в субъективном смысле, право следует понимать, как меру дозволенного государством поведения индивида в обществе. То есть право рассматривается как рекомендуемое правомочие, которое без его реализации остается лишь формальным правилом, позволяющим государству называться правовым и демократическим. Для реализации прав, закрепленных в законодательстве, необходимы условия при которых правовые нормы для каждого индивида превращаются в реальные возможности удовлетворения своих потребностей и интересов. При этом равные возможности в юридическом аспекте следует определять, как одинаковые инструменты для реализации индивидами своих прав.

Термин «свобода» имеет множество значений, будем исходить их концепции понимания свободы как самостоятельности субъектов, способности делать собственный выбор и действовать в соответствии со своими интересами и целями, проявить личный творческий потенциал, удовлетворить свои социальные и личностные потребности.

Итак, в понятия «равные права и свободы», «равные возможности» следует вкладывать различный смысл. Равные права — это одинаковые правомочия, т.е. мера дозволенного государством поведения индивида в обществе. А равные возможности — это одинаковые инструменты для реализации индивидами своих прав. Равенство индивидов заключается не только в их одинаковом правовом положении. Между ними существуют реальные биологические и социальные различия, которые носят объективный характер и проявляются в возможностях реализации их прав. Равенство и неравенство проявляется не только в отношениях индивидов друг к другу, но и в отношении к ним общества, в их реальных возможностях для удовлетворения своих потребностей и интересов. Определившись с понятиями, проанализируем проблемы обеспечения гендерного равенства.

Для начала проанализируем исторические этапы борьбы женщин за свои права. Термин «суфражизм» (пер. с англ. suffrage) означает «избирательное право», именно этим термином обозначалось движение женщин за политическое равноправие. Суфражизм как течение, просуществовал в Великобритании достаточно долго. Он зародился в 1865 г. с создания Комитета женских изби-

рательных прав, который был одной из первых суфражистских организаций. Завершился суфражизм лишь в 1928 г. принятием парламентского закона о народном представительстве, в соответствии с которым английские женщины наделялись такими же избирательными правами, как и мужчины. Британским суфражисткам пришлось через многое пройти, чтобы добиться равенства избирательных прав. Они устраивали демонстрации, особо радикально настроенные женщины поджигали дома известных политиков, провоцировали столкновения с полицией, объявляли голодовку.

Финские женщины наделялись избирательными правами уже в 1906 г. При этом следует помнить, что Финляндия в то время находилась в составе Российской империи и стала первой страной в Европе, в которой женщины получили право голоса. Норвежские женщины получили право голосовать несколько позже — в 1913 г., датские и исландские женщины — в 1915 г., канадские — в 1918 г. Женщины Австрии, Германии, Нидерландов, Польши, Швеции, Люксембурга и Чехословакии были наделены избирательными правами в 1919 г., в 1922 г. эти права получили женщины Ирландии, а в 1931 г. женщины Испании и Португалии, наконец, сумели получить избирательное право [3, с. 193].

Только в 1945 г. женщины во Франции завершили победой борьбу за равенство в избирательных правах с мужчинами. Что касается США, то избирательные права у американских женщин появились немного раньше, чем у англичанок. Девятнадцатая поправка к Конституции США, гарантирующая право голоса американкам, была принята Сенатом США в 1920 г.

Швейцария оставалась до 1971 г. последней страной в Европе, где женщины не имели равных избирательных прав с мужчинами. Однако в некоторых швейцарских кантонах женщины не имели права голосовать на местных выборах значительно позднее. В 1991 г. в кантоне Аппенцелль — Иннерроден женщины, наконец, получили равные избирательные права с мужчинами.

Конечно, правовое положение женщин в мире существенно улучшилось, право голоса стало универсальным. Джорджтаунский Институт по делам женщин, мира и безопасности и Институт по исследованию проблем мира в Осло составил рейтинг лучших стран для женщин по индексу «Женщины, мир и безопасность – 2018» (WPS – 2018).

Эксперты проанализировали данные из 153 стран, чтобы определить, какие и них являются лучшими для прекрасной половины человечества. Первое место заняла Исландия. В первую десятку вошли также Норвегия, Швейцария, Словения, Испания, Финляндия, Канада, Нидерланды, Швеция и Бельгия. В списке худших стран для женщин первое место с конца поделили Сирия и Афганистан, дальше в порядке улучшения следуют Йемен, Пакистан, Центральноафриканская республика, Конго, Ирак, Мали, Судан и Нигер. Россия в этом списке расположилась на 55 месте, позволив обогнать себя не только развитым европейским государствам, но и почти всем странам постсоветского пространства. США расположились на 22 месте, поскольку там высокий уровень семейного насилия, а женщин в парламенте — только 19% (в Исландии — 48%). Очень широким оказался разброс по такому критерию, как представленность женщин в парламенте: он варьируется от 56% в Руанде до нуля в Катаре¹.

¹ См.: *Иванова Н.* Худшие страны для женщин. URL: <https://news.ru/obshchestvo/nazvany-luchshie-i-hudshie-strany-dlya-zhenshin-rejting/> (дата обращения: 20.09.2018).

Несмотря на всеобщую демократическую направленность мировой политики, еще остаются страны, где женщинам не совсем доверяют участвовать в избирательном процессе. Например, Ватикан является абсолютной теократической монархией, которой управляет Папа Римский. Он избирается на пожизненный срок тайным голосованием кардиналов. Женщин среди последних быть не может, т.к. Ватикан не признает посвящения в духовный сан представительниц прекрасного пола. В Ливане участвовать в выборах могут только женщины, предоставившие справку о начальном образовании, при этом они могут идти или не идти на избирательные участки по желанию, тогда как для мужчин голосование является обязательным².

Одним из критериев оценивания обеспечения равноправия женщин и мужчин является количество мест, которые занимают женщины в законодательном органе страны. Женщины продолжают завоевывать мир. До 1945 г. в мире была лишь одна женщина, возглавлявшая парламент Австрии. В настоящее время 51 председательствует в одной из палат 193 парламентов. В этом списке присутствует и Россия, где Совет Федерации возглавляет Валентина Матвиенко³.

Межпарламентский союз на основе информации, предоставленной национальными парламентами ежегодно публикует списки стран с информацией о процентных показателях доли женщин в национальных парламентах стран мира. На официальном сайте Межпарламентского союза <https://www.ipu.org> можно найти сведения о количестве избранных в национальные парламенты женщин по странам с 1997 г. С каждым годом количество стран, включенных в таблицу, увеличивается. Например, в 1997 г. их было 177, а на 1 января 2019 г. уже 193. По данным на 1 февраля 2019 г. только в парламентах трех стран — Федеративных Штатов Микронезии, Папуа — Новой Гвинеи, Вануату — женщины не получили ни одного места. Самый большой процент женщин (61,3) в парламенте Руанды, на втором месте с результатом 53,2% Куба, на третьем (53,1%) — Боливия. Россия на 131 месте: только женщин 15,8% в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. Указанные данные свидетельствуют об отсутствии связи между уровнем социально-экономического развития стран и представительством женщин в парламентах.

Отсутствие в парламенте Микронезии женщин можно объяснить традиционной социальной и экономической дискриминацией, причиной которой является доминирование мужчин. Микронезийские женщины приобрели избирательные права после принятия Конституции в 1979 г. Согласно разд. 4 ст. 4 «Декларация прав» Конституции Микронезии принцип равной защиты права не может быть запрещен или нарушен по признаку пола, расы, происхождения, национального происхождения, языка или социального положения. Однако несмотря на закрепление принципа гендерного равенства в Конституции, женщины Микронезии до сих пор подвергаются дискриминации. Конвенция ООН о запрещении всех форм дискриминации женщин была ратифицирована Микронезией в октябре 2003 г., однако положения, предписывающие работодателям равноценно опла-

² См.: *Курсанов С.* 5 стран, где у женщин ограничено право на выбор. URL: <https://rg.ru/2014/02/06/vibor-site.html> (дата обращения: 10.03.2018).

³ См.: *Мисливская Г.* Галина Карелова избрана председателем форума женщин-парламентариев. URL: <https://rg.ru/2017/10/14/reg-szfo/galina-karelova-izbrana-predsedatelem-foruma-zhenshchin-parlamentariev.html> (дата обращения: 10.08.2018).

чивать женский труд и предоставлять женщинам оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, ратифицированы не были⁴.

Рассуждая о том, почему в парламенте Папуа-Новой Гвинеи нет женщин, следует помнить, что это «молодое» государство не так давно обрело независимость от Австралии, является членом Британского содружества, поэтому формой правления в указанном государстве является конституционная монархия, возглавляемая королевой Елизаветой II, представляемой в лице генерал-губернатора. Он назначается королевой по предложению законодательного органа Папуа-Новой Гвинеи. Несмотря на то, что формальным главой государства является Британский монарх, ситуация с правами женщин в Папуа-Новой Гвинеи еще далека от европейских стандартов. До сих пор женщины, подозреваемые в колдовстве, подвергаются ритуальным убийствам. Большая часть женщин Папуа-Новой Гвинеи насилию в семье со стороны мужчин⁵. О каких политических правах женщин в данной стране может идти речь, если даже личные права женщины не могут реализовать должным образом?

Еще одним государством, в парламенте которого отсутствуют женщины, является Вануату. 30 июля 1980 г. была принята Конституция Вануату, согласно которой государство является республикой, основанной на демократической модели парламентаризма Великобритании. Согласно пп. «к» ч. 1 ст. 5 ч. 1 «Фундаментальные права» гл. 2 «Фундаментальные права и обязанности» Конституции Вануату Республика Вануату гарантирует каждому основные права и свободы независимо от расы, происхождения, религиозных или традиционных убеждений, политических взглядов, языка или пола, но при условии соблюдения прав и свобод других лиц, обеспечения обороны, безопасности, общественного порядка, благосостояния⁶. Однако несмотря на провозглашение равенства в Конституции Вануату, ситуация с обеспечением фактического равенства полов довольно сложная, женщины из политической системы Вануату исключены.

Задумываясь над ответом на вопрос: «Почему в современной России так мало женщин в законодательных органах»? Следует отметить несколько причин. Во-первых, это отсутствие правового механизма обеспечения гарантий для реализации подлинного гендерного равенства в парламенте. Во-вторых, это стереотипы, сложившиеся в нашем обществе, отражающие консервативное отношение к женщине, ее роли в современном обществе и защите прав. По данным ВЦИОМ, около 70% россиян уверены, что мужчины и женщины и по Конституции, и в реальности имеют равные права. При этом 51% опрошенных выступают за квотирование мест для женщин в органах власти (против — лишь 15). Однако при этом лишь 9% выбрали бы себе женщину в начальники (мужчину — 56, остальным — не важно)⁷.

Базовый принцип гендерного равенства закреплен в ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, согласно которой мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Однако, как известно, фактическая конституция может значительно отличаться от юридической. Указанный

⁴ См.: URL: <http://www.hyno.ru/tom3/1500.html> (дата обращения: 23.05.2019).

⁵ См.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Папуа_—_Новая_Гвинея#Папуа_—_Новая_Гвинея_и_Содружество_Наций (дата обращения: 20.08.2019).

⁶ См.: URL: http://www.pacii.org/vu/legis/consol_act/cotrov406/ (дата обращения: 21.03.2019).

⁷ См.: Яковлева Е. Стеклоплатный потолок. Почему общество, гарантируя равноправие, не отдает власть женщине? URL: <https://rg.ru/2019/03/06/pochemu-obshchestvo-garantiruia-ravnopravie-ne-otdaet-vlast-zhenshchine.html> (дата обращения: 07.03.2019).

принцип равенства прав мужчин и женщин, будучи базовым конституционным принципом, получил свое развитие в действующем законодательстве Российской Федерации. В данной статье проанализируем лишь те нормативно-правовые акты, которые связаны с регулированием правоотношений, возникающих в процессе реализации прав мужчинами и женщинами в законодательных органах государственной власти.

Обеспечение равного участия женщин в деятельности законодательных органов государственной власти уже давно является важнейшей целью государственной политики России. Еще Президент Б.Н. Ельцин в своем Указе от 4 марта 1993 г. № 337⁸ определил первоочередной задачей для центральных органов власти обеспечение условий для реального участия женщин в деятельности государственных органов, формировании и осуществлении государственной политики на всех уровнях. Затем Указом Президента от 18 июня 1996 г. № 932⁹ Правительству поручается разработка Национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г. с выделением средств на финансирование указанного плана.

29 августа 1996 г. Правительство РФ утверждает Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г.¹⁰ 8 марта 2017 г. утверждается Национальная стратегия действий в интересах женщин¹¹, одним из направлений реализации которой является расширение участия женщин в общественно-политической жизни путем снижения диспропорций по признаку пола в руководящем составе федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. Следует отметить, что Национальный план 2000 г. предусматривал уточнение системы показателей гендерной статистики и внедрение ее в государственную статистическую отчетность. Однако в 2017 г. разработчики Национальной стратегии констатировали, что к 2022 г. необходимо добиться более полного отражения в системе статистического наблюдения данных, характеризующих положение женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Таким образом, задача по уточнению сбора показателей гендерной статистики так и не решилась за двадцать лет. Остается надеяться, что в ближайшие два года поставленная еще Б.Н. Ельциным задача все же будет решена.

Как мы видим, нормативно-правовые акты, направленные на обеспечение равноправия женщин и мужчин являются подзаконными (указы Президента, постановления и распоряжения Правительства) и носят программный характер. В действующем российском законодательстве отсутствует полноценный федеральный закон, регламентирующий особенности реализации равных прав

⁸ См.: Указ Президента РФ от 4 марта 1993 г. № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1993. № 11, ст. 937.

⁹ См.: Указ Президента РФ от 18 июня 1996 г. № 932 «О национальном плане действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года» // Российская газета. 1996. 25 июня.

¹⁰ См.: Постановление Правительства РФ от 29 августа 1996 г. № 1032 «Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года» // Российская газета. 1996. 12 сентяб.

¹¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2017).

и возможностей для мужчин и женщин в политической сфере. Небольшое упоминание о равенстве по признаку пола содержится в ч. 4 ст. 8 Закона о политических партиях¹², согласно которой политические партии должны создавать мужчинам и женщинам равные возможности для представительства в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Однако вопрос о том, каким образом политические партии должны обеспечивать равные возможности, остался без ответа, т.е. правовой механизм обеспечения равных возможностей для обоих полов в законодательстве отсутствует.

В 1997 г. Государственной Думой была одобрена Концепция законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. Одним из предложений по совершенствованию избирательного законодательства было внесение изменений и дополнений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», предусматривающих дополнительные гарантии обеспечения равных возможностей мужчин и женщин для реализации принадлежащих им пассивных избирательных прав.

На наш взгляд, в настоящее время нет необходимости принятия отдельного законодательного акта, гарантирующего равные права и возможности мужчин и женщин, а вот предусмотреть правовой механизм реализации указанного конституционного принципа путем внесения изменений в действующее законодательство вполне возможно. В частности, ч. 2 ст. 35 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» дополнить абзацем следующего содержания: «Список кандидатов политической партии не должен включать более семидесяти процентов лиц одного пола». По нашему мнению, формирование списков, в которых будет пятьдесят процентов мужчин и пятьдесят процентов женщин, довольно затруднительно в современных реалиях нашей страны, а достижение уровня в тридцать процентов женщин в списке той или иной партии вполне возможно.

Что же необходимо сделать для увеличения доли женщин в мировых парламентах? Европейская комиссия за демократию через право в принятой Декларации об участии женщин в выборах провозгласила, что реализация принципа равенства должна предусматривать на выборах по списочной системе чередование кандидатов мужчин и женщин в партийном списке; отказ в регистрации партийных списков, которые не соблюдают это правило. На выборах в одномандатных округах, по мнению комиссии, необходимо обеспечить сбалансированный процент женщин и мужчин среди кандидатов от одной партии, а также санкции в случае уклонения от соблюдения этого обязательства.

В Докладе Европейской комиссии за демократию через право о влиянии избирательных систем на представительство женщин в политике сделан вывод о том, что существует широкий спектр социально-экономических, культурных и политических факторов, которые могут препятствовать или, наоборот, облегчать доступ женщин в парламент. Однако как избирательная система, так и гендерные квоты — даже если они не являются единственными факторами,

¹² См.: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (в ред. от 2 декабря 2019 г.) // Российская газета. 2001. 14 июля; 2019. 5 дек.

определяющими представительство женщин в парламенте — могут, тем не менее, оказывать сильное влияние на представительство.

Статья 4 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин¹² предусматривает принятие государствами-участниками временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, что не считается дискриминационным. Это так называемая позитивная (положительная) дискриминация, т.е. система привилегий для группы, подвергнутой дискриминации, позволяющая уравнивать их права.

С постепенным повышением уровня защищенности ранее уязвимых групп может возникнуть проблема дискриминации в отношении «большинства» вследствие принятия такого рода мер. Защита прав женщин, их широкая регламентация превратилась в целое движение и сегодня дискриминация в правовом положении между мужчинами и женщинами, казалось бы, сводится к нулю. Наделение женщин правами во всех сферах общественной жизни позволяет говорить об их равном правовом положении с мужчинами.

Следует согласиться с М.В. Пресняковым, который пишет о том, что «фактическое равенство может и должно выступать в качестве цели правового регулирования. Правовые неравенства в виде льгот и привилегий призваны скомпенсировать изначальное фактическое неравенство и обеспечить им равные по сравнению с другими гражданами возможности реализации своих прав» [4, с. 14].

С одной стороны, у женщин есть конституционное право избирать и быть избранной в органы государственной власти наравне с мужчинами, с другой стороны — в органах законодательной власти женщин очень мало. В современных развитых странах женщины по социальному статусу и социальной роли в своем большинстве сравнялись с мужчинами, что нашло отражение в понятии гендерного равенства. Но это равенство в трудовых, политических и экономических правах не привело к исчезновению традиционных различий в повседневной жизни прежде всего потому, что на жизнедеятельность женщины существенное влияние оказывает ее природное неравенство и невозможность его полностью компенсировать в личной и общественной жизни. Беременность, рождение ребенка, круглосуточная забота о нем, от которых свободен отец ребенка, меняют прежний образ жизни женщины.

Однако современные женщины успешно совмещают материнство и работу депутата в одном лице. Как им это удается? 9 мая 2017 г. сенатор Ларисса Уотерс впервые в истории парламента Австралии покормила грудью свою двухмесячную дочь в парламенте. Депутат Бразилии Мануэла Д'Авила кормила дочь грудью, произнося речь в парламенте. Испанский депутат Каролина Бесканс кормила сына грудью на заседании и одновременно избиралась на пост спикера¹³.

В настоящее время гендерные роли в обществе претерпевают изменения, отцы тоже выполняют семейные обязанности без отрыва от работы. Так, спикер парламента Новой Зеландии Тревор Маллард председательствовал на парламентском заседании с младенцем на руках. Он кормил ребенка из бутылочки, играл с ним и при этом вел заседание. Ребенок оказался сыном другого члена

¹² См.: Ведомости ВС СССР. 1982. 23 июня. № 25, ст. 464.

¹³ См.: Политик впервые покормила грудью ребенка в парламенте Австралии. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-39866879> (дата обращения: 01.03.2018).

парламента Тамати Коффи. Он вышел на работу после декретного отпуска и на первое же заседание взял с собой ребенка¹⁴.

Равенство заключается не в одинаковых правах мужчин и женщин, а в отношении к ним со стороны окружающих как равным социальным субъектам. Равенство не значит одинаковость. Равенство невозможно без учета индивидуальности людей, их объективных различий, которые необходимо учитывать. Объявленное мировым сообществом равенство прав мужчин и женщин, к которому должны стремиться все государства, проявляется в предоставленных государством возможностях проявить женщине личный творческий потенциал, найти удовольствие в работе и удовлетворить свои социальные и личные потребности.

В заключение отметим следующее. Обеспечение равных прав и равных возможностей мужчин и женщин для их реализации в органах законодательной власти является необходимой предпосылкой и условием для построения правового государства. Конституция РФ обеспечивает равенство между мужчинами и женщинами во всех сферах жизни. В России женщины не уступают мужчинам, а порой даже превосходят их. Однако существует колоссальный разрыв между теорией и практикой в отношении общественно-политического статуса женщин. Отсутствие женщин в парламенте страны — один из серьезнейших просчетов модернизации общества. Обеспечение равных прав и равных возможностей их реализации для мужчин и женщин — это единственный путь к цивилизованному государству, в котором комфортно всем гражданам страны.

Библиографический список

1. *Кочетков А.В.* Конституционно-правовые основы обеспечения гендерно сбалансированного представительства в законодательных органах Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 22 с.
2. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: Эксмо, 2003. 672 с.
3. *Алиева Л.А.* Из истории женского избирательного права в Азербайджане (1905–1920 гг.) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 1. № 6 (28). С. 188–194.
4. *Пресняков М.В.* Конституционные параметры фактического равенства и фактической справедливости // Гражданин и право. 2011. № 6. С. 3–14.

References

1. *Kochetkov A.V.* Constitutional and Legal Foundations for Ensuring Gender Balanced Representation in the Legislative Bodies of the Russian Federation and Foreign Countries: Comparative Legal Study: extended abstract of dis. ... cand. of law. Moscow, 2009. 22 p.
2. *Brockhaus F.A., Efron I.A.* Encyclopedic Dictionary. Modern version. Moscow: Eksmo, 2003. 672 p.
3. *Alieva L.A.* From the History of Women's Suffrage in Azerbaijan (1905-1920) // XXI Century: Results of the Past and Problems of the Present Plus. 2015. Vol. 1. No. 6 (28). P. 188–194.
4. *Presnyakov M.V.* Constitutional Parameters of Actual Equality and Actual Justice. Citizen and Law. 2011. No. 6. P. 3–14.

¹⁴ См.: Спикер парламента Новой Зеландии на заседании нянчил ребенка одного из депутатов. URL: <https://www.bbc.com/russian/other-news-49423199> (дата обращения: 23.08.2019).

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10043

УДК 347.91/.95

Е.С. Новикова

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА САМОКОНТРОЛЯ НА ОСНОВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Введение: пересмотр дел по новым обстоятельствам как способ исполнения Российской Федерацией международных обязательств путем реализации возлагаемых Европейским Судом по правам человека мер индивидуального характера критически оценивается в современной юридической литературе. **Цель:** анализ института пересмотра дел по новым обстоятельствам с точки зрения обоснованности отнесения российским законодателем факта установления Европейским Судом допущенного национальным судебным органом конвенционного нарушения к основаниям пересмотра судебного акта в порядке самоконтроля. **Методологическая основа:** диалектический метод, методы системного и структурного анализа, формально-юридический, сравнительно-правовой методы. **Результаты:** для пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам как института самоконтроля, применяемого в виду указания Европейским Судом на допущенное российским судом конвенционное нарушение, характерно исправление судебной ошибки. Указанное не противоречит его целевому назначению, а именно, исправление неправосудного судебного акта в условиях утраты иных процессуальных возможностей. **Выводы:** избранный российским законодателем способ реагирования органами судебной власти на принимаемые Европейским Судом постановления полностью отвечает потребностям создания на внутрисударственном уровне эффективных средств защиты конвенционных прав.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства, судебная ошибка, самоконтроль суда.

E.S. Novikova

ON THE QUESTION OF THE RELEVANCE OF APPLYING THE INSTITUTE OF SELF-CONTROL BASED ON THE DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Background: reviewing cases under new circumstances as a way for the Russian Federation to fulfill its international obligations by implementing individual measures imposed by the European Court of human rights is critically evaluated in the modern legal literature. **Objective:** analysis of the Institute for reviewing cases under new circumstances from the point of view of the reasonableness of the Russian legislator's attribution of the fact that the European Court established a Convention violation committed by a national judicial authority to the grounds for reviewing a judicial act in the order of self-control. **Methodology:**

© Новикова Екатерина Сергеевна, 2020

Аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства (Российский государственный университет правосудия), помощник судьи Тринадцатого арбитражного апелляционного суда; e-mail: ekaterina.asp@yandex.ru

© Novikova Ekaterina Sergeevna, 2020

Post-graduate student, Civil and administrative proceedings department (Russian state University of justice), assistant judge of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal

dialectical method, system and structural analysis methods, technical method, a method of the comparative-legal analysis. Results: the revision of judicial acts under new circumstances as an institution of self-control, applied in view of the European Court's indication of a Convention violation committed by the Russian court, is characterized by the correction of a judicial error. This does not contradict its intended purpose, namely, the correction of an unlawful judicial act in the absence of other procedural opportunities. Conclusions: the method chosen by the Russian legislator for the judicial authorities to respond to decisions adopted by the European court of Justice fully meets the needs of creating effective means of protecting Convention rights at the domestic level.

Key-words: *European Court of Human Rights, newly discovered facts, new facts, judicial error, judicial self-control.*

В случае установления Европейским Судом по правам человека (далее — Европейский Суд, ЕСПЧ) нарушения положений Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод¹ (далее — Конвенция, ЕКПЧ), допущенного судом при рассмотрении конкретного дела, российским процессуальным законодательством предусмотрена возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по правилам гл. 42 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — ГПК РФ), гл. 37 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее — АПК РФ) и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁴ (далее — КАС РФ). Иными словами, судебные органы реализуют возлагаемые подлежащими внутригосударственному исполнению актами ЕСПЧ меры индивидуального характера в рамках института новых обстоятельств.

Институт пересмотра дел по вновь открывшимся и новым обстоятельствам в юриспруденции рассматривается как один из способов самоконтроля суда [1, с. 18–20; 2, с. 5–9], который является немаловажным аспектом механизма судебной защиты, т.к. позволяет оперативно реагировать на ошибки, допущенные судом при принятии судебного акта.

Вместе с тем вопрос актуальности использования института пересмотра по вновь открывшимся (новым) обстоятельствам для исправления судебной ошибки является дискуссионным в юридической литературе. А именно, сторонники подхода, в соответствии с которым судебная ошибка всегда виновна (или противоправна) не рассматривают институт пересмотра дел по вновь открывшимся (новым) обстоятельствам в качестве способа ее устранения, т.к. для данной стадии характерна неосведомленность судьи о существовании обстоятельства, существенно влияющего на результат рассмотрения спора [3, с. 359]. Ряд ученых отмечает, что встречается неоправданное ограничение сферы распространения понятия «судебная ошибка» рамками правонарушения и виновности судей при

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

² См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

³ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.

⁴ См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1391.

совершении ими отступлений от целевых установок судопроизводства при отправлении правосудия [4, с. 89–91], в то время как понятие судебной ошибки более широкое, оно включает не только процессуальные нарушения, но и случаи, когда суд не предвидел и не мог предвидеть ошибочность своих действий и их последствий [5, с. 12].

Представляется, что для формирования собственного суждения относительно приведенной дискуссии, надлежит исследовать имеющиеся в доктрине определения термина «судебная ошибка». Так, Н.Н. Вопленко под судебной ошибкой понимал «противоречащий нормам материального или процессуального права и не достигающий истинных целей правового регулирования результат властной деятельности специальных субъектов правоприменения, который квалифицируется в качестве ошибочного компетентным органом в особом акте» [6, с. 41].

И.М. Зайцев определил судебную ошибку как «не соответствующее целям правосудия действие судебных работников, либо последствия такого действия» [7, с. 5].

Как указала Л.В. Трофимова, судебной ошибкой является действие судебных работников, препятствующее достижению ими определенной цели и влекущее наступление негативных последствий, в том числе и отмену ошибочного решения [8, с. 130].

Е.Г. Тришина определила судебную ошибку как погрешность в деятельности управомоченного субъекта (суда), нарушающую нормы процессуального и (или) материального права, не достигающую целей гражданского судопроизводства, в результате которой акт правосудия либо отдельное процессуальное действие становится неправомерным [9, с. 11].

В соответствии с определением, сформулированным В.В. Ефимовой, судебная ошибка — это правовое последствие допущенного судом отступления от целей и задач судопроизводства в арбитражных судах, установленное в процессуальном порядке уполномоченной судебной инстанцией [4, с. 107].

Г.А. Жилин рассматривает судебную ошибку, как «несовпадение результата процессуальной деятельности суда с целевыми установками судопроизводства, закрепленными в нормах процессуального права» [3, с. 353].

Исходя из представленных в доктрине определений понятия «судебная ошибка», следует сделать вывод, что центральным его признаком является не достижение цели судопроизводства как последствие совершения такой ошибки. При этом, как справедливо отметил И.М. Зайцев, «с учетом вновь открывшихся обстоятельств вынесенное решение становится необоснованным или незаконным. При этом судебная ошибка очевидна и бесспорна» [7, с. 16].

Представляется, что судебной ошибкой, в рамках исследуемого института, будет являться вынесение решения по существу спора без учета существенных для дела обстоятельств, поскольку определяющим признаком новых и вновь открывшихся обстоятельств является их существенность. Наличие при этом указанных обстоятельств — ставит под вопрос достижение целей судопроизводства, осуществленного до установления новых или вновь открывшихся обстоятельств. Вместе с тем при отмене судебного акта по новым обстоятельствам, решение суда не всегда будет заменено на противоположное в полном объеме или в части. Вопрос о существенности обстоятельства подлежит разрешению судом именно на исследуемой стадии процесса, т.е. при определении наличия или отсутствия оснований для отмены вступившего в законную силу судебного акта. После от-

мены судебного акта, в случае признания нового обстоятельства существенным, возобновив производство, суд может вынести противоположный судебный акт по делу или поддержать первоначальную позицию полностью или в части, т.к. на данной стадии судом оцениваются все обстоятельства по спору в совокупности.

В этой связи следует согласиться с мнением тех ученых, которые склонны к абстрагированию от подхода к пониманию судебной ошибки через осмысление зависимости ее от вины судьи. Как справедливо отметила Л.А. Терехова, в противном случае для всех ситуаций, когда решение неправильно, но вины судьи в этом нет, необходимо будет создавать специальную теоретическую конструкцию и термины, обосновать, почему и в этом случае неправильное решение нужно отменять или корректировать и что в данном случае устраняется, если это нельзя назвать судебной ошибкой. Кроме того, потребуются специальные изыскания на предмет определения вины судьи: ее наличия или отсутствия, формы, влияния на результат, в то время как здесь четких рекомендаций выработано быть не может [10, с. 32].

На фоне изложенной дискуссии следует отметить, что применительно к такому основанию пересмотра по новым обстоятельствам, как установление ЕСПЧ нарушения положений Конвенции, можно говорить о единстве во мнениях, высказываемых в юридической литературе, заключающемся в том, что данное основание свидетельствует о допущенной национальным судом ошибке. При этом избранный законодателем способ реагирования органами судебной власти на принимаемые в отношении РФ подлежащие внутригосударственному исполнению акты ЕСПЧ находится в условиях критической оценки со стороны ряда авторитетных ученых-юристов. Исходя из того, что факт установления ЕСПЧ несоответствия национального судебного решения нормам ЕКПЧ свидетельствует о том, что такой акт вынесен с нарушением общепризнанных норм и принципов международного права, многие авторы указывают на необходимость исправления данной судебной ошибки путем пересмотра дела в порядке надзора [2, с. 110].

Вместе с тем следует иметь в виду, что внутригосударственный механизм правового регулирования порядка исполнения актов ЕСПЧ (в т.ч. путем пересмотра судебного акта, не соответствующего нормам ЕКПЧ) является составной резервной частью механизма регламентации общественных отношений, связанных с реализацией и обеспечением прав, гарантированных ЕКПЧ — механизма конвенционного регулирования. Благодаря действию принципа субсидиарности судебная защита конвенционных прав на национальном уровне (осуществляемая до рассмотрения спора, основанного на нормах ЕКПЧ, в Европейском Суде или вовсе без обращения к его юрисдикции) является важнейшим этапом конвенционного механизма правового регулирования, связанного с реализацией управомоченными субъектами положений ЕКПЧ. Ввиду изложенного, выводы об эффективности того или иного национального средства правовой защиты с точки зрения конвенционного механизма подлежат распространению и на правовое регулирование национального процесса реализации актов ЕСПЧ.

Как известно, надзорный порядок пересмотра дел судами общей юрисдикции на протяжении длительного периода последовательно не признавался ЕСПЧ эффективным средством правовой защиты. На основании обширной практики Европейского Суда по рассматриваемому вопросу и не в последнюю очередь исходя из выводов, изложенных в постановлении по делу «Абрамян и Якубовские

против России»⁵, можно сделать вывод, что основные претензии ЕСПЧ к российскому надзорному производству сформулированы в аспекте допускаемых им дискреционных полномочий должностных лиц ВС РФ, для которых характерна неопределенность сроков их реализации (ч. 3 ст. 391.5 ГПК РФ, ч. 7 ст. 308.4 АПК РФ, ч. 4 ст. 337 КАС РФ), что в совокупности с наличием процессуальной возможности неоднократного инициирования данного производства в обычном и в так называемом «особенном» [11, с. 331] (ст. 391.11 ГПК РФ, 308.10 АПК РФ) порядке влечет непрогнозируемую продолжительность данной стадии процесса.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что перечисленные выше особенности надзорного производства, препятствующие признанию его ЕСПЧ эффективным средством правовой защиты, сохранены в процессуальных кодексах. Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что современный надзор не будет признан ЕСПЧ эффективным средством правовой защиты. При этом если надзорное производство последовательно не рассматривается ЕСПЧ в качестве эффективного средства правовой защиты, подлежащего исчерпанию в ходе реализации норм Конвенции перед обращением к международной судебной юрисдикции, представляется использование данного института в целях исправления установленной Европейским Судом судебной ошибки, связанной с применением положений ЕКПЧ, будет нецелесообразным.

Необходимо также отметить, что в отличие от надзорного производства, в отношении порядка пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам ЕСПЧ занимает позицию, в соответствии с которой данная процедура сама по себе не противоречит принципу правовой определенности в той мере, в какой это необходимо для исправления судебных ошибок и обеспечения справедливого правосудия⁶.

Более того, в силу действия жесткого правила исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, характерная для рассматриваемого основания пересмотра, судебная ошибка, в силу особенностей института новых обстоятельств, сохраняет свой предположительный характер до момента обращения к международному механизму защиты конвенционных прав. Как уже указывалось ранее, в рамках конвенционного механизма правового регулирования функционирует резервный механизм, предназначенный цели защиты и обеспечения прав и свобод, гарантированных ЕКПЧ, связанный с внутригосударственным исполнением принимаемых ЕСПЧ актов. В силу резервного положения указанного механизма, обусловленного действием принципа субсидиарности, он запускается уже после рассмотрения спорной ситуации национальным судом. То есть результаты осуществления ЕСПЧ своей исключительной компетенции по толкованию Конвенции национальному суду объективно не могли быть известны на момент рассмотрения им дела. В свою очередь, в силу способа формулирования норм ЕКПЧ, а также исключительности полномочий ЕСПЧ по

⁵ См.: Решение ЕСПЧ от 12 мая 2015 г. по делу «Роберт Михайлович Абрамян (Robert Mikhaïlovich Abramyan) против Российской Федерации», жалоба № 38951/13, «Сергей Владимирович Якубовский (Sergey Vladimirovich Yakubovskiy) и Алексей Владимирович Якубовский (Aleksey Vladimirovich Yakubovskiy) против Российской Федерации», жалоба № 59611/13 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 12.

⁶ См.: Постановление ЕСПЧ от 7 июня 2007 г. по делу «Кузнецова (Kuznetsova) против России», жалоба № 67579/01, §40. URL: [Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 2 \(133\) • 2020](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«fulltext»: [«67579/01»], «documentcollectionid2»: [«GRANDCHAMBER», «CHAMBER»], «itemid»: [«001-80951»]} (дата обращения: 10.10.2019).</p>
</div>
<div data-bbox=)

толкованию конвенционных положений, приоритетное значение в соотношении с национальными средствами судебной защиты данных прав, реализуемыми при рассмотрении споров судами общей юрисдикции и арбитражными судами, будет иметь международный способ в случае его применения.

Наряду с изложенным следует отметить, что С.Т. Багыллы в целях усовершенствования правового регулирования порядка пересмотра дел по новым обстоятельствам предложено переименовать рассматриваемое основание пересмотра, сформулировав его как «Определение или изменение практики применения и толкования положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении (арбитражным) судом конкретного дела в связи с принятием решения, по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека» [12, с. 131]. Данное предложение, с учетом вышеизложенного, представляется оправданным, т.к. приведенная ученым формулировка более четко и детально отражает суть необходимости пересмотра вступившего в законную силу судебного акта в целях исправления судебной ошибки, поскольку акцент в данном положении будет сделан не на нарушении национальным судом положений ЕКПЧ, а именно на реализации ЕСПЧ своих исключительных полномочий по толкованию Конвенции, результатом которого является определение или изменение практики реализации конвенционных положений.

Таким образом, вынесение ЕСПЧ постановления о нарушении РФ норм Конвенции является именно новым обстоятельством, в то время как судебная ошибка является основанием для отмены судебного акта.

Кроме того, важно иметь в виду, что возможность установления и ликвидации судебной ошибки в инстанционном порядке, в случае принятия ЕСПЧ постановления против РФ, не была реализована и к моменту вынесения ЕСПЧ постановления по делу утрачена. С учетом изложенного, использование института самоконтроля как средства реализации мер индивидуального характера, возлагаемых ЕСПЧ своими окончательными постановлениями, представляется, не будет противоречить его целевому назначению, а именно, исправление неправосудного судебного акта в условиях утраты иных процессуальных возможностей. Использование данного института в указанных условиях представляет собой гарантию обеспечения прав граждан на пересмотр неправосудного судебного акта, а также гарантию реализации международных обязательств по исполнению окончательных постановлений ЕСПЧ.

Библиографический список

1. *Зайцев И.М.* Самоконтроль суда первой инстанции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1998. № 12. С. 18–20.
2. *Терехова Л.А.* Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве: монография. М.: Проспект, 2017. 144 с.
3. *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2010. 576 с.
4. *Ефимова В.В.* Контроль в арбитражном процессе как способ устранения судебных ошибок: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 203 с.
5. *Резуненко А.М.* Пересмотр судебных актов, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам как стадия гражданского процесса: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 22 с.
6. *Вопленко Н.Н.* Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 38–46.

7. *Зайцев И.М.* Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов: Изд-во Саратовского государственного ун-та, 1985. 135 с.
8. *Трофимова Л.В.* Основания к отмене судебных решений, не вступивших в законную силу: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 158 с.
9. *Тришина Е.Г.* Проблема судебного контроля в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 193 с.
10. *Терехова Л.А.* Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М.: ВолтерсКлувер, 2007. 320 с.
11. *Борисова Е.А.* Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2016. 319 с.
12. *Багыллы С.Т.* Пересмотр вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском и административном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 219 с.

References

1. *Zaitsev I.M.* Self-control of the First-instance Court in Civil Proceedings // Russian Justice. 1998. № 12. P. 18–20.
2. *Terehova L.A.* New and Newly Discovered Facts in Civil and Administrative Proceedings: monograph. Moscow: Prospekt, 2017. 144 p.
3. *Zhilin G.A.* Civil Justice: Current Issues: monograph. Moscow: Prospekt, 2010. 576 p.
4. *Efimova V.V.* Control in the Arbitration Process as a Way to Eliminate of Judicial Errors: diss.... of cand. of law. Saratov, 2004. 203 p.
5. *Rezunenko A.M.* Review of the Final Judgments under Newly Discovered Facts as a Stage of Civil Proceedings: extended abstract of dis. ... cand. of law. Saratov, 2001. 22 p.
6. *Voplenko N.N.* Flaw in Enforcement: Concept and Types // Soviet state and law. 1981. № 4. P. 38–46.
7. *Zaitsev I.M.* Eliminate of Miscarriages of Justice in Civil Proceedings. Saratov: Publishing house of Saratov University, 1985. 135 p.
8. *Trofimova L.V.* Grounds for Reversal of Not Coming into Force Judgements: diss.... of cand. of law. Saratov, 1999. 158 p.
9. *Trishina E.G.* The Problem of Judicial Control in Civil Proceedings: diss.... of cand. of law. Saratov, 2000. 193 p.
10. *Terehova L.A.* Judicial Review System in the Judicial Protection Mechanism. Moscow: VoltersKluver, 2007. 320 p.
11. *Borisova E.A.* Appeal, Cassation, Supervision of Civil Cases: textbook. Moscow: INFRA-M, 2016. 319 p.
12. *Bagylly S.T.* Review of the Final Judgments on New or Newly Discovered Facts in Civil and Administrative Proceedings: diss.... of cand. of law. Moscow, 2017. 219 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10044

УДК 342.727

Д.А. Сальникова

ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ СВОБОДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ, БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНЕ

Введение: свобода предпринимательской деятельности является одним из необходимых факторов развития рыночной экономики. Конституционно-правовая политика определяет направление развития правового регулирования осуществления и защиты данной свободы. В основе конституционно-правовой политики лежат определенные принципы. **Цель:** рассмотреть принципы конституционно-правовой политики по вопросам защиты свободы предпринимательской деятельности в России, Беларуси и Казахстане как в государствах имеющих общее прошлое, стабильные экономические связи в настоящем времени и широкие перспективы их развития в будущем, что невозможно без эффективного конституционно-правового регулирования защиты предпринимательской деятельности. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** в статье выделены и подробно рассмотрены принципы являющиеся общими для конституционно-правовой политики Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан в сфере защиты свободы предпринимательской деятельности. Выявлены факторы, влияющие на развитие содержания этих принципов в особенности те, которые могут оказывать влияние на развитие российской конституционно-правовой политики в рассматриваемой сфере. **Выводы:** принципы конституционно-правовой политики по вопросам защиты предпринимательской деятельности в России, Беларуси и Казахстане находят отражение в их конституциях, их перечень и содержание схожи, на их развитие оказывают влияние схожие факторы. В то же время, содержание этих принципов в конкретном государстве может зависеть и от особенностей его экономического и политического положения. Основное значение рассмотренных принципов состоит не только в развитии конституционно-правовой политики государств по вопросам защиты свободы предпринимательской деятельности, но и в создании условий для развития экономических связей и экономической интеграции между Россией, Беларусью и Казахстаном.

Ключевые слова: конституционное-право Российской Федерации, Конституционное право Республики Беларусь, Конституционное право Республики Казахстан, конституционные права и свободы, принципы конституционно-правовой политики, свобода предпринимательской деятельности.

© Сальникова Дарья Александровна, 2020
Аспирант кафедры конституционного права (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: uknb@mail.ru

© Salnikova Daria Aleksandrovna, 2020
Postgraduate student, Constitutional law department (Saratov State Law Academy)

D.A. Salnikova

**PRINCIPLES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL POLICY
ON FREEDOM OF BUSINESS PROTECTION ISSUES IN RUSSIA,
BELARUS AND KAZAKHSTAN**

Background: freedom of business is one of the necessary factors in the development of a market economy. Constitutional and legal policy determines the direction of development of legal regulation of the implementation and protection of this freedom. The constitutional policy is based on certain principles. **Objective:** to consider the principles of constitutional policy on the protection of freedom of business in Russia, Belarus and Kazakhstan as in states that have a common past, stable economic ties in the present and broad prospects for their development in the future, which is not possible without effective constitutional regulation of the protection of entrepreneurial activity. **Methodology:** the dialectical method of scientific knowledge, systemic, formal legal, comparative legal method of research. **Results:** the article highlights and discusses in detail the principles that are common to the constitutional and legal policies of the Russian Federation, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan in the field of protection of freedom of business. The author identifies factors that influence the development of the content of these principles, especially those that can influence the development of Russian constitutional policy in this area. **Conclusions:** the principles of constitutional policy on the protection of business in Russia, Belarus and Kazakhstan are reflected in their constitutions, their list and content are similar, similar factors influence their development. At the same time, the content of these principles in a particular state may depend on the characteristics of its economic and political situation. The main significance of the principles considered is not only the development of the constitutional policies of states on the protection of freedom of business, but also the creation of conditions for the development of economic ties and economic integration between Russia, Belarus and Kazakhstan.

Key-words: constitutional law of the Russian Federation, constitutional law of the Republic of Belarus, constitutional law of the Republic of Kazakhstan, constitutional rights and freedoms, principles of constitutional law policy, freedom of business.

Конституционно-правовая политика — основной вид правовой политики в любом государстве. Она испытывает на себе влияние тенденций происходящих в экономике и в международном праве, чувствительна к национальным и интернациональным интересам, адаптирует их к реалиям конкретной страны, что выражается в возникновении новых правовых норм, развитии конституционно-правового регулирования отношений, складывающихся между субъектами конституционного права.

Понятию правовой политики посвящены работы таких отечественных ученых как В.С. Нерсисянц, Н.И. Матузов, А.В. Малько и др. В науке конституционного права конституционно-правовая политика остается малоисследованной. В то же время, являясь основным видом правовой политики она задает вектор развития законодательства государства в целом, и необходимость ее изучения вполне обоснована.

Конституционно-правовая политика может подразделяться на подвиды, в зависимости от конкретного вопроса, на решение которого она направлена, и от конкретных правоотношений.

На наш взгляд, под конституционно-правовой политикой в области защиты свободы предпринимательской (экономической) деятельности следует понимать научно обоснованную, системную деятельность государственных и негосударственных структур, направленную на совершенствование конституционно-правового механизма регулирования защиты свободы предпринимательской (экономической) деятельности. Данная деятельность направлена как на выработку стратегических идей, так и на принятие и реализацию конституционно-правовых норм для урегулирования соответствующих отношений.

На формирование и развитие конституционно-правовой политики в сфере защиты свободы предпринимательской деятельности влияет и принцип добросовестного соблюдения международных обязательств, а следовательно, и международные обязательства в рассматриваемой сфере, которые были приняты на себя государствами.

Особенно хотелось бы отметить в этой связи две конвенции Международной организации труда — № 111 и № 122. Конвенция МОТ № 111 от 25 июня 1958 г. «Относительно дискриминации в области труда и занятий» закрепляет обязанность государств проводить «национальную политику, направленную посредством согласованных с национальными условиями и практикой методов на поощрение равенства возможностей и обращения в отношении труда и занятий с целью искоренения всякой дискриминации в этой области» (ст. 2). Среди практических рекомендаций государствам в отношении осуществления такой политики, перечисленных в ст. 3 данного документа следует отметить обеспечение сотрудничества «предпринимателей, трудящихся и соответствующих органов в деле содействия принятию и проведению этой политики»¹. Так же предлагается «отменять любые законодательные положения ... несовместимые с этой политикой» и осуществлять государственный контроль за ее проведением.

Конвенция МОТ № 122 «О политике в области занятости» от 15 июля 1966 г. государства-члены должны проводить в жизнь активную политику в области содействия «полной, продуктивной и свободноизбранной занятости» (ст. 1). Для ее разработки документ предлагает государствам проводить консультации с работодателями и работниками, чтобы, изучив их опыт предпринимать наиболее эффективные меры для реализации подобной политики (ст. 3)².

Таким образом, положения этих документов, во-первых, подтверждают, что конституционно-правовая политика находит свое отражение в законодательстве, а также, она может быть реализована иными мерами (не законодательного характера), осуществляемыми государствами, например, посредством различных программ. Во-вторых, в них указаны субъекты конституционно-правовой политики в области защиты свободы предпринимательской деятельности (государственные органы и сами предприниматели, и трудящиеся).

На развитие конституционно-правовой политики в рассматриваемой сфере будут оказывать влияние, содержащиеся в международном праве нормы, устанавливающие запрет дискриминации в области труда, право на свободный

¹ См.: Конвенция МОТ № 111 от 25 июня 1958 «Относительно дискриминации в области труда и занятий». //Официальный сайт Международной организации труда. URL: <https://www.ilo.org> (дата обращения: 28.08.2019).

² См.: Конвенция МОТ № 122 «О политике в области занятости» от 15 июля 1966 г. Официальный сайт Международной организации труда. URL: <https://www.ilo.org> (дата обращения: 28.08.2019).

выбор труда, вида трудовой деятельности, равную оплату за равноценный труд, равные права для различных категорий трудящихся (женщин, детей, инвалидов, надомников, лиц, работающих не полный рабочий день), поощрение предпринимательской деятельности, переход к неформальному рынку и т.д.

Анализируя конституционное законодательство Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан и их международные обязательства в этой сфере, можно прийти к выводу, что для их конституционно-правовой политики в области защиты свободы предпринимательской характерны такие принципы как:

- принцип равной защиты всех форм собственности;
- принцип запрета дискриминации в сфере труда;
- принцип равной защиты прав всех категорий трудящихся;
- принцип поощрения развития малого и среднего бизнеса;
- принцип государственной защиты от недобросовестной конкуренции;
- принцип гармонизации законодательства, регламентирующего осуществление и защиту свободы предпринимательской деятельности в странах членах ЕАЭС.

Кроме того, осуществление защиты свободы предпринимательской деятельности невозможно без соблюдения таких принципов как:

- принцип свободы выбора трудовой деятельности;
- принцип права использования своего имущества для предпринимательской деятельности;

- принцип единого экономического пространства на территории государства. Теперь рассмотрим эти принципы более подробно.

Принцип равной защиты всех форм собственности. Этот принцип отражен в ч. 1 ст. 13 Конституции Республики Беларусь, ч. 1 ст. 6 Конституции Республики Казахстан, ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации.

Осуществлению защиты имущества граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью, способствует запрет на отчуждения имущества иначе как по решению суда и выплата компенсаций за имущество, изъятое в пользу государства (ч. 3 ст. 26 Конституции Республики Казахстан, ч. 4 ст. 44 Белорусской Конституции).

Принцип запрета дискриминации в сфере труда. Нашел свое отражение в конвенциях Международной организации труда, документах, устанавливающих основные права человека (например, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод). В конституциях содержится запрет дискриминации при защите прав и законных интересов человека и гражданина (ст. 42 Конституции Республики Беларусь, ч. 2 ст. 14 Конституции Республики Казахстан запрещает дискриминацию в целом, в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ гарантируется равенство всех лиц, находящихся на российской территории и запрет любых форм ограничений их прав на социальное, национальное, религиозное и т.п. признаку).

Принцип равной защиты прав всех категорий трудящихся. Во-первых, данный принцип гарантирует возможность защиты свободы предпринимательской деятельности любыми законными способами, что нашло свое отражение в ст. 40, 59 и 60 Конституции Республики Беларусь, ст. 33, 45, 46 и 48 Конституции Российской Федерации. Во-вторых, он означает, что все трудящиеся независимо от их пола, расы, национальности, вероисповедания, от того трудятся ли они

на государственном или частном предприятии, полный или неполный рабочий день, являются ли они инвалидами или несовершеннолетними. Нормативными актами, которые закрепляют этот принцип являются Конвенция о дискриминации в области труда и занятости 1958 г.³, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.⁴, Конвенция о профессиональной реабилитации инвалидов 1983 г.⁵, Конвенция о работе в условиях неполного времени 1994 г.⁶, Конвенция о надомном труде 1996 г.⁷ А так же в Генеральном соглашении о тарифах и торговле.

В Конституциях этот принцип закреплен в ст. 42 Конституции Республики Беларусь, проистекает из положения ч. 2 ст. 14 Конституции Республики Казахстан, запрещающей любую дискриминацию. Часть 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации содержит запрет на дискриминацию в целом, в ч. 2 ст. 7 говорится, что в России труд охраняется государством из этого можно сделать вывод, что рассматриваемый принцип содержится и в российской Конституции.

Принцип поощрения развития малого и среднего бизнеса. В международном праве этот принцип содержится в Рекомендации о создании рабочих мест на малых и средних предприятиях 1998 г.⁸, Рекомендации о переходе от неформальной к формальной экономике 2015 г., предполагает осуществление программ по обучению населения ведению бизнеса и проведение реформ законодательства с целью содействия предпринимательству.

В законодательстве государств он нашел свое отражение в таких нормативно-правовых актах, как ст. 13 Конституции Республики Беларусь, в российской Конституции говорится о поддержке конкуренции, а в казахской — о запрете монополистической деятельности, что может быть истолковано как гарантия со стороны государства в поддержке развития бизнеса.

Принцип государственной защиты от недобросовестной конкуренции. Этот принцип закреплен в Конституции Республики Казахстан через запрет монополистической деятельности (ч. 4 ст. 26 Республики Казахстан), так же он нашел свое отражение в ст. 63 Конституции Республики Беларусь, ч. 1 ст. 39 Конституции Казахстана, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. В ч. 1 ст. 8 российской Конституции закреплена поддержка конкуренции. Отражен он и в законодательстве этих государств, например, в ст. 7 «О предпринимательстве в Республике Беларусь» от 28 мая 1991 г. и в ст. 6, 8 и 9⁹ Предпринимательского Кодекса Республики Казахстан¹⁰.

³ См.: Конвенция о дискриминации в области труда и занятости 1958 г. Официальный сайт МОТ. URL: <https://www.ilo.org> (дата обращения: 28.08.2019).

⁴ См.: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. Официальный сайт МОТ. URL: <https://www.ilo.org> (дата обращения: 28.08.2019).

⁵ См.: Конвенция о профессиональной реабилитации инвалидов 1983 г. Официальный сайт МОТ. URL: <https://www.ilo.org> (дата обращения: 28.08.2019).

⁶ См.: Конвенция о работе в условиях неполного времени 1994 г. Официальный сайт МОТ. URL: <https://www.ilo.org> (дата обращения: 28.08.2019).

⁷ См.: Конвенция о надомном труде 1996 г. Официальный сайт МОТ. URL: <https://www.ilo.org> (дата обращения: 28.08.2019).

⁸ Рекомендация о создании рабочих мест на малых и средних предприятиях 1998 г. Официальный сайт МОТ. URL: <https://www.ilo.org> (дата обращения: 28.08.2019).

⁹ См.: Закон Республики Беларусь от 28 мая 1991 г. № 813-ХІІ «О предпринимательстве в Республике Беларусь». URL: <http://laws.newsby.org/documents/laws/law1303.htm> (дата обращения: 28.08.2019).

¹⁰ См.: Предпринимательский Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38259854 (дата обращения: 28.08.2019).

Принцип гармонизации законодательства, регламентирующего осуществление и защиту свободы предпринимательской деятельности в странах членах ЕАЭС. Данный принцип проистекает из смысла Соглашения о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка 6 ноября 2018 г.¹¹ Он создает для государств-членов обязанность согласовывать нормы своего законодательства и предпринимать иные меры по его гармонизации с целью «создания в рамках Евразийского экономического союза общего финансового рынка»¹². С точки зрения внутреннего права он опирается на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ст. 8 Конституции РБ и ч. 3 ст. 4 Конституции РК, в которых говорится о месте международных договоров в правовой системе этих государств.

Принцип использования своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской и другой незапрещенной законом деятельности. Данный принцип закреплен в ст. 34 Конституции РФ, ч. 3 ст. 13 Конституции Республики Беларусь, ч. 4 ст. 26 Конституции Республики Казахстан и включает в себя право реализовывать свою возможность к труду любым законным способом, а также использовать для этих целей любую свою собственность как материальную, так и интеллектуальную. Он предполагает, что государство регулирует экономические отношения таким образом, чтобы осуществление этих прав было возможным и гарантирует их защиту в случае нарушения.

Принцип единого экономического пространства на территории государства. На наш взгляд, этот принцип проистекает из принципа государственного суверенитета. В ч. 2 ст. 132 Конституции Республики Беларусь указывается, что на территории данного государства «проводиться единая бюджетно-финансовая, налоговая, денежно-кредитная, валютная политика» [5, с. 132]. В ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Казахстан говорится, что одним из основополагающих принципов деятельности этого государства является экономическое развитие на благо всего народа, а в ч. 2 ст. 2, что территория Казахстана целостна и неприкосновенна, что на наш взгляд, предполагает и единство его экономического пространства.

В ч. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации прямо установлено единство экономического пространства, свободное передвижение товаров и услуг.

Таким образом, рассмотренные принципы являются характерными для конституционно-правовой политики всех трех государств. В то же время, вывод о существовании некоторых принципов в конституционно-правовой политике рассматриваемых государств мы делаем только на основании наличия у них определенных международных обязательств и формулировок положений конституций. На наш взгляд, для развития конституционно-правового регулирования в сфере защиты свободы предпринимательской деятельности, рассмотренные нами принципы, должны находить более детальное закрепление в конституционном праве.

Серьезным шагом по кодификации норм, регулирующих защиту свободы предпринимательской деятельности, явилось принятие Предпринимательского

¹¹ Соглашение о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка 6 ноября 2018 г. Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 28.08.2019).

¹² Соглашение о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка 6 ноября 2018 г. Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 28.08.2019).

Кодекса в Республике Казахстан. На наш взгляд, в российском законодательстве нормы регулирующие этот вопрос разбросаны по различным законодательным актам, принятие кодекса подобного казахстанскому значительно упростило бы осуществление защиты свободы предпринимательской деятельности в России и способствовало более полному воплощению в ее праве рассмотренных принципов конституционно-правовой политики и международных обязательств.

Следует отметить, что на содержание принципов конституционно-правовой политики может оказывать влияние международная обстановка. Например, развитие конституционно-правового регулирования защиты свободы предпринимательской деятельности в Российской Федерации должно учитывать те проблемы, которые возникают в связи с введенными против нее западными странами международными санкциями. С самого начала их действия наблюдался рост предпринимательской деятельности, связанный с необходимостью импортозамещения. Что положительно оценивалось как экономистами, так и политологами. Так, В.А. Бордунова, анализируя влияние санкций на деятельность малых предприятий пищевой промышленности приморского края, представила в своей работе графики свидетельствующие о росте количества малых и индивидуальных предприятий в этой отрасли.

Кроме того, на основе анализа деятельности малых предприятий пищевой промышленности В.А. Бордунова выделила те направления государственной поддержки, в которых есть особая необходимость в условиях санкций. В первую очередь, это помощь в субсидировании инвестпроектов по модернизации производства и снижение фискальной нагрузки.

Сокращение возможности выбора товаров и услуг в условиях санкций и тенденции к монополизации бизнеса могут в будущем привести к ухудшению качества отечественной продукции и еще большему снижению ее разнообразия, что негативно отразится на развитии предпринимательства, осуществлении и защите свободы предпринимательской деятельности в России. Поэтому, мы считаем, что конституционно-правовая политика в сфере защиты предпринимательской деятельности должна развиваться с учетом подобного фактора риска, а также с учетом мнений ученых относительно того, в каком направлении особенно необходима поддержка для индивидуальных предпринимателей, малого и среднего бизнеса.

Это обстоятельство подчеркивает важность развития конституционно-правой политики России в рассматриваемой сфере и особое значение такого ее принципа как принцип поощрения развития малого бизнеса.

Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан активно сотрудничают друг с другом в экономической сфере как на двустороннем уровне, так и в рамках такой международной организации как ЕАЭС. Поэтому, одним из наиболее важных конституционно-правовых принципов, способствующих укреплению и повышению эффективности данного сотрудничества, является принцип гармонизации законодательства, регламентирующего осуществление и защиту свободы предпринимательской деятельности в странах членах ЕАЭС. Следовательно, их конституционно-правовая политика в рассматриваемой сфере должна строиться на близких по своему содержанию принципах, что будет гарантией развития конституционно-правового регулирования защиты свободы предпринимательской деятельности в данных государствах в едином русле.

Библиографический список

1. *Бордунова В.А.* Влияние санкций на деятельность предприятий пищевой промышленности Приморского края // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* 2016. № 7. С. 603–607.
2. *Малько А.В.* Правовая политика // *Правовая политика: словарь и проект концепции* / под ред. А.В. Малько. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 26.
3. *Матузов Н.И.* Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // *Правоведение.* 1997. № 4. С. 6–17.
4. *Нерсесянц В.С.* Правовая политика и совершенствование законодательства: теоретико-методологические проблемы // *Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции.* Москва, 4–5 ноября 2003 г. С. 3–5.
5. Конституция Республики Беларусь. Конституции стран-членов СНГ. Ереван, 1997.

References

1. *Bordunova V.A.* Influence of Sanctions on the Activities of Food Industry Enterprises of the Primorsky Territory // *International Journal of Applied and Fundamental Research.* 2016. No. 7. P. 603–607.
2. *Malko A.V.* Legal Policy // *Legal Policy: Dictionary and Draft Concept* / ed. by A.V. Malko. Saratov: Publishing house of GOU VPO “Saratov State Law Academy”, 2010. P. 26.
3. *Matuzov N.I.* The Concept and Main Priorities of Russian Legal Policy // *Jurisprudence.* 1997. No 4. P. 6–17.
4. *Nersesyants V.S.* Legal Policy and Improvement of Legislation: Theoretical and Methodological Problems // *Actual Problems of Improving Russian Legislation at the Present Stage. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference.* Moscow, November 4–5, 2003. P. 3–5.
5. Constitution of Belarus. Constitutions of the CIS Member States. Yerevan, 1997.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10045

УДК 347.262

З.И. Цыбуленко

ПУБЛИЧНЫЕ СЕРВИТУТЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в связи с реформированием законодательства Российской Федерации Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ внесены существенные изменения в нормы Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ), регулирующие частные и публичные сервитуты. Значительно обновлены правила ст. 23 ЗК РФ, ЗК РФ дополнен гл. V, 7, в которой более подробно и полно урегулирован публичный сервитут, изменены и другие нормы ЗК о таких сервитутах. Вследствие этого возникла необходимость изучения названных норм, уяснения их действительного содержания. В статье анализируются существенно измененные новые нормы ЗК РФ о публичных сервитутах, в т.ч. цели их установления, в органах, принимающих решения об этом; условиях их предоставления; о лицах, имеющих право ходатайствовать о предоставлении такого сервитута и о содержании ходатайства; о порядке, сроках принятия решения об установлении публичного сервитута, его содержании и государственной регистрации; об основаниях отказа в его предоставлении; о сроках, плате за публичный сервитут; о соглашении об осуществлении публичного сервитута и о порядке его заключения; о правах и обязанностях обладателя такого сервитута; об основаниях его прекращения и некоторые другие вопросы. **Цель:** изучение и разъяснение действительного содержания существенно измененных и новых норм ЗК РФ о публичных сервитутах для единообразного понимания и применения на практике. **Методологическая основа:** при освещении содержания вопросов статьи использованы общенаучные методы исследования: систематического анализа, сравнительно-правовой, толкования норм и другие вопросы. **Результаты:** сделано заключение о сложной формулировке отдельных правил, не совсем четком и ясном изложении некоторых норм о публичных сервитутах, что может затруднить их единообразное толкование и применение на практике.

Ключевые слова: публичный сервитут, установление публичного сервитута и его цель, правообладатель земельного участка, обладатель публичного сервитута, соглашение об осуществлении публичного сервитута, плата за публичный сервитут, права и обязанности обладателя публичного сервитута, государственная регистрация публичного сервитута, прекращение публичного сервитута.

© Цыбуленко Зиновий Иванович, 2020

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); cybulenko@bk.ru

© Tsybulenko Zinoviy Ivanovich, 2020

Doctor of law, Professor, Professor, Civil law department (Saratov State Law Academy)

Z.I. Tsybulenko

PUBLIC EASEMENTS IN THE LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: in connection with the reform of the legislation of the Russian Federation by the Federal Law of 03.08.2018, No. 341-FL significant changes to the rules of the Land Code of the Russian Federation (further - SC of the Russian Federation), regulating private and public Servitudes were made. The rules of Art. 23 of the RF LC are significantly updated, the RF LC is supplemented by chapter V. 7, in which the public easement is more detailed and fully regulated, and other norms of the LC on such easements are changed. As a result of this, it became necessary to study these norms and to clarify their actual content. The article analyzes the significantly amended and new rules of the Russian Criminal Code on public easements, including the purpose of their establishment, the bodies that make decisions about it; terms of their provision; persons eligible to apply for such an easement and the content of the application; on the order, timing of the decision to establish a public easement, its contents and state registration; the grounds for refusing to grant it; about the terms, the payment for the public easement; agreement on the implementation of a public easement and the form it is concluded; about the rights and responsibilities of the owner of such an easement; about the reasons for its termination and some other issues. **Objective:** to study and explain the actual content of the significantly changed and new norms of the Russian Criminal Code on public easements for uniform understanding and application in practice. **Methodology:** in covering the content of the article general scientific methods of research: systematic analysis, comparative-legal, interpretation of norms and other methods were used. **Results:** a conclusion has been made on the complex wording of certain rules, and some rules on public easements are not quite clear which may make their uniform interpretation and application in practice difficult.

Key-words: public easement, establishing a public easement and its purpose, the copyright holder of the land plot, the holder of a public easement, the agreement for the implementation of the public easement, the rights and obligations of the holder of a public easement, state registration of a public easement, termination of public easement.

Законодательство Российской Федерации, кроме частных сервитутов, регулирует и публичные сервитуты (Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. (в ред. от 2 августа 2019 г. № 283-ФЗ)¹, Градостроительный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. (в ред. от 2 августа 2019 г. № 294-ФЗ)², Лесной кодекс РФ от 4 декабря 2006 г. (в ред. от 27 декабря 2018 г. № 538-ФЗ)³, Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в ред. от 2 августа 2019 г. № 299-ФЗ)⁴ и другие нормативно-правовые акты).

Согласно п. 1 ст. 23 ЗК РФ публичный сервитут представляет собой право ограниченного пользования чужим земельным участком. В отличие от частных сервитутов, которые устанавливаются в соответствии с гражданским законодательством, а относительно некоторых земельных участков, с учетом особенностей, закрепленных в гл. V. 3 ЗК РФ, публичный сервитут устанавливается в соответствии с ЗК РФ. При этом к правоотношениям, которые возникают в

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44, ст. 4147; 2019. № 31, ст. 4442.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1, ч. 1, ст. 16; 2019. № 31, ст. 4453.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006, № 50, ст. 5278; 2018. № 53, ч. I, ст. 8464.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015, № 29, ч. I, ст. 4344; 2019. № 31, ст. 4458.

связи с установлением, осуществлением и прекращением действия публичного сервитута, нормы Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) и правила гл. V. 3 ЗК РФ не применяются.

Основанием возникновения частного сервитута служит соглашение сторон, а при его отсутствии — решение суда (п. 3, 6 ст. 274 ГК РФ), а публичного сервитута — решение исполнительных органов государственной власти или органов местного самоуправления (п. 2 ст. 23 ЗК РФ). Первый устанавливается для удовлетворения частных интересов лица, а второй — в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд, а также нужд местного населения, то есть в общественных интересах (п. 2 ст. 23 ЗК РФ).

В соответствии земельным законодательством публичный сервитут устанавливается, в частности, для:

- 1) прохода или проезда через земельный участок, в том числе в целях обеспечения свободного доступа граждан к водному объекту общего пользования и его береговой полосе;
- 2) размещения на земельном участке межевых знаков;
- 3) проведения дренажных работ на земельном участке;
- 4) прогона сельскохозяйственных животных через земельный участок и других целей (п. 4 ст. 23 ЗК РФ).

Публичный сервитут:

1) может быть предоставлен в отношении одного или нескольких земельных участков;

2) обременение земельного участка таким сервитутом, не лишает его правообладателя прав владения, пользования и (или) распоряжения таким участком;

3) переход прав на указанный участок, предоставление такого участка, являющегося государственной или муниципальной собственностью, гражданам или юридическим лицам не может служить основанием для прекращения публичного сервитута и (или) изменения условий его осуществления;

4) срок данного сервитута определяется решением о его установлении;

5) должен предоставляться и осуществляться на условиях, наименее обременительных для использования земельного участка согласно с его целевым назначением и разрешенным использованием (п. 5–9 ст. 23 ЗК РФ).

Что касается деятельности, для обеспечения которой предоставляется публичный сервитут, она может осуществляться на земельном участке независимо от его целевого назначения и разрешенного использования, кроме случаев, предусмотренных законом. В отличие от частного сервитута, когда правообладатель земельного участка, обремененного сервитутом, вправе, по общему правилу, требовать соразмерную плату от лица, в чьих интересах установлен сервитут, при публичном сервитуте правообладатель земельного участка имеет право требовать от органа государственной власти или органа местного самоуправления, предоставивших названный сервитут, такую плату только в случае, если установление публичного сервитута влечет существенные затруднения в использовании земельного участка (п. 11–13 ЗК РФ).

Из приведенной нормы ЗК РФ видно, что категория «существенные затруднения» носит субъективный, оценочный характер, но содержание ее не раскрыто, что может приводить к различному толкованию на практике и к нарушению прав участников публичных сервитутов. В целях единообразного понимания и применения данного понятия на практике целесообразно было бы раскрыть его

содержание в названной статье ЗК РФ или в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ.

В отличие от частного сервитута, при котором права лиц, использующих земельный участок, предусматриваются законом и соглашением о предоставлении сервитута, такие права при публичном сервитуте устанавливаются решением уполномоченного органа исполнительной власти или органом местного самоуправления, предоставивших публичный сервитут, а в случаях, указанных в гл. V.7 ЗК РФ, также соглашением об осуществлении такого сервитута (п. 2 ст. 41 ЗК РФ).

Для установления публичного сервитута не может служить препятствием отсутствие сведений о зарегистрированных правах на земельные участки, обременяемые таким сервитутом, в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН), наличие споров о правах на указанные земельные участки, а также наличие на земельном участке обременений, кроме случаев, предусмотренных законом (п. 15, 16 ст. 23 ЗК РФ).

Согласно п. 17 ст. 23 ЗК РФ сервитуты подлежат государственной регистрации в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости», кроме сервитутов, названных в п. 4 ст. 39.25 ЗК РФ. Сведения о публичных сервитутах вносятся в ЕГРН. Редакция приведенных правил позволяет сделать вывод, что государственной регистрации подлежат как частные, так и публичные сервитуты. В силу п. 4 ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ государственная регистрация прав осуществляется путем внесения в ЕГРН записи о праве на недвижимое имущество, сведения о котором внесены в ЕГРН. В п. 6 названной статьи говорится о государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимое имущество, в т.ч. сервитутов.

Порядок установления публичного сервитута относительно земельных участков для использования их в целях, установленных ст. 39.37 ЗК РФ, срок его, условия осуществления, порядок определения платы за него предусматриваются главой V. 7 ЗК РФ. Особенности предоставления публичного сервитута в отношении земельных участков, расположенных в границах полос отвода автомобильных дорог, устанавливаются Федеральным законом от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 2 августа 2019 г. № 289-ФЗ)⁴.

В главе V. 7 ЗК РФ закреплены цели установления публичного сервитута, в частности: размещение объектов электросетевого хозяйства, тепловых сетей, водопроводных сетей, линий и объектов связи, газоснабжения, и им подобных, необходимых для организации электро-, газо-, тепло-, водоснабжения населения; складирование строительных и иных материалов, размещение вспомогательных сооружений, строительной техники; размещение автомобильных дорог и железнодорожных путей в туннелях и других целей (ст. 39.37 ЗК РФ).

Для перечисленных целей публичный сервитут устанавливается решениями уполномоченных федеральных, региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления — для размещения инженерных сооружений, устройства пересечений автомобильных дорог или железнодорожных путей

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 46, ст. 5553; 2019. № 31, ст. 4448.

с аналогичными объектами федерального, регионального или местного значения в соответствии со ст. 39.38 ЗК РФ.

В соответствии с законом публичный сервитут устанавливается решением уполномоченного органа исполнительной власти или органа местного самоуправления, на основании ходатайства об его установлении, с учетом правил ст. 23 ЗК РФ; допускается только при условии обоснования необходимости его предоставления в соответствии с п. 2 и 3 ст. 39.41 ЗК РФ; производится независимо от формы собственности на земельный участок⁵.

Предоставление публичного сервитута не допускается в целях, указанных в законе (подп. 1 и 2 ст. 39.37 ЗК, в отношении земельных участков, которые предоставлены или принадлежат гражданам и предназначены для индивидуального жилищного строительства, ведения садоводства, огородничества, личного подсобного хозяйства, кроме случаев предусмотренных подп. 1–3 п. 5 ст. 39.39 ЗК РФ).

С ходатайством о предоставлении публичного сервитута имеет право обратиться организация, которая является субъектом естественных монополий, организацией связи, владельцем объекта транспортной инфраструктуры федерального, регионального или местного значения, а также другие организации и лица перечисленные в ст. 39.40 ЗК РФ.

В таком ходатайстве заявитель должен указать: наименование и место его нахождения, цель установления публичного сервитута; его срок; обоснование необходимости его предоставления с приложением требуемых документов, другие сведения, предусмотренные в законе.

Ходатайство может быть возвращено органом, уполномоченным на установление публичного сервитута, в случаях указанных в ст. 39.41 ЗК.

В ЗК РФ закреплен порядок выявления правообладателей земельных участков в целях установления публичного сервитута, обеспечения их извещениями о возможном установлении такого сервитута, направления копии решения о его установлении за счет средств заявителя (ст. 39.42 ЗК РФ).

В соответствии с законом орган, уполномоченный на установление публичного сервитута, должен принять такое решение или отказать в этом в течение установленного срока со дня поступления ходатайства об этом. В решении об установлении такого сервитута должны быть указаны: его цель; сведения о заявителе; кадастровые номера земельных участков относительно которых устанавливается публичный сервитут; его срок; порядок расчета и внесения платы за него; обязанность обладателя публичного сервитута привести земельный участок в состояние, пригодное для использования в соответствии с видом разрешенного использования и другие сведения.

Сведения о публичном сервитуте с указанием местоположения его границ, цели, срока, обладателя и некоторые другие вносятся в реестр границ (ч. 6 ст. 10 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ). Из реестра границ сведения о публичном сервитуте исключаются по истечении срока или поступления решения уполномоченного органа или суда о его прекращении.

⁵ Приказом Минэкономразвития РФ от 10 октября 2018 г. № 542 утверждены требования к форме ходатайства об установлении публичного сервитута, содержанию обоснования необходимости установления публичного сервитута. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.12.2018).

Уполномоченные органы, которые приняли решение о предоставлении публичного сервитута, должны направить в орган регистрации прав решение об установлении или о прекращении сервитута с описанием местоположения его границ в определенный законом срок со дня принятия такого решения (ч. 15.1 ст. 32 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ).

В предусмотренный законом срок со дня внесения в ЕГРН сведений о публичном сервитуте орган регистрации прав направляет его владельцу с указанием правообладателя земельного участка, относительно которого предоставлен названный сервитут (ч. 19 ст. 34 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ).

После принятия решения о предоставлении публичного сервитута уполномоченный орган в определенный законом срок обязан разместить решение об установлении публичного сервитута на своем официальном сайте в сети Интернет, обеспечить его опубликование, направить копию решения правообладателям земельных участков, относительно которых установлен публичный сервитут, в орган регистрации прав и владельцу такого сервитута.

Публичный сервитут признается установленным со дня внесения сведений о нем в ЕГРН. Решение о его предоставлении может быть оспорено владельцем земельного участка в суд по истечению 30 дней со дня получения таким владельцем соглашения об осуществлении сервитута. Предоставление земельного участка, который обременен публичным сервитутом, переход прав на него, образование из него земельного участка, переход прав на инженерное сооружение, расположенное на условиях публичного сервитута, не оказывают влияния на действительность решения о предоставлении такого сервитута и не служат основаниям для его пересмотра (ст. 39.43 ЗК РФ).

В установлении публичного сервитута должно быть отказано в случаях, предусмотренных законом, с приведением в решении об этом всех оснований для отказа, с направлением копии такого решения уполномоченным органам, заявителю в установленный срок со дня принятия такого решения (ст. 39.44 ЗК РФ).

Рассматриваемый сервитут устанавливается на срок, который указан в ходатайстве о его предоставлении, с учетом положений п. 7 ст. 23 ЗК РФ и предусмотренных в законе ограничений:

- 1) от десяти до сорока девяти лет;
- 2) на срок строительства, реконструкции, ремонта объектов транспортной инфраструктуры;
- 3) на срок не более одного года в случаях и в целях, предусмотренных законом.

Если иное не предусмотрено ЗК РФ, владелец публичного сервитута обязан вносить плату за него. Она может устанавливаться в виде единовременного платежа или периодических платежей. Плата за публичный сервитут в отношении земельного участка, являющихся государственной или муниципальной собственностью, должна вноситься его владельцем единовременным платежом не позднее шести месяцев со дня принятия решения об установлении публичного сервитута.

Плата за названный сервитут должна определяться пропорционально площади земельного участка в установленных границах публичного сервитута.

Относительно земельного участка, который находится в государственной или муниципальной собственности и не обремененного правами третьих лиц, плата за такой сервитут, устанавливается в размере 0,01% кадастровой стоимо-

сти такого земельного участка за каждый год его использования. Кроме того, плата за указанный сервитут, предоставленный на три года и более, не может быть менее чем 0,1% кадастровой стоимости земельного участка, в отношении которого установлен сервитут, за весь его срок.

При отсутствии кадастровой стоимости земельных участков размер платы за публичный сервитут рассчитывается в соответствии с п. 3 и 4 ст. 39.46 ЗК РФ исходя из среднего показателя кадастровой стоимости земельных участков по муниципальному району, муниципальному образованию в составе города федерального значения.

Публичный сервитут является безвозмездным, если он установлен в целях, предусмотренных законом (п. 6 ст. 39.46 ЗК РФ).

В отношении земельных участков, являющихся частной, государственной или муниципальной собственностью, предоставленных гражданам или юридическим лицам, плата за публичный сервитут устанавливается на основании Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (с 1 января 2020 г. — Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке») (в ред. от 29 июля 2017 г. № 274-ФЗ)⁶ и методическими рекомендациями, которые утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Размер данной платы должен определяться на дату, которая предшествует дате направления правообладателю земельного участка соглашения об осуществлении публичного сервитута⁷.

Плата за него должна вноситься правообладателю земельного участка, с которым заключено названное соглашение, или в депозит нотариуса единовременным платежом в случаях, предусмотренных пп. 11 и 13 ст. 39.47 ЗК РФ. При досрочном прекращении публичного сервитута внесенная за него плата не подлежит возврату, кроме случаев, предусмотренных соглашением об его осуществлении (п. 7–9 ст. 39.46 ЗК РФ).

Не засчитываются в счет платы за публичный сервитут и подлежат возмещению независимо от нее: убытки, которые причинены невозможностью исполнения правообладателем земельного участка обязательств перед третьими лицами; иные убытки такого правообладателя, возникшие у него в результате деятельности обладателя публичного сервитута.

Названные убытки должны возмещаться правообладателю земельного участка обладателем публичного сервитута в течение 30 дней со дня обращения правообладателя земельного участка с таким требованием (п. 10–11 ст. 39.46 ЗК РФ).

Для осуществления публичного сервитута должно быть заключено соглашение об этом. Оно должно содержать: сведения о сторонах соглашения; цель установления этого сервитута; срок его; размер платы за него, порядок и срок ее внесения; права и обязанности обладателя публичного сервитута; порядок возмещения правообладателю земельного участка убытков и другие сведения, указанные в п. 1 ст. 39.47 ЗК РФ.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. I, ст. 4170; 2017. № 31, ст. 4823.

⁷ См.: Приказ Минэкономразвития России от 4 июня 2019 г. № 321 «Об утверждении методических рекомендаций по определению платы за публичный сервитут в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности или находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставленных гражданам или юридическим лицам». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Такое соглашение заключается в письменной форме путем составления документа, подписанного между обладателем публичного сервитута и частным собственником земельного участка или арендатором, землепользователем, землевладельцем земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, относительно которых предоставлен публичный сервитут. Подобное соглашение не заключается, если этот сервитут установлен в отношении земельных участков, которые находятся в государственной или муниципальной собственности и не обременены правами третьих лиц,

Срок соглашения об осуществлении публичного сервитута должен соответствовать сроку публичного сервитута, предусмотренному в решении об его установлении. Проект такого соглашения, подписанный обладателем публичного сервитута, направляется в двух экземплярах правообладателю земельного участка, с приложением сведений, предусмотренных в п. 7 ст. 39.47 ЗК РФ.

Правообладатель участка может подписать такое соглашение или отказаться от этого или направить уведомление об этом обладателю публичного сервитута либо в установленный законом срок направить обладателю публичного сервитута предложение о заключении такого соглашения на других условиях. В таком случае обладатель публичного сервитута должен в течение установленного законом срока, направить правообладателю земельного участка проект соглашения об осуществлении сервитута на предложенных условиях или уведомление об отклонении такого предложения.

Если такое соглашение не заключено в течение 30 дней со дня получения правообладателем земельного участка проекта соглашения, обладатель публичного сервитута должен вносить плату за него, указанную в проекте соглашения на депозит нотариуса по месту нахождения земельного участка. В таком случае обладатель имеет право осуществлять сервитут до заключения соглашения о его осуществлении.

Правообладатель земельного участка вправе предъявить в суд требование о понуждении обладателя публичного сервитута заключить названное соглашение. Оно будет считаться заключенным на условиях, установленных в решении суда, с момента вступления его в законную силу. Размер платы за сервитут может быть определен судом независимо от суммы, которая внесена на депозит нотариуса, с зачетом суммы в счет платы за публичный сервитут.

Если правообладатель земельного участка оспаривает решение об установлении публичного сервитута, он должен направить проект соглашения об его осуществлении, внести плату за него в депозит нотариуса и вправе приступить к осуществлению публичного сервитута на условиях, предусмотренных в п. 11 ст. 39.47 ЗК РФ.

При предоставлении гражданам или юридическим лицам земельных участков, которые являются государственной или муниципальной собственностью, обремененных публичным сервитутом, они имеют право требовать от обладателей таких сервитутов заключения соглашения об его осуществлении, но не вправе требовать плату за него (ст. 39.47 ЗК РФ).

В тех случаях, когда осуществление публичного сервитута повлекло невозможность или существенное затруднение в использовании земельного участка или находящегося на нем объекта недвижимости в соответствии с их разрешенным использованием в течение определенного в законе срока, правообладатель земельного участка или расположенного на нем объекта недвижимости имеет

право требовать выкупа таких объектов по рыночной стоимости и возмещения всех причиненных убытков, а арендатор, землепользователь, землевладелец земельного участка, относящегося к государственной или муниципальной собственности, — возмещения убытков, обусловленных невозможностью исполнения договора аренды земельного участка, безвозмездного пользования им, прекращением прав на него. Перечисленные требования предъявляются к обладателю публичного сервитута, а если их несколько, то к обладателю того сервитута, осуществление которого наиболее обременительно для использования земельного участка (ст. 39.48 ЗК РФ).

Следует обратить внимание на то, что термины «существенные затруднения», «наиболее обременительно» в использовании земельного участка носят субъективный оценочный характер, могут пониматься неоднозначно сторонами соглашения об осуществлении сервитута, что может создавать трудности в применении на практике, приводить к нарушению прав сторон такого соглашения. В целях единообразного толкования и применения правил ст. 39.48 ЗК РФ на практике целесообразно было бы в ней привести хотя бы примерный перечень обстоятельств, относящихся к таким терминам, при использовании земельных участков в период осуществления публичных сервитутов.

В соответствии с законом обладатель публичного сервитута имеет право начать его осуществление со дня заключения соглашения об этом, но не ранее дня внесения сведений о публичном сервитуте в ЕГРН; после внесения платы за такой сервитут в соответствии с решением о его установлении в случае предоставления сервитута в отношении земельных участков, являющихся государственной или муниципальной собственностью и не предоставленных гражданам или юридическим лицам.

В силу закона обладатель такого сервитута наделен правом в установленных границах публичного сервитута заниматься деятельностью, для обеспечения которой он предоставлен, в т.ч. осуществлять: 1) доступ на земельный участок при заблаговременном уведомлении об этом правообладателя земельного участка; 2) строительство, реконструкцию, ремонт и эксплуатацию инженерных сооружений; 3) доставку, складирование и вывоз строительных материалов, провоз и размещение строительной техники; 4) консервацию и снос сооружений, принадлежащих обладателю публичного сервитута, и другие работы необходимые для его осуществления (п. 1–3 ст. 29.50 ЗК РФ).

Если иное не предусмотрено соглашением об осуществлении публичного сервитута, его обладатель приобретает следующие права: 1) на имущество, в том числе недвижимое, которое размещено им на земельном участке в связи с осуществлением публичного сервитута; 2) требовать от правообладателя земельного участка или других лиц соблюдения ограничений, которые установлены публичным сервитутом; 3) самостоятельно уточнить местоположение границ публичного сервитута при соблюдении условий, предусмотренных п. 6 ст. 39.50 ЗК РФ; 4) отказаться от осуществления публичного сервитута в любое время без освобождения его от обязанностей, предусмотренных п. 8 и 9 ст. 39.50 ЗК РФ; 5) до окончания срока публичного сервитута обратиться с ходатайством об установлении его на новый срок.

Помимо перечисленных прав обладатель публичного сервитута обязан: привести земельный участок в состояние которое пригодно для его использования в соответствии с разрешенным использованием, в установленный законом срок;

снести объекты, которые он разместил на основании публичного сервитута, а при необходимости провести рекультивацию земельного участка в срок не позднее чем шесть месяцев с момента прекращения сервитута (п. 8–9 ст. 39.50 ЗК РФ).

Публичный сервитут может быть прекращен при отпадении оснований для его установления путем отмены акта о его принятии, кроме публичного сервитута, который установлен в порядке, определенном гл. V. 7 ЗК РФ.

Он считается прекращенным по истечении его срока.

При установлении названного сервитута в порядке, определенном главой V. 7 ЗК РФ он прекращается на основании решения уполномоченного органа исполнительной власти или органа местного самоуправления, установивших его, если:

1) не осуществляется на протяжении двух и более лет деятельность, для обеспечения которой он был предоставлен;

2) не внесена плата в установленный срок за публичный сервитут, предоставленный в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и не переданных гражданам или юридическим лицам;

3) не внесена плата за такой же сервитут, установленный в отношении земельных участков, предоставленных или принадлежащих гражданам или юридическим лицам, в установленные законом сроки;

4) обладатель такого сервитута отказался от него (п. 3–4 ст. 48 ЗК РФ (в ред. от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ).

Прекращения публичного сервитута в судебном порядке имеет право требовать и правообладатель земельного участка при наличии предусмотренных в законе оснований:

1) нарушение срока его установления;

2) отсутствие возможности использования земельного участка или находящегося на нем объекта недвижимости либо возникновение существенного затруднения в этом вследствие осуществления публичного сервитута, кроме случаев предоставления его в целях, указанных в ст. 39.37 ЗК РФ;

3) изменение документации по планировке территории, на основании которой был установлен такой сервитут;

4) осуществление обладателем публичного сервитута деятельности, в целях занятия которой он был предоставлен, с нарушением федеральных законов, и других нормативных правовых актов РФ или условий осуществления публичного сервитута, определенных в решении или соглашении об его установлении;

5) при наличии обстоятельств, предусмотренных в подп. 1 и 3 п. 4 ст. 48 ЗК РФ, п. 6 ст. 48 ЗК РФ.

Решение об установлении такого сервитута служит основанием для внесения записи в ЕГРН о прекращении названных прав на указанные земельные участки. Уполномоченный исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления, по решению которых установлен публичный сервитут, в определенный законом срок обязан обратиться в орган регистрации прав с заявлением о государственной регистрации прекращения названных прав на земельный участок, относительно которого предоставлен такой сервитут и сведения о котором внесены в ЕГРН.

Юридические лица, право собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления которых на сооружения, которые согласно ЗК РФ могут быть размещены на земельном участке на основании публичного сервитута,

возникло до 1 сентября 2018 г. и у которых отсутствуют права на земельный участок, на котором находятся такие сооружения, имеют право оформить публичный сервитут в порядке, установленном гл. V. 7 ЗК РФ, или приобрести соответствующий земельный участок в аренду до 1 января 2022 г. (п. 1–3 ст. 3.6 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ). В приведенных случаях плата за публичный сервитут не устанавливается.

Лица, названные в пп. 1 и 3 указанной статьи, имеют право заключить с правообладателем земельного участка соглашение об осуществлении публичного сервитута.

В тех случаях, когда земельные участки, право постоянного (бессрочного) пользования которыми или право аренды которых переоформлено на публичный сервитут, перераспределяются с земельными участками, являющимися частной либо государственной или муниципальной собственностью, и предоставлены третьим лицам, плата за их перераспределение не должна взиматься (п. 4, 6, 7 ст. 3.6 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ).

Орган регистрации прав должен внести изменения в сведения ЕГРН об обладателе публичного сервитута в случае государственной регистрации перехода права собственности на сооружение, которое было создано на земельном участке на основании публичного сервитута (ч. 4 ст. 57 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ)).

Если публичные сервитуты были установлены до вступления в силу Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ, они сохраняются на условиях, определенных в федеральном законе или ином нормативном правовом акте РФ, ее субъекта, в акте органа местного самоуправления, которые предусматривали установление таких публичных сервитутов (ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ).

Изложенное свидетельствует, что некоторые из норм о публичных сервитутах сформулированы и изложены сложно, содержание используемых в них отдельных понятий, терминов не раскрыто, допускает различное их толкование, что может приводить к трудностям при применении на практике, нарушению прав сторон публичных сервитутов. В целях устранения отмеченных недостатков, достижения единообразного толкования и применения целесообразно их дальнейшее совершенствование.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10046

УДК 346

В.В. Атаян

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ МИКШИРОВАНИЕ ЧАРТЕРА И ФРАХТОВАНИЯ

Введение: институты чартера и фрахтования имеют давнюю историю. Вслед за появлением институтов, возникли соответствующие понятия, обозначающие данные институты. Исторически первым возникло понятие чартера, позже возникает термин фрахтование. Вместе с тем современная отечественная юридическая практика демонстрирует, что деление и классификация понятий чартера и фрахтования осуществляются недостаточно корректно и в настоящее время, а их содержание зачастую микшируется и не получает четкого разграничения. **Цель:** обозначение вектора по разграничению понятий, обозначающих различные институты предпринимательского права, способствующего преодолению имеющегося терминологического микширования, обнаруживающегося как в сфере научных теоретических построений, так и на законодательном уровне. **Методологическая основа:** методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, используется необходимая аргументация, обобщение, а также сравнительно-правовой анализ. **Результат:** понимание чартера как перевозки и фрахтования как аренды транспортного средства способствует преодолению затруднений правоприменительного характера, в том числе, в судебной практике. **Выводы:** возникает насущная практическая потребность по логико-терминологическому разграничению чартера и фрахтования, имеющих отличительные содержательные и формальные характеристики. Принятие отраслевого транспортного кодекса, в котором получат легальное определение чартер и фрахтование, будет способствовать повышению качества правоприменительной практики.

Ключевые слова: чартер, фрахтование, разграничение, микширование, правоприменительная практика.

V. V. Atayan

TERMINOLOGICAL AND LAW ENFORCEMENT MIXING OF CHARTER AND FREIGHTING

Background: charter and freighting institutes have a long history. Following the emergence of institutions, relevant concepts arose, meaning these institutions. Historically, the notion of a charter first appeared, and later the term charter appeared. Following the emergence of institutions, relevant concepts arose, denoting these institutions. At the same time, modern domestic legal practice demonstrates that the division and classification of the concepts of charter and freighting are not carried out correctly enough at the present time, and their content is often mixed and does not receive a clear distinction. **Objective:** designation of a vector for distinguishing between concepts denoting various institutions of

© Атаян Владимир Владимирович, 2020

Кандидат философских наук, ведущий специалист Управления непрерывного и дополнительного образования (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова); e-mail: vvatayan@mail.ru

© Atayan Vladimir Vladimirovich, 2020

Candidate of philosophy, leading specialist of the Department of Continuing and Additional Education (Moscow State University named after M.V. Lomonosov)

business law, which helps to overcome the existing terminological mixing, which is found both in the field of scientific theoretical constructions and at the legislative level. Methodology: analysis and synthesis, induction and deduction, argumentation, generalization, comparative legal analysis. Result: the distinction between Charter (transportation) and Freightage (rental of a vehicle) helps to overcome law enforcement difficulties, including in judicial practice. Conclusions: there is an urgent practical need for a logical distinction between Charter and Freightage, which have distinctive substantive and formal characteristics.

Key-words: charter, fracht, delimitation, mixing, law enforcement practice.

История хозяйственных отношений демонстрирует, что перевозка грузов и пассажиров возникает еще во времена Древнего мира. Активно развивается в Средние века, во времена становления европейских торговых городских республик, и в эпоху Великих географических открытий. Непосредственно термины «чартер» и «фрахтование» зарождаются в Средневековье. Так, чартер в этот период был известен как цертепартия. Данный термин имеет французскую этимологию и происходит от обычая рвать на две части соглашение, и отдавать каждой стороне договора по одной части (charte-partie), соответствующих друг другу [1, с. 318].

Этимология термина фрахтование (die Fracht), вероятнее всего является немецкой или голландской и означает кладь, груз. Акт, подтверждающий заключение фрахтового договора, исторически именуется грузовой росписью и по-французски называется коносамент (connaissement), указывая «на знание контрагентами, что сдано и что принято для перевозки» [1, с. 318]. Этимология термина коносамент может быть объяснена от французского слова connaître, переводящегося на русский как «знать». Последний термин происходит от латинского cognoscere, что означает «познавать, узнавать». Морфема cum (иные варианты наименьшей языковой единицы варианты: co-, com-, con-), что переводится как «с, вместе». Gnoscere означает «познавать, знакомиться». Последний термин вероятно происходит от праиндоевропейского gno, что означает «знать» [2].

Отметим, что в различных странах могут использоваться различные термины для наименования «чартер». Впервые термин чартер появляется в законодательстве Соединенных штатов в 1934 г. в Правилах о воздушной коммерции 1934 г. При этом в специальной юридической литературе и вышеназванных Правилах уделено немного внимания договору чартера и его правовой природе.

Исторически ни законодательство, ни правоприменительная практика западных стран не единодушны во взглядах на содержание этого понятия. В частности, в США, Великобритании, Германии соглашение о предоставлении воздушных судов именуется чартером, в Италии и Франции применяется термин фрахтование (affretement, noleggio). Соглашение о предоставлении воздушного транспортного средства в США и Великобритании именуют Bare Hull Charter.

Во Франции и Италии применяется термин Location (Locazione) — «наем». Кроме того, во французских и итальянских компаниях при предоставлении воздушного транспорта без экипажа применяется понятие «чартер». В США и Англии для наименования рейсового чартера, а также тайм-чартера применяется термин «wetlease», который может быть переведен как «мокрая аренда».

Что касается современного отечественного законодательства, то оно дает легальное определение договора фрахтования (чартера). В соответствии со ст. 787

ГК РФ по договору фрахтования (чартера) одна сторона (фрахтовщик) обязуется предоставить другой стороне (фрахтователю) за плату всю или часть вместимости одного или нескольких транспортных средств на один или несколько рейсов для перевозки грузов, пассажиров и багажа.

Вместе с тем реальное функционирование институтов фрахтования и чартера демонстрирует, что, во-первых, их полное отождествление на современном этапе развития экономики не представляется возможным, а во-вторых, логическое несовершенство при формулировании дефиниции чартера и фрахтования, связанное с отсутствием четкого деления и классификации терминов, микшированием их содержания, затрудняет эффективное правоприменение.

Задачей настоящей статьи является краткое обозначение вектора по разграничению и преодолению имеющегося микширования чартера и фрахтования как терминов и как институтов.

Важно отметить, что в зависимости от того, какой объект перемещается, можно осуществлять различными способами перевозку грузов, пассажиров, а также их багаж. На современном уровне развития хозяйства можно осуществлять перевозку автомобильным транспортом, посредством железной дороги, водным и воздушным путем, а также через смешанные перевозки [3].

Современная хозяйственная практика демонстрирует, что договор фрахтования применяется при воздушных и морских перевозках, а также при перевозках внутренним водным и автомобильным транспортом, однако не применяется на железнодорожном транспорте [4, с. 180–181]. При перевозке железнодорожным транспортом применяется договор чартера.

Известные ученые М.И. Брагинский и В.В. Витрянский констатируют, что посредством договора чартера регулируются отношения, направленные на перевозку крупных однотипных грузов (например, нефтепродуктов, зерновых и лесных материалов), т.е. в тех случаях, когда количество необходимых к перевозке товаров позволяет заполнить все судно или его часть [5, с. 419].

Таким образом, применение обозначенных типов договоров полностью определяется хозяйственными отношениями, при реализации которых договор фрахтования предстает в качестве договора аренды, а договор чартера в качестве договора перевозки. Вместе с тем, в качестве предмета договора фрахтования (аренды) выступает передача во временное владение и пользование транспортным средством. Арендатор, при этом самостоятельно определяет порядок и характер эксплуатации транспорта. В случае с договором перевозки (чартера) предметом становится оказание услуг по перевозке.

Исследуя данную дихотомию, ученые-юристы В.С. Ем и А.В. Киселев, констатируют, что главное отличие, позволяющее размежевать данные типы соглашений, заключается в том, что в соответствии с договором аренды (тайм-чартером) арендодатель перестает владеть и пользоваться транспортом. При этом владение и пользование транспортом переходит к арендатору. В соответствии же с договором чартера (перевозки) перевозчик продолжает владеть и пользоваться транспортом, а также самостоятельно его эксплуатировать.

При этом исторически, в недрах цивилистики, термины чартера и фрахтования могли получать иное содержание и пониматься иначе.

Так, Г.Ф. Шершеневич констатирует, что для осуществления морской грузоперевозки имеется два вида соглашений, чья правовая природа имеет принципиальные отличия. Первым является соглашение чартерной, а вторым —

фрахтовый договор. Договор цертепартии представляет собой, по мнению Шершеневича, договор имущественного найма, в соответствии с которым владелец судна за плату предоставляет грузохозяину на определенное время все судовые помещения или определенную часть этих помещений. Также в соответствии с договором цертепартии возможна передача конкретного места на корабле, отплывающему в определенном направлении [1, с. 317]. Для Шершеневича договор фрахтования является договором перевозки. Доставка должна быть осуществлена в определенное место и в определенный срок.

Законодательство в то время уже различало чартер и фрахтование. В частности, в соответствующих статьях Торгового Устава. Анализируя договоры цертепартии и фрахтования, Шершеневич отмечает, что первый вид договора исторически предшествует второму, но в современную ученую эпоху существенно уступает ему. Шершеневич констатирует, что само морское законодательство сформировалось в те времена, когда цертепартия имела большее значение, нежели фрахтование.

Ученый утверждает, что современное ему законодательство «мало осознает» принципиальное различие этих двух институтов. Также он отмечает, что отношения, зарождающиеся из чартера и фрахтования, принципиально различны. Вместе с тем у этих договоров есть общие характеристики. Так, оба соглашения заключаются грузоотправителем и судовладельцем или его представителем, или капитаном корабля. Капитан судна также имел право заключать договор при наличии разрешения судовладельца.

Договоры цертепартии и фрахтования должны были заключаться в письменной форме. Акт, подтверждавший заключение договора цертепартии, именовался цертепартией как и сам применяемый институт права. Документ (акт), подтверждавший факт заключения фрахтового договора именовался коносамент. Договор цертепартии заключался в двух экземплярах. Один экземпляр передавался грузохозяину, другой капитану. Фрахтовый договор заключался в одном экземпляре и выдавался грузоотправителю.

Говоря о содержании договоров цертепартии и фрахтования, Г.Ф. Шершеневич констатирует, что оно неодинаково [1, с. 317].

Другой особенностью, по оценкам Шершеневича, является то, что при коносаменте объем груза не является важным условием в отличие от договора цертепартии. Так, вместимость судна для цертепартии очень важна. В случае с коносаментом указание вместимости оказывается ненужным, т.к. в случае если грузоместимость корабля оказывается недостаточной, груз доставляется на других судах.

В современный период истории, при анализе чартера как договора перевозки, пожалуй, классическим для отечественной цивилистики является концепция О.С. Иоффе. В соответствии с оценками О.С. Иоффе, «договор перевозки грузов можно определить как договор, в силу которого одна сторона обязуется доставить вверенный ей груз в назначенное место и выдать его грузополучателю, а другая сторона, грузоотправитель, обязуется уплатить за это перевозчику вознаграждение в виде провозной платы» [6, с. 560].

Из вышеприведенного определения, предложенного О.С. Иоффе, можно сделать вывод о возмездном и взаимном характере договора перевозки. О.С. Иоффе также приходит к таким выводам. Данное соглашение является возмездным, т.к. за перевозку осуществляется плата [6, с. 560]. Также этот договор взаимным,

поскольку перевозчик обязан отвезти груз, имея, при этом, право на взимание провозной платы. Сторона, отправляющая груз, обязана в соответствии с этим договором выплатить провозную плату, имея право на перевозку сданного грузоотправителем груза [6, с. 560].

Также, на наш взгляд, необходимо согласиться В.В. Витрянским, отмечающим, что ст. 104 Воздушного кодекса РФ соединяется в договоре фрахтования воздушного судна де-факто два различных типа гражданско-правовых договоров [5, с. 518–519].

Осуществляя размежевание договоров фрахтования и чартера, П.В. Крашенинников констатирует, что в соответствии с первым, вся вместимость воздушного или водного транспортного средства является договором аренды (транспорта с экипажем или без экипажа). Договор чартера же, направленный на часть вместимости судна (морского, речного, воздушного) представляет собой консенсуальный договор перевозки [4, с. 180–181].

В науке гражданского права договор перевозки груза может рассматриваться как реальный. Так, права и обязанности сторон возникают в момент, когда груза передается [3]. Кроме того, указанный договор по своей сути является двусторонним, возмездным, осуществляемым в пользу третьего лица (получателя груза).

По оценкам, Е.А. Суханова соглашение по перевозке пассажира является консенсуальным. Поскольку пассажир, покупая билет, имеет право требовать, чтобы ему было предоставлено место в транспорте, а также чтобы он был доставлен в пункт назначения. Договор перевозки багажа, по мнению Е.А. Суханова, отличается от договора перевозки пассажира, в частности тем, что он является реальным, поскольку считается заключенным лишь после передачи багажа перевозчику [3].

Важно отметить, что в отечественной цивилистике по поводу сущности чартера и фрахтования имеются разные точки зрения.

Так, Остроумов Н.Н. констатирует, что сущность соглашения воздушного чартера как договора аренды в существеннейшей степени соответствует его содержанию и хозяйственному смыслу, а также реальному положению, имеющемуся в сфере его правового регулирования. [7, с. 43] По оценкам Н.Н. Остроумова, договор чартера является разновидностью договора аренды.

Вместе с тем, А.Г. Калпин выделяет ряд признаков, говорящих об отличии морского чартера от договора аренды [8, с. 401].

Однако анализ договора чартера демонстрирует, что он все-таки является договором перевозки, и не ориентирован на передачу того или иного имущества во временное владение и пользование. Договор чартера, таким образом, не является разновидностью аренды транспортных средств (тайм-чартером, бербаут-чартером, димайз-чартером), но является собой договором перевозки. Кроме того, в Гражданском Кодексе РФ указанное соглашение включено в гл. 40 «Перевозка». Этот факт позволяет относить договор чартера к соглашениям по оказанию услуг. Хозяйственный смысл этого договора сводится к перемещению грузов из одного пункта в другой.

Вместе с тем судебная практика, к сожалению, не вносит ясность логико-терминологическое размежевание и преодоление имеющегося микширования. Так, исходя из определения Высшего арбитражного суда России от 29 декабря 2010 г. № ВАС-17823/10 «договор фрахтования не относится к договорам перевозки транспортом общего пользования и не является публичным договором

для перевозчика, что лишает истца права на обращение в суд с требованием о понуждении заключить договор в порядке, предусмотренном статьей 445 ГК РФ».

Из определения Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 мая 2012 г. № ВАС-5723/12 по делу № А40-41526/11-20-177 следует, что договор фрахтования представляет собой договор аренды, на который распространяются все отношения, свойственные договору аренды. «Договор аренды тождественен с каузой договора фрахтования».

Таким образом, в связи тем, что теория и законодательная практика демонстрируют сложность разграничения договоров фрахтования и чартера. Эту функцию вынужденны брать на себя судебные органы власти. Для повышения качества правоприменительной практики важно преодоление неопределенности и логического (содержательного и терминологического) микширования. Это должно быть сделано как на теоретическом (доктринальном), так и на нормотворческом уровне.

Кроме того, не только при доктринальном анализе, но и при обращении к нормативно-правовым актам, можно прийти к заключению об арендном характере договора фрахтования.

Гражданский кодекс непосредственно отсылает к законодательству в сфере перевозок. Так, в соответствии со ст. 641, 649 ГК РФ, транспортные уставы и кодексы могут вводить отличные от Гражданского кодекса требования для аренды транспортных средств. В настоящий момент приняты следующие уставы и кодексы: Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»; Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»; Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ; Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ; Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ.

Таким образом, отношения по перевозке регулируются как ГК РФ, так и иным законодательством. Однако многообразие законодательства, регулирующего отношения по перевозке, также не помогает, на наш взгляд, выработке однозначной позиции по вопросу чартера и фрахтования.

Кроме того, анализируя характер договоров чартера и фрахтования, необходимо, на наш взгляд, согласиться с Юренковым О.С. отмечаящим, что соглашение по перевозке грузов и соглашение фрахтования могут различаться также тем, что фрахтовщик не является ответственным за груз. Вместе с тем эта ответственность проистекает из действовавшего в прошлом транспортного законодательства [9].

Кроме того, договор перевозки существенно отличается и от договора имущественного найма. Вместе с тем ряд ученых (И.В. Козлова, К.Ф. Егоров, С.А. Гуреев и другие) не согласны с такой трактовкой. Апологеты трактовки чартера как единства двух договоров, стремящихся замене одного другим или существует параллельно с друг с другом, полагают, что по своей природе договор фрахтования не тождественен договору морской перевозки груза [8, с. 32].

Так, К.Ф. Егоров отмечает, что фрахтование объединяет в себе признаки договора найма судна и найма услуг по перевозке [10]. Такой же точки зрения придерживается С.А. Гуреев [11, с. 221]. По оценкам И.В. Козловой, в качестве предмета договора фрахтования на рейс не выступает исключительно само перемещение. Под предмет этого соглашения подпадает также и судно [8, с. 23]. Еще

более отличительной является концепция Г.Г. Тормосиной, сводящаяся к тому, что чартер представляет собой соглашение имущественного найма, целью которого является перевозки, несмотря на то, что в нем имеются условия соглашения по перевозке [8, с. 23].

При том предметом соглашения имущественного найма является как предоставление индивидуально определенных вещей нанимателю с целью временного пользования. Что касается договора перевозки, то его предметом является транспортная услуга. В результате предоставления этой услуги перевозчик осуществляет доставку груза в пункт назначения и реализует связанные с доставкой вспомогательные операции.

При этом транспортные средства остаются во владении и пользовании субъектов, осуществляющих перевозчику. Таким образом, любые попытки отказа от трактовки предмета договора фрахтования или чартера как перевозке груза, на наш взгляд, неправильно описывают и искажают понимание правовой природы этих соглашений.

Таким образом дефиниции фрахтования (чартера), опять-таки без разграничения этого понятия, имеются не только Гражданском кодексе Российской Федерации, в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации, в Воздушном Кодексе Российской Федерации, но и в Кодексе внутреннего водного транспорта Российской Федерации. В данных кодексах статьи, содержащие в себе дефиниции фрахтования (чартера) включаются в соответствующую главу, регулирующую перевозки.

Правда, ряд современных российских ученых, несмотря на то, что договоры законодателем относятся к соглашениям по перевозке, констатируют их арендный характер. Так, С.А. Котухов, Е.А. Бевзюк отмечая, что в Кодексе внутреннего водного транспорта договор фрахтование относится к договорам перевозки, однако, в действительности, он является договором аренды [12, с. 3]. Эти авторы также полагают, что отождествление договоров аренды и перевозки является недопустимым. Эти авторы констатируют необходимость размежевания договора перевозки и аренды, отмечая при этом, что при аренде с экипажем главной целью является передача судна во временное владение пользование, но не перевозка груза. Необходимо, на наш взгляд, согласиться с теоретико-исследовательской и практической интенцией на размежевание этих институтов.

Последнее время ученые стали более интенсивно обращать свой исследовательский взор на проблему микширования аренды и перевозки в отечественном законодательстве, а также на необходимость размежевания этих институтов. Среди современных российских ученых, работающих в этом направлении, могут быть названы имена К.М. Арсланова, А.А. Ананьева, И.Н. Горяевой, Ю.Н. Игнатовой, О.Ф. Фаст, А.Р. Пурге, В.Н. Гуцуляк, М.И. Рублевский, О.С. Юренкова, С.Ю. Морозова и др.

Так, К.М. Арсланов отмечает, что договор чартера является договором перевозки грузов и пассажиров, и отличается от фрахтования на время (договора аренды транспортного средства с экипажем). Отличительным признаком договора чартера является то, что он носит рейсовый характер. На наш взгляд, этот разграничительный критерий может быть является релевантным и методологически и практически оправданным [12, с. 3]. Также при реализации договора чартера (перевозки) не происходит передачи транспортного средства фрахтователю (стороне договора чартера).

С.Ю. Морозов выделяет отличающий чартер (перевозку) от фрахтования (аренды) критерий, сводящийся к тому, что оплачивается за преодоленное расстояние, но не за то время, пока судном владеют. Еще один критерий, выделяемый этим автором, заключается в том, что сторона договора чартера (по действующей ныне терминологии — фрахтовщик) может для сохранности перевозимого груза может без советующего разрешения входить в помещения транспортного средства. При этом арендодатель правом проникновения в помещения без разрешения не обладает [12, с. 6], что его отличает от фрахтовщика.

Кроме того, учеными-юристами выделяется субъектный критерий, уделяется внимание характеристикам субъекта предпринимательской деятельности, реализующего деятельность по перевозке. При перевозках фрахтовщик осуществляет свою деятельность на постоянной и профессиональной основе, т.е. является специальным субъектом предпринимательской деятельности. Также для осуществления перевозки у фрахтовщика должны быть специальные навыки и подготовка, что также отличает его от арендодателя, к которому не предъявляются подобные требования.

Также отличаются по своей конструкции договоры чартера и фрахтования. Если первый ориентирован на перевозку, то при реализации второго возможно использования транспортного средства (в частности, судна) по различному назначению: хранение товаров, проживание людей и так далее.

Вместе с тем, несовершенство законодательства, порождая теоретические споры, способствует формулированию объясняющих концепций и гипотез существенно отличающихся между собой в своих посылах и выводах.

Констатируя отнесение законодателем договора фрахтования к договорам по оказанию услуг, а также отмечая, что цель этого вида соглашения схожа с целью договора перевозки, делаются выводы, в соответствии с которым договор фрахтования представляет собой самостоятельный вид договора [13]. Таким образом, отличительные признаки позволяют некоторым авторам отделить договор фрахтования как от договора перевозки, так и от аренды.

Таким образом, как в цивилистической теории, так и в правоприменительной практике имеется терминологические разночтения и неопределенность, препятствующие единообразному пониманию и применению. Вместе с тем, в теории есть интенция на преодоление терминологического и институционального микширования. Работа по снятию этого микширования, на наш взгляд, должна быть учеными интенсифицирована.

Показательным и методологически полезным для четкого разграничения и терминологической однозначности, и непротиворечивости является описание истории заимствования правовых терминов и их применения в рамках русскоязычной правовой традиции. Также и заимствованные термины «чартер» и «фрахтование» продолжают иметь семантическую связь с местом своего происхождения, меняя свое содержание, однако под влиянием правовой традиции, под действием которой они реципируются.

При перенимании терминов, они становятся не только частью русского языка, но неотъемлемым элементом «законодательного текста». Разумеется, заимствование юридических терминов происходило и происходит как в связи с культурным и экономическим обменом, так и, зачастую, по причине нехватки слов, устраняющих лакуны в правовых текстах [2]. Также и современное упо-

требление чартера в российской практике тяготеет к английскому пониманию этого термина. В английском праве чартер обозначает именно перевозку [2].

Вероятно, при принятии единого кодифицированного закона, содержащего логически полные и непротиворечивые дефиниции чартера и фрахтования можно реализовать однозначное разграничение сложившихся в экономической практике институтов и договоров. Сложности, связанные с регулированием транспортной сферы, констатируются российским Минтрансом. Не являются случайными планы по введению единого Транспортного кодекса. Это предусматривается имеющейся Транспортной стратегией России до 2030 г.

Фактически Россия может оказаться в мировом авангарде, поскольку специализированных Транспортных кодексов на Западе (как в англосаксонском, так в континентальном) совсем немного (например, Транспортный кодекс штата Техас), скорее это даже исключительное явление. В России это решение назрело в связи с тем, что различные кодексы зачастую друг с другом не состыкуются. Это приводит к сложностям хозяйственного типа, в частности к логистическим проблемам при пересадке пассажиров с одного вида транспорта на другой или при перевалке (перегрузке) груза.

Возникает необходимость по переоформлению товарных накладных и повторному прохождению процедур. Так, при перегрузке морского транзитного груза на железнодорожный транспорт с последующем вывозом за рубеж приходится вновь проходить таможенный контроль. Также экспертами и законодателями озвучиваются мысли, в соответствии с которыми необходимо осуществить проверку и переоценку действующих отраслевых кодексов, уставов и иных нормативно-правовых актов, содержащих коллизии, пробелы.

На наш взгляд, для преодоления технико-юридических проблем в будущем едином кодексе, помимо коллизий и пробелов, необходимо уделить внимание при формулировании легальных дефиниций логико-терминологической составной. Нередко именно этот компонент становится источником коллизий, затрудняющих правоприменительную практику.

Логико-терминологическое разделение важно и практически значимо как для научно-теоретических построений, так и для правоприменительной практики. В связи с этим, представляется необходимым осуществить терминологическую и содержательную дивергенцию фрахтования и чартера, понимая под последним разновидность договора перевозки, а под первым — договор аренды транспортного средства. На практике это должно сводиться к формулированию разграничивающих четких логически и содержательно выверенных дефиниций в главах Гражданского кодекса и в иных отраслевых кодексах.

Библиографический список

1. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). М.: Спартак, 1994. 335 с.
2. *Ващенко В.С.* Вокабуляр отдельных англо-американских заимствований (англицизмов) в законодательных текстах // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. 209 с.
3. *Суханов Е.А.* Гражданское право: учебник. 4-е изд. 2010. М.: Статут, 496 с.
4. *Постатейный Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П.В. Крашенинникова.* М.: Статут, 2011. Т. 2. 480 с.
5. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2005. 780 с.

6. *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.
7. *Остроумов Н.Н.* Договор перевозки в международном воздушном сообщении. М.: Статут, 2009. 268 с.
8. *Калпин А.Г.* Договор фрахтования судна (чартер) как институт морского права: теоретические и практические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. 401 с.
9. *Юренков О.С.* К вопросу о правовой природе договора фрахтования // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2012. Вып. 2 (16). С. 169–174.
10. *Егоров К.Ф.* Договоры фрахтования и перевозки груза по иностранному морскому праву: дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1968. 901 с.
11. *Гуреев С.А.* Коллизионные проблемы морского права. М.: Международные отношения, 1972. 372 с.
12. *Арсланов К.М.* О соотношении ст. 632 [фрахтование на время] и ст. 787 [договор фрахтования — чартер] Гражданского кодекса РФ // Актуальные проблемы транспортного права. 2018. № 1. С. 3–6.
13. *Корнеев А.И.* К вопросу об отличии договора фрахтования от договора перевозки // Достижения науки и образования. 2018.

References

1. *Shershenevich G.F.* Textbook of Commercial Law (based on the 1914 edition), Moscow: Spartak, 1994. 335 p.
2. *Vashchenko V.S.* Vocabular of Separate Anglo-American Borrowings (anglicisms) in Legislative Texts // Bulletin of the Volga University named After V.N. Tatishchev. 2017. 209 p.
3. *Sukhanov E.A.* Civil Law: textbook. 4th ed. 2010. Moscow: Statute, 496 p.
4. Article-by-Article Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, part two: in 3 vols. / ed. P.V. Krasheninnikov. Moscow: Statut, 2011. Vol. 2. 480 p.
5. *Braginsky M.I., Vitryansky V.V.* Contract Law. Book two: Agreements on Transfer of Property. Moscow: Statute, 2005. 780 p.
6. *Ioffe O.S.* The Law of Obligations. Moscow: Legal literature, 1975. 880 p.
7. *Ostroumov N.N.* Contract of Carriage in International Air Transport. Moscow: Statute, 2009. 268 p.
8. *Kalpin A.G.* Ship Chartering Agreement (Charter) as an Institute of Maritime Law: Theoretical and Practical Problems: dis. ... doc. of law. Moscow, 1989. 401 p.
9. *Yurenkov O.S.* To the Question of the Legal Nature of the Charter Agreement // Bulletin of Perm University. Legal science. 2012. Vol. 2 (16). P. 169–174.
10. *Yegorov K.F.* Contracts of Freighting and Carriage of Goods on Foreign Maritime Law: dis. ... doc. of law. L., 1968. 901 p.
11. *Gureev S.A.* Conflict of Laws Problems of Maritime Law. Moscow: International relations, 1972. 372 p.
12. *Arslanov K.M.* On the Ratio of Article 632 [Chartering for a time] and Article 787 [Chartering agreement-Charter] of the Civil Code of the Russian Federation // Actual Problems of Transport Law. 2018. № 1. P. 3–6.
13. *Korneev A.I.* On the Issue of the Difference between the Charter Agreement and the Contract of Carriage // Achievements of science and education. 2018. 106 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10047
УДК 347.6

М.В. Ульянова

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Введение: данное исследование типов семьи в различные исторические периоды предлагает иначе осмыслить современное семейное законодательство, выявить его положительные и отрицательные черты, а также перспективы развития. **Цель:** выделить типы семьи с точки зрения права и существенные признаки, необходимые для развития института семьи в современном обществе, в целях осуществления семейных прав. **Методологическая основа:** методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, используется необходимая аргументация, обобщение, а также исторический, сравнительно-правовой анализ. **Результаты:** предложены обобщенные типы семейного устройства характерные для отдельных периодов развития государства на основании выделенных признаков, с учетом правового регулирования и «обычного права», сделан ряд выводов для развития семейного права. **Выводы:** внесены предложения по развитию законодательства в направлении, способствующем развитию института семьи как общности в балансе с интересами членов семьи.

Ключевые слова: семья, типы семейного устройства, супруги, современное направление семейной политики; баланс интересов личности и семьи.

M. V. Ulianova

DOCTRINAL APPROACHES TO TYPOLOGIZING THE FAMILY INSTITUTION

Background: this study of family types in different historical periods offers a different understanding of modern family legislation, identifies its positive and negative features, as well as prospects for development. **Objective:** to identify the types of family from the point of view of law and the essential features necessary for the development of the family institution in modern society, in order to implement family rights. **Methodology:** analysis and synthesis, induction and deduction, argumentation, generalization, historical, comparative legal analysis. **Results:** on the basis of the selected features generalized types of family structure typical for certain periods of state development are proposed, taking into account legal regulation and “customary law” a number of conclusions for the development of family law are made. **Conclusions:** proposals for the development of legislation in the direction of promoting developing of the family institution as a community in balance with the interests of family members are made.

Key-words: family, types of family structure, spouses, the modern direction of family policy; balance of interests of an individual and family.

Специалисты сегодня обращают внимание на «стрессовое» состояние семейных отношений [1, с. 18], «уничтожение» семьи¹. Исследовав представления об укладе жизни семьи с позиции исторического среза XIX–XXI вв.², можно выделить три типа, которые соответствуют определенным правовым, социально-экономическим, культурным этапам развития государства: патриархальная семья, либеральная и «семья будущего» — партнерская семья.

Предложенные типы являются дискуссионными и представленное исследование является приглашением к соответствующей дискуссии. Названные типы семьи имеют наиболее обобщенные признаки, не являющиеся определяющим какой-то одной территории или государственности, имеют отдельные нюансы связанные с отличиями в религиозных воззрениях.

Для XIX в. и предшествующего ему периода времени характерным является патриархальный тип семьи, основанный на власти главы семьи³. Решения, принимаемые главой семьи, являются обязательными для всех ее членов. Проявляется это во всех сферах жизни — выбор рода деятельности для сыновей и дочерей, выбор спутника жизни — обычным являлось заключение брака в результате сговора между семьями имеющих общие интересы или бизнес. Соблюдались необходимые обычаи: очередность вступления в брак, для мужчин необходимость выкупа (калыма) за невесту, для невесты наличие приданного. Приоритетом являлись интересы семьи, рода. Регулирование осуществлялось в разные периоды нормами преимущественно «канонического» [2, с. 52–53; 3, с. 34–50] или «обычного» [4, с. 77; 5, с. 71; 6, с. 43–48] права (например, Кормчая [7], Домострой [7]), а имущественные отношения, в т.ч. правовыми (например, Русская Правда [9, с. 270], Полное собрание Законов Российской империи)⁴.

Модель многопоколенной семьи, т.е. проживающая совместно «под одной крышей» будь то, к примеру отец и его взрослые сыновья со своими женами и детьми или один из братьев — старший и младшие со своими семьями. Пожилые родители находились под присмотром и уходом взрослых детей, преимущественно жен своих сыновей — невесток; дочери уходили в семьи своих мужей и их родителей, принимали фамилию супруга, осуществляли уход за его родителями. У женщин в семье положение изначально было зависимое от положения мужа, она не лишена возможности влиять на него, но с позиции «обычного права» решение принимает глава семьи. Да, мать не разлучали с малолетним ребенком,

¹ Мизулина Е.Б. Выступление на заседании Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей 28 ноября 2017 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56228С> (стенограмма выступления) (дата обращения: 16.01.2020).

² По работам в сфере философии, социологии, этнологии, а также изучения историко-правовых источников и работ по праву.

³ В ст. 103 закреплено, что супруги обязаны жить вместе. Ст. 106 «Муж обязан любить жену свою...» Ст. 107 «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома.» Ст. 164 «Власть родительская простирается на детей обоего пола и всякого возраста» // Свод законов гражданских. Российской империи. Т. 10, ч. 1. СПб., 1900. С. 17–18, 26. К 1900 г. личные отношения в семье стали предметом правового регулирования.

⁴ Например, имущественные отношения с участием членов семьи Регламент об управлении адмиралтейств и верфи и о должностях коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при адмиралтействе обретающихся Указа Петра I от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» // Ст. 2.789. Полное собрание Законов Российской империи, с 1649 года. Т. 5. 1830. С. 91–94; Указа Петра I от 06.04.1722 «О свидетельствовании дураков в Сенате» // Полное собрание Законов Российской империи, с 1649 года. 1830. Т. 6. С. 643. Ст. 3949.

но позже, определяет его судьбу и род деятельности уже не мать [10, с. 28; 11, с. 30–37; 12, с. 145–150].

Следующий тип семьи характерен для либерального этапа развития государства, в советский период развития России. Социальная функция государства заменяет институт семьи [13, с. 71]. Приоритетом являются права и свободы человека, которые отличаются главной ценностью. Модель семейного устройства — нуклеарная семья, состоящая из пары супругов и их несовершеннолетних детей. Супруги наделены равными правами, что соответствует правовому принципу справедливости [14, с. 30–33] и юридического равенства. В отдельных юрисдикциях (например, странах советской фармации, в т.ч. КНР [15, с. 70]) появляется самостоятельное законодательство, цель которого сломить существующие ранее нормы «канонического», «обычного» права, которые находятся в противоречии со свободами и правами личности⁵. Уход за пожилыми людьми в обществе возлагается на государство, это его социальная функция. Существуют и крайние формы, когда забота о воспитании подрастающего поколения (о детях) перекладывается полностью на государство, а теоретической основой является — теория «новой женщины», теория «половой свободы» (коммунизма) [1, с. 18]; т.е. осуществляется замена семейного воспитания и быта общественными. Равенство прав, усиливается закреплением и в конституции и в семейном законодательстве, тем самым государство регулирует сферу отношений между супругами, т.е. семейные правоотношения. Супруги обладают равными правами, свободой выбора места жительства, рода занятий, профессии и как родители они тоже равны в своих правах, поэтому забота о детях и их содержание это равные обязанности обоих родителей, что было закреплено в первых советских декретах⁶ и было воспринято в последующих кодексах, регулирующих семейные отношения. Последующие и действующий кодекс явились приемниками принципа равенства супругов и равенства прав родителей. Однако отсутствует понимание семьи как общности, что явилось следствием государственной политики. Такой подход весьма сомнителен и слабо коррелируется с правом ребенка в отношении родителей «на совместное с ними проживание» и другими его интересами⁷, независимо от возраста ребенка, когда родители реализуют свои свободы и проживают отдельно [1, с. 18; 17, с. 165–167].

⁵ Яркий пример, сохранившийся в законодательстве — ст. 3 Закона Китайской народной республики «3. Запрещенные матримониальные действия. Запрещены браки по сговору, браку-купля и иные действия, препятствующие свободе вступления в брак. Запрещено заключение брака с целью вымогательства имущества» // Закон КНР «О браке» (принят на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 10 сентября 1980 г.); в Закон внесены изменения в соответствии с Решением «О внесении изменений в Закон КНР «О браке» на 21-м заседании Постоянного комитета ВСНП 9-го созыва 28 апреля 2001 г.).

⁶ См.: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // СУ РСФСР. 1917. № 11, ст. 160; Декрет от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака» // СУ РСФСР. 1917. № 10, ст. 152; «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» (принят ВЦИК 16 сентября 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 76–77, ст. 818.

⁷ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 18-КГ18-223 по иску Нов-ой к Вр-ву об определении места жительства малолетнего ребенка, взыскании алиментов и определении порядка общения, и встречный иск, где суд по требованию ответчика определил время общения с отдельно проживающим родителем практически таким же по времени как и с тем с которым ребенок остался проживать, что в заключении психолога было названо «недопустимым форматом опеки». В другом деле суд нижестоящей инстанции определил одного ребенка проживать с папой, другого с мамой (См.: Определение Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 18-КГ17-181).

Верно отмечает С.В. Зыков, что в ч. 1 ст. 31 Семейного кодекса Российской Федерации⁸ (далее — СК РФ) закреплены конституционные свободы. Это было необходимо при смене основной парадигмы, исходя из принципа справедливости, равенства прав супругов [16, с. 19]. Поддерживаю данное мнение [17, с. 190], что такое регулирование не способствует в современной ситуации сохранению института семьи как общности. Думается ч. 1 ст. 31 Семейного кодекса РФ нельзя читать в отрыве от ч. 3 этой статьи, не следует рассматривать свободу супругов в отрыве от обязанностей, но соглашаться с С.В. Зыковым о необходимости вынесения в ч. 1 обязанностей, является не совсем уместным с этических позиций.

Обзор судебной практики показывает, что некоторые судебные решения основаны на равенстве прав и, в частности, по делам об определении места жительства ребенка. Так, в одном из дел по требованию истца, отца ребенка, ему в возрасте 2-х месяцев определяют место жительства с отцом, при этом маме отец ребенка препятствует в общении, ведет себя не добросовестно как по отношению к ребенку, так и маме ребенка, а в силу частых командировок — ребенок находится с няней⁹. В этом и других указанных делах высшая судебная инстанция указала на применение принципа 6 Декларации прав ребенка¹⁰. Такая позиция подвергается критике со стороны некоторых авторов [18, с. 192], однако именно она позволяет ребенку в малолетнем возрасте не разлучаться с матерью, кроме исключительных случаев. Принудить кого-либо заботиться о ребенке или о пожилом человеке личными действиями невозможно, поэтому под таким исключительным случаем мы рассматриваем — добровольный отказ от личной заботы.

Назрела необходимость рефлексии относительно модели семьи будущего, которую возможно следует назвать «партнерской». Семья представляется нам как общность, ядро, основой которого является супружеская пара, объединенная общими целями. Семья и семейные отношения определяют «основы жизни и деятельности каждого человека, составляют и составляют фундамент функционирования общества и государства в целом» [1, с. 17].

В российской правовой политике наметились тенденции положительной динамики государственно-правового воздействия на общественные отношения, направленные на укрепление семьи как супружеские, так и родительские правоотношения, позволяющие гражданину реализовать свои потребности в семье и продолжении рода. Пока это лишь организационно-правовые гарантии направленные на осуществление прав и обеспечивающие со стороны государства условия для этого¹¹, которые, тем не менее, требуют осмысления и наполнения их содержанием.

⁸ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 29 мая 2019 г.) // Российская газета. 1996. 27 янв.

⁹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 5 июня 2018 г. № 5-КГ18-68 по иску Доброневской к Харламову об определении места жительства ребенка, и встречному иску об ограничении родительских прав.

¹⁰ См.: Декларация прав ребенка (принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 385–388.

¹¹ См.: Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Российская газета. 2017. 30 мая; Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 35, ст. 4811; Распоряжение Правительства РФ от 6 июля 2018 г. № 1375-р «Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства» (в ред. от 9 августа 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 29, ст. 4475.

Приоритетами государственной семейной политики на современном этапе являются:

- 1) утверждения традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни;
- 2) возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании;
- 3) создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства;
- 4) повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи.

Следует отметить, что «традиционными семейными ценностями» являлись представления о патриархальной семье и власти главы семьи, сегодня иного содержания этого понятия не предложено. Имеется насущная необходимость наполнить его новым содержанием, коррелирующим с представлениями о правах человека. Относительно возрождения «духовно-нравственных традиций» также не ясно, что под этим подразумевал законодатель, включив их в концепцию государственной семейной политики, является ли это желанием возврата к патриархальному типу семьи или делается ставка на развитие новых традиций с учетом исторического опыта и современных реалий о правах и свободах. Хочется думать, что сущностью духовно-нравственных традиций является «взаимоуважение, взаимопомощь и содействие благополучию и укрепления семьи», как то закреплено в ст. 1 СК РФ и ч. 3 ст. 31 СК РФ, «забота о благосостоянии и развития своих детей», что является обязанностью родителей и именно это имел в виду законодатель, употребив термин «ответственное родительство».

А.А. Елисеева высказала интересную мысль, которая видится логичной и обоснованной, что судя «по процессам депопуляции, есть цивилизации конкурентно способные в долгосрочном плане», а есть те которых «ждет замещение другой либо в результате миграционных процессов, либо в результате принятия обществом новых ценностей» [19, с. 83].

Думается, что партнерские отношения в семье должны стать результатом гармонизации интересов, установлением необходимого баланса, который направлен не только на удовлетворение гедонистических личностных потребностей, но в сочетании этих же потребностей в соотношении с интересами другого супруга и детей. Следует искать баланс интересов личных и интересов семьи как общности и индивида как ее члена в совокупности с интересами всех членов семьи.

Современные государственные программы, ориентированы на повышение рождаемости, как компонента безопасности страны, направлены на создание общности на этапе приобретения и накопления благосостояния, необходимого для ведения совместного хозяйства, на создание условий, для жизни семьи (например, материальные выплаты, которые способствуют улучшению жилищных условий), однако положения ч. 3 ст. 31 СК РФ не развиваются далее. Закрепленное в ст. 1 СК РФ указание на то, что «семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи...» должно найти свое продолжение в российском законодательстве. Уместно вспомнить слова М.В. Антокольской, что Семейный кодекс РФ, написанный более 20 лет назад, не реализовал весь свой потенциал [20, с. 23]. Думается, при определенном уровне рефлексии возможно и необходимо его применение с учетом баланса интересов.

Таким образом, считаем, что российское законодательство требует развития, направленного на укрепление семьи и семейных отношений и как минимум на выполнение супругами своих обязанностей перед детьми.

Библиографический список

1. *Беспалов Ю.Ф.* Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к юбилею доктора юридических наук, профессора Ю.Ф. Беспалова. М.: РГ-Пресс, 2019. 352 с.
2. *Полянский П.Л.* Правовое регулирование брачно-семейных отношений в Российском обществе: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2016. 400 с.
3. *Тарусина Н.Н.* Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 616 с.
4. *Екеома Р.Ч.* Социо-культурные факторы формирования семейно-брачных отношений в современной Нигерии: на примере ИБО: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 161 с.
5. *Басаева К.Д.* Семья и брак у бурят, вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Уде, 2002. 304 с.
6. *Наумкина В.В.* Имущественные отношения в обычном праве кочевых народов Восточной Сибири в XIX веке // История государства и права. 2015. № 15. С. 43–47.
7. *Кормчая.* Напечатана с оригинала Патриарха Иосифа. М.: Воскресенье 2011. 1314 с.
8. Домострой / отв. ред. Л.А. Дмитриев. СПб.: Наука, 2007. 399 с.
9. *Юшков С.В.* Русская правда. Происхождение, источники, ее значение / под ред. и с пред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2010. 379 с.
10. *Сиверцева Т.Ф.* Семья в развивающихся странах Востока (социально-демографический анализ). М.: Норма, 1985. 164 с.
11. *Серебрякова М.Н.* Семья и семейная обрядность в турецкой деревне (новейшее время). М.: Наука, 1979. 168 с.
12. *Крашенинникова Н.А.* Индусское право: история и современность. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. 192 с.
13. *Корнев В.Н.* Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 56 с.
14. *Ерохина Е.В.* Европейское семейное право: учебник. Оренбург, 2016. 240 с.
15. *Манухина О.В.* Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости: исторические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 155 с.
16. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Проблемы личности в сфере семейственных отношений. Изд. 6-е. М.: Статут, 2013. 351 с.
17. *Рассел Б.* Брак и мораль. М.: Крафт+, 2004. 272 с.
18. *Зыков С.В.* Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 189–208.
19. *Елисеева А.А.* О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 82–89.
20. *Румак В.* Интервью с М.В. Антокольской. Потенциал Семейного кодекса не используется до конца // Закон. 2018. № 6. С. 6–16.

References

1. *Bespalov Yu.F.* Family and Family Values in the Russian Federation: Social and Legal Aspect: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the anniversary of the doctor of law, Professor Yu.F. Bespalov. Moscow: RG-Press, 2019. 352 p.
2. *Polyansky P.L.* Legal Regulation of Marriage and Family Relations in Russian Society: Historical and Legal Research. Moscow: Zertsalo-M, 2016. 400 p.

3. *Tarusina N.N.* Family Law: Essays out of Classics and Modernity. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2009. 616 p.
4. *Ekeoma R.Ch.* Socio-cultural Factors in the Formation of Family and Marriage Relations in Modern Nigeria: the case of IBO: dis. ... cand. of law. Moscow, 2001. 161 p.
5. *Basaeva K.D.* Family and Marriage in the Buryats, the Second Half of the XIX and Early XX centuries: dis. ... cand. of law. Ulan-Ude, 2002. 304 p.
6. *Naumkina V.V.* Property Relations in the Common Law of Nomadic Peoples of Eastern Siberia in the XIX Century. History of state and law. 2015. No. 15. P. 43–47.
7. *Kormchaya.* Printed from the original of Patriarch Joseph. Moscow: Sunday, 2011. 1314 p.
8. *Domostroy* / edited by L.A. Dmitriev. SPb.: Nauka, 2007. 399 p.
9. *Yushkov S.V.* Russian Truth. Origin, Sources, and Its Significance / ed. by V.A. Tomsinova. Moscow: Zertsalo, 2010. 379 p.
10. *Sivertseva T.F.* Family in the Developing Countries of the East (socio-demographic analysis). Moscow: Norma, 1985. 164 p.
11. *Serebryakova M.N.* Family and Family Rites in a Turkish Village (modern times). Moscow: Nauka, 1979. 168 p.
12. *Krashennnikova N.A.* Hindu Law: History and Modernity. Moscow: publishing house of the Moscow University, 1982. 192 p.
13. *Kornev V.N.* Problems of the Theory of State in the Liberal Legal Thought of Russia in the Second Half of the XIX – Early XX centuries: extended abstract of dis. ... doc. of law. Moscow, 2006. 56 p.
14. *Yerokhina E.V.* European Family Law: textbook. Orenburg, 2016. 240 p.
15. *Manukhina O.V.* Institute of Family and Marriage in China during the Period of Reforms and Openness: Historical Aspects: dis. ... cand. of law. Moscow, 2007. 155 p.
16. *Pokrovsky I.A.* Basic Problems of Civil Law. Personality Problems in the Sphere of Family Relations. 6th edition. M.: Statute, 2013. 351 p.
17. *Russell B.* Marriage and Morality. Moscow: Kraft+, 2004. 272 p.
18. *Zykov S.V.* Personal Non-property Rights of Spouses: Necessity of Legal Regulation // Law. Journal of the Higher school of Economics. 2019. No. 2. P. 189–208.
19. *Eliseeva A.A.* On Improving Family Legislation in the Field of Legal Regulation of Personal Non-property Relations // Journal of Russian law. 2010. No. 3. P. 82–89.
20. *Rumak V.* Interview with M.V. Antokolskaya. The Potential of the Family code Is not used to the End // Law. 2018. No. 6. P. 6–16.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10048

УДК 347

А.А. Абдразакова

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕРИВАТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Введение: с целью обеспечения устойчивого развития экономики Российской Федерации и Республики Казахстан, а также их долгосрочного экономического роста, обращается внимание на возможности развития рынка деривативов. **Цель:** представить сравнительный анализ правового регулирования деривативов в РФ и РК. **Методологическая основа:** при освещении содержания норм законодательства РФ и РК о деривативах применялись общенаучные методы исследования: систематический анализ, сравнительно-правовой, толкования норм и др. **Результаты:** правовое регулирование ПФИ в Казахстане и России имеет как общие черты, так и различия. При этом выявлены проблемы правового регулирования деривативов. **Выводы:** слабая востребованность рынка деривативов в Казахстане обусловлена не только слабостью законодательства в отношении защиты его участников, но и отсутствием полной законодательной регламентации ПФИ. В РК сложилась пока фрагментарная правовая регламентация деривативов. По ситуации в РФ нельзя сказать, что правовое регулирование ПФИ имеет полный охват. Специального законодательства о ПФИ нет ни в РФ, ни в РК. ГК РК закрепляет такое понимание ПФИ, благодаря которому они подпадают и под гражданско-правовые сделки, и под сделки пари, которые, также как и в РФ, исключают судебную защиту для ее участников. В РФ и РК необходимо создание полной законодательной базы рынка деривативов не исключая принятие специального закона «О рынке производных финансовых инструментов», обеспечивающего защиту интересов сторон таких сделок, что поспособствовало бы приданию нового импульса развитию рынка деривативов.

Ключевые слова: дериватив, производный финансовый инструмент (ПФИ), рынок ценных бумаг, фондовый рынок, капитал.

A.A. Abdrazakova

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF DERIVATIVES REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Background: in order to ensure the sustainable development of the economy of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, as well as its long-term economic growth, the article draws attention to the opportunities for the development of the derivatives market. **Objective:** to present a comparative analysis of legal regulation of derivatives in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. **Methodology:** when covering the

© Абдразакова Акмарал Алмуратовна, 2020

Старший специалист Управления по расследованию преступлений в налоговой и таможенной сферах (Департамента экономических расследований по городу Шымкент Комитета по финансовому мониторингу Министерства финансов Республики Казахстан); e-mail: akmaral_abdrazakova@mail.ru

© Abdrazakova Akmaral Almuratovna, 2020

Senior specialist, Investigation of crimes in the tax and customs spheres department (Department of economic investigations for the city of Shymkent of the financial monitoring Committee of the Ministry of finance of the Republic of Kazakhstan)

content of the legislation norms of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on derivatives, the following general scientific research methods were used: systematic analysis, comparative legal, interpretation of the norms, etc. Results: legal regulation of TFI in Kazakhstan and Russia both has common features and differences. At the same time, problems of legal regulation of derivatives have been identified. Conclusions: the weak demand for the derivatives market in Kazakhstan is due not only to the weakness of the legislation regarding the protection of its participants, but also to the lack of a complete legislative regulation of the PFI. Fragmented legal regulation of derivatives has been established in Kazakhstan. In the Russian Federation, it cannot be said that the legal regulation of TFI also has full coverage. There is no special legislation on TFI either in the Russian Federation or in the Republic of Kazakhstan. GC of the RK provides such an understanding of mutual funds, thanks to which they fall under civil law transactions and transactions, including those in the Russian Federation, exclude the judicial protection of its participants. In the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, it is necessary to create a complete legislative base for the derivatives market, which does not exclude the need to apply a special law "On the Market for Manufacturing Financial Instruments" that protects the interests of the parties in such transactions.

Key-words: *derivative, derivative financial instrument (DFI), securities market, stock market, capital.*

Российская Федерация (далее — РФ) и Республика Казахстан (далее — РК) ставят перед собой задачи повышения конкурентоспособности экономики, ее устойчивого развития с целью долгосрочного экономического роста и возможной интеграции в мировую экономику. Руководство Казахстана ежегодно обращает внимание на необходимость придания импульса развитию и активизации фондового рынка, в т.ч. предоставляя возможность для населения инвестировать свои сбережения, прежде всего, в различные виды ценных бумаг¹, повышение эффективности управления пенсионными активами и ресурсами системы соцстрахования, реальное развитие альтернативных финансовых инструментов — рынок ценных бумаг, страхование и так далее². Интеграция в международный рынок капитала невозможна без развития внутреннего финансового рынка.

Инфраструктурная организация рынка финансовых инструментов Казахстана начала работать с 17 ноября 1993 г. Она стала функционировать как Казахстанская межбанковская валютная биржа, позже была переименована в Казахстанскую фондовую биржу (KASE). KASE являлась единственной торговой площадкой, обслуживающей фондовый, валютный и денежный рынки вплоть до прошлого года. При этом первоначально развитие фондового рынка Казахстана сдерживалось самой же структурой экономики. Во-первых, в силу того, что займы денег были возможны крупнейшими компаниями на международных рынках капитала; во-вторых, у национальных компаний не было необходимости искать какие-то внешние источники финансирования своей деятельности в силу

¹ См.: Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 31 января 2017 г. «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность». URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvarya-2017-g (дата обращения: 16.01.2020).

² См.: Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 5 октября 2018 г. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-5-oktyabrya-2018-g (дата обращения: 16.01.2020).

того, что им государство в лице Правительства оказывало поддержку и являлось главным внутригосударственным инвестором их развития; в-третьих, недостаток инвестиций с рынка ценных бумаг восполнялся кредитованием экономики за счет внешних заимствований³.

Заимствования капитала зарубежом не имели ограничений и развитие собственного отечественного рынка капитала долгие годы не настолько было востребованным. В итоге, чистый внешний долг Казахстана на второй квартал 2018 г. составил уже 46,6 млрд долларов⁴. И в настоящий момент из-за волатильности курса внешние займы становятся невыгодными [1, с. 58–60], что заставляет обращать особое внимание на развитие отечественного рынка капитала и его финансовых инструментов.

Итак, на сегодняшний день KASE обслуживает фондовый рынок, рынок деривативов и валютный рынок. Хотя фондовый рынок в Казахстане до сих пор он не стал реальным фактором экономического роста [1, с. 58].

Согласно данным KASE за последние два года был зафиксирован прирост продаж по сравнению с падением в 2016 г. (диаграмма 1)⁵.

Диаграмма 1



Объемы торгов KASE на конец января 2018 года в долевым отношении следующие:

89,7% приходится на денежный рынок — 11,14 трлн тенге (тг), что на 4,37% меньше, чем за аналогичный период годом ранее (94,07%);

10,02% приходится на рынок иностранных валют. Увеличение доли от совокупных объемов торгов составило 5,05%;

0,28% приходится на рынок ценных бумаг, включающий в себя акции, ценные бумаги (ЦБ) инвестиционных фондов, корпоративные облигации, ценные бумаги микрофинансовых организаций (ЦБ МФО) и государственные ценные бумаги (ГЦБ). Их удельный вес меньше, чем за аналогичный период 2017 г. (0,96%). Такой резкий отток ликвидности с рынка ЦБ связан с падением, сокращением объемов торгов ГЦБ на 79,39 млрд тг (с 95,09 до 15,77 млрд тг)⁶.

³ См.: План развития регионального финансового центра города Алматы до 2015 года, утвержденный Постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 января 2009 года № 90. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30381237 (дата обращения: 16.01.2020).

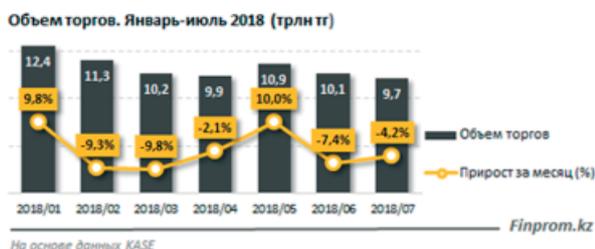
⁴ Внешний долг Казахстана сократился на 2,2 миллиарда долларов. URL: <https://tengrinews.kz/money/vneshniy-dolg-kazahstana-sokratilsya-22-milliarda-dollarov-354721/> (дата обращения: 16.01.2020).

⁵ Фондовый рынок Казахстана в ожидании коррекции: индекс KASE пробивает уровень поддержки — 2300 пунктов. URL: <http://finprom.kz/ru/article/fondoviy-rynok-kazahstana-v-ozhidanii-korrekcii-indeks-kase-probivaet-uroven-podderzhki-2300-punktov> (дата обращения: 16.01.2020).

⁶ См.: Там же.

За 7 месяцев 2018 г. объем торгов на KASE в целом уменьшился и составил 74,5 трлн тг, что на 24,5% или 24,1 трлн тг меньше, чем за аналогичный период годом ранее (диаграмма 2)⁷.

Диаграмма 2



По данным KASE июль 2018 г. оказался самым слабоактивным по торговле с начала года. За месяц совокупно было проведено сделок общим объемом в 9,7 трлн тг, что на 21,9% меньше, чем в начале года, и на 3% меньше, чем год назад (таблица)⁸.

Таблица

	2018	2017	Прирост
Всего объем торгов	9 696,5	9 998,5	-3,0%
Рынок ценных бумаг	421,0	1 175,6	-64,2%
Акции	143,7	121,3	18,4%
ЦБ инвестиционных фондов	0,1	0,0	600,0%
Корпоративные облигации	34,6	27,5	25,7%
Ценные бумаги МФО	8,6	0,0	-
Государственные ценные бумаги	234,1	1 026,7	-77,2%
Производные ценные бумаги	0,0	0,0	-
Иностранные валюты	1 001,8	1 005,0	-0,3%
Денежный рынок	8 273,8	7 812,9	5,9%
Операции валютного свопа	1 896,9	1 837,8	3,2%
Операции РЕПО	6 376,9	5 975,2	6,7%
Деривативы	0,0	5,0	-

Следует отметить, что основная тенденция объема торгов на KASE 2017 г. сохранилась и в 2018 г. сохранилось падение интереса со стороны участников торгов ценными бумагами (3,7%, хотя это выше по сравнению с 2017 г., в 2017 г. было 2,3%), что привело к сохранению удельного веса высококонцентрированного рынка денег — 85,8% (но меньше в сравнении годом ранее — 89,7%).

Таким образом, анализ торгов на KASE за 2014–2018 гг. показывает слабую развитость казахстанского рынка производных финансовых инструментов (ПФИ), который продолжает сохранять свое зачаточное состояние [2, с. 160]. В сравнении же с ним российский рынок более динамичен [3, с. 36–39].

⁷ Объемы торгов на фондовой бирже в Казахстане упали на 22% за год. URL: <https://kursiv.kz/news/fondovyy-rynok/2018-09/obemy-torgov-na-fondovoy-birzhe-v-kazahstane-upali-na-22-za-god> (дата обращения: 16.01.2020).

⁸ Июльские торги завершились на самом низком с начала года объеме. URL: <https://www.zakon.kz/4935815-issledovanie-fondovyy-rynok-kazahstana.html> (дата обращения: 16.01.2020).

Одной из причин слабой востребованности рынка деривативов в Казахстане является не только слабость законодательства в отношении защиты его участников, но и отсутствие полной законодательной регламентации ПФИ.

Так, в Законе РК от 2 июля 2003 г. № 461-III «О рынке ценных бумаг»⁹ среди более ста понятий, разъясняемых данным законом и, соответственно, используемых в нем, нет разъяснения ни финансового инструмента, ни ПФИ. Хотя они используются в законе. Возможно, что при разработке данного закона в качестве примера был взят Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» 1996 года, в котором данные термины также лишь упоминались и не было дано их разъяснения¹⁰. Однако, уже в 2013 г. в данный закон были внесены изменения и дополнения, и в термины, используемые данным законом, был включен ПФИ.

Согласно Федеральному закону «О рынке ценных бумаг» ПФИ — это договор, за исключением договора РЕПО, предусматривающий одну или несколько из следующих обязанностей (ст. 2 данного закона).

Казахстанский закон «О рынке ценных бумаг» до сих пор так и не имеет определения ПФИ.

Также, как и в Законе РК от 4 июля 2003 г. № 474 «О государственном регулировании, контроле и надзоре финансового рынка и финансовых организаций», речь идет о финансовых инструментах, тем не менее, нет разъяснения что понимать под этим, какие из них могут быть первоначальными, какие производными¹¹.

Ф.С. Карагусов отмечает, что «в иностранной профессиональной литературе деривативы определяются как контракты (договоры, соглашения), на основании которых возникают права и обязательства в отношении различных базовых активов» [4, с. 145–180]. Профессор по международным финансам и банковскому делу Лоран Жак, признавая деривативы сложными финансовыми инструментами [15, с. 20], поясняет, что «деривативы или производные ценные бумаги — это финансовые контракты, стоимость которых является производной от будущих цен на базовый актив» [5, с. 14].

Так что же такое деривативы? Это договор? Или вид производной ценной бумаги? Следует отметить, что признание деривативов производной ценной бумагой имеет как сторонников [6, с. 56; 7; 8], так и противников такого признания [9, с. 13; 10, с. 24]. Позиция противников основывается на том, что ПФИ — это сделки. А если признать их разновидностью ценных бумаг, то значительная часть рынка ЦБ, а это рынок валютных, процентных и товарных свопов, заключаемых непрофессиональными участниками фондового рынка, выходящая за пределы фондового рынка, остается неурегулированной [9, с. 23]. Природа деривативов отличается от ценных бумаг, что делает невозможным рассматривать деривативы как ценные бумаги. Напомним, что в РФ ПФИ рассматриваются законом «О рынке ценных бумаг» как разновидность договора, т.е. сделки (ст. 2 данного закона).

⁹ См.: Закон Республики Казахстан от 2 июля 2003 года № 461-III «О рынке ценных бумаг». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1041258#pos=191;-52 (дата обращения:)

¹⁰ См.: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17.

¹¹ См.: Закон Республики Казахстан от 4 июля 2003 года № 474 «О государственном регулировании, контроле и надзоре финансового рынка и финансовых организаций». URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 16.01.2020).

В РК в 2008 г. было дано законодательное определение ПФИ и введено в действие с января 2009 г.¹². Согласно ч. 1 ст. 128-2 ГК РК производный финансовый инструмент — договор, стоимость которого зависит от величины (включая колебание величины) базового актива договора, предусматривающий осуществление расчета по данному договору в будущем¹³. Базовыми активами ПФИ являются товары, стандартизированные партии товаров, ценные бумаги, валюта, индексы, процентные ставки и другие активы, имеющие рыночную стоимость, будущее событие или обстоятельство, производные финансовые инструменты (ч. 3 ст. 128-2 ГК РК).

Таким образом, ПФИ является двусторонним соглашением (контрактом) о праве на куплю-продажу в будущем какого-либо актива по зафиксированной в момент заключения договора цене, либо получении разницы (вариационной маржи) от изменения цены базового актива [11, с. 367].

Согласно ГК РК к ПФИ относятся опционы, фьючерсы, форварды, свопы и другие ПФИ, отвечающие данным признакам, в том числе представляющие собой комбинацию вышеперечисленных производных финансовых инструментов (ч. 2 ст. 128-2 ГК РК), базирующиеся на товарных и финансовых активах, т.е. на товарах, валюте, процентах, ценных бумагах, индексах. ПФИ по своему правовому режиму подпадают также и под пари и игры, которые не имеют судебной защиты. В связи с чем необходимы изменения в ст. 914 ГК РК и введении положения о том, что рынок ПФИ не относится к сделкам пари.

Аналогичная ситуация и в РФ. Согласно внесенным изменениям в ст. 1062 ч. II ГК РФ, судебная защита на сделки с ПФИ распространяется при удовлетворении следующим условиям, перечисленным в данной статье: 1) по крайней мере одна сторона по сделке — юридическое лицо, получившее лицензию на осуществление банковских операций или лицензию на осуществление деятельности на профессиональном рынке ценных бумаг; 2) хотя бы одно лицо по сделке, заключенной на бирже, является юридическим лицом, получившим лицензию на заключение сделок на бирже. Соответственно, судебная защита по таким ПФИ предоставляется только тем лицам, которые заключили сделку на бирже. Хотя критерии, перечисленные в п. 2 ст. 1062 ГК РФ, ограничивают случаи предоставления судебной защиты для сделок, связанных с организацией игр и пари, их можно отнести и к договорам, являющимся ПФИ, т.е. получается, что обязанность контрагентов или одного контрагента выплачивать денежные суммы в связи с изменением цены на базисный актив, которым, согласно данному положению, могут быть товары, ценные бумаги, курсы валют, величина процентной ставки, уровень инфляции либо их совокупность, а также наступление кредитного события. Судебная защита распространяется на ПФИ, связанные с использованием конкретных базисных активов. В случае же использования иных базисных активов не будет предоставляться судебная защита. Следовательно, предоставление судебной защиты распространяется не для всех ПФИ и, таким

¹² См.: Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан» по вопросам налогообложения» от 10 декабря 2008 г. № 101-IV ЗРК // Казахстанская правда. 2008. 20 дек.

¹³ См.: Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 января 2019 г.) . URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 16.01.2020).

образом, носит ограниченный характер. Однако участники рынка ПФИ или деривативов должны иметь также гарантии судебной защиты.

Следует обратить внимание на то, что определение основных ПФИ дано в Указании Банка России от 16 февраля 2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов», в котором перечислены четыре вида деривативов: опционный, фьючерсный, форвардный и своп-договор¹⁴. Причем такое же как и в законе о рынке ценных бумаг. Но указание ЦБ РФ о видах ПФИ не устанавливает, к какому виду договоров с точки зрения российского права относится каждый из ПФИ. Тогда возможно нормативное закрепление для каждого вида ПФИ правил соответствующего договора, предусмотренного действующим законодательством. Или можно признать некоторые ПФИ непоименованными договорами и тогда можно будет сделать дополнение в ГК РФ, перечислив специальные нормы, регулирующие отношения по отдельным видам ПФИ.

ГК РК не дает полный перечень ПФИ. В то время как в Правилах проведения НацБанком РК операций с ПФИ закрепляются такие их разновидности как кредитно-дефолтный своп, процентный своп, свопцион, договор с форвардной процентной ставкой¹⁵.

Следовательно, дериватив — это ПФИ, который имеет свои разновидности.

В.С. Левин, Т.А. Матвеева представляют деление деривативов в зависимости от базового актива на: товарные, фондовые, валютные, процентные, прочие деривативы, которые в чистом виде сложно отнести к перечисленным группам. К ним относятся: кредитные, страховые, погодные, прочие деривативы с экзотическими основаниями, например «своп американские горки» [12, с.10]. Ю.С. Чикиров по степени производности предлагает классификацию деривативов: первого порядка (фьючерсы, опционы на акции и др.); второго и более высокого порядков (опционы на фьючерсные контракты); не определенные по степени производности (ликвидный пут, купон рискованного займа, депозитарные расписки) [13, с. 77].

В обращении на рынке деривативов KASE находятся 14 наименований фьючерсов, из которых 2 — валютные фьючерсы, остальные — фондовые [14, с. 4]. Таким образом, в торговой системе KASE функционируют два сектора ПФИ: 1) так называемых валютных производных финансовых инструментов, то есть производных финансовых инструментов, в качестве базовых активов которых используются национальная и (или) иностранные валюты; 2) так называемых фондовых производных финансовых инструментов, т.е. производных финансовых инструментов, в качестве базовых активов которых используются акции, облигации или индикаторы фондового рынка [13, с. 3].

ПФИ (derivative instruments) различают в двух больших категориях — биржевые (exchange-traded) и внебиржевые (over-the-counter (OTC)) [8, с. 16]. Иначе, ПФИ можно разделить на четыре основные группы, из которых по две приходятся на биржевые и внебиржевые: фьючерсы, опционы (биржевые) и форварды, свопы (внебиржевые).

¹⁴ См.: Указание ЦБ РФ от 16 февраля 2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2020).

¹⁵ См.: Постановление Правления Национального Банка Республики Казахстан от 28 января 2016 г. № 16 «Об утверждении Правил проведения Национальным Банком Республики Казахстан операций с производными финансовыми инструментами». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/origins/V1600013226> (дата обращения: 17.01.2020).

Однако какими бы не были разновидности ПФИ им всем присущи общие признаки, характеризующие их как единый финансовый инструмент: в основу сделки закладывается вид базового актива, что говорит о специфичности ее объекта; переменные параметры сделки подлежат предварительной фиксации; реальность исполнения сделки откладывается по времени.

При том, что законодательство и РФ, и РК признает ПФИ как вид гражданско-правового договора по отношению к ним не употребляется слово «дериватив». Как и отсутствует разъяснение понятия «дериватив» в Правилах биржевой торговли ПФИ KASE. Но при этом в Правилах поясняется, что рынок деривативов — сектор финансового рынка, состоящий из производных финансовых инструментов, допущенных к обращению (торговле) на Бирже (п. 3 ч. 2 ст. 1 данных Правил)¹⁶. В данной связи следовало бы определиться с дефинициями «ПФИ», «дериватив» в целях наибольшего понимания их сути как участниками рынка деривативов, так и возможно судьями при разрешении споров.

Таким образом, в РК сложилась пока фрагментарная, а не полная правовая регламентация деривативов. В РФ нельзя сказать, что правовое регулирование ПФИ имеет полный охват. Специального законодательства о ПФИ нет ни в РФ, ни в РК. ГК РК дает только первоначальное, исходное, если можно сказать, стартовое понимание ПФИ, благодаря которому они подпадают и под гражданско-правовые сделки, и под сделки пари, которые исключают судебную защиту ее участникам. Следовательно, участники рынка деривативов не имеют гарантий судебной защиты. В ГК РК дано определение четырех основным разновидностям деривативов. Однако в Правилах НацБанка, регламентирующих рынок деривативов, указываются иные разновидности деривативов. Тем самым перечень деривативов остается открытым. Соответственно, наряду с подзаконным регулированием, имеется и саморегулирование рынка деривативов. В данной связи необходимым является создание полной законодательной базы рынка деривативов, не исключая принятие специального закона «О рынке производных финансовых инструментов», обеспечивающего защиту интересов сторон таких сделок, что поспособствовало бы приданию нового импульса развития рынка деривативов. Тем более, острая необходимость в этом обусловлена еще и формированием общего биржевого пространства в ЕАЭС.

Библиографический список

1. *Кабасова А.К., Тастемирова Ж.К., Муктарова Б.З., Мекин М.А.* Перспективы и проблемы развития фондового рынка в Казахстане // *European journal of economics and management sciences*. 2017. № 2. С. 58–60.
2. *Дон Н.В.* Перспективы развития рынка производных финансовых инструментов (деривативов) в Казахстане // *ҚазЭУ хабаршысы. Вестник КазЭУ*. 2012. № 3. С. 159–163.
3. *Казаков В.И.* Анализ динамики российского рынка деривативов // *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2018. № 2. С. 36–39.
4. *Карагусов Ф.С.* О правовом обеспечении развития рынка производных финансовых инструментов в Казахстане с использованием опыта ISDA и некоторых современных правовых конструкций // *Гражданское законодательство: Статьи. Комментарии. Практика*.

¹⁶ Правила биржевой торговли производными финансовыми инструментами (утверждены решением Биржевого совета АО «Казахстанская фондовая биржа» (протокол заседания от 31 января 2013 года № 2)). URL: http://old.kase.kz/files/normative_base/rules_derivativ.pdf (дата обращения: 16.01.2020).

тика / под ред. А.Г. Диденко. Алматы: Раритет, Институт правовых исследований и анализа, 2009. Вып. 33. С. 145–180.

5. *Лоран Жак*. Опасные игры с деривативами: Полувековая история провалов от Citibank до Barings, Socié'te' Ge'ne'rale и AIG. Global Derivative Debacles From Theory to Malpractice. М.: «Альпина Паблишер», 2012. 342 с.

6. Рынок ценных бумаг: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / под ред. Е.Ф. Жукова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ЮНИТИДАНА, 2009. 567 с.

7. *Аюпов А.А.* Производные финансовые инструменты: обращение и управление. Тольятти: ТГУ, 2007. 202 с.

8. *Лебедев А.Е.* Производные ценные бумаги: их роль в финансовой глобализации и значение для России // Проблемы прогнозирования. 2004. № 2. С. 16–24.

9. *Сафонова Т.Ю.* Двойственный характер управления рисками в системе построения и регулирования рынка производных финансовых инструментов в Российской Федерации: дис. ... д-ра эконом. наук. М., 2017. 498 с.

10. *Иванова Е.В.* Правовая квалификация деривативов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 196 с.

11. *Сейдалин С.* Новые дефиниции в законодательстве о рынке ценных бумаг: материалы I Республиканской научно-теоретической конференции магистрантов и докторантов PhD «Действующее право Республики Казахстан: Проблемы тенденции перспективы» (Астана, 23 апреля 2010 г.) / отв. ред. Б.Ж. Әбдірайым. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2010. С. 362–374.

12. *Левин В.С., Матвеева Т.А.* Классификация производных финансовых инструментов // Финансы и кредит. 2011. № 39(471). С. 9–14.

13. *Чикиров Ю.С.* Классификация производных финансовых инструментов в управленческом учете // Бухгалтерский учет. 2009. № 4. С. 77–79.

14. Информация по соблюдению принципов для инфраструктур финансового рынка. Алматы: АО «Казахстанская фондовая биржа», 2015. 22 с.

References

1. *Kubasova A.K., Tastemirova J.K., Mukhtarova B.Z., Meakin M.A.* Prospects and Problems of Development of Stock Market in Kazakhstan // European journal of economics and management sciences. 2017. No. 2. P. 58–60.

2. *Don N.V.* Prospects of Development of Derivative Financial Instruments (derivatives) Market in Kazakhstan // KazEU khabarshysy. KazEU Bulletin. 2012. No. 3. P. 159–163.

3. *Kazakov V.I.* Analysis of the Dynamics of the Russian Derivatives Market // Business education in the knowledge economy. 2018. No. 2. P. 36–39.

4. *Karagusov F.S.* On Legal Support for the Development of the Market of Derivative Financial Instruments in Kazakhstan Using the Experience of ISDA and Some Modern Legal Structures // Civil legislation: Articles. Comments. Practice / under the editorship of A.G. Didenko. Almaty: Rarity, Institute of legal research and analysis, 2009. Vol. 33. P. 145–180.

5. *Laurent Jacques.* Dangerous Games with Derivatives: a Half-century History of Failures from Citibank to Barings, Societe Generale and AIG. Global Derivative Debacles from Theory to Malpractice. Moscow: Alpina Publisher, 2012. 342 p.

6. Securities Market: a textbook for students enrolled on economic specialties / ed. Ed. 3rd, Rev. and extra M: UNITEDONE, 2009. 567 p.

7. *Ayupov A.A.* Derivative Financial Instruments: Circulation and Management. Togliatti: TSU, 2007. 202 p.

8. *Lebedev A.E.* Derivative Securities: Their Role in Financial Globalization and Significance for Russia. Problems of forecasting. 2004. No. 2. P. 16–24.

9. *Safonova T.Yu.* Dual Character of Risk Management in the System of Building and Regulating the Market of Derivative Financial Instruments in the Russian Federation: dis. ... doc. of economy. Moscow, 2017. 498 p.

10. *Ivanova E.V.* Legal Qualification of Derivatives: dis. ... cand. of law. Moscow, 2006. 196 p.

11. *Seidalin S.* New Definitions in the Legislation on the Securities Market: materials of the I Republican scientific and theoretical conference of undergraduates and doctoral students of the PhD «Current Law of the Republic of Kazakhstan: Problems and Prospects» (Astana, April 23, 2010). ed. Astana: Eurasian national University. L.N. Gumilyova, 2010. P. 362–374.

12. *Levin B.C., Matveeva T.A.* Classification of Derivative Financial Instruments // Finance and credit. 2011. No. 39(471). P. 9–14.

13. *Sikirov Y.S.* Classification of Derivative Financial Instruments in Management Accounting // Accounting. 2009. No. 4. P. 77–79.

14. Information on Compliance with the Principles for Financial Market Infrastructures. Almaty: Kazakhstan stock exchange JSC, 2015. 22 p.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10049

УДК 343

Ю.И. Бытко

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Введение: актуальность заявленной темы обусловлена следующим: на стадии проверки сообщения о преступлении решается важный вопрос о наличии в деянии, названном в сообщении основания для возбуждения уголовного дела. Количество таких проверок в течение года исчисляется по стране десятками миллионов и на проверку отводится незначительное время. Несмотря на то, что указанная деятельность достаточно подробно регламентирована нормами УПК РФ, некоторые положения закона нуждаются в уточнениях. **Цель:** посредством систематического критического анализа норм УПК РФ выявить недостатки их конструкции, проверить их соответствие нормам Конституции и внести предложения по совершенствованию процедуры доследственных проверок. **Методологическая основа:** совокупность диалектического, логического, структурно-функционального, формально-юридического методов исследования. **Результаты:** выявлены недостатки в конструкции некоторых уголовно-процессуальных норм, определяющих порядок и содержание действий по проверке сообщений о преступлении. **Выводы:** предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 144, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ; п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ исключить.

Ключевые слова: доследственная проверка, дознаватель, следователь, суд, свидетельский иммунитет, ложный донос, ложные показания.

Yu.I. Bytko

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CRIME REPORT VERIFICATION

Background: the relevance of the stated topic is stipulated by the fact that at the stage of verification of the report on the crime committed, an important question concerning the existence in the act reported grounds for initiating a criminal case should be raised. The number of such verifications during the year is estimated in the tens of millions and little time is given to the verification. Despite the fact that these activities are regulated in detail by the norms of the Criminal procedure code, some provisions of the law need clarification. **Objective:** through a systematic critical analysis of the norms of the Criminal procedure code

© Бытко Юрий Ильич, 2020
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия)
© Bytko Yuri Ilyich 2020
Doctor of law, Professor, Professor, Criminal and criminal executive law department (Saratov State Law Academy)

of the Russian Federation to identify the shortcomings of their design, check their compliance with the norms of the Constitution and make proposals for improving the procedure for pre-investigation checks. Methodology: dialectical method, as well as general scientific and special methods of scientific knowledge (system, systematic, dogmatic, comparative, logical, etc.). Results: shortcomings in the design of some criminal procedural norms that determine the order and content of actions to verify reports of a crime have been identified. Conclusions: the author of the article suggests to amend part 1 of Article 144, paragraph 1 of part 4 of Article 56 of the Criminal procedure code; to exclude paragraph 3 of part 1 of Article 24 of the Criminal procedure code.

Key-words: *pre-investigation check, inquiry officer, investigator, court, witness immunity, false denunciation, false testimony.*

Согласно данным официальной статистики за 2013–2014 гг., только сотрудниками МВД РФ ежегодно проверялось до 28 (и более) млн заявлений (сообщений). Так, в 2013 г. таких заявлений было рассмотрено 28,35 млн, в 2014 — 29,28 млн. Почти по каждому семнадцатому сообщению было принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено уголовных дел в 2013 г. — 1,76 млн, в 2014 г. — 1,728,6 тыс.

В последующие годы такие данные не публиковались, но официальная статистика зарегистрированных в 2019 г. преступлений (более 2-х млн против 1,728,6 тыс. в 2014 г.), позволяет утверждать, что ситуация к лучшему не меняется. Так, за 2019 г. в стране зарегистрировано более 2 млн преступлений. Об этом сообщает Министерство внутренних дел РФ. По сравнению с 2018 г., количество правонарушений выросло на 1,6%. При этом надо иметь в виду, что к качеству работы по проверке сообщений предъявляются высокие требования, поскольку от ее результатов в значительной степени зависит успех в последующем расследовании преступлений.

Известно, что если по «горячим следам» не удастся собрать достаточные доказательства, в последующем весьма часто истину по делу не удастся установить. И вся эта деятельность осуществляется в условиях постоянного цейтнота, поскольку на рассмотрение одного заявления ст. 144 УПК РФ отводит 3 дня. В соответствии с ч. 3 этой же статьи, этот срок может быть продлен в сложных случаях до 10 суток, а в особо сложных — до 30 суток.

Смысл этой деятельности заключается в проверке наличия или отсутствия признаков преступления в том деянии, о котором сообщает заявитель. Установление достаточных данных, указывающих на наличие таких признаков, как известно, в соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ, является основанием для возбуждения уголовного дела.

Процедура проверки сообщения о преступлении достаточно подробно регламентирована ст. 144 УПК РФ, но некоторые из сформулированных в ней положений представляются проблематичными. Здесь речь пойдет о некоторых из них.

1. По непонятной причине в круг субъектов, обязанных проводить проверку сообщения о преступлении, не включены ни начальник подразделения дознания, ни начальник органа дознания. И это при том, что названные должностные лица в соответствии со ст. 40.1 и 40.2 УПК РФ являются участниками уголовного судопроизводства.

В пользу доводов о необходимости включения указанных лиц в число субъектов, обязанных проводить доследственные проверки, можно привести следующие

щее сообщение. В соответствии с п. 1 ст. 144 УПК РФ, проверка сообщения о преступлении является не правом, а обязанностью соответствующих субъектов. Такая обязанность, в частности, возлагается не только на следователя, но и на руководителя следственного органа. Между тем, возлагая такую обязанность на дознавателя и орган дознания, закон почему-то освобождает от такой обязанности начальников и подразделения дознания и органа дознания.

Это, в частности, означает, что указанные должностные лица могут вообще игнорировать любое заявление о совершенном преступлении, сделанное им заявителем на личном приеме, а также имеют право, но не обязаны требовать объяснения от кого бы то ни было на стадии доследственной проверки и проводить другие действия, предусмотренные ст. 144 УПК РФ, что вряд ли можно признать обоснованным и справедливым. Тем более, что указанные лица, в соответствии со ст. 40.1 и 40.2 УПК РФ обладают широкими полномочиями по руководству действиями подчиненных им дознавателей.

В частности, начальник подразделения дознания не только может проверять материалы проверки дознавателем сообщения о преступлении, давать дознавателю соответствующие указания в ходе таких проверок, но также возбуждать уголовное дело и, приняв его к своему производству, проводить дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями дознавателя.

Таким образом, закон наделяет начальников подразделений дознания и органов дознания широкими полномочиями по контролю за деятельностью дознавателей по проверке сообщений о преступлении, но не определяет их обязанности в сфере реализации гражданами одного из важнейших прав.

2. УПК РФ включает в число участников уголовного судопроизводства потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика, понятого и в соответствующих статьях УПК РФ определяет исчерпывающий перечень их прав и обязанностей, в т.ч. обязанность давать правдивые показания (за изъятиями, предусмотренными ст. 51 Конституции РФ). И это положение является обоснованным, имея в виду, что информация, сообщаемая названными лицами, имеет силу допустимого доказательства (при соблюдении требований ст. 75 УПК РФ).

На этом фоне диссонансом является процессуальная неопределенность тех лиц, которые дают объяснения в ходе проверки сообщения о преступлении: УПК РФ не содержит специальной статьи, в которой бы закреплялись их права и обязанности. Между тем, эти лица, в соответствии со ст. 56 УПК РФ, обладают существенным признаком свидетеля, поскольку им могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. И, что не менее важно, в соответствии с п. 1.2 ст. 144 УПК РФ, информация, сообщаемая указанными лицами в их объяснениях, также как и показания названных выше лиц, обладает качеством допустимого доказательства (при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ) на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении.

Но если это так, то возникает естественный вопрос: почему свидетеля предупреждают об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, а лицо, дающее объяснение, не предупреждают. И это при том, что субъект, дающий объяснения отнесен, как и свидетель, к числу лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. В частности, в соответствии с п. 1.1 ст. 144 УПК РФ лицу, дающему объяснение, разъясняется содержание ст. 51 Конституции о том, что

он вправе не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников.

Таким образом, информация, полученная в ходе проверки сообщения о преступлении от лица, дающего объяснение, по своей доказательственной силе приравнивается к информации, полученной от участника уголовного судопроизводства, предупрежденного об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307, 308 УК РФ (за исключением подозреваемого и обвиняемого).

Затронутый вопрос является частью проблемы пределов свидетельского иммунитета, которой посвящены многочисленные публикации [1; 2; 3; 4; 5]. Содержание этих работ воспроизводить здесь в ущерб полезному пространству статьи нет необходимости, имея в виду, что их тексты размещены и на бумажных, и на электронных носителях, в частности, в elibrary.

История законодательного разрешения проблемы свидетельского иммунитета тоже хорошо известна. Право свидетельского иммунитета закреплено в ч. 1 ст. 51 Конституцией РФ 1993 г., которая провозглашает: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом». В круг близких родственников, в соответствии с п. 4 ст. 5 УПК РФ, включены: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, бабушка, внуки.

Эта конституционная новелла означала отказ от признания подозреваемым, обвиняемым своей вины в совершении преступления «царицей» доказательств и освобождение их от бремени доказывания своей невиновности. Такая обязанность отныне возлагалась на государственные органы дознания и следствия.

Часть 2 ст. 51 Конституции закрепила и другое положение о том, что федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания. Законодатель весьма активно использует это право, постоянно расширяя круг субъектов, наделяемых правом свидетельского иммунитета. Так, если в первоначальной редакции УПК РФ иммунитет предоставлялся, кроме близких родственников, также судье, присяжному заседателю, адвокату, защитнику, священнослужителю, члену Совета Федерации, депутату Государственной Думы, гражданскому истцу и его представителю, гражданскому ответчику и его представителю, подозреваемому, обвиняемому, свидетелю, лицу, пользующемуся дипломатической неприкосновенностью, то с 2015 г. — должностному лицу налогового органа, арбитражному (третейскому) судье, а в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ также подозреваемому или обвиняемому по основному делу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве¹.

Нет уверенности в том, что под влиянием комплекса Павлика Морозова круг таких лиц и в дальнейшем не будет расширяться. Симптомы очевидны: в 2019 г. в Конституционном Суде РФ обсуждался вопрос о целесообразности включения в число лиц, пользующихся свидетельским иммунитетом, помимо адвоката и

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко». URL: <https://yandex.ru/search/?lr=194&text=> (дата обращения: 17.01.2020).

защитника, иного юриста, у которого получал консультации в качестве доверителя гражданин, совершивший преступление².

Как видно, круг таких лиц расширяется за счет тех, к кому лицо, подозреваемое в совершении преступления, относится с доверием. По такой логике, в этот круг должны быть включены не только близкие родственники, но и другие близкие ему люди. Ведь известно, что некоторые коллеги, друзья, партнеры по преферансу и др. нередко становятся нам более близкими людьми, чем некоторые родственники.

Как известно, россияне традиционно люди общинные и при отмеченной тенденции в развитии института свидетельского иммунитета в недалеком будущем может встать вопрос о необходимости исключения из УК РФ ст. 307 и 308. И это следовало бы приветствовать при условии наличия других тенденций — роста доверия людей к правовой системе и нарастания у них желания давать правдивые показания следствию и суду без принуждения. Но пока, как отмечалось, последние тенденции не наблюдаются.

Однако проблема заключается не только в отмеченной выше тенденции, но и в самом содержании свидетельского иммунитета. В УПК РФ нет определения понятия этого явления. Наиболее полное его определение дано Конституционным Судом РФ в ряде его решений. Свидетельский иммунитет означает: во-первых, освобождение лица от обязанности давать показания, могущие ухудшить положение его самого или его близких родственников; во-вторых, недопустимость любой формы принуждения к свидетельству против самого себя или своих близких; в-третьих, лицо может отказаться не только от дачи показаний, но и от представления других доказательств, подтверждающих его виновность в совершении преступления; в-четвертых, запрет обязывать лицо, обладающее свидетельским иммунитетом, давать показания относительно обстоятельств дела, не исключает его права представить соответствующие сведения в случае, если оно на это согласно.

Указанные конституционные права должны обеспечиваться на любой стадии уголовного судопроизводства³.

Представляется, что данное определение достаточно точно отражает сущность свидетельского иммунитета, хотя неясным остается следующий вопрос: если лицо, обладающее иммунитетом, желает по доброй воле (без какого-либо принуждения) дать показания, почему во всяком случае, даже тогда, когда эти показания являются заведомо ложными, они должны признаваться допустимыми? Ведь их допустимость означает допустимость лжи в сфере отправления правосудия.

Но если она допускается, то почему не признается допустимой информация, полученная без принуждения (без предупреждения об ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний) от других участников судопроиз-

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 863-О «По жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-11042019-n-863-o-po/> (дата обращения: 17.01.2020).

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2012 г. № 274-О-О «По жалобе гражданина Лебедева Платона Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01032012-n-274-o-o-po/> (дата обращения: 17.01.2020).

водства со стороны обвинения, в частности, от потерпевшего и его законного представителя?

Этот вопрос не праздный, имея в виду, что, во-первых, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ приоритетной задачей уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В данном случае приоритетной, вопреки конструкции ст. 6 УПК РФ становится другая задача — защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Во-вторых, ч. 4 ст. 15 УПК РФ провозглашает равноправие перед судом стороны обвинения и защиты. Очевидно, что когда в одной и той же ситуации одной стороне разрешается лгать, а другой запрещается давать ложные показания под страхом уголовного преследования, то становится фикцией провозглашенное ст. 15 УПК РФ их равноправие. Равноправие предполагает наличие одинаковых прав и обязанностей у сторон процесса. В сложившейся ситуации очевидно, что по одному и тому же поводу праву обвиняемого корреспондирует не аналогичное право потерпевшего, но его обязанность, подкрепляемая угрозой кары.

Принуждение кого-либо из участников уголовного судопроизводства, безусловно недопустимо, поскольку запрещается не только Международным пактом о гражданских и политических правах, но также Конституцией РФ, УК и УПК РФ. Поэтому незаконным должно признаваться предупреждение указанных выше субъектов об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 308 УК РФ, а полученная от них в результате такого принуждения информация должна признаваться как недопустимое доказательство.

Иначе должен решаться вопрос о предупреждении этих же субъектов о даче заведомо ложных показаний в том случае, когда после разъяснения содержания ч. 1 ст. 51 Конституции РФ они добровольно, то есть без какого-либо прямого или косвенного принуждения с чьей-либо стороны выразили желание свидетельствовать по делу.

Предупреждение подозреваемых (обвиняемых, подсудимых) об ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ не противоречит названным выше нормативным правовым актам и не нарушает их права на защиту при двух условиях. Во-первых, была проведена тщательная проверка утверждения допрашиваемых о том, что их никто не принуждал и не склонял иным незаконным способом к даче показаний. Во-вторых, их показания согласуются с ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, закрепляющей право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, как и ее ч. 3 ст. 17, в силу которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Проблемам свидетельского иммунитета посвящено более десяти решений Конституционного Суда. Любопытно, что кроме заведомо ложного доноса, заявленного подозреваемым или обвиняемым в процессе допроса по уголовному делу, другие случаи нарушения прав граждан или юридических лиц в решениях Конституционного Суда не называются. Между тем, очевидно, что в случае прекращения уголовного преследования, например, за недоказанностью участия подозреваемого (обвиняемого) в преступлении, когда следствие, суд были введены в заблуждение заведомо ложными показаниями участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, вред причиняется потерпевшему, его родственникам, законному представителю, что, безусловно, является существенным

нарушением их прав на судебную защиту от преступлений, особенно по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях против личности.

Кроме того, следует иметь в виду, что ложное признание обвиняемым своей вины само по себе, без подтверждения другими доказательствами, не может быть положено в основу обвинительного приговора. В то же время заведомо ложное отрицание им своей вины при отсутствии других доказательств, подтверждающих ее наличие, также должно завершиться оправдательным приговором.

В связи с этим представляется допустимой мерой предупреждение обвиняемого (подсудимого), изъясвившего, после разъяснения ему содержания ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, дать показания, об ответственности не только за заведомо ложный донос, но и за дачу заведомо ложных показаний, поскольку это влечет существенное нарушение права потерпевшего на судебную защиту от преступления.

Тем более правомерным представляется предупреждение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших, которые после разъяснения содержания ч. 1 ст. 51 Конституции РФ выразили желание дать показания, при наличии тех же двух условий, о которых говорилось выше применительно к показаниям обвиняемого (подсудимого). Ясно, что заведомо ложные показания свидетелей и потерпевших обязательно посягают на конституционные права или обвиняемого, или потерпевшего.

Таким образом, в отношении лиц, наделенных свидетельским иммунитетом должно применяться следующее правило: если не хочешь давать показания, молчи (по терминологии Конституционного Суда РФ — «право на молчание»⁴). Но если решил давать показания, не ври, и не сваливай вину на других, иначе будешь отвечать по ст. 307 или 306 УК РФ соответственно.

Правило, в соответствии с которым лицо, обладающее свидетельским иммунитетом, может безнаказанно давать заведомо ложные показания, было бы уместным в период действия УПК РСФСР 1961 г., поскольку задачи уголовного судопроизводства формулировались в нем иначе, чем в ныне действующем УПК РФ. В частности, в ст. 2 УПК РСФСР 1961 г. было сказано: «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Для достижения этих задач ст. 20 УПК РСФСР обязывала суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства.

Кроме того, законодательством того времени суд наделялся весьма широкими полномочиями в судебном процессе по уголовным делам: он не только имел право, но и был обязан по собственной инициативе собирать и оценивать любые

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-sudarf-ot-20072016-n/> (дата обращения: 17.01.2020).

доказательства, если считал, что для установления истины по делу недостаточно тех доказательств, которые представлены на его рассмотрение сторонами обвинения и защиты.

Действующий УПК РФ построен на принципе состязательности стороны обвинения и стороны защиты. Поэтому суд основывает свои решения только на тех доказательствах, которые представлены указанными сторонами. То есть суд выполняет исключительно функцию арбитра, поэтому его задача состоит не в том, чтобы установить истину по делу, а беспристрастно оценив доказательства, представленные стороной обвинения и защиты, принять решение в пользу той стороны, доказательства которой он считает более убедительными. В современной России чаще становится более убедительным тот, у кого больше денег. В этих условиях чрезвычайное значение приобретает обеспечение реального равноправия состязющихся сторон, которое, будучи провозглашенным в ч. 4 ст. 15 УПК РФ, пока остается фикцией.

4. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, одним из оснований отказа в возбуждении уголовного дела, как и прекращения возбужденного уголовного дела, является истечение сроков давности, предусмотренных ст. 78 УК РФ. Таким полномочием на стадии рассмотрения сообщения о преступлении закон наделил руководителя следственного органа, следователя, орган дознания, дознавателя. Данное положение уголовно-процессуального законодательства является неконституционным.

Привлечение к уголовной ответственности означает ни что иное как констатацию следующих фактов: инкриминируемое субъекту деяние имело место в действительности, а не в чьем-либо воображении; это деяние является преступлением, предусмотренным определенной нормой УК РФ; это деяние совершено именно этим субъектом; субъект виновен в его совершении.

Таким образом, одним из обязательных условий освобождения от уголовной ответственности за давностью является наличие бесспорно доказанной вины субъекта в совершении инкриминируемого преступления.

Освобождение кого-либо от уголовной ответственности за давностью без установления его вины является грубейшим нарушением не только Конституции РФ, но также уголовного и уголовно-процессуального законодательства, поскольку освобождение от уголовной ответственности по данному основанию является нереабилитирующим обстоятельством [6, с. 196].

Между тем, ст. 49 Конституции РФ провозглашает, что «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». В точном соответствии с этим конституционным положением, в ч. 2 ст. 8 УПК РФ говорится о том, что «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Из сказанного с очевидностью следует, что по Конституции и федеральному законодательству единственным субъектом, правомочным освободить кого-либо от уголовной ответственности за истечением срока давности, является только суд.

Отказ в возбуждении уголовного дела, как и его прекращение на стадии доследственной проверки в связи с истечением давностного срока, неправомочны тем более, что, как отмечалось выше в этой статье, на этой стадии значительно

снижены гарантии установления истины по проверочному делу, в том числе затруднительно установить не только вину субъекта в совершении преступления, но и его причастность к нему. Известно, что в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, на этой стадии дознаватель и следователь вправе получать от потерпевших и свидетелей лишь объяснения, но не показания.

По значительному числу уголовных дел такие объяснения являются или единственными, или самыми важными источниками информации о совершенном преступлении. Между тем, за заведомо ложные объяснения ни потерпевший, ни очевидцы не предупреждаются об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний по ст. 307 и 308 УК РФ. В связи с этим достоверность их объяснений весьма сомнительна, о чем свидетельствуют материалы уголовных дел: те же лица, будучи позже, после возбуждения уголовного дела, предупрежденными об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ в качестве официально признанных потерпевших и свидетелей, часто или отказываются от ранее данных объяснений, или существенно изменяют их содержание.

Подводя итоги изложенного выше анализа, предлагаю внести в уголовно-процессуальное законодательство России следующие изменения:

в ч. 1 ст. 144 УПК РФ включить в число субъектов, обязанных проверять сообщения о преступлении, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания;

ввести в УПК РФ статью, в которой должны быть закреплены права и обязанности лиц, дающих объяснения на стадии проверки сообщения о преступлении;

дополнить п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ следующими словами: лица, обладающие свидетельским иммунитетом, изъявившие желание дать показания после разъяснения им содержания ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, предупреждаются об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ;

п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ исключить.

Библиографический список

1. *Аббасов Ф.Н.* Реализация конституционного принципа свидетельского иммунитета в уголовном судопроизводстве России и Азербайджана // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2005. № 2 (26). С. 124–126.
2. *Белкин А.Р.* Уточнение понятия «свидетельский иммунитет» // Публичное право. 2009. № 2 (2). С. 157–166.
3. *Быканов А.М.* Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Черные дыры в Российском законодательстве. 2012. № 3. С. 94–96.
4. *Волосова Н.* Охрана интересов правосудия средствами свидетельского иммунитета // Закон и право. 2008. С. 79–82.
5. *Дикарев И.С.* Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Журнал российского права. 2012. № 3 (183). С. 76–81.
6. *Бытко Ю.И.* О неконституционности норм УПК РФ, регламентирующих процедуру освобождения от уголовной ответственности за давностью // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127). С. 194–199.

References

1. *Abbasov F.N.* Implementation of the Constitutional Principle of Witness Immunity in Criminal Proceedings in Russia and Azerbaijan // Bulletin of the Snt Petersburg University. 2005. No. 2 (26). P. 124–126.
2. *Belkin A.R.* Clarifying the Concept of “Witness Immunity” // Public law. 2009. No. 2 (2). P. 157–166.
3. *Bykanov A.M.* Witness Immunity in Criminal Trial // Black Holes in Russian Legislation. 2012. № 3. P. 94–96.
4. *Volosova N.* Protection of the Interests of Justice by Means of Witness Immunity // Legislation and law. 2008. P. 79–82.
5. *Dikarev I.S.* Witness Immunity in Criminal Proceedings // Journal of Russian law. 2012. No. 3 (183). P. 76–81.
6. *Bytko Yu.I.* On Unconstitutionality of the Norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Regulating the Procedure for Exemption from Criminal Liability by Prescription // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 2 (127). P. 194–199.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10050

УДК 351.753

Л.Ю. Воронков

НЕГАТИВНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО СЛЕДАМ НА ГИЛЬЗАХ СТРЕЛЯНЫХ В ПИСТОЛТЕ ЧЗ-75

Введение: при производстве оперативно-розыскных и следственных действий по делам, связанным с применением огнестрельного оружия, постоянно возникает необходимость в получении и проверке различных сведений об оружии: по установлению групповой принадлежности (определению его модели и системы по следам на частях патронов) и идентификации конкретного экземпляра оружия. **Цель:** корректировка сведений, содержащихся в справочной литературе по следам на стреляных гильзах для новых модификаций пистолета ČZ-75 Tactical под патрон 9×19 мм Parabellum, т.к. изменения деталей оружия могут вносить видоизменения в следовую картину, остающуюся на частях патронов, что приводит к затруднениям при проведении предварительных исследований и производстве экспертиз. **Методологическая основа:** экспериментальный отстрел патронов 9×19 мм Parabellum в трех экземплярах последней модификации пистолета ČZ-75 Tactical в условиях тира, с последующим выявлением и микроскопическим изучением следов на стреляных гильзах. **Результаты:** выяснено, что при определении модели оружия по следам на стреляной гильзе могут возникнуть ошибки из-за отсутствия в справочниках описания следов от нижней грани затвора и следов от патрона, подаваемого из магазина. При сравнении экспериментальных гильз между собой была замечена существенная вариационность в следах на гильзах, зависящая от темпа стрельбы. **Выводы:** след от нижней грани конкретизирует модификацию модели оружия и позволяет предположить темп ведения огня из оружия. След от патрона схож со следом отражателя, но он не является следом деталей оружия и не может использоваться для идентификации. Отсутствие данного следа на одной из стреляных гильз позволяет определить последний выстрел.

Ключевые слова: стреляная гильза, следы огнестрельного оружия, механизм следообразования, идентификация огнестрельного оружия, определение модели огнестрельного оружия.

L.Yu. Voronkov

NEGATIVE CIRCUMSTANCES WHEN CONDUCTING IDENTIFICATION STUDIES ON THE TRACES ON THE CARTRIDGES OF GUNMEN FIRED IN THE ČZ-75 PISTOL

Background: in the production of operational-search and investigative actions in cases involving the use of firearms, there is constantly a need to obtain and verify various information about the weapon: to establish the group affiliation (to determine its model and system by traces on the parts of the cartridges) and to identify a particular eczema weapons

© Воронков Леонид Юрьевич, 2020
Кандидат технических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: voronkov.leo2012@gmail.com

© Voronkov Leonid Yurevich, 2020

Candidate of technical science, associate Professor, Criminalistics department (Saratov State Law Academy)

of arms. Objective: correction of the information contained in the reference literature on traces on spent cartridges for new modifications of the ČZ-75 Tactical pistol under the 9×19 mm Parabellum cartridge. Since changes in the details of weapons can modify the trace pattern remaining on the parts of the cartridges, which leads to difficulties in conducting preliminary studies and production of examinations. Methodology: experimental shooting of 9×19 mm Parabellum cartridges in three copies of the latest modification of the ČZ-75 Tactical pistol under shooting conditions, followed by detection and microscopic study of traces on the spent cartridges. Results: the obtained data were compared with traces of reference literature. It was found that when determining the model of the weapon following the marks on a spent cartridge case, errors may occur due to the lack of reference descriptions of traces from the lower edge of the bolt and traces of a cartridge supplied from the store. When comparing the experimental shells with each other, a significant variation in the marks on the shells was observed, depending on the rate of fire. Conclusions: the trace from the lower bound specifies a modification of the weapon model and suggests the rate of fire from the weapon. The cartridge footprint is similar to the track of the reflector footprint, but it is not a trace of the details of the weapon and cannot be used for identification. The absence of this trace on one of the spent shell allows to fix the last shot.

Key-words: cartridge case, traces of firearms, tracking mechanism, identification of firearms, determination of the model of firearms.

При производстве оперативно-розыскных и следственных действий по делам, связанным с применением огнестрельного оружия, постоянно возникает необходимость в получении и проверке различных сведений об оружии: по установлению групповой принадлежности (определению его модели и системы по следам на частях патронов) и идентификации конкретного экземпляра оружия.

При идентификации огнестрельного оружия по следам на стреляной гильзе установление модели оружия является частью исследования, при этом достаточно часто устанавливается небольшая группа моделей или даже единичная модель. Решение этих вопросов становится возможным при исследовании многочисленных следов-отображений, оставленных оружием на гильзе, на разных этапах производства выстрела и сопоставлении их со справочными материалами.

Определенные трудности здесь представляют новые модели огнестрельного оружия и то, что с каждым годом отдельные модели короткоствольного нарезного оружия дополнительно модернизируются и дорабатываются. В связи с чем, в эксплуатацию поступают новые поколения отдельных моделей нарезного короткоствольного оружия, детали конструкции которых могут отличаться от предыдущих поколений и будут вносить изменения в образующиеся следы на стреляных гильзах. Данный факт не всегда отражается в справочной литературе и в результате можно получить неверную информацию о следах на гильзах стреляных в данных моделях оружия.

Такие изменения коснулись Чешского пистолета ЧЗ-75 под патрон 9×19 мм Parabellum, который изначально создавался для экспорта, т.к. на вооружении армии и полиции состояли образцы, использующие стандартные патроны 7,62×25 мм и 9×18 мм.

Следы, несущие информацию о групповой принадлежности оружия и использующиеся для идентификации, образуются, в основном за счет использования принципа автоматике, основанного на отдаче ствола и затвора при коротком

ходе ствола, и механизма запираания, работающего за счет качания ствола в вертикальной плоскости.

Следы на гильзах, стреляных в пистолете ЧЗ-75, приведенные в справочной литературе представлены на рис. 1. [1, с. 67]



Рис. 1.

Расположение следов на гильзе стреляной в ЧЗ-75 и чашка затвора

Описание и характеристики следов на гильзах, приведенные в справочной литературе представлены ниже:

След бойка — вмятина (диаметром 1,3–1,7 мм) полусферической формы со следом «язычка» в верхней части (возможно отсутствие «язычка» в следе бойка).

След выступа отражателя — отпечаток у края дна (слева внизу относительно следа бойка).

Следы зацепа выбрасывателя — на кольцевой проточке и внутренней стороне фланца (справа относительно следа бойка).

Угол между следами от выступа отражателя и зацепа выбрасывателя — 230–240°.

Следы переднего среза затвора — следы обработки патронного упора на дне и капсюле в виде прямых вертикальных линий; отпечаток паза для отражателя.

Следы на корпусе гильзы — продольные царапины от загибов магазина¹.

Нами исследовалась последняя модификация ЧЗ-75 — CZ-75 Tactical. Было использовано три экземпляра оружия данной модели, эксперимент проводился в условиях тира, всего было отстреляно 60 патронов (по 20 патронов из каждого экземпляра) калибра 9×19 мм Parabellum. В магазин снаряжалось по десять патронов, положение верхнего патрона помечалось белой краской на 12 ч в кольцевой проточке. Первая серия экспериментов проводилась темпом стрельбы с интервалами 2 с и более. Вторая серия экспериментов велась с максимально быстрым темпом стрельбы, т.е. мгновенное нажатие на спусковой крючок, после того как полностью работает возвратный механизм. Следы на стреляных гильзах выявлялись и изучались как визуально, так и с использованием микроскопа МВС-10 при 20-кратном увеличении.

При сравнении полученных экспериментальных следов с данными, приведенными в справочной литературе, было установлено совпадение по наличию, расположению и взаиморасположению следов бойка, отражателя и зацепа выбрасывателя. Следы переднего среза затвора показывали большую вариационность.

¹ Пистолет самозарядный CZ-75 Tactical // Оружейный журнал LOCKWORK. URL: <http://lockwork.ru/cz-75-ts/> (дата обращения: 06.01.2019).

Следы на корпусе гильзы от загибов магазина были слабо выражены. Кроме этого, между следами от загибов магазина был обнаружен динамический след от нижней грани затвора на корпусе гильзы, длиной 3–6 мм, ориентированный на 12 ч (рис. 2). Подтверждением того, что это след нижней грани затвора, а не результат трения патрона об патрон, является наличие его на корпусе гильзы первого отстрелянного патрона. На противоположной от этого следа стороне гильзы был обнаружен динамический след ориентированный на 6 ч длиной 4–7 мм (рис. 3), при этом данный след отсутствовал на гильзе последнего отстрелянного патрона. Также на ребре фланца гильзы был обнаружен статический след, расположенный приблизительно в районе 6 ч, схожий со следам отражателя (рис. 3, отм. 1), данный след также отсутствовал на гильзе последнего отстрелянного патрона.

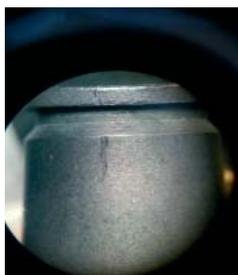


Рис. 2.

След нижней грани затвора на корпусе гильзы, стреляной в пистолете ЧЗ-75 модификации Tactical

При сравнении экспериментальных гильз между собой была замечена существенная вариационность в следах на гильзах, зависящая от темпа стрельбы. Следы на корпусе гильзы от нижней грани затвора получаются короче (приблизительно 3–4 мм) при темпе стрельбы с интервалом в 2 с по сравнению со следами (приблизительно 5–6 мм) при максимальном темпе стрельбы (рис. 4).

Динамические следы на корпусе гильзы, расположенные на 6 ч, также получаются короче (приблизительно 4–5 мм) при темпе стрельбы с интервалом в 2 с по сравнению со следами (приблизительно 6–7 мм) при максимальном темпе стрельбы (рис. 5). Так же имеются различия некоторых следов по форме и степени выраженности.



Рис. 3.

Динамический и статический следы на корпусе и ребре фланца гильзы, стреляной в пистолете ЧЗ-75 модификации Tactical, образованные при экстракции в результате контакта с патроном, подаваемым магазином



Рис. 4.

След нижней грани затвора на гильзах, стреляных в пистолете ЧЗ-75 модификации Tactical, образованные при стрельбе с интервалом 2 с. (слева) и при максимальной темпе стрельбы (справа)

Механизм образования следов на корпусе гильзы, расположенных на 6 час., становится понятным из рис. 6. Данные следы образуются в момент экстракции гильзы. При извлечении гильзы из патронника, она ударяется о подаваемый из магазина патрон и удерживаемая зацепом выбрасывателя протаскивается по нему, царапаясь о срез гильзы.



Рис. 5.

Следы на гильзах (динамические трассы на корпусе гильзы, статические вмятины на ребре фланца), стреляных в пистолете ЧЗ-75 модификации Tactical, образованные при экстракции в результате контакта с патроном, подаваемым магазином

Слева — следы, образующиеся при темпе стрельбы с интервалом в 2 с.
Справа — следы, образующиеся при максимальной темпе стрельбы.



Рис. 6

Механизм образования следов на гильзе, стреляной в пистолете ЧЗ-75 модификации Tactical, при экстракции в результате контакта с патроном, подаваемым магазином

Таким образом, обнаруженные в результате исследования динамические следы на корпусе гильзы, ориентированные на 6 ч, остаются не от частей оружия, а от патронов в магазине и следовательно их нельзя использовать для идентификации конкретного экземпляра оружия. Статический след на ребре фланца гильзы, расположенный в районе 6 ч, можно спутать со следом отражателя и в

этом случае при отсутствии идентифицируемого оружия можно сделать ошибочное определение модели оружия, в которой была стреляна исследуемая гильза и его также нельзя использовать для идентификации конкретного экземпляра оружия. Данное явление будет проявляться как негативное обстоятельство при проведении идентификационной экспертизы огнестрельного оружия по следам на стреляных гильзах. В то же время, если рассматривать эти следы в совокупности, то они могут конкретизировать определение модификации конкретной модели оружия, а именно CZ-75 Tactical. При обнаружении нескольких гильз, стреляных в CZ-75 Tactical, отсутствие на одной из гильз следов на корпусе и ребре фланца гильзы, ориентированных на 6 ч, можно сделать вывод, что данная гильза была от последнего отстрелянного патрона. Далее, сопоставив с этой гильзой пулю и установив принадлежность их ранее одному патрону, можно утвердительно решить вопрос о том, какой выстрел был последним.

Следы от нижней грани затвора также способствуют конкретизации модификации модели оружия, кроме этого, по ним можно предположить темп ведения огня из оружия.

Данные обстоятельства необходимо учитывать при проведении идентификационных экспертиз по следам на стреляных гильзах, что позволит избежать экспертных ошибок как при определении модели оружия, так и при идентификации конкретного экземпляра оружия, а также предоставит качественный доказательный материал следственным органам.

Библиографический список

1. Борцов А.Ю., Горюнов Д.А., Кононаев А.В. и др. Определение модели современного короткоствольного огнестрельного оружия по следам на пулях и гильзах: справочное пособие / под общ. ред. В.А. Лесникова. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2003. 112 с.

References

1. Bortsov A.Yu., Goryunov DA, KononaeV A.V. and others. The Definition of a Model of a Short-barreled Firearms on the Traces of Bullets and Shells: a reference guide / Under the general. ed. V.A. Lesnikova. M.: GU ECC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 112 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10051

УДК 343.97

Ю.С. Караваева

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА И РОЛИ ЛИЧНОСТИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Введение: одной из задач криминологического прогнозирования выступает определение факторов, детерминирующих преступное поведение лица. Применительно к группе преступлений, совершаемых в связи с наличием у лица определенного социального статуса или роли, к таким факторам следует относить статусно-ролевые характеристики личности. **Цель:** оценить значение социального статуса и роли для целей криминологического прогнозирования. **Методологическая основа:** диалектический и формально-юридический методы. **Результаты:** ряд статусно-ролевых характеристик закреплен в уголовном законе и учитывается при квалификации деяния и привлечении к ответственности виновного. В рамках учения о личности преступника данные характеристики признаются ее структурными составляющими. Вместе с тем, обращение к понятию механизма преступного поведения показывает, что формирование нравственной позиции личности преступника, и конкретная жизненная ситуация оказывают непосредственно связанными с социальным статусом и ролью лица, что позволяет определить значение последних для целей прогнозирования. **Вывод:** одним из прогнозируемых вариантов индивидуального поведения должно выступать предположение о вероятности противоправного использования лицом статусно-ролевых возможностей. Однако это предположение не может быть обосновано одним лишь фактом наличия указанных возможностей, который должен быть дополнен характеристиками нормативно-нравственной сферы.

Ключевые слова: социальный статус и роль, личность преступника, механизм индивидуального преступного поведения, криминологическое прогнозирование.

Yu.S. Karavaeva

SIGNIFICANCE OF THE SOCIAL STATUS AND ROLE OF THE INDIVIDUAL FOR THE PURPOSES OF CRIMINOLOGICAL FORECASTING OF INDIVIDUAL CRIMINAL BEHAVIOR

Background: one of the tasks of criminological forecasting is to determine the factors that determine the criminal behavior of a person. In relation to a group of crimes committed in connection with the presence of a certain social status or role, such factors should include the status and role characteristics of the individual. **Objective:** to assess the importance of social status and role for the purposes of criminological forecasting. **Methodology:** dialectical and formal legal methods. **Results:** a number of status-role characteristics are fixed in the criminal law and are taken into account when qualifying the act and bringing the

© Караваева Юлия Станиславовна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права (ФГАОУ НИУ «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ — Пермь)); e-mail: chimtarga2016@mail.ru
© Karavaeva Yuliya Stanislavovna, 2020
Candidate of law, associate Professor, Civil and business law department (Higher School of Economics (HSE — Perm))

perpetrator to justice. Within the framework of the doctrine of the criminal personality, these characteristics are recognized as its structural components. At the same time, the reference to the concept of the mechanism of criminal behavior shows that the formation of the moral position of the criminal's personality, and a specific life situation are directly related to the social status and role of the person, which allows us to determine the value of the latter for forecasting purposes. Conclusion: one of the predicted variants of individual behavior should be the assumption of the probability of illegal use of status-role opportunities by a person. However, this assumption cannot be justified by the mere fact of the existence of these capabilities, which must be supplemented by the characteristics of the normative and moral sphere.

Key-words: *social status and role, criminal personality, mechanism of individual criminal behavior, criminological forecasting.*

Недостаточные изученность вопросов криминологического прогнозирования и распространенность практики прогнозирования, несмотря на их значимость для целей предупреждения преступности и отдельных ее видов, отмечается многими авторами [1, с. 118–121; 2, с. 169–176]. Тем не менее, в части определения сути прогнозирования, его целей, задач и методов в теории можно наблюдать единодушие. Так, сутью прогнозирования признается научно обоснованное предположение возможных вариантов развития отдельных социальных явлений: «исследование вероятностных изменений в количественном состоянии, структуре, основных качественных характеристик преступности, правонарушений, любых антиобщественных явлений и процессов с целью повысить научный уровень стратегии и тактики борьбы с ними» [3, с. 176–189]; «научное предвидение тенденций, закономерностей и вариантов изменений преступности в ближайшем будущем» [4, с. 122–127].

Методы прогнозирования применимы как для преступности в целом, так и индивидуального преступного поведения [1, с. 118–121; 3, с. 176–189]. При этом к целям прогнозирования второго вида относится «...получение информации, содержащей качественную характеристику будущего поведения лица» [1, с. 118–121], а среди задач для настоящего исследования имеют значение такие, как выявление лиц, которые могут стать на противоправный путь и определение вероятности их преступного поведения (прогноз первичного преступного поведения) и установление факторов как детерминирующих преступное поведение, так и препятствующих ему [5, с. 23]. Применительно к указанным задачам предлагаются возможные пути их разрешения: в первом случае — это «анализ типичных способов трансформации антиобщественных взглядов и установок в преступное поведение», тогда как во втором — «...выявление и изучение факторов, влияющих на вероятность выбора лицом варианта поведения, в том числе противоправного» [1, с. 118–121].

Представляется, что и для прогноза первичного преступного поведения, и для выявления детерминирующих его факторов может иметь значение обращение к статусно-ролевым характеристиками конкретного лица. В теории данные характеристики рассматриваются в качестве «...факторов, взаимодействие которых в наибольшей степени может детерминировать преступное поведение» [1, с. 118–121].

Постановка вопроса о криминологическом-прогностическом значении статусно-ролевых характеристик субъекта в контексте обозначенных выше задач про-

гнозирования индивидуального преступного поведения предполагает, в первую очередь, определение значения указанных характеристик для совершения преступления. Иными словами, необходимо установить, чем обусловлена криминогенность отдельных социальных статусов и ролей, что требует обращения к понятию механизма преступного поведения. Последнее в литературе определяется как «идеальная модель взаимодействия личности и внешней среды, реализуемого в совершении конкретного преступления» [6, с. 126–132]. К его основным элементам принято относить: условия нравственного формирования личности, мотивацию, конкретную жизненную ситуацию, решение о совершении преступления и сам процесс совершения преступления (поведенческий акт) [6, с. 126–132]. Важно, что содержание статусно-ролевых характеристик субъекта имеет значение для каждого из обозначенных элементов, однако, в наибольшей степени они оказывают влияние на первые три.

Традиционно в криминологии социальный статус и роль лица связываются с изучением личности преступника и включаются в ее структуру через социально-демографическую составляющую, помимо которой выделяется также и ценностно-нормативная подструктура (социально-психологическая или мотивационная сфера [7, с. 634–642]). Если последняя представляет собой потребности, систему ценностей, убеждения, установки личности, то социально-демографическая подструктура включает в себя социально значимые характеристики личности — пол, возраст, образование, род деятельности, семейное положение, наличие либо отсутствие судимости и иные признаки. В эту совокупность входят характеристики социального статуса и роли преступника.

Указанные понятия разработаны представителями социологической науки в рамках теории социальных статусов и ролей, однако, успешно используются представителями иных научных дисциплин. Их ценность для криминологии обусловлена, в т.ч., тем фактом, что анализ диспозиций норм Особенной части УК РФ 1996 г. позволяет говорить об использовании в качестве конструктивных признаков составов некоторых видов преступлений именно характеристик социального статуса и (или) роли субъекта преступления. Сюда можно отнести: должностные и служебные преступления; преступления, совершаемые в связи с профессией или родом деятельности; а также связанные с использованием кровно-родственных отношений. Логично предположить, что возможность оценки криминологического прогностического значения статусно-ролевого положения виновного лица, по большому счету, распространяется на указанные виды преступлений или, обращаясь к обозначенным выше задачам прогнозирования индивидуального преступного поведения, речь идет о выявлении круга лиц, в отношении которых возможно научное обоснование совершения преступления (первичное прогнозирование) и детерминирующих их преступное поведение факторов.

Уголовно-правовое значение статусно-ролевого положения субъекта преступления в указанных выше случаях связано с целями квалификации содеянного, дифференциации и индивидуализации ответственности за него. Однако криминологическое значение данных характеристик намного шире, поскольку, образуя социально-демографическую составляющую структуру личности преступника, они одновременно оказывают воздействие на формирование второй ее составляющей — ценностно-нормативной. Иными словами, паттерн социально-значимого поведения индивида определяется с учетом занимаемого

им социального статуса и выполняемой в связи с этим социальной роли. В то же время, в рамках этого поведения продолжается формирование системы ценностей, потребностей, взглядов и убеждений лица, лежащих в основе мотивации его поведения. В свое время В.А. Номоконов отметил, что, «как показывают специальные исследования, содержание и направленность поведения человека определяется, прежде всего, местом его в системе общественных отношений» [8, с. 9]. Отметим, что, несмотря на наличие у каждого индивида «набора статусов» [9, с. 539–540], «...в большинстве случаев основой главного или интегрального статуса, который определяет положение человека в обществе, в группе, является профессионально-должностной статус» [10, с. 92].

В указанном контексте особое значение приобретает мысль Р. Ромашова о «личной норме», которой руководствуется субъект в своей деятельности и которой, как правило, придается приоритетное значение в случаях расхождения ее с положениями закона. Формирование «личной нормы» автор связывает с субъективными представлениями индивида об объективной реальности, личными воззрениями на содержание категории «справедливость», вытекающими, прежде всего, из имеющегося жизненного опыта и той множественности статусов и ролевых установок, которыми обладает человек. Важно, что «систематическое и фундаментальное образование» при этом не способно снять «моральное несовершенство и субъективизм человека в познании общественных закономерностей» [11, с. 13–23].

Ценность идеи о «личной норме» для целей определения криминологического прогностического значения статусно-ролевого положения индивида вытекает из общепризнанного факта так называемой профессиональной деформации, под которой понимается ситуация, когда «...профессиональные стереотипы действий, отношений становятся настолько характерными для человека, что он никак не может и в других социальных ролях выйти за рамки сложившегося стереотипа, перестроить свое поведение сообразно изменившимся условиям» [12, с. 40]; происходит «перенос приобретенных в профессии способов общения в непрофессиональные сферы жизни» [13, с. 74]. По большому счету, суть данного процесса представлена замещением личных жизненных ориентиров ценностями профессиональной деятельности, причем, ценностями искаженными. Как отмечается, феномен профессиональной деформации «...наиболее ярко проявляется в профессиях типа «человек-человек» [13, с. 74]. Виды деятельности, связанные с осуществлением властных полномочий от имени государства, можно с полной уверенностью отнести к указанному типу. На сегодняшний день эти виды деятельности предусматривают формальное закрепление этических принципов их осуществления в так называемых кодексах профессиональной этики. Анализ положений указанных документов показывает, что в них закреплена совокупность нравственных качеств, наличие которых презюмирует факт обладания индивидом конкретным социальным статусом и ролью, например, статусом государственного или муниципального служащего, аудитора, прокурорского работника, сотрудника внутренних дел, работника школы, адвоката, судьи, но-

тариуса и др.¹ Так, регламентируя принципы поведения судьи во внесудебной деятельности и внеслужебных отношениях, законодатель призывает «избегать всего того, что могло бы умалить авторитет судебной власти, вызвать сомнения в ее беспристрастности и справедливости»².

Вместе с тем зачастую представители государственной службы демонстрируют совершенно противоположные профессиональные ценности, неоднократно становившиеся предметом ряда исследований. В частности, авторами факты совершения сотрудниками правоохранительных органов преступлений против интересов службы связываются с наличием таких личностных черт, как правовой нигилизм, цинизм, грубость, равнодушие, самодовольство и самомнение [14, с. 86–101].

В контексте процессов профессиональной деформации противоречие «личной нормы» субъекта предписанным ролевым правилам поведения и ожиданиям соблюдения этих правил (экспектациям) выглядит вполне логичным. Что касается возможностей реализации этой «личной нормы» в поведении индивида, то они вытекают из криминогенной жизненной ситуации, характеристикой которой, по большому счету, является статусно-ролевое положение субъекта.

Жизненная ситуация признается одним из элементов механизма преступного поведения. Вопрос о значении криминогенной жизненной ситуации является в теории дискуSSIONным. В частности, согласно одной позиции, «...именно ситуация раскрывает основной механизм совершения преступления, выявляет факторы, которые способствовали принятию преступником решения о совершении данного преступления» [15, с. 100–106]. Другая часть авторов придерживается противоположного мнения и в связке «личность — ситуация» акцент ставит именно на личности преступника. Например, Г.А. Аванесов отмечает, что «недопустимо видеть в человеке единственную причину преступления. Допустимо, однако, акцентировать внимание на человеке» [16, с. 37–43]. Ю.М. Антонян и Г.Г. Беликова подчеркивают, что «поведение человека всегда порождается личностью, а не ситуацией... От личности зависит, как она отражает ситуацию и какие действия предпринимает; сама личность ответственна за тот вариант поведения, который избирает» [17, с. 19].

В рамках социальной психологии отражение личностных особенностей индивида на его социально-значимой деятельности обозначается термином «интернализация» (усвоение) социальной роли. Интернализация позволяет объяснить тот факт, что «...общественные отношения, хотя и являются по своей сущности ролевыми, безличными отношениями, в действительности, в своем конкретном проявлении приобретают определенную «личностную окраску» [18, с. 55]. Вместе с тем как отмечает С.П. Безносков, «...любой процесс вхождения в образ другого не

¹ См., например: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.) (протокол № 21) // *Официальные документы в образовании*. Декабрь 2011 г. № 36; Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» (в ред. от 13 апреля 2018 г.) // *Законность*. № 6. 2010; Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 19 января 2016 г.). URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 29.06.2019).

² См.: Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) (в ред. от 8 декабря 2016 г.) // *Бюллетень актов по судебной системе*. 2013. № 2.

проходит бесследно. Долгое, частое пребывание в чужой роли может приводить к потере собственного Я и к срастанию с чужой маской» [13, с. 80].

Результатом интернализации индивидом своего социального статуса и роли выступает воплощение в предписываемом и ожидаемом ролевом поведении личностной системы ценностей. При этом формализация ролевых правил поведения и требований, предъявляемых к носителю конкретного социального статуса, этому не препятствует, что и объясняется процессом интернализации. Важно учитывать также наличие и неформализованных ролевых правил, требований и возможностей, сопутствующих отдельным социальным статусам и, как правило, тесно связанных с личностью их носителя. Примерами подобных неформализованных возможностей являются профессиональная солидарность, неформальные связи, способность воздействовать на правоприменительный процесс и его участников, возможность виктимогенного влияния на третьих лиц и т.д.

С учетом указанного мы не можем говорить о примате конкретной жизненной ситуации в механизме преступного поведения. Для вопроса о криминологическом значении статусно-ролевых характеристик личности это означает, что наличие у лица определенного социального статуса, роли и всех вытекающих из них возможностей не может однозначно предопределить их преступное использование лицом. Лишь специфика ценностно-нормативной сферы личности и конкретная жизненная ситуация, в т.ч., криминогенные социальные статус и роль, и только во взаимодействии предопределяют факт совершения преступления и позволяют спрогнозировать продолжение преступной деятельности. Обозначенная позиция разделяется многими авторами, в разное время занимавшимися вопросами механизма преступного поведения. Так, В.А. Номоконов отмечает, что «субъективное значение ситуации зависит от взглядов, установок, ценностных ориентаций человека, другими словами, от нравственного «ядра» личности» [19, с. 26]. К этому же выводу приходит А.Р. Ратинов: «Интегральная оценка личности и ситуации с точки зрения криминогенности позволяет представить их взаимодействие как взаимное подкрепление, усиление либо ослабление, погашение друг друга» [20, с. 3–33]. Аналогичной позиции придерживаются и другие ученые [21, с. 4; 22, с. 39; 23, с. 58–62; 24, с. 27–38].

Таким образом, прогнозирование индивидуального преступного поведения, безусловно, должно учитывать в качестве криминогенного фактора наличие социального статуса и роли — и, прежде всего, сопряженного с оказанием виктимогенного воздействия на третьих лиц, что вытекает из содержания этих статуса и роли. Как правило, подобным статусам законодатель придает уголовно-правовое значение путем их нормативного закрепления. Иными словами, одним из прогнозируемых вариантов индивидуального поведения всегда должно выступать предположение о вероятности противоправного использования лицом статусно-ролевых возможностей. С другой стороны, это предположение не может быть обосновано одним лишь фактом наличия указанных возможностей, который должен быть дополнен характеристиками нормативно-нравственной сферы. Поскольку в фокусе криминологического прогнозирования индивидуального преступного поведения оказывается личность и ее социально-значимая деятельность, содержание статусно-ролевых характеристик личности приобретает узловое значение. Действительно, выполнение ролевых требований, вытекающих из занимаемого индивидом социального статуса, есть не что иное, как его социально-значимая деятельность, вследствие интернализации отражающая личностные особенности индивида, в т.ч. — его нормативно-ценностные характеристики.

Библиографический список

1. *Афанасьева О.Р., Глеба О.В.* Криминологическое прогнозирование индивидуального преступного поведения // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 3 (57). Ч. 2. С. 118–121.
2. *Бабаев М.М.* М.Д. Шаргородский: важные мысли о прогнозировании в праве // *Публичное и частное право*. 2014. № 4 (24). С. 169–176.
3. *Шаргородский М.Д.* Прогноз и правовая наука // *Публичное и частное право*. 2014. № 4 (24). С. 176–189.
4. *Иванцов С.В.* Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности // *Общество и право*. 2015. № 3 (53). С. 122–127.
5. *Солопанов Ю.В.* Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью: лекция. М.: Изд-во МВШМ МВД СССР, 1983. 38 с.
6. *Игнатов А.Н.* О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017. № 6–7. С. 126–132.
7. *Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. М., 2011. Т. I: Общая часть. 1003 с.
8. *Номоконов В.А.* Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 36 с.
9. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
10. *Санникова О.О.* Трансформация социальных статусов и ролей в обществе пост-модерна: дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 173 с.
11. *Ромашов Р.А., Тонков Е.Н.* Тюрьма как «Град земной». СПб.: Алетейя, 2014. 656 с.
12. *Свенцицкий А.Л.* Социальная психология управления. Л.: ЛГУ, 1986. 175 с.
13. *Безносков С.П.* Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. 272 с.
14. *Лютых В.А., Коноплева И.Н.* Психологические и криминологические аспекты преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // *Психология и право*. 2014. № 3. С. 86–101.
15. *Плешаков В.А.* Введение в криминологическую теорию ситуации, или в ситуационную криминологию // *Человек: преступление и наказание*. 2012. № 1 (76). С. 100–106.
16. *Аванесов Г.А.* Криминологическая детерминация и причинность преступлений как взаимодействие личности преступника и социальной среды // *Вестник Московского университета МВД России*. 2009. № 12. С. 37–43.
17. *Антонян Ю.М., Беликова Г.Г.* Криминологическая оценка взаимодействия личности и ситуации // *Криминологический журнал*. 2007. № 1. С. 19.
18. *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2001. 290 с.
19. *Номоконов В.А.* Преступное поведение: детерминизм и ответственность. Владивосток, 1989. 160 с.
20. *Ратинов А.Р.* Личность преступника как объект психологического исследования: сборник научных трудов. М., 1979. С. 3–33.
21. *Антонян Ю.М.* Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. 71 с.
22. *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). М.: Юридическая литература, 1968. 176 с.
23. *Симоненко А.В.* Система ценностных ориентаций в механизме преступного поведения личности // *Вестник Волгоградской Академии МВД России*. 2012. № 1 (20). С. 58–62.
24. *Пастушеня А.Н.* Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ // *Прикладная юридическая психология*. 2011. № 1. С. 27–38.

References

1. *Afanasyeva O.R., Gleba O.V.* Criminological Forecasting of Individual Criminal Behavior // International research journal. 2017. № 03 (57). Part 2. P. 118–121.
2. *Babaev M.M.* M.D. Shargorodsky: Important Thoughts on Forecasting in Law // Public and private law. 2014. № 4 (24). P. 169–176.
3. *Shargorodsky M.D.* Forecast and Legal Science // Public and private law. 2014. № 4 (24). P. 176–189.
4. *Ivantsov S.V.* Criminological Forecasting in Crime Prevention Planning // Society and law. 2015. № 3 (53). P. 122–127.
5. *Solomonov V.* Criminological Forecasting and Planning of Crime Control: a lecture. M.: Publishing house of the MINISTRY of internal Affairs, 1983. 38 p.
6. *Ignatov A.N.* On the Categories «Mechanism of Criminal Behavior», «Mechanism of Crime» and «Mechanism of Crime» // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2017. No. 6-7. P. 126–132.
7. *Luneev V.V.* Course of World and Russian Criminology: textbook: 2 vol. I: General part. M., 2011. 1003 p.
8. *Nomokonov V.A.* Criminal Behavior: Mechanism of Determination, Causes, Responsibility: extended abstract of dis. ... doc. of law. M., 1991. 36 p.
9. *Merton R.* Social Theory and Social Structure. M., 2006. 873 p.
10. *Sannikova O.O.* Transformation of Social Statuses and Roles in Postmodern Society: dis. ... of cand. of sociology. M., 2006. 173 p.
11. *Romashov R.A., Tonkov E.N.* The Prison as «the City of the Earth». SPb.: Alethea, 2014. 656 p.
12. *Sventsitsky A.L.* Social Psychology of Management. L.: LSU, 1986. 175 p.
13. *Beznosov S.P.* Professional Deformation of Personality. SPb.: Rech, 2004. 272 p.
14. *Lyutykh V.A., Konopleva I.N.* Psychological and Criminological Aspects of Crimes Committed by Employees of the Internal Affairs Bodies // Psychology and law. 2014. No. 3. P. 86–101.
15. *Pleshakov V.A.* Introduction to the Criminological Theory of the Situation, or Situational Criminology // Man: crime and punishment. 2012. № 1 (76). P. 100–106.
16. *Avanesov G.A.* Criminological Determination and Causality of Crimes as the Interaction of the Criminal Personality and Social Environment // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2009. No. 12. P. 37–43.
17. *Antonyan Yu.M., Belikova G.G.* Criminological Assessment of the Interaction of Personality and Situation // Criminological journal. 2007. No. 1. P. 19.
18. *Andreeva G.M.* Social Psychology: textbook for higher education institutions. M.: Aspect Press, 2001. 290 p.
19. *Nomokonov V.A.* Criminal Behavior: Determinism and Responsibility. Vladivostok, 1989. 160 p.
20. *Ratinov A.R.* The Identity of the Offender as an Object of Psychological Studies: collection of scientific works. Tr. M., 1979. P. 3–33.
21. *Antonyan Yu.M.* The Role of a Specific Life Situation in the Commission of a Crime. M., 1973. 71 p.
22. *Kudryavtsev V.N.* Causality in Criminology (On the Structure of Individual Criminal Behavior). M.: Yurid. lit., 1968. 176 p.
23. *Simonenko A.V.* System of Value Orientations in the Mechanism of Criminal Behavior of the Individual // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2012. № 1 (20). P. 58–62.
24. *Pastushenya A.N.* The Psychological Mechanism of Criminal Behavior: a Systemic-Functional Analysis // Journal of applied legal psychology. 2011. No. 1. P. 27–38.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10052
УДК 343.8(094)

Е.С. Комиссаренко

РАЗДЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ОСУЖДЕННЫХ, А ТАКЖЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ, ИХ СООТНОШЕНИЕ

Введение: в уголовно-исполнительном законодательстве РФ закреплено положение об обязательном раздельном содержании различных категорий осужденных в исправительных учреждениях. Обусловлено это требованием достижения целей наказания, задачами обеспечения безопасности, а также эффективности воспитательного процесса. Однако в юридической литературе высказываются критические замечания относительно содержания некоторых категорий осужденных в одном учреждении. Кроме того, в отношении большинства осужденных к наказанию в виде лишения свободы еще на стадии расследования уголовных дел избирается мера пресечения в виде заключения под стражу. В то же время критерии раздельного содержания подозреваемых и обвиняемых не идентичны критериям раздельного содержания осужденных. Указанное обстоятельство затрудняет достижение целей уголовно-исполнительного законодательства РФ, а равно исполнения (отбывания) уголовных наказаний. **Цель:** уяснение необходимости систематизации законодательного закрепления требований раздельного содержания как к осужденным, так и к лицам, содержащимся в местах лишения свободы на стадии предварительного расследования уголовных дел. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать организационные и правовые аспекты раздельного содержания осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в разных видах исправительных учреждений, а также вопросы, связанные с содержанием в местах лишения свободы подозреваемых и обвиняемых в соответствии с требованиями норм УИК РФ и иных нормативных актов, проследить их соотношение. **Методологическая основа:** всеобщий диалектический метод познания, общенаучные и частно-научные методы: сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-логический. **Результаты:** установленная взаимосвязь требований раздельного содержания различных категорий осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых обуславливает их единство и необходимость на законодательном уровне систематизировать нормы, регламентирующие раздельное содержание осужденных, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, и лиц находящихся под следствием, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. **Выводы:** правильное и единое определение критериев раздельного содержания в местах лишения свободы не только осужденных, но и подследственных, признание их преэминентности, позволит не допустить распространения криминальной субкультуры среди спецконтингента, повысит вероятность возвращения в общество полноценных его членов, приблизит достижение целей уголовно-исполнительного законодательства в целом.

Ключевые слова: лишение свободы, раздельное содержание, осужденные, подследственные, криминальная субкультура, исполнение уголовного наказания, отбывание уголовного наказания.

© Комиссаренко Екатерина Сергеевна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: komissarenkoekaterina@mail.ru
© Komissarenko Ekaterina Sergeevna, 2020
Candidate of law, associate Professor, Criminal and criminal executive law department (Saratov State Law Academy)

E.S. Komissarenko

SEPARATION OF DIFFERENT CATEGORIES OF CONVICTED PERSONS AS WELL AS SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS, THEIR PARITY

Background: the penal enforcement legislation of the Russian Federation provides for the mandatory separation of different categories of convicts in correctional institutions. This is due to the requirement to achieve the goals of punishment, objectives of safety and efficiency of the educational process. However, the legal literature criticizes the detention of certain categories of convicts in one institution. In addition, a preventive measure in the form of detention is taken against the majority of those sentenced to deprivation of liberty at the stage of investigation of criminal cases. At the same time, the criteria for the separation of suspects and accused persons are not identical to those for the separation of convicted persons. This fact makes it difficult to achieve the goals of the criminal Executive legislation of the Russian Federation, as well as the execution (serving) of criminal penalties. **Objective:** to understand the need to systematize the legislative consolidation of the requirements of separate detention for both convicts and persons held in places of detention at the stage of preliminary investigation of criminal cases. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: to perform organizational and legal aspects of the separation of convicts serving the penalty of deprivation of liberty in different types of correctional institutions, as well as issues related to the contents in places of deprivation of liberty of suspects and accused persons in accordance with the requirements of the PEC of the Russian Federation and other normative acts, to trace their relationship. **Methodology:** general dialectical method of cognition, general scientific and private scientific methods: comparative legal, system-structural, formal-logical. **Results:** the established relationship between the requirements of separate detention of different categories of convicts, as well as suspects and accused, determines their unity and the need to systematize at the legislative level the rules governing regulating separate detention of convicts who are serving a sentence of imprisonment, and persons under investigation, in relation to which a preventive measure in the form of detention. **Conclusions:** the correct and uniform definition of the criteria of separate detention in places of detention not only convicted, but also persons under investigation, the recognition of their continuity, will prevent spreading criminal subculture among the special contingent, increase the likelihood of returning to society full of its members, will bring closer the goals of the criminal Executive legislation as a whole.

Key-words: imprisonment, separation, convicted, not convicted, criminal subculture, the execution of criminal penalties, enforcement of criminal penalties.

Взятый курс на увеличение числа видов наказаний, которые не связаны с изоляцией от общества, до настоящего времени не стал в судебной практике преобладающим и продолжает сохранять за наказанием в виде лишения свободы лидирующие позиции. По состоянию на 1 июля 2019 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 543 783 человек¹. В 2018 г. лишение свободы назначено в 29,2% случаев осуждения лиц за совершение уголовных преступлений (в 2008 г. — 33,9%), при этом число осужденных снизилось с 925 166 в 2008 г. до 658 291 в 2018 г.²

¹ См.: Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20nar-ka%20UIS> (дата обращения: 18.07.2019).

² См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2018 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 18.07.2019).

Применение данного вида уголовного наказания направлено на достижение общих для всех наказаний целей: исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Однако уровень рецидивной преступности продолжает расти. Так, осуждено ранее судимых, имеющих неснятую или непогашенную судимость, в России в 2018 г. 36,4% от общего числа осужденных лиц (в 2008 г. данный показатель составлял 28,2%)³.

Одним из средств исправления осужденных является соблюдение установленного порядка исполнения и отбывания наказания — режима, при котором реально обеспечивается содержание различных категорий осужденных к лишению свободы раздельно, закрепленное в законодательстве, что направлено как представляется, на разобщение спецконтингента, нацеленного на продолжение криминальной деятельности, недопущение их негативного влияния на других осужденных, обеспечение безопасности осужденных и персонала, наиболее эффективное исполнение наказания в виде лишения свободы и реализацию, установленного ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ)⁴ принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний.

Раздельное содержание осужденных различных категорий регламентировано как в отечественном законодательстве, так и в международных нормативно-правовых актах — Минимальных стандартных правил в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), пересмотренных и принятых Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/175 17 декабря 2015 г.⁵ (правило 11), Приложении к Рекомендации Res (2006) 2 к государствам-членам Совета Европы «Европейские пенитенциарные правила»⁶, принятой 11 января 2016 г. Комитетом министров Совета Европы (правило 18.8). В правиле 93 Минимальных стандартных правил в отношении обращения с заключенными закреплены цели классификации: «а) отделение заключенных от тех, кто в силу своего преступного прошлого или своих черт характера грозит оказать на них плохое влияние; б) разделение заключенных на категории, облегчающее работу с ними в целях их возвращения к жизни в обществе»⁷.

Осужденные к лишению свободы должны быть помещены в одно из исправительных учреждений для отбывания наказания, вид которого указан в УИК РФ: «исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения»⁸. Помещение осужденных в учреждения, где условия содержания различны, служит обеспечению возможности дифференцированно применять различные объемы правоограничений для осужденных, на которые оказывают влияние не только форма вины и тяжесть совершенного преступления, но и наличие рецидива, возраст, пол и личность самого виновного.

³ См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2018 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 18.07.2019).

⁴ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2, ст. 198; 2019. № 30, ст. 4110.

⁵ См.: Советская юстиция. 1992. № 2, стр. 19.

⁶ URL: <http://docs.cntd.ru/document/420361984> (дата обращения: 14.08.2019).

⁷ См.: Советская юстиция. 1992. № 2, стр. 19.

⁸ См. ч. 1 ст. 74 УИК РФ.

Анализ данной статьи показывает, что в одном учреждении могут содержаться различные категории осужденных, которые согласно ст. 80 УИК РФ должны содержаться раздельно. На практике это вызывает определенные трудности изоляции осужденных. Так, например, согласно действующему в настоящее время законодательству⁹ местом отбывания наказания может быть назначено колония-поселение «лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, — в колониях-поселениях»¹⁰. Тем не менее, в содержании ст. 74, 128 УИК РФ закреплена такая возможность для осужденных перевестись в колонии-поселения, при условии наличия положительной характеристики, из колоний общего и строгого режимов, в порядке, предусмотренном ст. 78 УИК РФ, даже для лиц, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы. Осужденные мужчины и женщины также могут содержаться в одной колонии. На специфические проблемы содержания в условиях слабой изоляции мужчин и женщин указывает в своих работах Н.П. Гнедова [1, с. 95–96]. Справедливо отмечает И.В. Зеленяк, что раздельное содержание разных категорий осужденных в колонии-поселении фактически сводится к их проживанию в отдельных общежитиях на территории колонии-поселения, поскольку в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 129 УИК РФ: осужденные «в часы от подъема до отбоя пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии-поселения; с разрешения администрации колонии-поселения могут передвигаться без надзора вне колонии-поселения» и полагает, что «положительно характеризующиеся осужденные, переведенные из исправительных колоний общего и строгого видов режима в колонию-поселение, должны вообще содержаться в отдельной колонии-поселении» [2, с. 14–15].

На наш взгляд, принцип раздельного содержания разных категорий осужденных подразумевает их строгую изоляцию друг от друга. Наибольший криминологический интерес представляет требование по раздельному содержанию лиц, впервые осужденных к лишению свободы, от осужденных, которые ранее уже отбывали такое наказание, пресекая приобщение к традициям и обычаям криминальной субкультуры впервые осужденных.

Проблемным является и назначение отбывания лишения свободы в одной исправительной колонии общего режима «женщинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива»¹¹. В таких случаях о возможности практической реализации дифференциации исполнения и отбывания наказания сложно говорить.

Согласно требованиям, изложенным в нормах УК РФ, назначение наказания для отбывания в исправительных колониях строгого режима применяется к «мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, а также при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение

⁹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) (в ред. от 2 августа 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; Российская газета. 2019. 7 авг.

¹⁰ См. п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ.

¹¹ См. п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ.

свободы»¹². Факт особо опасного рецидива преступлений дает основания для перевода в такого вида учреждения осужденных из колонии особого режима, согласно требованиям ст. 78 УИК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 80 УИК РФ осужденных указанных категорий необходимо содержать раздельно, что ведет, при размещении осужденных, к возникновению дополнительных трудностей.

Законодателем предусматривается, что в тюрьмах могут содержаться «осужденные, являющиеся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, переведенные из исправительных колоний»¹³. Однако закон не дает ответа в каком случае данная категория осужденных подлежит переводу в тюрьму. На это указывает И.Н. Павлов, отмечая, что принятие решения о переводе осужденного в тюрьму напрямую зависит от позиции администрации. В связи с этим некоторых осужденных, которые признаны злостными нарушителями режима содержания, исходя из требований ст. 120, 122, 124 УИК РФ, возможно переводить в пределах одного учреждения на более строгие условия содержания, или в тюрьму, что не противоречит п. «в» ч. 4 ст. 78 УИК РФ [3, с. 37].

Согласно нормам УИК РФ «В отдельных исправительных учреждениях содержатся осужденные — бывшие работники судов и правоохранительных органов. В эти учреждения могут быть направлены и иные осужденные»¹⁴. Хотя закон не содержит разъяснений о возможности направления в данные учреждения по конкретным категориям осужденных.

В то же время необходимо подчеркнуть, что законодательно установлено: «требования раздельного содержания осужденных не распространяются на лечебные исправительные учреждения, а также на исправительные колонии, при которых имеются дома ребенка»¹⁵. В соответствии с пп. 132, 133, 144 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295, в лечебных исправительных учреждениях (далее — ЛИУ), также как и в лечебно-профилактических учреждениях (далее — ЛПУ), возможно оказание медицинской помощи осужденным сотрудниками организаций государственной или муниципальной систем здравоохранения, которые, в таких случаях обязаны исполнять функции исправительных учреждений по отношению находящихся в них осужденных, проходящих стационарное лечение, т.е. в условиях «...изолированно от других категорий осужденных содержатся только мужчины, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы, а также осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы на определенный срок или пожизненным лишением свободы, осужденные к отбыванию лишения свободы в тюрьме. Указанные осужденные содержатся в специально выделенных и оборудованных по тюремному типу палатах. Отдельно от других осужденных содержатся несовершеннолетние. Женщины содержатся отдельно от мужчин. Осужденные, больные инфекционными заболеваниями, содержатся раздельно по видам инфекций и отдельно по видам инфекций и отдельно от больных, проходящих лечение по поводу неинфекционных заболеваний»¹⁶. При

¹² См. п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ.

¹³ См. ч. 7 ст. 74 УИК РФ.

¹⁴ См. ч. 3 ст. 80 УИК РФ.

¹⁵ См. ч. 4 ст. 80 УИК РФ.

¹⁶ См. ст. 133 Приказа Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» (в ред. от 27 июня 2019 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71477278> (дата обращения: 14.08.2019).

этом изолированное содержание других категорий лиц до возникновения заболевания теряет всякий смысл с учетом их совместного времяпрепровождения при лечении.

Помимо отмеченных проблем содержания различных категорий осужденных в исправительных учреждениях одного вида, законодателем предусмотрено: «в исправительных колониях могут создаваться изолированные участки с различными видами режима, а также изолированные участки, функционирующие как тюрьма» (ч. 2 ст. 74 УИК РФ). В целях поддержания социальных связей осужденных и соблюдения требований ч. 1 ст. 73 УИК РФ об отбытии осужденными к лишению свободы, учитывая исключения установленные в ч. 4 данной статьи, наказания «в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены»¹⁷, практика идет по пути создания таких участков. Для изоляции разных категорий осужденных их можно содержать в разных отрядах, на разных локально-профилактических участках, однако, как показывает практика, это не может обеспечить их полную изоляцию друг от друга, равно как и надлежащий уровень безопасности.

На данном этапе развития уголовно-исполнительная система не может обеспечить полную изоляцию различных категорий осужденных. Это обусловлено, прежде всего, экономическими условиями развития общества и свидетельствует, что в данный момент уголовно-исполнительной системе требуется более разветвленная система исправительных учреждений для отбывания лишения свободы различных категорий осужденных.

Возвращаясь к вопросу определения критериев раздельного содержания осужденных, также отметим, что в действующем УИК РФ не предусмотрено при распределении осужденных по исправительным учреждениям и их размещении внутри них, учитывать критерии, характеризующие саму личность. Согласно п. 5 Положения об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказания, утвержденного Приказом Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 259 (в ред. 15 августа 2016 г.)¹⁸, осужденные распределяются по отрядам (камерам) «с учетом их личностных особенностей, привлечении к труду, обучению в системе общего и профессионального образования»¹⁹. Содержание п. 10 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 (в ред. 27 июня 2019 г.)²⁰ требует при распределении по отрядам (камерам) также учитывать состояние здоровья осужденного. Какие именно характеристики личности учитываются не поясняется. По мнению В.В. Бочкарева важно учитывать такие критерии при проведении классификации осужденных, как «...характер совершенных ими преступлений (насильственный или ненасильственный; корыстный или некорыстный; сексуальный, идеологический и пр.); мотивы содеянного (ревность, ненависть, зависть, месть, хулиганские побуждения и пр.); возрастная группа (раздельное содержание: в воспитательных колониях — лиц

¹⁷ См. ч. 1, 4 ст. 173 УИК РФ.

¹⁸ См.: Российская газета. 2006. 2 марта; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.08.2016).

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 27.12.2016; 5.06.2019).

в возрасте от 14 до 16 лет; от 16 до 18 лет); психологическая совместимость...» [4, с. 45], которые приобретают важное значение при выборе наиболее приемлемых средств воздействия на личность осужденных при осуществлении исправительного процесса.

В нормах УИК РФ закрепляется положение о том, что «в одной колонии-поселении могут содержаться осужденные мужчины и осужденные женщины. Осужденные, совершившие преступления в соучастии, отбывают лишение свободы, как правило, раздельно»²¹. Хотя раздельное содержание данных категорий осужденных не регламентируется для других исправительных учреждений. На наш взгляд, необходимость их разобщения для предотвращения возникновения сговора на совершение новых преступлений очевидна.

Раздельное содержание осужденных при исполнении (отбытии) наказания в виде лишения свободы неразрывно связано с принципами раздельного содержания в следственных изоляторах подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в ходе производства предварительного расследования (дознания) по уголовным делам. Несмотря на то, что данная категория лиц находится за рамками круга правоотношений, регулируемых уголовно-исполнительным правом, порядок их содержания в следственных изоляторах, входящих в систему учреждений уголовно-исполнительной системы, регулируется уголовно-исполнительным законодательством. При этом вряд ли возможно достигнуть цели раздельного содержания разных категорий осужденных при исполнении (отбывании) наказания в виде лишения свободы, пресечь распространение криминальной субкультуры, без соблюдения требования изоляции сразу по поступления лица в места лишения свободы. Анализ требований раздельного содержания осужденных и подследственных в местах лишения в основном показывает их схожесть, но полностью они не идентичны. Так, ст. 74 УИК РФ не предусматривает раздельное содержание осужденных в зависимости от вида совершенного преступления, лишь ч. 7 данной статьи выделяет осужденных к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 281, 317, 360, 361 УК РФ. В ст. 33 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (в ред. 26 июля 2019 г.)²² устанавливается более широкий перечень преступлений, при совершении которых подозреваемые и осужденные содержатся отдельно: ст. 105, 106, 111, 122, 126, ст. 127. ч. 2 п. «б», 131, 132, 161, 162, ст. 163 ч. 2, ч. 3, 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 209, 210, 227, 275–284.1, 295, 317, 321, 353–361 УК РФ. В дальнейшем, при отбывании наказания за совершение данных преступлений, осужденные могут содержаться с другими категориями осужденных. Также нормы ст. 33 указанного ФЗ предусматривают: размещение подозреваемых и обвиняемых в камерах производится с учетом их личности и психологической совместимости. Курящие по возможности помещаются отдельно от некурящих», а также отдельно содержатся: «лица, впервые привлекаемые к уголовной ответственности, и лица, ранее содержавшиеся в местах лишения свободы»; «подозреваемые и обвиняемые при особо опасном рецидиве преступлений»; «осужденные к смертной

²¹ См. ч. 3 ст. 128 УИК РФ.

²² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2759; 2019. № 30, ст. 4134.

казни». Кроме того, согласно Правилам внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных Приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 (в ред. от 31 мая 2018 г.), «размещение больных производится по указанию медицинского работника. Лица, у которых имеются признаки психического расстройства, в том числе склонность к агрессии и аутоагрессии, размещаются по камерам с учетом рекомендаций психиатра и психолога..., отдельно размещаются беременные женщины и женщины, имеющие при себе детей в возрасте до трех лет»²³. Как видим, отличий достаточно. Однако одни и те же цели раздельного содержания осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, от подследственных, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, обусловлено необходимостью проведения систематизации данных норм на законодательном уровне.

Такой вывод подтверждается и требованиями, содержащимися в ч. 3 ст. 77.1 УИК РФ: осужденные, переведенные из исправительных учреждений в следственные изоляторы для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве, содержатся в следственном изоляторе в порядке, который установлен нормами Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», и на условиях отбывания ими наказания в исправительном учреждении, определенном приговором суда. Из этого можно сделать вывод, что к осужденному будут применяться не требования ст. 80 УИК РФ, а требования ст. 33 указанного выше нормативно-правового акта.

Изложенное свидетельствует о назревшей необходимости более детальной проработки вопросов классификации осужденных к лишению свободы, систематизации требований к их раздельному содержанию с учетом аналогичных требований в отношении подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в местах лишения свободы, и усовершенствовании системы учреждений уголовно-исполнительной системы для обеспечения полной изоляции осужденных по категориям и дифференцированного исправительного воздействия.

Библиографический список

1. *Гнедова Н.П.* Обеспечение раздельного содержания осужденных в колониях-поселениях // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 9 (44). С. 93–97.
2. *Зеленяк И.В.* Раздельное содержание осужденных как средство предупреждения самодетерминации пенитенциарной преступности // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3 (70). С. 13–16.
3. *Павлов И.Н.* К вопросу о раздельном содержании осужденных // Вестник Кузбасского института. 2012. № 5 (13). С. 33–41.
4. *Бочкарев В.В.* Раздельное содержание разных категорий осужденных как перспективное направление совершенствования уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 3. С. 42–46.

²³ См. п. 18 и 22 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных Приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 (в ред. от 31 мая 2018 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.06.2018).

References

1. *Gnedova N.P.* Provision of Separate Detention of Convicts in Penal Colony-settlements // Education and science in Russia and abroad. 2018. No. 9 (44). P. 93–97.
2. *Zelenyak I.V.* Separate Detention of Convicts as a Means of Preventing Self-determination of Penitentiary Crime // Man: crime and punishment. 2010. No. 3 (70). P. 13–16.
3. *Pavlov I.N.* On the Issue of Separate Detention of Convicts // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2012. No. 5 (13). P. 33–41.
4. *Bochkarev V.V.* Separate Detention of Different Categories of Convicts as a Promising Direction for Developing the Criminal Executive Legislation // Actual issues of fighting crimes. 2015. № 3. P. 42–46.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10053
УДК 343.1

Н.О. Овчинникова

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ ДЛЯ УДАЛЕНИЯ ПРОБЕЛОВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Введение: по итогам 2018 календарного года Россия как ответчик находится на втором месте по количеству решений Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ), вынесенных за 59 лет его работы (2365 решений) и признающих нарушения прав человека (первое место занимает Турция — 3128 решений). За последние 20 лет работы ЕСПЧ с Российской Федерации была взыскана сумма в размере 1,95 млрд евро. Указанная статистика свидетельствует о необходимости обратиться к вопросам влияния решений ЕСПЧ на национальное законодательство Российской Федерации и на уголовно-процессуальное законодательство в частности, поскольку 2/3 жалоб, поступающих от российских граждан, направлены на защиту нарушенных прав именно в сфере уголовного судопроизводства. **Цель:** определить место и роль решений ЕСПЧ в механизме удаления пробелов в уголовно-процессуальном праве России. **Методологическая основа:** совокупность диалектического, системного, структурно-функционального, логического методов исследования, а также формально-юридический метод. **Результаты:** определено место решений ЕСПЧ в системе источников уголовно-процессуального права России; выявлены место и роль решений ЕСПЧ в механизме удаления пробелов в уголовно-процессуальном праве России; описано влияние Конституционного Суда РФ на исполнение решений ЕСПЧ и их дальнейшую имплементацию в национальное уголовно-процессуальное законодательство. **Выводы:** решения ЕСПЧ не являются источником уголовно-процессуального права и носят прецедентный характер, но по общему правилу обязательны для исполнения. Решения ЕСПЧ могут быть использованы как для устранения пробелов уголовно-процессуального права, так и для их преодоления. Имплементация правовых позиций ЕСПЧ в российское уголовно-процессуальное законодательство напрямую зависит от правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: пробел, устранение пробела, преодоление пробела, судебная конституционная норма, механизм удаления пробелов, уголовное судопроизводство, Европейский Суд по правам человека, решение ЕСПЧ.

N.O. Ovchinnikova

POSSIBILITIES OF USING THE DECISIONS OF THE ECHR TO REMOVE GAPS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LAW

Background: according to the results of the calendar year 2018, Russia as a defendant is in second place in the number of decisions of the European Court of Human Rights made in 59 years of its work (2365 decisions) and which recognize violations of human rights (Turkey

© Овчинникова Наталья Олеговна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: natalya-afonina@list.ru

© Ovchinnikova Natalya Olegovna, 2020

Candidate of law, associate Professor, Criminal procedure department (Saratov State Law Academy)

takes the first place — 3128 decisions). Over the past 20 years of the work of the European Court of Human Rights, an amount of € 1.95 billion has been recovered from the Russian Federation. These statistics indicate the need to address the impact of ECHR decisions on the national legislation of the Russian Federation and on criminal procedure legislation in particular, since 2/3 of complaints received from Russian citizens are aimed at protecting violated rights in the sphere of criminal proceedings. Objective: determine the place and role of the ECHR decisions in the mechanism for removing gaps in the criminal procedure law of Russia. Methodology: combination of dialectical, systemic, structural-functional, logical methods of research and formal legal method. Results: the place of decisions of the ECHR in the system of sources of criminal procedure law of Russia was determined; the place and role of decisions of the ECHR in the mechanism for removing gaps in the criminal procedure law of Russia are identified; The influence of the Constitutional Court of the Russian Federation on the implementation of the decisions of the ECHR and their further implementation in the national criminal procedure legislation is described. Conclusions: decisions of the ECHR are not a source of criminal procedure law and are precedent-setting in nature, but are generally binding on them. Decisions of the ECHR can be used both to bridge the gaps in criminal procedure law and to overcome them. The implementation of the legal positions of the ECHR in the Russian criminal procedure legislation directly depends on the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key-words: *gap, bridging the gap, judicial constitutional rule, the mechanism for removing gaps, criminal proceedings, the European Court of Human Rights, the decision of the ECHR.*

Механизм удаления пробелов в уголовно-процессуальном праве — это упорядоченная система юридических приемов и способов, позволяющих окончательно устранить данный пробел. Элементами такого механизма выступают: выявление (обнаружение) пробелов и установление причин их возникновения, устранение или преодоление пробелов и профилактика их возникновения. При этом конечный результат всегда должен нацелен на устранение пробела, даже если этот пробел неоднократно преодолевался правоприменителем.

Выявление пробелов осуществляется в ходе научно-исследовательской и правоприменительной деятельности. Устранение пробелов возможно только нормотворческим путем. Преодоление пробелов достигается путем толкования закона, применения аналогии закона и аналогии права. Способы профилактики возникновения пробелов — это набор средств, направленных на предупреждение возникновения пробелов в уголовно-процессуальном праве и их минимизацию [1, с. 10–11; 2, с. 75–130].

Наглядно действие механизма удаления пробелов в уголовно-процессуальном праве отражено в следующей схеме:



Механизм удаления пробелов в уголовно-процессуальном праве России

Одним из значимых способов удаления пробелов в уголовно-процессуальном праве является использование правовых позиций Европейского Суда по правам человека российским законодателем и правоприменителем соответственно в ходе нормотворческой деятельности и при разрешении конкретных уголовных дел.

В силу положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. (далее — УПК РФ), источником уголовно-процессуального права, имеющим высшую юридическую силу, является Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция), ратифицированная 30 марта 1998 г. Для обеспечения реализации положений Конвенции был создан и ныне действует Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), юрисдикция которого распространяется на все государства, ратифицировавшие Конвенцию, и включает все вопросы, относящиеся к толкованию и применению Конвенции.

В современной доктрине отечественного уголовного процесса решения Европейского Суда по правам человека рассматриваются, как официально опубликованные постановления, «содержащие толкование общепризнанных принципов и международных норм о правах человека, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, носящие общий характер и имеющие обязательную юридическую силу в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации» [3, с. 12; 4, с. 40–43; 5, с. 18]. Любой участник уголовного судопроизводства вправе обратиться в ЕСПЧ за защитой своих нарушенных прав, охраняемых Конвенцией, когда все средства внутригосударственной защиты исчерпаны. В случае удовлетворения жалобы против России, ЕСПЧ выносит постановление обязательное для исполнения. На общеобязательность решений ЕСПЧ неоднократно обращалось внимание в правовых позициях Конституци-

онного Суда РФ¹ и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ². Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин неоднократно подчеркивал, что прецеденты ЕСПЧ оцениваются Конституционным Судом РФ как источник права [6, с. 2; 7, с. 3–4; 8, с. 113–115; 9, с. 57–58].

Однако исполнение решений ЕСПЧ и имплементация содержащихся в них толковательных разъяснений Конвенции в уголовно-процессуальное законодательство вызывает существенные затруднения в виду того, что отсутствует правовая регламентация указанной процедуры, а прецедентный характер решений не позволяет считать их источником российского права. Кроме того, не все постановления ЕСПЧ подлежат исполнению Российской Федерацией, поскольку тот же Конституционный Суд РФ ввел некоторые ограничения их общеобязательности³. Постановление ЕСПЧ не может считаться обязательным для исполнения, если толкование положений Конвенции приводит к их расхождению с Конституцией РФ, нарушая тем самым принцип суверенного равенства и принцип невмешательства во внутренние дела государств⁴. Так, на основании приведенных положений в постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П Конституционный Суд РФ принял решение о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России»⁵.

Таким образом, позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная в его решениях, которые не признаются источником уголовно-процессуального права, но фактически являются таковыми [10, с. 8, 350; 11, с. 3–9; 7, с. 7–9; 13, с. 100; 13, с. 247–254], представляется определяющим моментом в реализации решений ЕСПЧ в сфере российского уголовного судопроизводства. Признавая норму уголовно-процессуального права не соответствующей Конституции РФ путем ссылки в своем постановлении на решения ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ «переносит» правовое регулирование, установленное ЕСПЧ в своем решении в конституционную судебную норму, а затем

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 27, ст. 3881.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. от 5 марта 2013 г.) // Российская газета. 2003. № 3358; Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека. 2019. № 2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327970/ (дата обращения: 13.08.2019).

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

⁴ См.: Федеральный Конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 51, ч. 1, ст. 7229.

⁵ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 17, ст. 2480.

данная норма подлежит включению в уголовно-процессуальное законодательство посредством нормотворчества⁶.

Примерами прохождения такого пути от решения ЕСПЧ до нормы внутригосударственного законодательства являются законодательные изменения, направленные на исполнение постановлений по делу «Бурдов (Burdiv) против Российской Федерации»⁷, «Беднов (Bednov) против Российской Федерации»⁸ и «Тимофеев» (Timofeyev) против Российской Федерации»⁹. В обеспечение исполнения названных решений были приняты федеральные законы от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ и № 69-ФЗ¹⁰, которые закрепили положения о недопустимости нарушения принципа разумного срока уголовного судопроизводства, федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 237-ФЗ¹¹, который усилил гарантии прав лица при задержании. Указанные изменения в правовом регулировании,

⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 31, ст. 5088; Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. №33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 2; Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 13-О «По жалобе гражданина Петрова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой и подпунктом «Б» пункта 2 части четвертой статьи 413, частью пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 3.

⁷ См.: Дело «Бурдов (Burdiv) против Российской Федерации» (№ 2) (жалоба № 33509/04); постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. // Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 4.

⁸ См.: Дело «Беднов (Bednov) против Российской Федерации» (жалоба N 21153/02). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902156440> (дата обращения: 13.08.2019); Дело «Игнатов (Ignatov) против Российской Федерации» (жалоба N 27193/02). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?3Freq%3Ddoc%3Bbase%3DARB%3Bn%3D435688?req=doc&base=ARB&n=42822&dst=100188#046669908571027996> (дата обращения: 13.08.2019).

⁹ См.: Дело «Тимофеев» (Timofeyev) против Российской Федерации» (жалоба №16887/07). Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.ru/ru/2018-god/delo-timofeev-protiv-rossii> (дата обращения: 13.08.2019); Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2144; Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2145; Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 437-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, ч. I, ст. 57; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5; Совет Европы отметил реформирование законодательства РФ с учетом практики ЕСПЧ. Официальный сайт РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20171107/280848488.html (дата обращения: 13.08.2019).

¹⁰ См.: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2144.; Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2145.

¹¹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 437-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, ч. I, ст. 57.

а также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11¹² привели к значительному сокращению жалоб рассматриваемой категории, как в национальные суды, так и в ЕСПЧ¹³. Для обеспечения реализации прав подозреваемых (обвиняемых) на обращение в ЕСПЧ с учетом выводов Европейского Суда, изложенных в постановлении по делу «Захаркин (Zakharkin) против Российской Федерации»¹⁴, принят Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 193-ФЗ¹⁵. На стадии подготовки находятся законопроекты, направленные на исполнение решений ЕСПЧ по делам «Ефимова (Yefimova) против Российской Федерации»¹⁶, «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации»¹⁷, «Царенко (Tsarenko) против Российской Федерации»¹⁸.

Верховный Суд РФ приветствует использование решений ЕСПЧ национальными судами при разрешении конкретных уголовных дел. Так, в постановлении № 21 от 27 июня 2013 г. Пленум Верховного Суда РФ ориентирует суды на общеобязательность правовых позиций ЕСПЧ, содержащихся в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации¹⁹. Более того, Верховный Суд РФ указывает на необходимость учитывать правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в постановлениях, вынесенных в отношении других государств-участников Конвенции, если обстоятельства рассматриваемого ими дела аналогичны обстоятельствам, ставшим предметом рассмотрения в ЕСПЧ²⁰ [14, с. 289–290; 15, с. 299–302].

Согласно требованиям ч. 4 ст. 413 УПК РФ к основаниям возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств относится установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении уголовного дела судом Российской Федерации. В этой связи представляет интерес дело «Ваньян против Российской Федерации»²¹. Заявитель утверждал, что преступление, за которое он был осужден, было спровоцировано сотрудниками органов внутренних дел. В решении ЕСПЧ по жалобе

¹² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

¹³ См.: Совет Европы отметил реформирование законодательства РФ с учетом практики ЕСПЧ. Официальный сайт РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20171107/280848488.html (дата обращения: 13.08.2019).

¹⁴ См.: Дело «Захаркин (Zakharkin) против Российской Федерации» (жалоба № 1555/04): постановление ЕСПЧ от 10 июня 2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 2.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 193-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений“» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26, ч. I, ст. 3399.

¹⁶ См.: Дело «Ефимова (Yefimova) против Российской Федерации» (жалоба № 39786/09): постановление ЕСПЧ от 19 февраля 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 1.

¹⁷ См.: Дело «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» (жалоба № 58428/10): постановление ЕСПЧ от 27 марта 2014 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4 (04).

¹⁸ См.: Дело «Царенко (Tsarenko) против Российской Федерации» (жалоба № 5235/09): постановление ЕСПЧ от 3 марта 2011 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 4.

¹⁹ См. п. 2 и 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

²⁰ См. п. 2 и 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

²¹ См.: Дело «Ваньян против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99): постановление ЕСПЧ от 15.12.2005. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2006. № 7.

указанного гражданина было установлено, что вмешательство и использование в уголовном судопроизводстве доказательств, полученных в ходе провокации со стороны органов внутренних дел, нарушают принцип справедливости судебного разбирательства и требования п. 1 ст. 6 Конвенции. За данным решением последовали соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ²² о возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по делу, только если они получены в соответствии с требованиями УПК РФ, и констатируют наличие у виновного умысла, сформированного независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Последующая практика российских судов продемонстрировала использование правовых позиций ЕСПЧ при разрешении уголовных дел, связанных с провокациями со стороны правоохранительных органов, путем ссылки в мотивировочной части решений на положения п. 1 ст. 6 Конвенции и позицию ЕСПЧ, сформулированную в решении по делу «Ваньян против Российской Федерации»²³.

Представляется, что место и роль решений ЕСПЧ в механизме удаления пробелов в уголовно-процессуальном праве России определяется следующими формулами:

постановление ЕСПЧ против России → постановление Конституционного Суда РФ, основанное на правовой позиции ЕСПЧ → нормотворчество → устранение пробела;

постановление ЕСПЧ против России → постановление Пленума Верховного Суда РФ → применение правовых позиций ЕСПЧ судом при разрешении конкретного уголовного дела → преодоление пробела.

Приведенные формулы требуют некоторых разъяснений:

1. Решения ЕСПЧ носят прецедентный характер и не могут быть включены в систему источников уголовно-процессуального права, а, следовательно, и не могут устранять пробелы внутринационального законодательства путем их простого исполнения (непосредственно) без прохождения процедуры имплементации правовых позиций ЕСПЧ;

2. Решения ЕСПЧ обязательны для исполнения, за исключением случаев, когда в результате толкования конкретное положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод расходится с императивными нормами общего международного права, к числу которых относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств.

3. Ключевым звеном в устранении пробелов на основании решений ЕСПЧ в сфере российского уголовного судопроизводства является Конституционный Суд РФ. Он, признавая норму уголовно-процессуального права не соответствующей Конституции РФ путем ссылки в своем постановлении на решения ЕСПЧ, «переносит» правовое регулирование, установленное ЕСПЧ в своем решении в

²² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в ред. от 16 мая 2017 г.) // Российская газета. 2006. № 137.

²³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 22.10.2007 № 83-Д07-18. Документ опубликован не был. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=53627#08187791609890032> (дата обращения: 23.03.2020).

конституционную судебную норму, а затем данная норма подлежит включению в уголовно-процессуальное законодательство посредством нормотворчества.

4. Решения ЕСПЧ непосредственно используются для преодоления пробелов уголовно-процессуального права в том случае, когда позиции Европейского Суда восприняты Верховным Судом РФ, и национальные суды ссылаются на конкретные решения ЕСПЧ при мотивировке решения по уголовному делу.

Библиографический список

1. *Овчинникова Н.О.* Пробелы в уголовно-процессуальном праве и способы их устранения и преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 28 с.
2. *Овчинникова Н.О.* Пробелы в уголовно-процессуальном праве России. М.: Юрлитинформ, 2018. 168 с.
3. *Девятова О.В.* Решения Европейского суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. 27 с.
4. *Селина Е.В.* Реализация решений Европейского Суда по правам человека в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник РУДН: сер. Юридические науки. 2011. № 4. С. 39–46.
5. *Ермишина Н.С.* Европейские стандарты в области прав человека и их роль в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 26 с.
6. *Зорькин В.Д.* На вершине судебной власти: интервью // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41. 18 с.
7. *Зорькин В.Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3–9.
8. *Бондарь С.Н.* Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 113–127.
9. *Эбзеев Б.С.* Глобализация, Европейский консенсус и рецепция Россией европейских гуманитарных стандартов: механизмы и пределы // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: сборник научных трудов. Казань, 2007. Вып. 2. С. 57–81.
10. *Митюков М.А., Барнашов А.М.* Очерки конституционного правосудия (сравнительно-правовое исследование законодательства и судебной практики). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 405 с.
11. *Свечникова Н.В.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.
12. *Гаджиев Г.А.* Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2000. С. 98–106.
13. *Овчинникова Н.О.* Фактическая правотворческая деятельность Конституционного Суда Российской Федерации — способ устранения пробелов в уголовно-процессуальном праве России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 5. 2018. С. 247–254.
14. *Султанов А.Р.* К 15-летию юбилею действия для России Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года // Вестник гражданского процесса. 2013. № 4. С. 289–290.
15. *Бурмагин С.В.* Проблемы применения решений Европейского Суда по правам человека при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 299–309.

References

1. *Ovchinnikova N.O.* Gaps in the Criminal Procedural Law and Methods for Their Elimination and Overcoming: extended abstract dis. ... of cand. of law. Saratov, 2017. 28 p.
2. *Ovchinnikova N.O.* Gaps in the Criminal Procedural Law of Russia: monograph. M.: Yurlitinform, 2018. 168 p.
3. *Devyatova O.V.* Decisions of the European Court of Human Rights in the Mechanism of Criminal Procedure Regulation: extended abstract dis. ...of cand. of law. Izhevsk, 2007. 27 p.
4. *Selina E.V.* The Implementation of the Decisions of the European Court of Human Rights in the Criminal Process of the Russian Federation // Bulletin of RUDN University: ser. Jurisprudence, 2011. No. 4. P. 39–46.
5. *Ermishina N.S.* European Standards in the Field of Human Rights and Their Role in Ensuring the Rights of Individuals in the Russian Criminal Procedure: extended abstract dis. ...of cand. of law. Saratov, 2012. 26 p.
6. *Zorkin V.D.* At the Top of the Judiciary: Interview // EJ-Lawyer. 2006. No. 41. 18 p.
7. *Zorkin V.D.* Precedent-setting Character of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2004. No. 12. P. 3–9.
8. *Bondar S.N.* The Convention jurisdiction of the European Court of Human Rights in Relation to the Competence of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2006. No. 6. P. 113–127.
9. *Ebzeev B.S.* Globalization, the European Consensus and the Reception by Russia of European Humanitarian Standards: Mechanisms and Limits // Actual Problems of the Theory and Practice of Constitutional Proceedings: collection of articles. Kazan, 2007. Issue. 2, P. 57–81.
10. *Mityukov M.A., Barnashov A.M.* Essays on Constitutional Justice (comparative legal study of legislation and judicial practice). Tomsk: Publishing House Tom. University, 1999. 405 p.
11. *Svechnikova N.V.* Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a Source of Constitutional law: extended abstract dis. ...of cand. of law. M., 2004. 24 p.
12. *Gadzhiev G.A.* The Phenomenon of Judicial Precedent in Russia // Judicial practice as a source of law. M., 2000. P. 98–106.
13. *Ovchinnikova N.O.* Actual Law-making Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation — a Way to Bridge Gaps in the Criminal Procedural Law of Russia. // Bulletin of Saratov State Law Academy. No. 5. 2018. P. 247–254.
14. *Sultanov A.R.* On the 15th Anniversary of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 for Russia // Bulletin of Civil Procedure. 2013. No. 4. P. 289–290.
15. *Burmagin S.V.* The Problems of Applying the Decisions of the European Court of Human Rights in Criminal Cases by the courts of the Russian Federation // All-Russian Criminological Journal. 2018. No. 12, No. 2. P. 299–309.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10054

УДК 343.2

Е.В. Проводина, О.Ю. Красовская

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СУДЕБНЫМ ШТРАФОМ КАК МЕРОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Введение: гуманизация отечественного уголовного законодательства диктует расширение оснований освобождения от уголовной ответственности. В духе следования традициям в Уголовном кодексе РФ появилась норма об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. **Цель:** посредством анализа теории и практики применения нормы выявить природу освобождения от уголовной ответственности с позиции обеспечения задач отечественного уголовного законодательства. **Методологическая основа:** диалектический, формально-логический системно-структурный, социологический методы. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно потенциала социальной значимости судебного штрафа в сфере предупреждения преступлений. **Выводы:** судебный штраф как мера государственного принуждения отвечает принципам гуманизма, справедливости и экономии уголовно-правовой репрессии, обеспечивает предупредительную задачу уголовного законодательства, при этом сводя к минимуму последствия уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: судебный штраф, меры государственного принуждения, уголовно-правовые отношения, задачи уголовного законодательства, предупреждение преступлений, освобождение от уголовной ответственности.

E.V. Provodina, O.Yu. Krasovskaya

LEGAL NATURE OF A WARNING PROVIDED FOR BY A JUDICIAL FORFEITURE AS A CRIMINAL LAW MEASURE

Background: the humanization of domestic criminal law dictates the expansion of the grounds for exemption from criminal liability. In the spirit of following the traditions, the Criminal Code of the Russian Federation introduced a norm on exemption from criminal liability with the imposition of a judicial forfeiture. **Objective:** through an analysis of the theory and practice of the application of the norm, to identify the nature of exemption from criminal liability from the position of ensuring the tasks of domestic criminal law. **Methodology:** dialectical, formal logical systemic-structural, sociological methods. **Results:** the author's position on the potential social significance of a fine in the field of crime prevention

© Проводина Елена Валерьевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Lysenko-elena12@yandex.ru

© Красовская Оксана Юрьевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: krasovskaya_oks@mail.ru

© Provodina Elena Valerievna, 2020

Candidate of law, associate Professor, associate Professor, Criminal and criminal executive law department (Saratov State Law Academy)

© Krasovskaya Oksana Yurievna, 2020

Candidate of law, associate Professor, associate Professor, Criminal and criminal executive law department (Saratov State Law Academy)

is argued. Conclusions: judicial forfeiture as a measure of state coercion meets the principles of humanism, justice and the economy of criminal law repression, provides the preventive task of criminal law, while minimizing the consequences of criminal law influence.

Key-words: court fine, measures of state coercion, criminal law relations, tasks of the criminal law, crime prevention, exemption from criminal liability.

Введение в Уголовный кодекс РФ ст. 1 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»¹ ст. 104.4 «Судебный штраф» в науке было встречено иронично: «Пожалуй, на смену старой схеме: украл — выпил — тюрьма пришла новая: совершил преступление — заплатил — свободен» [1, с. 127].

Поиски истинности природы нормы сопровождаются диаметрально противоположными подходами. Видение законодательного нововведения варьируется от уличения его в ужесточении принятых мер: «...освобождение от уголовной ответственности с выплатой судебного штрафа становится более жесткой (карательной) мерой, чем осуждение за преступление и назначение наказания в виде штрафа» [2, с. 25], до одобрения: «Фактически законодатель гуманизировал ответственность по широкому спектру преступлений, позволив подсудимому или лицу, находящемуся под следствием, избежать уголовного наказания в его классическом понимании...»².

Отсутствие законодательного закрепления целей судебного штрафа не добавило ясности. «Однако это само по себе не меняет его истинной правовой природы, которая, как представляется, заключается в альтернативном способе разрешения уголовно-правового конфликта, облеченном в нормативную форму «иной меры уголовно-правового характера» [3, с. 34]. Многие авторы говорят об альтернативном способе разрешения уголовно-правового конфликта, наполняя их природу отличительным содержанием. Н.Н. Апостолова называет судебный штраф «симбиозом альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта и наказания» [4, с. 34], вводит в концепцию элемент наказания, что существенно меняет видение ее сути.

Предлагается и дифференцированный подход, выделяющий условия и основания освобождения: «Условиями же выступают: совершение лицом преступления (преступлений) впервые; отнесение совершенного преступления (преступлений) к категории небольшой и (или) средней тяжести» [5, с. 118]. Условность нормы отмечается и другими авторами, однако чаще она связывается с выплатой судебного штрафа, что заставляет видеть в ней правовую природу качественно иных институтов или норм. Например, институт условного осуждения [2, с. 27], освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних [6, с. 79].

Основаниями освобождения от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ, в свою очередь, выступают «материальные (поведенческие) формы позитивного

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016 № 27, ч. 2, ст. 4256.

² Трегубов В. Судебный штраф как мера уголовно-правовой ответственности. URL: https://zakon.ru/blog/2018/09/24/sudebnyj_shtraf_kak_mera_ugolovno-pravovoj_otvetstvennosti/ (дата обращения: 15.09.2019).

посткриминального поведения лица: возмещение ущерба или иным образом заглаживание вреда» [5, с. 118].

Стоит заметить, что правоприменитель не спешит указанные позитивные акты посткриминального поведения возводить в ранг основания, не утруждает себя отразить в мотивировочной части, какие именно действия, направленные на возмещение ущерба и заглаживание вреда, были совершены лицом или попросту игнорирует в этой части законодательное требование, толкуя его необоснованно широко. Например, в случае прекращения уголовных дел с формальным составом, уголовных дел, в которых отсутствует потерпевший либо по неоконченным преступлениям «...суды полагали достаточным для освобождения подсудимых от уголовной ответственности того обстоятельства, что ущерб преступлениями не причинен, а имущество возвращено потерпевшим»³. При этом под возвратом имущества потерпевшему понималась выемка похищенного имущества сотрудниками правоохранительных органов с последующим возвратом законному владельцу. Действия правоохранителей по возврату имущества нельзя отождествлять с активной деятельностью виновного, направленной на восстановление нарушенных преступлением законных интересов потерпевших.

Данное законодательное требование установлено не случайно. Позитивное посткриминальное поведение лица заложено в основу данной нормы, поскольку именно оно является отправной точкой освобождения, материальным свидетельством того, что лицо выбирает правопослушный образ жизни. Совершение активных действий обвиняемым по устранению последствий, причиненных преступлением, свидетельствует об осознанном выборе пути исправления. Поскольку возврат имущества сотрудниками правоохранительных органов в рамках своей компетенции происходит опосредованно от сознания и воли подсудимого и объективно не требует от него никаких усилий, то не может являться свидетельством исправления. В результате происходит искажение природы нормы и утрата в этой части ее уголовно-правового значения. Таким образом, плацдарм, на котором по задумке законодателя должно базироваться последующее предупреждение преступлений, оказывается иллюзорным. Только органичное исполнение всей совокупности требований нормы способно обеспечить достойный предупредительный эффект, рассчитанный на определенный контингент лиц, желающих исправиться. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа это есть «...объективная социальная потребность эффективно противодействия преступлениям, проявляющаяся в необходимости гибко реагировать на каждый случай нарушения уголовно-правовой нормы» [7, с. 50].

Лицо освобождается от уголовной ответственности в тех случаях, когда «не угрожает безопасности других граждан, общества и государства, когда цели наказания обеспечиваются... без назначения уголовной ответственности вообще, то именно вышеназванные положения и нормы УК РФ констатируют решение уголовно-правовых задач с учетом ценности человека и гражданина» [8, с. 76].

В рамках ст. 76.2 УК РФ закон, отказываясь от уголовно-правового преследования, не отказывается от профилактического воздействия. Единичный факт позитивного посткриминального поведения является недостаточным в свете

³Обобщение практики назначения районными (городскими) судами меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности за 2017 год. URL: http://obsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=933 (дата обращения: 15.09.2019).

достижении социально-полезного результата, и лицо нуждается в дополнительных, стимулирующих к правопослушному поведению мерах. Вместе с тем применение основного, главного [9, с. 113] средства исправления — наказания может оказаться неоправданно жестким и губительным, в т.ч. по его правовым последствиям: «Освобождение от уголовной ответственности реализуется путем прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. В таком случае лицо, совершившее преступление, не имеет судимости, что позволяет ему избежать негативных последствий, связанных с наличием судимости»⁴.

На основании изложенного сложно переоценить его социальное предназначение, состоящее в минимизации отрицательных последствий применения наказания «и одновременно повышения исправительного и предупредительного потенциала уголовно-правовых средств противостояния преступности» [9, с. 113]. В соответствии с принципом экономии репрессии «применяемая репрессивная мера уголовно-правового воздействия, включая наказание, должна быть минимально необходима и достаточна для достижения задач и целей уголовно-правового воздействия» [10, с. 31], поэтому вполне обоснованным выглядит «расширение оснований освобождения от уголовной ответственности»⁵ с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Таким образом, в целях обеспечения предупреждения преступлений как со стороны лица, совершившего преступление, так и иных лиц, дабы не породить уродливую иллюзию безнаказанности осуществления преступной деятельности, устанавливается «имущественное воздействие на посткриминальное поведение лица» [3, с. 31], минимально необходимое для реализации превенции и не влекущее столь суровых последствий наказания. И, хотя «судебный штраф не имеет самостоятельного значения, поскольку применяется вслед за актом освобождения от уголовной ответственности» [11, с. 100], именно он обеспечивает предупредительный эффект данного вида освобождения, а лицо, загладив причиненный вред, продолжает ощущать на себе тяжесть имущественных обязательств со стороны государства за совершенное преступление. «Респонденты утверждают, что после первого порой эйфорического периода, предполагающего освобождение от уголовной ответственности, к моменту вступления постановления суда в законную силу и заведению исполнительного производства наступает период осознания всей тяжести финансовых последствий пусть и в меньшей степени, чем при осуждении» [12, с. 254]. Этим обеспечивается профилактический эффект после освобождения от уголовной ответственности. Следовательно, предупреждение составляет если не абсолютное ее содержание, то как минимум основную ее часть.

Учитывая, что «задачи решаются не только привлечением виновных к уголовной ответственности, но и освобождением от нее» [13, с. 117], и то что в ч. 2 ст. 2 УК РФ институту иных мер уголовно-правового характера придается значение средств достижения задач уголовного законодательства наряду с наказанием [9, с. 112], предупреждение, которым сопровождается освобождение, вполне оправданно рассматривать с позиции обеспечения указанных задач.

⁴ См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 10.09.2019).

⁵ См.: Там же.

С учетом изложенного, адаптируя устоявшееся положение в науке на уровне аксиомы к рассматриваемой проблеме, можно заключить, что если задачи уголовного законодательства достижимы без назначения наказания, то «несмотря на существующее право суда подвергнуть виновного мерам наказания и обязанность гражданина подчиниться им, к виновному может быть применено не уголовное наказание, а иные меры» [14, с. 81].

По мнению И.Э. Звечаровского, «судебный штраф, примененный как мера уголовно-правового характера, сохраняет это качество лишь до момента своего исполнения, потому что, будучи исполненным, судебный штраф не может считаться мерой уголовно-правового характера — он реализован за рамками уголовно-правовых отношений» [11, с. 100]. Данное утверждение можно объяснить алгоритмом применения судебного штрафа, продиктованным ст. 76.2 УК РФ. Замечания подобного рода небезосновательны: «В случаях если лицо, которому предъявлено обвинение, освобождается от уголовной ответственности, то предупредительная задача себя исчерпала» [8, с. 118]. В свете изложенного утверждение, что «судебный штраф, исполняемый после освобождения от уголовной ответственности, лишен какого-либо уголовно-правового значения» [11, с. 100], наполнено смыслом.

Вместе с тем, взаимосвязь и взаимозависимость [11, с. 100] освобождения от уголовной ответственности и судебного штрафа, отмечаемые И.Э. Звечаровским, едва ли могут свидетельствовать о прекращении уголовно-правовых отношений.

Рассматриваемые взаимосвязь и взаимозависимость не позволяют ограничивать их функционирование вынесением постановления о прекращении уголовного дела. Тот факт, что непосредственно сама выплата судебного штрафа происходит после его вынесения, не лишает норму предупредительного содержания, а скорее объясняется техническими аспектами ее реализации, ввиду чего указание на безосновательное применение судебного штрафа представляется спорным. Невыплата судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера полностью снимает вопрос об освобождении от уголовной ответственности. Неприменимость одного без другого в принципе, в рамках данного вида освобождения, обуславливает наличие уголовно-правовых отношений вплоть до выполнения всех обязательных предписаний. Постановление о прекращении уголовного дела выносится, но объективно эти отношения продолжают свое существование. Конкретизированный и принудительный характер предписаний, содержащихся в постановлении, свидетельствует об объективном существовании уголовно-правовых отношений (с одной стороны, требование государства, с другой — обязательный характер исполнения с учетом правовых последствий). Осознание лицом правовых последствий неисполнения предписаний дает основание полагать, что механизм, направленный на предупреждение преступлений, субъективно продолжает работать, реализуясь в рамках уголовно-правовых отношений, до момента исполнения судебного штрафа. Субъективное восприятие пагубности ситуации, заставляет субъекта предписаний поступать определенным образом, т.е. уплатить судебный штраф, обеспечивая субъективное существование уголовно-правовых отношений.

«Уплата судебного штрафа является юридическим фактом, прекращающим уголовно-правовые отношения» [5, с. 119], из чего следует, что данный акт реализуется в рамках уголовно-правовых отношений, а не за их пределами, обеспечивая пролонгацию задачи предупреждения преступлений.

В целом ситуацию можно представить таким образом, что объективно-субъективно продолжается реализация предупредительной задачи в рамках уголовно-правовых отношений с учетом вышеизложенных положений.

Итак, правовая природа меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа во многом определяется ее социальным предназначением, включающим в себя обеспечение задачи предупреждения преступлений с учетом минимизации отрицательных последствий уголовного преследования.

Библиографический список

1. *Панько Н.К.* Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 120–127.
2. *Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В.* Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 24–27.
3. *Мазюк Р.В.* Судебный штраф как альтернатива приговору в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). С. 23–35.
4. *Апостолова Н.Н.* Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 34–37.
5. *Анощенкова С.В.* Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2017. № 7 (247). С. 114–125.
6. *Плаксина Т.А.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Алтайский юридический вестник. 2016. № 4 (16). С. 78–82.
7. *Дуюнов В.К.* Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. 512 с.
8. Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. Т. 1, кн. 1. 320 с.
9. *Скрипченко Н.Ю.* Социально-правовая природа иных мер уголовно-правового характера и их место в системе мер противодействия преступности несовершеннолетних // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 111–117.
10. *Степашин В.М.* Содержание принципа экономии репрессии // Lex Russica. 2017. № 11 (132). С. 24–37.
11. *Звечаровский И.Э.* О юридической природе судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 98–101.
12. *Полужетов А.Г.* К вопросу о субъектах исполнения постановления об освобождении от уголовного наказания с назначением судебного штрафа // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 253–256.
13. *Разгильдиев Б.Т.* Социальная результативность уголовного законодательства России и ее виды // Право. Законодательство. Личность. 2014. № 2 (219). С. 116–122.
14. *Волженкин Б.В.* Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 971 с.

References

1. *Panko N.K.* Dismissing a Criminal Case or Criminal Prosecution in Connection with the Fixing of a Criminal Law Measure in the Form of a Judicial Forfeiture: Conditions of

Application and Disputed Points // Judicial power and criminal procedure. 2017. № 3. P. 120–127.

2. *Martynenko N.E., Martynenko E.V.* Judicial Fine as Another Measure of Criminal Law Character // Proceedings of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (41). P. 24–27.

3. *Mazyuk R.V.* Judicial Fine as an Alternative to the Sentence in Criminal Proceedings // Siberian criminal procedural and criminalistics readings. 2017. No. 2 (16). P. 23–35.

4. *Apostolova N.N.* Dismissing a Criminal Case or Criminal Prosecution with the Appointment of a Criminal Law Measure in the Form of a Criminal Fine // Russian justice. 2016. № 10. P. 34–37.

5. *Anashenkov S.V.* Designation of Trial Fines: Theory and Practice // Journal of Russian law. 2017. No. 7 (247). P. 114–125.

6. *Plaksina T.A.* Release from Criminal Liability with the Value of a Court Fine // Altai legal Bulletin. 2016. No. 4 (16). Pp. 78-82.

7. *Duyunov V.K.* Mechanism of Criminal Law Impact: Theoretical Bases and Practice of Implementation: dis. ... doc. of law Togliatti, 2001. 512 p.

8. Criminal Law of Russia: course of lectures: in 6 vols. / ed. by B.T. Razgildiev. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of law, 2004. Vol. 1, kN. 1. 320 p.

9. *Skripchenko N.Yu.* Socio-legal Nature of Other Criminal Law Measures and Their Place in the System of Measures to Counteract Juvenile Delinquency // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences. 2011. No. 6. P. 111–117.

10. *Stepashin V.M.* Content of the Principle of Economy of Repression // Lex Russica. 2017. No. 11 (132). P. 24–37.

11. *Zvecharovsky I.E.* On the Legal Nature of a Court Fine // Criminal law. 2016. No. 6. P. 98–101.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10055

УДК 343.985.44

В.В. Степанов, В.И. Галушкин

РЕКОНСТРУКЦИЯ — ЭФФЕКТИВНОЕ
СРЕДСТВО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Введение: в статье рассмотрен комплекс вопросов, касающихся проведения реконструкции в уголовном судопроизводстве. Проанализированы различные точки зрения о ее понятии и сущности. Рассмотрены особенности применения реконструкции в качестве тактического приема при подготовке и проведении следственных действий.

Цель: обосновать возможность отнесения реконструкции к числу процессуальных средств, используемых при собирании и проверке доказательственной информации.

Методологическая основа: при подготовке работы использовались как общенаучные (анализ, синтез, аналогия, сравнение и т.д.), так и специальные методы исследования: сравнительно-правовой, формально-юридический и т.д. **Результаты:** проанализированы и подвергнуты критическому анализу позиции авторов, не относящих реконструкцию к числу следственных действий. Авторы статьи приходят к выводу о возможности отнесения ее к их числу. **Вывод:** для осуществления эффективной борьбы с преступностью необходимо расширять перечень процессуальных средств, используемых при проверке сообщения о преступлении и в процессе расследования. Одним из таких способов, который мог бы дополнить существующую систему следственных действий является реконструкция.

Ключевые слова: реконструкция, следственное действие, признаки следственного действия, тактический прием, система следственных действий.

V.V. Stepanov, V.I. Galushkin

RECONSTRUCTION IS AN EFFECTIVE MEANS
OF INVESTIGATING THE CIRCUMSTANCES OF A CRIME

Background: the article considers a set of issues related to reconstruction in criminal proceedings. Various points of view about its concept and essence are analyzed. The features of using reconstruction as a tactical technique in the preparation and conduct of investigative actions are considered. **Objective:** justify the possibility of attributing reconstruction to the number of procedural tools used in the collection and verification of evidentiary information. **Methodology:** both general scientific methods (analysis, synthesis, analogy, comparison, etc.) and special research methods (comparative legal, formal legal, etc.) were used in the preparation of the study. **Results:** the authors' positions that do not include reconstruction as investigative actions are analyzed and subjected to critical analysis. The authors of the article come to the conclusion that reconstruction might be reckoned among those. **Conclusions:** in order to effectively combat crime, it is necessary to expand the list

© Степанов Владимир Васильевич, 2020

Кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия), Заслуженный юрист РФ, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник высшего образования РФ

© Галушкин Виталий Иванович, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия)

of procedural tools used in verifying reports of crime and in the investigation process. Such method that could complement the existing investigative system is reconstruction.

Key-words: *reconstruction, investigatory action, indices of an investigatory action, tactical method, system of investigatory actions.*

*Посвящается светлой памяти замечательнейшего человека
и моего учителя Владимира Васильевича Степанова*

Основным средством установления истины по уголовному делу являются следственные действия. При исследовании истории их развития в уголовном судопроизводстве прослеживается закономерность: на всем протяжении формирования существующих ныне процессуальных способов собирания и проверки доказательств законодатель совершенствовал как порядок их производства, так и дополнял новыми следственными действиями.

Это обусловлено тем, что «более эффективная борьба с преступностью вызывает необходимость поисков новых способов установления фактов, новых путей и средств проверки доказательств» [1, с. 1]. В современных условиях это особенно актуально в связи с тем, что преступность приобрела профессиональный характер и использует в своих целях новейшие достижения науки и техники.

Несмотря на то, что «система следственных действий в уголовном процессе России, хотя и формировалась в течение длительного времени, она носит все же открытый характер, т.е. допускает ее пополнение новыми элементами» [2, с. 36].

В этой связи продолжает оставаться актуальной проблема закрепления в УПК РФ новых способов собирания и проверки доказательств. Расширение перечня процессуальных действий, используемых при выявлении и расследовании преступлений, позволит сотрудникам правоохранительных органов эффективно осуществлять борьбу с преступностью.

Одним из таких средств, которое могло бы дополнить существующую систему следственных действий, является реконструкция. Она «представляет собой процесс воссоздания существенных, с точки зрения задач расследования, признаков отсутствующего или изменившегося объекта (оригинала), связанного с изучаемым событием, по описаниям, изображениям или вещественным остаткам, в результате которого получают подобный оригиналу материальный объект, являющийся источником доказательственной информации и используемый взамен оригинала при проведении следственных действий и судебных экспертиз» [3, с. 5].

И.М. Лузгин определял криминалистическую реконструкцию как «метод воссоздания объектов по их фрагментам, а также описаниям, фотоснимкам и другим документальным данным в целях установления истины по делу» [4, с. 4–5].

От реконструкции необходимо отличать реставрацию, под которой понимается «восстановление в первоначальном виде чего-либо обветшавшего или разрушенного (обычно произведений искусства, памятников старины)» [5, с. 710]. Если при реконструкции происходит процесс воссоздания несуществующего объекта или ситуации, то реставрация представляет собой придание существующему объекту надлежащей формы (вида), приведение его в состояние, близкое к первоначальному [6, с. 167].

По мнению В.В. Куванова, употребляемый в литературе термин «следственная реконструкция», неточно отражает ее сущность, специфику и область применения, т.к. реконструкция применяется при производстве не только следственных

действий, но и судебных экспертиз. Поэтому он предлагает именовать ее «криминалистической реконструкцией» [7, с. 8]. Вся деятельность по расследованию преступлений является процессуальной. Поэтому некорректно делать акцент на криминалистическом характере реконструкции.

Уязвимость позиции В.В. Куванова заключается в том, что он смешивает два основания, по которым может быть классифицирована реконструкция.

В зависимости от того, в какой сфере деятельности она осуществляется, выделяют следующие ее виды: реконструкция, проводимая в археологии, палеонтологии, уголовном судопроизводстве и т.д. В том случае, когда она применяется в ходе предварительного следствия либо судебного разбирательства необходимо именовать ее следственной реконструкцией¹. Вне зависимости от того, кем она осуществляется — следователем или экспертом.

Выделение следственных реконструкций предполагает подразделение на виды в зависимости от цели ее осуществления. Для собирания доказательственной информации могут проводиться:

следственная реконструкция (проводимая лицами, уполномоченными осуществлять расследование, дознание по уголовным делам);

экспертная (осуществляемая экспертом при проведении исследований (например, в ходе ситуационной экспертизы));

судебная реконструкция.

Для получения ориентирующей информации применяется оперативно-розыскная реконструкция. Возможна классификация и по другим основаниям (в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, участников следственного действия и т.д.).

На протяжении длительного времени продолжает оставаться дискуссионным вопрос о правовой природе реконструкции. Противники признания ее процессуальным действием по-разному аргументируют свою позицию.

Р.С. Белкин утверждал, что реконструкция обстановки события представляет собой не самостоятельное следственное действие, не разновидность следственного эксперимента, а тактический прием расследования, применяемый при производстве различных следственных действий [8, с. 24–25].

Бесспорно, что реконструкция может использоваться в качестве тактического приема при подготовке и проведении следственных действий. В ходе их осуществления используются различные познавательные приемы (наблюдение, сравнение, эксперимент и т.д.), одним из которых является реконструкция как разновидность метода моделирования. В то же время нельзя не отметить, что некоторые приемы преобразовались в самостоятельные следственные действия.

Для того, чтобы получить информацию о местонахождении следов совершенного преступления и объектов, имеющих значение для установления обстоятельств по делу, а также механизме произошедшего деяния, следователь, исходя из обстановки в ходе осмотра места происшествия, может осуществлять мысленную реконструкцию. Необходимо отметить, что производить материальную (вещественную) реконструкцию в ходе проведения данного следственного действия недопустимо, поскольку обстановка должна описываться в протоколе в том виде, в котором ее воспринимает следователь (ст. 180 УПК РФ).

¹Это не означает, что она реализуется лишь в ходе предварительного следствия. Здесь очевидно сходство со следственным экспериментом.

При проверке показаний на месте может применяться как материальная, так и мысленная реконструкция, поскольку лицо, чьи показания проверяются, рассказывает о происходивших событиях и его рассказ может сопровождаться демонстрацией определенных действий.

Наиболее ярко ее сущность в качестве тактического приема проявляется в ходе следственного эксперимента, который предполагает проведение в воссозданной обстановке неоднократных опытных действий.

Реконструкция может применяться и при предъявлении для опознания. В том случае, если после совершения преступления внешность лица, совершившего противоправное деяние, была изменена (пострижены волосы, изменена прическа, сбриты усы, борода, бакенбарды; у человека появились новые идентификационные признаки — шрамы, ожоги мягких тканей), перед проведением данного следственного действия внешность опознаваемого должна быть приведена в состояние, в котором его воспринимал предполагаемый опознающий.

В ходе производства судебной экспертизы реконструкция может использоваться в том случае, когда необходимо, например, выяснить, могла ли пуля при определенных условиях отрицать от предмета и какова дальнейшая траектория полета снаряда.

Для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, может проводиться ситуационная экспертиза.

В этих случаях реконструкция представляет собой тактический прием, используемый при подготовке и проведении следственного действия.

Между тем, в процессе расследования преступлений встречаются ситуации, когда она «выходит за рамки следственных действий и представляет собой явление, которое требует изучения и процессуальной регламентации» [6, с. 170].

И.М. Лузгин наряду с элементарными реконструкциями, которые являются тактическим приемом проведения следственного действия, предлагал выделять и сложные «...в структуре которых несколько познавательных методов, но определяющим является моделирование. Сложная реконструкция — это комплекс познавательных средств и методов, включающих в себя множество разнообразных приемов и операций в зависимости от цели, характера объекта (ситуации), который должен быть реконструирован. Такая реконструкция обладает чертами самостоятельного следственного действия» [9, с. 30–31].

О.Я. Баев полагал, что содержание реконструкции «...не отвечает требованиям, предъявляемым к совокупности приемов и операций по собиранию и проверке доказательств, именуемых следственным действием». При этом он отмечает, что «реконструкция способствует выявлению некоей искомой информации. Однако извлечь такую информацию из реконструкции, придать ей доказательственный характер возможно лишь в процессе производства таких следственных действий, как осмотр, опознание, следственный эксперимент и т.д.» [10, с. 84]. Поэтому «реконструкция выступает лишь как первоначальный этап, как условие, тактический прием производства того или иного следственного действия» [10, с. 86].

Неубедительным представляется довод о том, что реконструкцию нельзя отнести к числу следственных действий вследствие того, что извлечение доказательственной информации из реконструированного объекта, ситуации осуществляется в ходе производства иных следственных действий. Если обратиться к уголовно-процессуальному законодательству, то все следственные действия, проводимые при выявлении и расследовании преступлений, можно разделить

на несколько групп. Первую образуют действия, которые непосредственно направлены на собирание и проверку данных, имеющих доказательственное значение. К их числу можно отнести: осмотр места происшествия, обыск, выемку, предъявление для опознания и т.д.

Вторую группу образуют процессуальные действия, выполняющие обеспечительную (вспомогательную) роль. К ним относятся эксгумация, получение образцов для сравнительного исследования и др. То обстоятельство, что извлечение доказательственной информации из образцов осуществляется в результате производства экспертизы, на наш взгляд, не может повлиять на отнесение этого процессуального действия к числу следственных².

Что касается такого способа установления фактических данных как контроль и запись телефонных переговоров, то фонограмма, на которой они записаны, имеет доказательственное значение. Однако извлечение сведений, необходимых для установления истины по делу, осуществляется в ходе осмотра и прослушивания фонограммы, а также производства фоноскопической экспертизы. Но эти обстоятельства не мешают относить контроль и запись телефонных переговоров к числу следственных действий. Аналогичная ситуация складывается и при производстве реконструкции.

Трудно согласиться с позицией М.П. Гутермана, не относящего реконструкцию к числу следственных действий потому, что ее «ее проведение носит вспомогательный, подчиненный характер по отношению к тому следственному действию, в рамках организации которого она производится, а результаты реконструкции не имеют самостоятельного доказательственного значения» [11, с. 75]. Схожую позицию занимают и другие авторы, которые полагают, что в результате проведенной реконструкции не происходит получения доказательственной информации [12, с. 5; 13, с. 9].

На наш взгляд, в результате ее осуществления возможно получить сведения, имеющие непосредственное отношение к расследуемому уголовному делу. То обстоятельство, что их извлечение происходит путем производства других следственных действий, не влияет на сущность реконструируемых действий. Реконструкция «...необходима постольку, поскольку необходимы ее материальные результаты, которые служат источником информации, а получена эта информация может быть различными путями — осмотром или иным способом» [9, с. 37].

«Реконструкция при расследовании преступлений применяется для того, чтобы собрать новые или проверить имеющиеся доказательства, получить информацию для выдвижения версий, а также для того, чтобы обеспечить успешное проведение следственного действия или судебной экспертизы» [7, с. 7]. Тот факт, что в результате ее производства возможно установить или проверить обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу, свидетельствует в пользу возможности признания ее самостоятельным следственным действием.

С.А. Шейфер в качестве довода, не позволяющего отнести реконструкцию к числу следственных действий, отмечает, что «как при реконструкции, проводимой в ходе проведения следственных действий, так и при реконструкции уничтоженных объектов отсутствует главный признак следственного действия — пригодность его для извлечения фактических данных: речь идет лишь

²Что касается эксгумации, то извлечение доказательственной информации осуществляется в ходе последующего осмотра, производства экспертизы, предъявления для опознания.

о преобразовании уже закрепленных в деле сведений в своеобразную накопительную материальную модель, не несущую, однако, новой информации» [14, с. 62]. Уязвимость такого утверждения заключается в том, что «если бы модель не несла новой информации, метод моделирования потерял бы свой смысл, свое познавательное значение» [9, с. 36]. С.А. Шейфер отмечает, что «при несомненной ценности описанных приемов реконструкции (они представляют собой эффективные тактические приемы моделирования) каждый из них может быть применен в рамках уже известных закону следственных действий либо для своеобразного суммирования их результатов (создание макета уничтоженного объекта)» [14, с. 62].

Позиция автора противоречива. По его мнению, создаваемая модель не несет новой информации. При этом он полагает, что результаты реконструкции могут использоваться при создании макета объекта. Возникает вопрос, зачем в процессе расследования создавать модель объекта. Очевидно для того, чтобы в процессе его изучения (исследования) получить новую или проверить имеющуюся информацию.

И.М. Лузгин, рассматривая один из примеров, подтверждающих необходимость признания реконструкции в качестве самостоятельного следственного действия, пишет о том, что если реконструкция уничтоженного (разрушенного) объекта обеспечивает восстановление источника информации, то осмотр обеспечивает получение новой информации. При этом «такая реконструкция не может рассматриваться как отдельный тактический прием и не образует составной части другого следственного действия», поэтому ее необходимо выделять в качестве самостоятельного следственного действия [9, с. 34–35].

Анализируя вопросы, посвященные реконструкции, О.Я. Баев приходит к выводу, что ее содержание «...как тактического элемента переросло такие формы, как тактический прием и криминалистическая рекомендация по его использованию, ...и нуждается в облечении данного тактического элемента в иную, процессуальную форму, которая альтернативно представляла бы право на производство реконструкции в рамках существующих следственных действий и достаточно детально регламентировала в императивной форме порядок и условия производства реконструкции при определенных следственных действиях» [10, с. 86].

Несмотря на то, что УПК РФ, как и УПК РСФСР, не относит реконструкцию к числу процессуальных действий, позиция о том, что ей необходимо придать процессуальную форму, является весьма актуальной. Ее необходимо предусмотреть в качестве следственного действия, на что справедливо обращается внимание в литературе [15, с. 90; 16, с. 59–61], поскольку она обладает признаками, позволяющими отнести ее к их числу.

Одним из признаков следственного действия является его производство следователем³ либо под его руководством другими лицами (например, освидетельствование лица противоположного пола, сопровождающееся обнажением, может осуществляться врачом; получение у человека отдельных образцов для сравнительного исследования также может осуществляться медицинским работником и т.д.). Это в полной мере характерно и для реконструкции, поскольку она проводится лицом, полномочным осуществлять расследование

³ Во всех случаях, если не указано иное, когда речь идет о следователе следует иметь в виду и иных лиц, полномочных осуществлять расследование по уголовному делу.

по уголовному делу либо под его руководством иными лицами. К ее проведению могут привлекаться специалисты, свидетели, потерпевшие и т.д. Однако руководящая роль принадлежит следователю, который принимает решение о ее производстве, назначает и проводит, а также оформляет полученные результаты.

Для следственных действий характерна подробная процессуальная регламентация порядка их назначения, проведения и оформления результатов. Следует отметить, что не все процессуальные способы установления фактических данных регламентированы надлежащим образом в УПК РФ. Что касается заключения специалиста, в уголовно-процессуальном законодательстве не регламентируется комплекс вопросов, касающихся привлечения специалиста для проведения исследования (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Пробелы законодательной регламентации порядка проведения процессуальных действий создают определенные трудности в деятельности правоохранительных органов.

В случае признания реконструкции следственным действием, в УПК РФ должен быть детально регламентирован порядок ее назначения, производства и оформления результатов.

Учитывая тот факт, что большинство процессуальных действий, затрагивающих права и свободы граждан, осуществляются на основании постановления следователя (получение образцов для сравнительного исследования; освидетельствование; производство обыска в не жилом помещении; эксгумация, когда близкие родственники не возражают против ее проведения), представляется, что аналогичный порядок должен применяться и при назначении реконструкции. К тому же, вынесение постановления будет являться правовым основанием при возникновении необходимости ее проведения в помещении организации.

Принимая во внимание тот факт, что осуществление реконструкции в жилом помещении затрагивает конституционные права гражданина и, как правило, проводится для последующего осмотра, на наш взгляд, при ее проведении должен применяться порядок, аналогичный назначению осмотра места происшествия.

При регламентации в УПК РФ комплекса вопросов, касающихся порядка назначения реконструкции, на наш взгляд, целесообразно предусмотреть, что в случае, если кто-либо из лиц, проживающих в жилом помещении не будет возражать против ее проведения, тогда для ее осуществления достаточно постановления следователя. В противном случае, необходимо получить судебное решение.

Для следственных действий характерно отражение их результатов в протоколах и иных средствах фиксации, установленных законом. Представляется, что в случае признания реконструкции самостоятельным следственным действием в УПК РФ должен быть разрешен вопрос о процессуальном документе, в котором будут фиксироваться ее ход и результаты. В протоколе реконструкции помимо общих данных должно быть указано, какие лица принимали участие в ее проведении, кем она непосредственно осуществлялась, какие действия были предприняты по изменению обстановки, объекты, использовавшиеся при этом. Кроме того, целесообразно описать и запечатлеть с помощью технических средств обстановку до и после реконструкции.

«Самостоятельный характер реконструкции подтверждается и анализом процессуальной природы этого следственного действия. Здесь налицо самостоятельный объект исследования, специфические цели и приемы проведения, участники; возникают определенные правоотношения; должны быть обеспечены гарантии

прав и законных интересов участников этих правоотношений; используются соответствующие приемы фиксации» [17, с. 134].

«Подобно любому следственному действию, в следственной реконструкции наблюдается четыре основных этапа: подготовительный, обеспечивающий, познавательный и достоверительный.

Подготовительный включает в себя решение о производстве реконструкции, оценку ее необходимости, определение места и времени проведения, участников реконструкции и подбор технических средств.

На обеспечивающем этапе участникам реконструкции разъясняются их права и обязанности. На познавательном этапе совершается комплекс операций по осуществлению самой реконструкции. Достоверительный этап завершается фиксацией результатов реконструкции» [15, с. 90].

Реконструкция является способом собирания и проверки доказательств, обладает комплексом познавательных и достоверительных методов, ее производство сопровождается применением принуждения, в результате проведения могут быть ограничены права и свободы граждан. Поэтому имеются все основания для признания ее следственным действием. К тому же, это будет способствовать тому, что в распоряжение правоохранительных органов поступит действенный и эффективный способ выявления и расследования преступлений, позволяющий получать информацию, которую затруднительно собрать с помощью иных средств. Авторы, обосновывающие необходимость отнесения реконструкции к числу следственных действий, разработали проекты норм УПК РФ, посвященные порядку проведения данного действия [17, с. 134–135; 18, с. 153–154].

Библиографический список

1. *Бахарев Б.М.* Развитие новых следственных действий в советской следственной практике и в теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. 22 с.
2. *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. 184 с.
3. *Куванов В.В.* Реконструкция при расследовании преступлений: учебное пособие / под ред. И.М. Лузгина. Караганда, 1978. 64 с.
4. *Лузгин И.М.* Реконструкция в расследовании преступлений: учебное пособие. Волгоград, 1981. 59 с.
5. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. Т. 3. 752 с.
6. *Лузгин И.М.* Методологические проблемы расследования. М.: Юридическая литература, 1973. 216 с.
7. *Куванов В.В.* Реконструкция при проведении криминалистических экспертиз. Караганда, 1974. 84 с.
8. *Белкин Р.С.* Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Юридическая литература, 1964. 223 с.
9. *Лузгин И.М.* Моделирование при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 1981. 152 с.
10. *Баев О.Я.* Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1977. 114 с.
11. *Гутерман М.П.* Следственные действия и некоторые спорные вопросы, связанные с их системой // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юридическая литература, 1985. Вып. 42. С. 72–75.
12. *Белозёров Ю.Н., Рябокони В.В.* Производство следственных действий: учебное пособие. М.: МССПМ МВД СССР, 1990. 66 с.

13. Тактика следственных действий: учебное пособие / под ред. В.И. Комиссарова. Саратов Изд-во Саратовской государственной академии права, 2000. 202 с.
14. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
15. Степанов В.В., Денежкин Б.А. Проблемы развития средств доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной академии права. 1995. № 3. С. 85–93.
16. Степанов В.В. Расширение перечня средств собирания доказательств // Уголовный процесс. 2007. № 2. С. 55–61.
17. Быховский И.Е., Лузгин И.М. Реконструкция как самостоятельное следственное действие // Правоведение. 1971. № 3. С. 132–135.
18. Зеленский В.Д. Криминалистическая реконструкция // Вопросы теории и практики предварительного следствия в органах внутренних дел: по материалам научно-практической конференции, посвященной десятилетнему юбилею со дня образования предварительного следствия в МВД СССР. Саратов, 1973. С. 148–154.
19. Зеленский В.Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. 152 с.

References

1. Bakharev B.M. Development of New Investigative Actions in Soviet Investigative Practice and Theory: extended abstract dis. ... of cand. of law. Moscow, 1964. 22 p.
2. Sheifer S.A. Investigative Actions. Grounds, Procedural Order and Evidentiary Value. Moscow: Yurlitinform, 2004. 184 p.
3. Kuvanov V.V. Reconstruction in the Investigation of Crimes: a textbook / ed. by I.M. Luzgin. Karaganda, 1978. 64 p.
4. Luzgin I.M. Reconstruction in the Investigation of Crimes: textbook. Volgograd, 1981. 59 p.
5. Dictionary of Russian Language / under the editorship of A.P. Evgenieva. 2nd ed., revised and supplemented. M.: Russian language, 1984. Vol. 3. 752 p.
6. Luzgin I.M. Methodological Problems of Investigation. Moscow: Legal literature, 1973. 216 p.
7. Kuvanov V.V. Reconstruction During Forensic Examinations. Karaganda, 1974. 84 p.
8. Belkin R.S. Experiment in Investigative, Judicial and Expert Practice. Moscow: Legal literature, 1964. 223 p.
9. Luzgin I.M. Modeling in the Investigation of Crimes. Moscow: Legal literature, 1981. 152 p.
10. Bayev O.Ya. Criminalistic Tactics and Criminal Procedural Law. Voronezh: Voronezh University Press, 1977. 114 p.
11. Guterma M.P. Investigative Actions and some Controversial Issues Related to Their System // Issues of Fighting Crime. Moscow: Legal literature, 1985. Vol. 42. P. 72–75.
12. Belozеров Ю.Н., Рыбokon В.В. Production of Investigative Actions: a textbook. M.: MSSM USSR Ministry of internal Affairs, 1990. 66 p.
13. Tactics of Investigative Actions: the textbook / under the editorship of V.I. Komissarov. Saratov publishing House of the Saratov state Academy of law, 2000. 202 p.
14. Sheifer S.A. Investigative Actions. System and Procedural Form. Moscow: Yurlitinform, 2001. 208 p.
15. Stepanov V.V., Denezhkin B.A. Problems of development of means of proof in criminal proceedings // Bulletin of the Saratov state Academy of law. 1995. No. 3. P. 85–93.
16. Stepanov V.V. Expanding the List of Means of Collecting Evidence // criminal proceedings. 2007. № 2. P. 55–61.
17. Bykhovskiy I.E., Luzgin I.M. Reconstruction as an Independent Investigative Action // Pravovedenie. 1971. № 3. P. 132–135.

18. *Zelensky V.D. Forensic Reconstruction // Questions of Theory and Practice of the Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies: materials of scientific-practical conference marking the tenth anniversary since the formation of the preliminary investigation in internal Affairs of the USSR. Saratov, 1973. P. 148–154.*

19. *Zelensky V.D. Organization of Crime Investigation. Forensic Aspects. Rostov n/D: Publishing house of the Rostov University, 1989. 152 p.*

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10056

УДК 349.6; 343.214

Д.М. Гусаренко

КРИТЕРИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ОСОБО ЦЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ ЖИВОТНОГО МИРА (СТ. 258¹ УК РФ)

Введение: в статье исследуются криминообразующие признаки посягательств, положенные в основу уголовно-правового предписания ст. 258¹ УК РФ. **Цель:** определить несовершенства указанной нормы, выработать предложения по их устранению и оптимизации судебного толкования ст. 258¹ УК РФ. **Методологическая основа:** диалектический метод в сочетании с общенаучными (анализ, синтез, системно-функциональный и др.) и частнонаучными методами познания (формально-юридический, конкретно-социологический, статистический и др.). **Результаты:** определены понятия видов криминального поведения, закрепленных в ст. 258¹ УК РФ, аргументированы изменения данной нормы, обоснованы рекомендации по оптимизации судебного толкования предписания ст. 258¹ УК РФ. **Выводы:** предлагается определения посягательств, закрепленных в ст. 258¹ УК РФ, и момент их окончания разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ; обосновывается целесообразность дополнения ст. 258¹ УК РФ такой формой соучастия как группа лиц по предварительному сговору; аргументируется тезис о том, что ч. 1¹ и п. б ч. 2 являются излишне включенными в ст. 258¹ УК РФ, в связи с чем предлагается их исключить.

Ключевые слова: критерии криминализации, криминальное поведение, форма соучастия, средства массовой информации, сеть Интернет.

D.M. Gusarenko

CRITERIA FOR CRIMINALIZATION OF ATTACKS ON PARTICULARLY VALUABLE OBJECTS OF THE ANIMAL WORLD (ART. 258¹, CRIMINAL CODE OF THE RF)

Background: the article examines the criminal signs of encroachments, which are the basis of the criminal law prescription of article 258¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. **Objective:** to determine the imperfections of this rule, to develop proposals for their elimination and optimization of judicial interpretation of art. 258¹ of the criminal code of the Russian Federation. **Methodology:** dialectical method in combination with general scientific (analysis, synthesis, system-functional, etc.) and private scientific methods of cognition (formal-legal, concrete-sociological, statistical, etc.). **Results:** the concepts of types of criminal behavior, enshrined in Art. 258¹ of the Criminal Code are defined, changes to this rule, substantiated recommendations for optimizing the judicial interpretation of the requirements of Article 258¹ of the Criminal Code are reasoned. **Conclusions:** the definition of encroachments enshrined in Art. 258¹ of the Criminal Code, and the time of their completion to clarify in the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; the

© Гусаренко Дмитрий Михайлович, 2020

Аспирант кафедры уголовного права и криминологии (Хабаровский государственный университет экономики и права); e-mail: damirr4212@mail.ru

© Gusarenko Dmitry Mikhailovich, 2020

Post graduate student, Criminal law and criminology department (Khabarovsk State University of Economics and Law)

feasibility of supplementing Art. 258¹ of the Criminal Code of the Russian Federation by such a form of complicity as a group of persons by prior conspiracy; the thesis that part 1^a and part b. 2 are excessively included in Art. 258¹ of the Criminal Code, in connection with which it is proposed to exclude them.

Key-word: *criteria of criminalization, criminal behavior, form of complicity, mass media, Internet.*

Под критериями криминализации понимается совокупность обстоятельств, характеризующих объективные и субъективные свойства криминализируемых деяний [1, с. 107]. В науке уголовного права их еще именуют криминообразующими признаками. Те из них, которые имеют юридическое значение, подлежат закреплению в уголовно-правовой норме в качестве квалифицирующих признаков запрещаемого этой нормой поведения. Правильное определение указанных признаков и адекватное выражение их в законе являются одним из условий создания оптимальной уголовно-правовой нормы. Особенно актуальны эти требования применительно к вновь вводимым в УК РФ статьям. Они, как и любые другие законодательные новеллы, не лишены некоторых несовершенств, которые, как показывает практика, могут быть обнаружены только в процессе их правоприменения. Не является исключением в этом смысле и ст. 258¹ УК РФ, она введена в УК РФ в 2013 г. и является сравнительно «молодой» нормой. Кроме того, изучение судебно-следственной практики показывает, что ст. 258¹ УК РФ содержит ряд недостатков, которые требуют научного осмысления и устранения. С учетом сказанного, в целях выработки рекомендаций для совершенствования указанной нормы представляется актуальным рассмотреть криминообразующие признаки, составляющие основу уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 258¹ УК РФ.

Итак, посягательствам на особо ценные объекты животного мира, как и другим преступлениям, присущи, прежде всего, такие признаки как общественная опасность и противоправность (противозаконность). Ранее проведенное нами исследование по данному вопросу показало, что основными критериями общественной опасности указанных деяний являются вредные последствия для дикой природы, экологические, экономические и имущественные потери для общества. Отметим, что совокупность названных последствий определяет повышенную степень общественной опасности посягательств на особо ценные объекты животного мира и обуславливает решение об их криминализации [2, с. 150–153].

Противоправность (противозаконность), как юридически значимый признак, закреплена в ст. 258¹ УК РФ. Основная суть этого признака заключается в том, что добыча и оборот особо ценных объектов животного мира допускается в порядке и исключительно в целях, установленных международными [3, с. 121] и национальными нормативными правовыми актами (например, обеспечение традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, мониторинг состояния природных популяций указан-

ных животных и др.)¹. Несоблюдение данного правопорядка образует противозаконность поведения деятеля. Н.А. Лопашенко на этот счет верно отмечает, что незаконность выражается в нарушении установленного природоохранным законодательством порядка обращения с объектами животного мира [4, с. 181, 204]. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (в ред. от 26 мая 2015 г.) (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21)² разъясняет, что судам в решении по делу об экологических правонарушениях надлежит указывать какие именно нормы природоохранного законодательства были нарушены и в чем непосредственно выразились их нарушения (пункт, часть, статья). Эти требования в полной мере относятся и к преступлениям, предусмотренным ст. 258¹ УК РФ.

Вместе с этим, проведенный нами анализ 194 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 258¹ УК РФ (выборочно изученных за период с 2013–2019 гг.), демонстрирует, что в 13% случаях в материалах указанных уголовных дел и судебных решениях по ним не указываются нарушенные нормы международных правовых актов, которые наряду с национальным законодательством составляют основу правового регулирования оборота особо ценных объектов животного мира. Учитывая данный факт и в целях обеспечения единообразного правоприменения ст. 258¹ УК РФ представляется разумным дополнить п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 следующими уточнениями: «При рассмотрении дел об экологических правонарушениях судам следует руководствоваться положениями международных правовых актов, ...» (абз. 2); «Судам надлежит выяснять, какими международными и национальными нормативными правовыми актами...» (абз. 3).

В качестве юридически значимых в ст. 258¹ УК РФ закреплены также следующие криминообразующие признаки: виды альтернативных посягательств, групповой признак (форма соучастия), способ совершения преступлений, предусмотренных данной нормой. Рассмотрим их по порядку.

Виды альтернативных посягательств. В ст. 258¹ УК РФ зафиксированы такие виды криминального поведения как незаконные добыча, содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка и продажа. В представленном перечне на первое место в ч. 1 ст. 258¹ УК РФ законодателем поставлена добыча. Именно с добычи животных начинается браконьерство и определяется его характер, степень общественной опасности. Для целей указанной нормы (в отличие от ст. 256 УК РФ) под добычей понимается не только вылов водных биологических ресурсов, но и завладение представителями наземной дикой фауны. Анализ содержания добычи, выраженного в Федеральных законах РФ от 20 декабря 2004 г. № 166-

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 19 февраля 1996 № 156 «О Порядке выдачи разрешений (распорядительных лицензий) на оборот диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации» (в ред. от 18 апреля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 9, ст. 807; Постановление Правительства РФ от 6 января 1997 г. № 13 «Об утверждении Правил добывания объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, за исключением водных биологических ресурсов» (в ред. от 5 июня 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 3, ст. 385; Постановление Правительств РФ от 24 декабря 2008 г. № 1017 «О добыче (вылове) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биологических ресурсов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 2, ст. 223.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (в ред. от 1 мая 2019 г.) и от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 3 августа 2018 г.)³ позволяет заключить, что добыча представляет собой не процесс, а завершённое действие, предполагающее конкретный материальный результат в виде изъятия животного из среды его обитания (вылов, отлов, уничтожение). Из этого следует, что иные действия, направленные на завладение животными (поиск, преследование, установка орудий добычи и т.п.), необходимо квалифицировать как покушение — ч. 3 ст. 30, ст. 258¹ УК РФ. Данную точку зрения разделяют и другие авторы [5, с. 92–93]. Исходя из сказанного, добычу можно определить как завершённый процесс изъятия особо ценных диких животных из среды обитания путем их уничтожения, отлова, вылова. В контексте данного вывода, в целях обеспечения единого понимания сути добычи, момента ее окончания предлагается вышеуказанное определение добычи, равно как и определения иных альтернативных действий (о них скажем ниже) закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21. Кроме того, представляется целесообразным уточнить момент окончания добычи в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258¹ УК РФ)» (в ред. от 31 октября 2017 г.) (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26)⁴ изложив его в следующей редакции: «Под незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов следует понимать действия, повлекшие их изъятие и (или) завладение в нарушении норм экологического законодательства... ».

Заслуживает одобрения криминализация незаконных содержания, приобретения, хранения, перевозки, пересылки и продажи особо ценных объектов животного мира. Считаем, что это решение вполне обосновано, поскольку после добычи животных, как правило, следует их незаконный оборот. Анализ 194 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 258¹ УК РФ, показал, что указанные деяния нередки и имеют относительную распространенность по видам и по предмету посягательств. В обоснование сказанного приведем следующие примеры. Так, П. в целях организации зоопарка незаконно приобрел двух особей сокола-балобана, амурского тигра, дальневосточного леопарда, кормил и лечил указанных животных, поддерживал их жизненные циклы, т.е. незаконно содержал. Б. незаконно приобрел и хранил в морозильной камере сибирского осетра. К. в целях личного потребления хранил дериваты амурского тигра в холодильнике. Г. за денежное вознаграждение незаконно перевозила на вертолете сокола-кречета. Гражданин КНР Ц.Д. незаконно перевозил надевший на руку браслет из костей амурского тигра. М. незаконно приобрел с целью перепродажи шкуру снежного барса⁵.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 52, ч. 1, ст. 5270; 2009. № 30, ст. 3735.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 1.

⁵ См.: Уголовное дело № 10-14/2016. Архив Тюменского районного суда Тюменской области за 2016 г.; Уголовное дело № 1-21/2016. Архив мирового суда судебного участка № 1 Ярковского судебного района Тюменской области за 2016 г.; Уголовное дело № 10-9/2016. Архив Надеждинского районного суда Приморского края за 2016 г.; Уголовное дело № 1-27/2016. Архив судебного участка № 23 г. Елизово Камчатского края за 2016 г.; Уголовное дело № 22-67770. Архив Приморского краевого суда за 2016 г.; Уголовное дело № 1-20/2016. Архив мирового суда судебного участка № 6 Центрального района г. Барнаула Алтайского края за 2016 г.

Отметим, что посягательства, охватываемые понятием оборот, в отличие от добычи, законодательно не закреплены. В этой связи, для понимания их сути нами проведен этимологический анализ понятий указанных деяний [6, с. 364, 371, 380, 440, 519, 554, 658], изучены судебная практика в рассматриваемой сфере, а также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебного толкования незаконного оборота иных вещей (предметов), изъятых из свободного гражданского пользования, а именно постановлений: от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (в ред. от 3 декабря 2013 г.), от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в ред. от 16 мая 2017 г.)⁶. По результатам проведенного исследования предлагаем вышеуказанные понятия дефинировать следующим образом:

содержание — это удержание особо ценных диких животных в ограниченном пространстве исключительно в живом, в т.ч. здоровом, состоянии для чего осуществляется уход, кормление, лечение и т.п. указанных животных в целях обеспечения их основных жизненных циклов;

хранение — это владение особо ценными дикими животными (как в неживом, так и живом состоянии), их частями и (или) дериватами, связанное с сокрытием их в помещениях, тайниках и иных местах, обеспечивающих сохранность, целостность и свойства указанных предметов;

перевозка — это перемещение особо ценных диких животных, их частей и (или) дериватов из одного места в другое, посредством любого вида транспорта или объекта, используемого (приспособленного) как перевозочное средство, в том числе посредством человека (нарочным). Осуществляется лицом, которому известно какого рода предметы он перевозит, либо другим человеком — не осведомленным об этом, но при обязательном присутствии первого лица;

пересылка — это действия отправителя, направленные на перемещение особо ценных диких животных, их частей и (или) дериватов адресату посредством транспорта, почтового отправления, а также с нарочным, не осведомленным о содержимом посылки;

продажа — это действия лица по передаче приобретателю особо ценных диких животных, их частей и (или) дериватов за плату, т.е. за денежное вознаграждение или иное возмещение;

приобретение — означает получить в обладание особо ценные виды диких животных, их части и (или) дериваты.

К изложенному также добавим следующие выводы:

приобретение и продажа могут осуществляться в различных формах: получение в дар, обмен, присвоение найденного и др.;

содержание, хранение, перевозка, пересылка считаются оконченными с момента начала их исполнения, продажа — после получения платы за животных, их части и (или) дериваты, независимо от момента их передачи приобретателю, а приобретение — получения указанных предметов в обладание независимо от момента расчета за них.

⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

В качестве группового признака в ст. 258¹ УК РФ закреплена такая форма соучастия как, организованная группа. Однако проведенный нами анализ распространенности указанных преступлений по групповому признаку, указывает на то, что законодатель в ст. 258¹ УК РФ учел не все формы соучастия совершения указанных преступлений.

Во-первых, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за период с 2017–2018 гг. из 721 осужденного по ст. 258¹ УК РФ 113 чел. совершили преступления в группе (15,7%), а именно: 66 лиц организованной группой (58,4%), 47 чел. группой лиц по предварительному сговору (41,6%)⁷.

Во-вторых, изучение практики применения ст. 258¹ УК РФ (194 уголовных дела) обнаруживает, что преступления совершались группой в 37 случаях (19,1%), в частности: 5 фактов (13,5%) — организованной группой, а 32 (86,5%) — группой лиц по предварительному сговору.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что посягательства на особо ценные объекты животного мира, совершенные группой лиц по предварительному сговору, распространены не менее чем аналогичные посягательства, совершенные организованной группой. Вместе с этим, этот момент в ст. 258¹ УК РФ не отражен. На наш взгляд, это является несовершенством ст. 258¹ УК РФ, поскольку исключает возможность адекватного уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления группой лиц по предварительному сговору. В данном случае указанная форма соучастия подлежит учету не как квалифицированный признак ст. 258¹ УК РФ, а какотягчающее обстоятельство (ст. 60, 63, 67 УК РФ). По этой причине наказание в виде лишения свободы, предусмотренное ч. 1 ст. 258¹ УК РФ, не может превышать трех лет. М.В. Бавсун верно отмечает, что при такой форме соучастия увеличение объема репрессии представляется невозможным [7, с. 52].

В целях устранения указанного пробела предлагаем закрепить в законодательной конструкции ст. 258¹ УК РФ такую форму соучастия как группа лиц по предварительному сговору. С данным предложением согласились 67 (68,4%) респондентов из 98 опрошенных нами экспертов (научно-педагогические работники; судьи, их помощники, следователи, дознаватели; работники природоохранных органов).

3. Федеральными законами от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ и от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ⁸ в ст. 258¹ УК РФ закреплён следующий способ совершения преступлений: ч. 1¹ — незаконные приобретение или продажа особо ценных

⁷ См.: Ведомственное статистическое наблюдение Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления» за 2017 г. (форма № 11), за 2018 г. (форма № 11.2). Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 25.05.2019). За период с 2013–2016 гг. Судебным департаментом результаты статистического наблюдения по ст. 258¹ УК РФ в форме № 11 не отражены, поскольку соответствующие дополнения в указанную форму произведены только в 2017 г. См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 апреля 2017 г. № 65 (в ред. от 11 апреля 2017 г., от 5 апреля 2018 г., от 8 мая 2018 г.). Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=121> (дата обращения: 25.05.2019).

⁸ См.: Федеральный закон от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258¹ Уголовного кодекса РФ и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 52, ч. I, ст. 7935; Федеральный закон от июня 2018 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 27, ст. 3940.

объектов животного мира с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет; п. б ч. 2 — незаконные добыча и оборот особо объектов животного мира с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет. Указанные составы по отношению к ч. 1 ст. 258¹ УК РФ являются квалифицированными. По мнению законодателя, это обусловлено тем, что названные способы определяют повышенную степень общественной опасности посягательств на особо ценные объекты животного мира. Согласно его доводам, изложенным в пояснительной записке № 356397-7 к Федеральному закону от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ, предложение о торговле с использованием средств массовой информации и сети Интернет распространяется на широкий круг лиц, что ведет к массовому сбыту и уничтожению указанных животных⁹. Однако, согласиться с таким решением нельзя в силу следующего.

Во-первых, подчеркнем, что действующая редакция ст. 258¹ УК РФ на сегодняшний день создает ситуацию, при которой преступления, предусмотренные ч. 1¹ и п. б ч. 2 ст. 258¹ УК РФ, подлежат более строгому уголовно-правовому воздействию в рамках санкций указанных норм (до 4 и 5 лет лишения свободы соответственно), при том, что совершение незаконных добычи и оборота особо ценных объектов животного мира иными способами, также обуславливающими повышенную степень их общественной опасности, подлежат менее строгой оценке в рамках санкции основного состава (лишение свободы до 3 лет). Например, использование для добычи амурского тигра капканов, а при охоте на снежного барса — петли. Такие способы добычи хищников являются жестокими при которых они страдают и мучительно умирают. Исходя из этого и следуя умозаключениям законодателя, думается, что в ст. 258¹ УК РФ логично было бы закрепить вышеуказанные и иные способы совершения преступлений, определяющие повышенную степень их общественной опасности. Однако такое решение вопроса, на наш взгляд, будет противоречить правилу об универсальности уголовно-правовой нормы, а также «перегрузит» законодательную конструкцию ст. 258¹ УК РФ.

Во-вторых, считаем, что в 2013 г. законодателем на этапе нормотворчества (формирования уголовно-правового предписания ст. 258¹ УК РФ) были учтены характер и степень общественной опасности незаконного оборота особо ценных объектов животного мира, совершаемого с использованием средств массовой информации и сети Интернет. Так, еще в 2010 г. Глобальной программой восстановления тигра (Декларация Глав Правительств о сохранении тигра от 23 ноября 2010 г. (Санкт-Петербург) на Россию была возложена обязанность предусмотреть в национальном законодательстве санкции за незаконную торговлю шкурами тигров в сети Интернет. Считаем, что данное обязательство и было реализовано отечественным законодателем в ч. 1 ст. 258¹ УК РФ, а не в специальном квалифицированном составе (отдельной норме). На государственном уровне отмечалось, что уже только за период с 2013 г. по 2015 г. были достигнуты положительные

⁹ См.: Законопроект № 356397-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации в сфере противодействия преступлениям, связанным с незаконной добычей и оборотом водных биологических ресурсов, диких животных, в том числе занесенных в Красную книгу Российской Федерации». Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/356397-7> (дата обращения: 25.05.2019).

результаты охраны особо ценных объектов животного мира посредством ст. 258¹ УК РФ¹⁰. Позиция государства, а также проведенный нами анализ практики применения ст. 258¹ УК РФ за период с 2013 г. по декабрь 2017 г. (т.е. до внесения изменений в ст. 258¹ УК РФ), свидетельствуют об оптимальности изначально выработанной законодателем модели рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Обобщая изложенное, приходим к выводу о том, что дополнение ст. 258¹ УК РФ частью 1¹ и п. б ч. 2 излишне, в связи с чем предлагаем их исключить, а ст. 258¹ УК РФ изложить в новой редакции с учетом предлагаемых изменений. Схожего мнения придерживаются и другие авторы [8, с. 90–99]. Кроме того, по данному вопросу нами опрошено 98 экспертов (научно-педагогические работники; судьи, их помощники, следователи, дознаватели; работники природоохранных органов), из них 69 (70,4%) респондентов посчитали указанное предложение целесообразным.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы и внести предложения.

1. В ст. 258¹ УК РФ закреплены следующие юридически значимые криминообразующие признаки: противоправность (противозаконность), виды криминального поведения, форма соучастия, способ совершения преступлений.

2. Противоправность (противозаконность) заключается в нарушении установленного порядка оборота особо ценных объектов животного мира. Обосновывается, что судами в решениях по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 258¹ УК РФ, не указываются нарушенные международные правовые акты, составляющие основу правового регулирования оборота особо ценных объектов животного мира. В этой связи, предлагаются редакционные изменения п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21.

3. Перечень видов криминального поведения составляют незаконные добыча, содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка и продажа особо ценных объектов животного мира. В целях обеспечения единой практики уголовно-правовой охраны указанных животных предлагается содержание перечисленных деяний, а также момент их окончания разъяснить в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 в редакциях выработанных автором. Кроме того, предлагается уточнить момент окончания добычи в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 изложив его с учетом редакционных изменений, обоснованных в статье.

4. Форма соучастия — организованная группа. Обоснована целесообразность дополнения законодательной конструкции ст. 258¹ УК РФ такой формой соучастия как группа лиц по предварительному сговору.

5. Следовательно, что дополнение ст. 258¹ УК РФ ч. 1¹ и п. б ч. 2 излишне, в связи с чем предлагается указанные нормы исключить из ст. 258¹ УК РФ.

В завершении подчеркнем, что рассмотреть все критерии криминализации посягательств на особо ценные объекты животного мира в рамках одной статьи, по очевидным соображениям, не представилось возможным. В этой связи следует обозначить некоторые направления перспективного исследования поставленной проблемы. Речь, в частности, идет об объективных (время, место, средства и др.) и субъективных криминообразующих признаках (мотив, цель, форма вины), ко-

¹⁰ См.: Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году». М., 2016. С. 217.

торые не нашли своего выражения в ст. 258¹ УК РФ, но, вместе с этим являются неотъемлемыми элементами вышеперечисленных посягательств; о возможности и целесообразности признания юридических лиц субъектами преступлений, предусмотренных указанной статьей и др.

Библиографический список

1. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2008. Т. 1: Преступление и наказание. 1133 с.
2. *Гусаренко Д.М.* Общественная опасность как основание криминализации посягательств на особо ценных диких животных и водные биологические ресурсы // Перспективы развития юридической науки, практики и образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы III Тихоокеанского юридического форума, посвященного празднованию 59-летия непрерывного юридического образования в Дальневосточном федеральном университете и 98-летию юридического образования на Дальнем Востоке России (г. Владивосток, 20–21, 29 сентября 2017 г.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2017. 288 с.
3. *Гусаренко Д.М.* Международная правовая обусловленность уголовной ответственности за посягательства на особо ценных диких животных // Уголовная политика и правоприменительная практика: материалы V Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 3 ноября 2017 г.). СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2017. 446 с.
4. *Лопашенко Н.А.* Экологические преступления: комментарий к главе 26 УК РФ. СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2002. 802 с.
5. *Базаров П.Р.* Уголовно-правовая охрана особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 244 с.
6. *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Малый толковый словарь русского языка: ок. 35000 слов. М.: Русский язык, 1990. 704 с.
7. *Бавсун М.В.* Проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных пород животных // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4. С. 50–53.
8. *Надточий Ю.В., Прохоренко Д.В.* Уголовно-правовая охрана особо ценных диких животных: международный и национальный опыт // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 4. С. 90–102.

References

1. Complete Course of Criminal Law: in 5 vols. / ed. by A. I. Korobeev. SPb.: Publishing house «Legal Center-Press», 2008. Vol. 1: Crime and punishment. 1133 p.
2. *Gusarenko D.M.* Public Danger as the Basis for Criminalization of Encroachments on Particularly Valuable Wild Animals and Aquatic Biological Resources // Prospects for the Development of Legal Science, Practice and Education in the Asia-Pacific Region: materials of the III Pacific legal forum dedicated to the celebration of the 59th anniversary of continuing legal education at the far Eastern Federal University and the 98th anniversary of legal education in the far East of Russia (Vladivostok, 20-21, September 29, 2017). Vladivostok: publishing house of the far Eastern Federal University, 2017. 288 p.
3. *Gusarenko D.M.* International Legal Conditionality of Criminal Liability for Attacks on Particularly Valuable Wild Animals // Criminal Policy and Law Enforcement Practice: materials of the V International scientific and practical conference (Saint Petersburg, November 3, 2017). SPb.: North-Western branch of the Russian state University of justice, 2017. 446 p.
4. *Lopashenko N.A.* Environmental Crimes: Commentary to Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation. SPb.: Publishing house «Legal Center-Press», 2002. 802 p.

5. *Bazarov P.R.* Criminal Law Protection of Especially Valuable Wild Animal and Aquatic Biological Resources: dis. ... cand. of law. Moscow, 2017. 244 p.

6. *Lopatin V.V., Lopatina L.E.* Small Explanatory Dictionary of the Russian Language: about 35000 words. Moscow: Russian language, 1990. 704 p.

7. *Bavsun M.V.* Problems of Legal Regulation of Criminal Responsibility for Illegal Production and Trafficking of Especially Valuable Breeds of Animals // Bulletin of Omsk law Academy. 2014. № 4. P. 50–53.

8. *Nadtochiy Yu.V., Prokhorenko D.V.* Criminal and Legal Protection of Especially Valuable Wild Animals: International and National Experience // Asia-Pacific region: economy, politics, law. 2016. № 4. P. 90–102.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10057

УДК 343.100

А.Э. Исаев

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Введение: рассматриваются угрозы в отношении участников уголовного судопроизводства и их безопасности, а также несовершенство действующего уголовно-процессуального законодательства. **Цель:** раскрыть явные угрозы безопасности в отношении участников уголовного процесса, определить их содержание, выработать соответствующее понятие. **Методологическая основа:** системный метод, диалектический метод, теоретические (анализ, сравнение и др.) и эмпирические (изучение соответствующей литературы, наблюдение и др.), методы исследования. **Результаты:** предложенное автором толкование понятия «угроза безопасности» и рекомендации по изменению законодательства направлены на повышение уровня обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, а также на повышение эффективности деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование. **Выводы:** угрозами безопасности участников уголовного судопроизводства и иных объектов уголовного процесса являются: 1) опасные воздействия, совершенные любым лицом, заинтересованным в исходе уголовного дела, в отношении объектов безопасности уголовного судопроизводства противоправными или иными, не запрещенными законом способами, с определенной целью; 2) несовершенство уголовно-процессуального законодательства, выражающееся в пробелах и коллизиях.

Ключевые слова: безопасность, угрозы безопасности в уголовном судопроизводстве, источники угроз безопасности, опасные воздействия, несовершенство законодательства.

A.E. Isaev

SECURITY THREATS TO PARTICIPANTS
IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Background: threats to the safety of participants in criminal proceedings and the imperfection of the current criminal procedure legislation are considered. **Objective:** to reveal obvious threats to the security of participants in the criminal process, to determine their content, and develop an appropriate concept. **Methodology:** system method, dialectical method, theoretical (analysis, comparison, etc.) and empirical (study of relevant literature, observation, etc.), research methods. **Results:** the author's interpretation of the concept of "security threat" and recommendations for amending the legislation are aimed at increasing the level of security for participants in criminal proceedings, as well as at increasing the efficiency of the activities of the bodies conducting the preliminary investigation. **Conclusions:** threats to the safety of participants in criminal proceedings and other objects of the criminal process are: 1) dangerous effects produced by any person interested in the outcome of the criminal case with respect to the objects of safety of the criminal proceeding

© Исаев Азер Элизбарович, 2020

Аспирант кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: dargo777@bk.ru

© Isaev Azer Elizbarovich, 2020

Postgraduate student, Criminal procedure department (Saratov State Law Academy)

in unlawful or other ways not prohibited by law, for a specific purpose; 2) the imperfection of the criminal procedure legislation, expressed in gaps and conflicts.

Key-words: *security, security threats in criminal proceedings, sources of security threats, dangerous effects, imperfection of legislation.*

Проблема безопасности является одной из наиболее актуальных тем современных исследований. Понятие безопасности в уголовном процессе образуется путем анализа совокупности образующих его элементов, таких как: объекты безопасности, обстоятельства, угрожающие безопасности или угрозы безопасности, субъекты безопасности и обеспечение безопасности [1, с. 5; 2, с. 12; 3, с. 17; 4, с. 20]. В науке с помощью понятий постигается и описывается сущность, свойства, а также признаки явлений и предметов объективной действительности [5, с. 33]. Мы считаем правильным рассмотрение безопасности в сфере уголовного судопроизводства как феномена, который воспринимается и описывается через данные понятия. При этом структуру феномена безопасности составляют указанные выше элементы, с единственной оговоркой, к субъектам безопасности следует отнести не только субъектов, обеспечивающих безопасность, но и субъектов, в отношении которых она обеспечивается.

Национальная безопасность государства обеспечивает неприкосновенность личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, в т.ч. и в уголовном судопроизводстве, призванном защищать конституционные права и свободы каждого вовлеченного в данную сферу человека [6, с. 10].

Угрозы безопасности, выступающие структурным элементом феномена безопасности в уголовном судопроизводстве, необходимо рассматривать в отношении следующих объектов: жизни, здоровья (его физического и психического компонентов), чести, достоинства, прав, свобод, законных интересов субъектов уголовного процесса, а также информационной среды по уголовному делу. Исследованием источников опасности и угроз для перечисленных выше объектов занимались: В.В. Войников [2, с. 22], А.Ю. Епихин [7, с. 142–167], М.В. Новикова [8, с. 24–26], Д.А. Воронов [3, с. 29, 30], М.А. Авдеев [4, с. 21], Н.В. Макеева [9, с. 64, 65].

Под «угрозой» понимают обещание причинить кому-либо вред, т.е. запугивание, возможную опасность. «Опасность» определяется как некая возможность негативного воздействия на живой организм, существующая в объективной реальности, в результате которой может быть причинен какой-либо вред или ущерб, ухудшающий состояние данного организма [10, с. 15]. Из представленных определений видно, что и угроза и опасность подразумевают возможность наступления вреда для определенного объекта. Следовательно, данные категории имеют сходное значение.

При реализации уголовно-процессуальных норм источниками угроз и опасностей являются сами участники уголовного процесса, а также иные лица, не получившие уголовно-процессуального статуса. Зачастую характер оказываемого воздействия является противоправным или даже преступным.

Как указывает Л.В. Брусницын, «посткриминальное воздействие» осуществляется и в запрещенных законом, и в иных формах лицом, совершившим преступление в отношении лиц, оказывающих содействие уголовному правосудию [11, с. 80].

В действительности существует многообразие способов оказания опасного воздействия: угрозы, конкретные действия (уничтожение имущества, шантаж, похищение детей, наемные убийства), реальное психическое и физическое воздействие [12, с. 79], преследование с целью оказания воздействия на психику, надругательство над малолетними и престарелыми, оскорбления или клевета, подкупы [13, с. 138,139].

Е.А. Епихин дополняет вышеуказанные способы воздействием в «завуалированной» форме: «дружеский» совет, молчаливые угрозы, которые подкрепляются соответствующей обстановкой и жестами. Исследователь отмечает также возможность воздействия в форме неопределенных угроз: «подумай о детях», «побереги свое здоровье», «будет хуже». По данным автора, способы оказываемого воздействия находятся в прямой зависимости от вида субъектов уголовного судопроизводства. Так, например, в отношении потерпевших распространены такие способы воздействия: угроза уничтожением ценного имущества, угроза избить или убить потерпевшего, звонки по телефону с высказыванием угрозы; в отношении свидетелей: реальное избиение или угроза избиением, убийством. В адрес следователей и судей поступают: «доброжелательные советы» принять правильное решение или иное давление в завуалированной форме; прямые угрозы, а также физическое воздействие [7, с. 159–162].

Согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ для основания применения мер безопасности, указываются такие способы опасного воздействия: угроза убийством, применение насилия, уничтожение или повреждение имущества, иные противоправные деяния.

Представляется, что указанные способы не являются исчерпывающими. Если применяемая законодателем формулировка «иные противоправные деяния» и охватывает случаи, противоречащие праву, то как быть с формами воздействия, совершенными в завуалированной и неопределенной формах? Имеются в виду рассмотренные выше способы воздействия, которые не являются противоправными, но из их содержания можно домыслить и предположить наступление в будущем каких-то вредных последствий.

На основании изложенного, предлагаем внести изменения в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, представив ее в следующем варианте: «При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, а также деяниями, хотя и не являющимися противоправными, но из содержания которых, можно предположить наступление определенных опасных последствий в будущем, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности и т.д.».

Учитывая изложенное выше, необходимо внести изменения и в ч. 2 ст. 186 УПК РФ, дополнив ее следующим содержанием: «При наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий, а также деяний, хотя и не являющихся противоправными, но из содержания которых можно предположить наступление определенных опасных последствий в будущем в отношении потерпевшего, свидетеля и т.д.»

Анализ угроз безопасности, исходящих от участников уголовного процесса, выглядел бы неполным без определения опасного или посткриминального воздействия.

Опасное воздействие — это деяние, совершенное любым лицом, заинтересованным в исходе уголовного дела, в отношении объектов уголовного судопроизводства (безопасности их жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов его участников, информационной среды по уголовному делу и др.) противоправными или иными, не запрещенными законом способами, с определенной целью, подрывающее основы безопасности и наносящее вред задачам уголовного процесса.

Осуществляя опасное воздействие, подозреваемый (обвиняемый) и иные заинтересованные лица ожидают наступления следующих возможных или желаемых результатов в процессе производства по уголовному делу: освобождение из-под стражи задержанного или арестованного лица; принятие благоприятного (для посягающего лица) процессуального решения, например в виде отказа в возбуждении уголовного дела; изменение меры пресечения на меру, не связанную с лишением свободы; освобождение от уголовной ответственности виновного лица и др. [7, с. 153]

Анализируя опасные воздействия, некоторые авторы высказывают критические замечания об отсутствии в ч. 3 ст. 11 УПК РФ причинной связи между посягательством на участника уголовного судопроизводства и фактом оказанного им содействия правосудию, а также возникающей в связи с данным обстоятельством возможностью расширительного применения мер безопасности [4, с. 23].

На наш взгляд, позиция законодателя вполне безупречна, т.к. нельзя ставить в зависимость возможность применения определенных мер безопасности, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ в отношении участника уголовного процесса, подвергнутого (или подвергаемого) опасному воздействию в связи с производством по уголовному делу и оказываемым (или не оказываемым) данным участником содействием по данному уголовному делу. Иными словами, независимо от того обстоятельства, оказывает ли участник процесса содействие уголовному правосудию либо не проявляет никакой активности, в случае оказания по отношению к данному участнику противоправного деяния, подлежат применению соответствующие меры безопасности, предусмотренные законодательством.

В большинстве случаев источником опасного воздействия для участников уголовного судопроизводства является подозреваемый (обвиняемый) и его окружение: соучастники преступления, члены преступной группы, сообщества, их родственники и близкие лица. Однако нередко в таком качестве выступают и субъекты уголовного процесса, наделенные властными полномочиями. При этом опасное воздействие со стороны последних бывает умышленным и неумышленным; может носить характер морально-нравственного, этического нарушения, подпадать под разряд дисциплинарного проступка или даже преступления. Такие незаконные деяния органов, осуществляющих предварительное расследование, противоречащие уголовному, уголовно-процессуальному законодательству, определенным криминалистическим рекомендациям, которые могут привести, соответственно, к незаконному и необоснованному решению или непринятию законного решения, в научной литературе называют следственной ошибкой [14, с. 187–197].

Представляется, что в ходе производства по уголовному делу, ошибки допускает не только следователь, но и иные властные представители уголовного процесса, такие как прокурор или судья.

Таким образом, источником опасного воздействия может быть любой субъект уголовного судопроизводства.

Незаконные деяния субъектов, наделенных властными полномочиями, создающие угрозу безопасности иных участников уголовного судопроизводства, могут совершаться как в форме действия, так и бездействия. В случае, когда потерпевший или свидетель ходатайствует перед следователем о возможности применения к нему определенных мер безопасности в связи с поступающими в его адрес словесными угрозами со стороны подозреваемого (обвиняемого) по факту возбужденного уголовного дела, а следователь затягивает с рассмотрением заявленного ходатайства или применяет меры безопасности несвоевременно, либо вообще не применяет, он (следователь) фактически бездействует. Примером активного действия может служить доведение до сведения заинтересованных лиц информации о потерпевшем, свидетеле, в отношении которых был использован псевдоним.

По характеру источника, угрозы безопасности субъектов уголовного судопроизводства можно разделить на внутренние и внешние. К внешним относятся угрозы от подозреваемого (обвиняемого), организованных преступных групп, отдельных лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела, а также их близких и родственников с целью избежать уголовное преследование и ответственность. Внутренние угрозы исходят от властных представителей уголовного процесса: следователя, дознавателя, прокурора, судьи, а также иных должностных лиц, владеющих информацией по конкретному уголовному делу [9, с. 64–65].

Анализ процессуальной литературы и действующего законодательства в данном направлении, позволяет выявить не менее важный источник опасности для объектов безопасности в сфере уголовного судопроизводства, заключающийся в несовершенстве уголовно-процессуальных норм, выраженных в форме пробелов и коллизий. Так, М.В. Новикова указывает на наличие пробелов, касающихся гарантий безопасности участников процесса [8, с. 26]; А.Ф. Галузин отмечает несовершенство норм УПК РФ, подрывающее основы безопасности участников судопроизводства [15, с. 62].

Пробелы, по нашему мнению, содержатся в ч. 6 ст. 37 УПК РФ, по которой, в случае несогласия руководителя следственного органа либо следователя с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться с требованием об устранении указанных нарушений к руководителю вышестоящего следственного органа. В случае несогласия руководителя вышестоящего следственного органа с указанными требованиями прокурора прокурор вправе обратиться к Председателю Следственного комитета РФ или руководителю следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). В случае несогласия Председателя Следственного комитета РФ или руководителя следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться к Генеральному прокурору РФ, решение которого является окончательным.

Получается, что приведенные законодательные установления позволяют соответствующим руководителям следственных органов и следователю проверять обоснованность требований прокурора об устранении нарушений закона [16, с. 77], что, как минимум замедляет процесс исполнения данных требований. В результате «положения ч. 6 ст. 37 УПК РФ практически сводят на нет результаты прокурорского реагирования, а значит и возможности прокурора по обеспечению законности процессуальной деятельности следователя, защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [17, с. 107], созданию условий для их безопасности. В этом отношении, представляется правильным предложение О.Н. Овчинниковой по изменению данной нормы: «... требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства должны быть приняты к исполнению, но могут быть обжалованы следователем вышестоящему прокурору» [16, с. 77].

Помимо пробелов, несовершенство законодательства в сфере безопасности уголовного судопроизводства, проявляется в коллизиях, т.е. противоречиях уголовно-процессуальных норм, создающих угрозы безопасности для участников процесса.

Например, ч. 3 ст. 86 УПК РФ предоставляет защитнику право собирать доказательства путем: истребования документов от органов государственной власти; получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия. Однако в ч. 1 ст. 74 УПК РФ указывается, что в качестве доказательств допускаются: показания потерпевшего, свидетеля, подозреваемого (обвиняемого); заключение и показания эксперта, специалиста; протоколы следственных и судебных действий; вещественные доказательства и иные документы. Получается, что по одной норме закона, сведения полученные защитником считаются доказательствами, а по другой — нет. Следовательно, возникает противоречие, которое свидетельствует об ущемлении процессуального положения защитника и нарушении принципа состязательности сторон. Участие защитника в процессе доказывания в связи с указанными противоречиями в УПК РФ остается дискуссионным до настоящего времени [18, с. 32; 19, с. 10–16]. Защитник принимает участие лишь в собирании сведений, которые, по его мнению, могут иметь значение для уголовного дела, но не являются доказательствами [20, с. 28; 21, с. 70; 22, с. 54]. Действия защитника, указанные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, относятся не к сбору доказательств, а к сбору фактических данных, информации и определенных сведений [23, с. 76].

Кроме того, ч. 3 ст. 86 УПК РФ позволяет защитнику собирать доказательства, в то время как его процессуальные противники — следователь и дознаватель, согласно ст. 86, 87, 88 УПК РФ, не только собирают, но и проверяют и оценивают доказательства. Следует отметить, что даже в собирании «доказательств» (а в действительности — сведений, которые лишь впоследствии могут стать доказательствами), защитник (адвокат) встречает серьезные затруднения. Последнее обстоятельство связано с тем, что не все организации, органы и должностные лица охотно предоставляют запрашиваемую защитником информацию, сведения и документы.

В следственной практике защитникам (адвокатам) часто отказывают в удовлетворении ходатайств по сбору документов. По данной причине сторона защиты не заявляет свои ходатайства о проведении некоторых следственных действий на предварительном расследовании, оставляя их до судебной стадии [24, с. 64]. Такое

положение вещей создает опасность утраты информации, имеющей значение для защиты еще до начала судебного разбирательства [25, с. 83] и, следовательно, затрудняет установление истины.

Согласно ст. 159 УПК РФ следователь, дознаватель обязаны рассмотреть каждое заявленное по уголовному делу ходатайство, при этом стороне защиты не может быть отказано в производстве следственных действий, если обстоятельства об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела. Однако, какие именно обстоятельства имеют значение для уголовного дела определяют в соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ на стадии предварительного расследования — следственные органы, а на стадии судебного разбирательства — суд.

Таким образом, участие защитника в процессе доказывания носит весьма затруднительный характер, т.к. данный участник уголовного судопроизводства не наделен равнозначными со стороной обвинения полномочиями, даже по сбору доказательств, что противоречит принципу состязательности сторон и создает угрозы безопасности его подзащитного. Лишенный возможности собирать доказательства, защитник не может надлежащим образом отстаивать права и интересы последнего и, следовательно, обосновать позицию по делу. Указанное обстоятельство, несомненно, приводит к снижению уровня безопасности защищаемого им лица.

В связи с изложенным, предлагаем внести изменения в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, дополнив ее следующим содержанием: «в качестве доказательств допускаются: полученные защитником в ходе уголовного судопроизводства от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций предметы, документы и иные сведения».

Подводя итоги, представляется целесообразным определить основные источники опасности для объектов безопасности уголовного судопроизводства.

К угрозам безопасности участников уголовного судопроизводства и иных объектов уголовного процесса относятся:

1) опасные воздействия, такие как деяния (действия, бездействия), совершенные любым лицом, заинтересованным в исходе уголовного дела, в отношении объектов безопасности уголовного судопроизводства (жизни, здоровья; чести, достоинства; прав, свобод и законных интересов его участников; информационной среды по уголовному делу и др.) противоправными или иными, не запрещенными законом способами, с определенной целью, подрывающие основы безопасности и наносящие вред задачам уголовного процесса;

2) несовершенство уголовно-процессуального законодательства, выражающееся в его пробелах и коллизиях.

Библиографический список

1. *Кондрашев Б.П.* Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения. М., 1998. 296 с.
2. *Войников В.В.* Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2002. 185 с.
3. *Воронов Д.А.* Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 213 с.

4. *Авдеев М.А.* Теоретические и правовые основы обеспечения личной и имущественной безопасности участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 170 с.
5. *Фабрика И.В.* Некоторые вопросы формирования понятия в юридической науке // Вестник Южно-Уральского государственного ун-та. 2013. Т. 13. № 4. С. 33–37.
6. *Францифоров Ю.В.* Неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве, как гарантия стратегии национальной безопасности // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 2. С. 10–16.
7. *Епихин А.Ю.* Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2004. 460 с.
8. *Новикова М.В.* Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. – 234 с.
9. *Макеева Н.В.* Угрозы безопасности участников уголовного судопроизводства // Закон и право. 2007. № 8. С. 64–65.
10. *Дзалиев М.И., Урсул А.Д.* Основы обеспечения безопасности России. М., 2003. 424 с.
11. *Брусицын Л.В.* Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию в условиях вооруженных сил Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 185 с.
12. *Горяинов К.К.* Насилие в России и защиты жертв: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск: ВШ МВД РФ, 1995. С. 79.
13. *Щерба С.П., Зайцев О.А., Сарсенбаев Т.Е.* Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам: пособие / под ред. С.П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2001. 200 с.
14. *Свиридова М.Е., Ментюкова М.А.* Особенности выявления ошибок, допускаемых следователем при производстве предварительного расследования, устанавливаемые судом первой инстанции (на примере простых убийств) // Научный журнал Дискурс. 2017. № 5 (7). С. 187–197.
15. *Галузин А.* О теории безопасности уголовного процесса // Уголовное право. 2004. № 1. С. 61–63.
16. *Овчинникова Н.О.* Пробелы в уголовно-процессуальном праве и способы их устранения и преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 255 с.
17. *Манова Н.С.* Обеспечение процессуальной самостоятельности следователя в системе контрольно-надзорных отношений на досудебном производстве // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. 2016. С. 107–110.
18. *Кузнецов Н., Дадонов С.* Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 32.
19. *Гладышева О.В.* Модели доказывания в уголовном судопроизводстве и их развитие // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Краснодар, 2016. 395 с.
20. *Шаламов М.П.* Защитник на предварительном следствии: лекция для студ. М., 1973. 38 с.
21. *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. 128 с.
22. *Абдрахманов Р.* Процесс доказывания в новом УПК // Уголовное право. 2002. № 4. С. 53–54.
23. *Дадонов С.В.* Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 176 с.

24. *Симанчева Л.В.* Проблемы реализации процессуального равенства сторон в состязательном уголовном процессе России // Право на судебную защиту в уголовном процессе. Томск: Изд-во Томского университета, 2007. С. 61–66.

25. *Ясельская В.В.* Реализация принципа состязательности в стадии предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 1 (19). С. 82–87.

References

1. *Kondrashev B.P.* Public Safety and Administrative and Legal Means of Ensuring It. Moscow, 1998. 296 p.

2. *Voynikov V.V.* Security Tactics in Criminal Proceedings: dis. ... of cand. of law. Kaliningrad, 2002. 185 p.

3. *Voronov D.A.* Measures of Criminal Procedural Coercion as a Means of Ensuring the Safety of Participants in Criminal Proceedings: dis. ... of cand. of law. Omsk, 2008. 213 p.

4. *Avdeev M.A.* Theoretical and Legal Bases of Ensuring Personal and Property Security of Participants in Criminal Proceedings: dis. ... of cand. of law. Moscow, 2009. 170 p.

5. *Fabrika I.V.* Some Questions of Concept Formation in Legal Science // Bulletin of the South Ural state University. 2013. Vol. 13. № 4. P. 33–37.

6. *Frantsiforov Yu.V.* Personal Inviolability in Criminal Proceedings as a Guarantee of National Security Strategy // Legal paradigm. 2018. Vol. 17. № 2. P. 10–16.

7. *Epikhin A.Yu.* Concept of Ensuring the Security of the Individual in the Sphere of Criminal Proceedings: dis. ... of doc. of law. Syktyvkar, 2004. 460 p.

8. *Novikova M.V.* Ensuring the Safety of Participants in Criminal Proceedings as a Guarantee of the Implementation of Justice in Modern Conditions: dis. ... of cand. of law. Yekaterinburg, 2006. 234 p.

9. *Makeeva N.V.* Threats to the Security of Participants in Criminal Proceedings // Legislation and law. 2007. No. 8. P. 64–65.

10. *Dzliev M.I., Ursul A.D.* The Foundations of Russian Security. Moscow, 2003. 424 p.

11. *Brusnitsyn L.V.* Legal Security of Persons Assisting Criminal Justice in the Conditions of the Armed Forces of the Russian Federation: dis. ... of cand. of law. Moscow, 1997. 185 p.

12. *Goryainov K.K.* Violence in Russia and Defense of Victims: materials of the International scientific and practical conference. Irkutsk: higher school of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 1995. P. 79.

13. *Scherba S.P., Zaitsev O.A., Sarsenbaev T.E.* Protection of the Rights of Victims in Criminal Cases: textbook / ed. Moscow: Yurlitinform, 2001. 200 p.

14. *Sviridova M.E., Mentuykova M.A.* Features of Identifying Errors Made by the Investigator during the Preliminary Investigation Established by the Court of First Instance (on the example of killings) // Scientific journal discourse. 2017. No. 5 (7). P. 187–197.

15. *Galuzin A.* On the Theory of Criminal Process Security // Criminal law. 2004. № 1. P. 61–63.

16. *Ovchinnikova N.O.* Gaps in Criminal Procedure Law and Ways to Eliminate and Overcome Them: dis. ... of cand. of law. Saratov, 2017. 255 p.

17. *Manova N.S.* Ensuring Procedural Independence of the Investigator in the System of Control and Supervisory Relations in Pre-trial Proceedings // Actual Problems of Ensuring the Rights of Participants in Criminal Proceedings. 2016. P. 107–110.

18. *Kuznetsov N., Dadonov S.* The Right of the Defender to Collect Evidence: Essence and Limits // Russian justice. 2002. No. 8. P. 32.

19. *Gladysheva O.V.* Models of Evidence in Criminal Proceedings and Their Development // Actual Problems of Judicial, Legal, Enforcement, Human rights, Criminal Procedure and National Security: materials of the all-Russian scientific and practical conference with international participation. Krasnodar, 2016. 395 p.

20. *Shalamov M.P.* Defender at the Preliminary Investigation: lecture for students. Moscow, 1973. 38 p.
21. *Sheifer S.A.* Investigative Actions. System and Procedural Form. Moscow, 1981. 128 p.
22. *Abdrakhmanov R.* Process of Proof in the New Criminal Procedure Code // Criminal law. 2002. № 4. P. 53–54.
23. *Dadonov S.V.* Implementation of the Adversarial Principle in the Preliminary Investigation Stage : diss. ... of cand. of law. Moscow, 2003. 176 p.
24. *Simancheva L.V.* Problems of Implementation of Procedural Equality of the Parties in Adversarial Criminal Proceedings in Russia // The Right to Judicial Protection in Criminal Proceedings. Tomsk: Tomsk University Publishing house, 2007. P. 61–66.
25. *Yaselskaya V.V.* Implementation of the Adversarial Principle in the Preliminary Investigation Stage // Bulletin of the Tomsk state University. 2016. No. 1 (19). P. 82–87.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10058

УДК 349.2

И.В. Шестерякова

СОГЛАШЕНИЕ О ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС: ВОПРОСЫ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Введение: в статье рассматриваются вопросы пенсионного обеспечения трудящихся стран-членов ЕАЭС, связанные с принятием Соглашения о пенсионном обеспечении в рамках ЕАЭС. В работе проанализировано принятое Соглашение, международные трудовые нормы. **Цель:** выявить и обозначить возможные проблемы реализации Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся-мигрантов. **Методологическая основа:** всеобщие, общенаучные, формально-юридический, системно-правовой, сравнительно-правовой. **Результаты:** исследовано Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся-мигрантов стран-членов ЕАЭС; выяснено влияние этого Соглашения на дальнейшую интеграцию государств-членов ЕАЭС; обозначены проблемы на пути реализации Соглашения и приложены решения выявленных проблем. **Выводы:** в результате анализа Соглашения, статистических данных, международных договоров сделаны выводы о том, что решение вопросов пенсионного регулирования работников стран-членов ЕАЭС позволит решить вопрос о признании диплом об образовании высококвалифицированных работников, которые не получил своего разрешения в Договоре о ЕАЭС; легализовать трудовую миграцию, вывести из «тени» сектора экономики, где заняты мигранты; повысить правовую и социальную защищенность работников-мигрантов и членов их семей.

Ключевые слова: работник, пенсионное обеспечение, международные, коллизии, регулирование, договор.

I. V. Shesteryakova

AGREEMENT ON PENSION PROVISION FOR EMPLOYEES-MEMBERS OF THE EEU: ISSUES OF CONFLICT OF LAWS REGULATION

Background: the article deals with the issues of pension provision for workers of the EEU member states related to the adoption of the agreement on pension provision within the EEU. The paper analyzes the adopted Agreement and international labor standards. **Objective:** to reveal and identify possible problems in implementing the Agreement on pension provision for migrant workers. **Methodology:** general, general scientific, formal-legal,

© Шестерякова Ирина Владимировна, 2020

Доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой трудового права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Shesteryakova Irina Vladimirovna, 2020

Doctor of law, Professor, acting head of the Labor law department (Saratov State Law Academy)

system-legal, comparative-legal methods of research. Results: the Agreement on pension provision for migrant workers of the EEU member States was studied; the impact of this Agreement on the further integration of the EEU member states is clarified; problems on the way of implementing the Agreement are identified and solutions to the identified problems are applied. Conclusions: the analysis of the Agreement statistics, international treaties allowed to come to the conclusion that the decision of the pension regulation for employees- member of the EAEU countries will solve the issue of recognition of a diploma of highly skilled workers education who have not received their permission according to the EAEU Treaty; to legalize labor migration, to withdraw from the "shadow" those sectors of the economy where migrants are employed; to promote legal and social protection of migrant workers and members of their families

Key-words: *employee, pension provision, international, conflicts, regulation, contract.*

Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.) закрепляет, что одной из основных целей Союза является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза (ст. 4). Таким образом, гармонизация в сфере труда является одним из необходимых средств достижения целей, ради которых создавался Евразийский экономический союз. Для решения вопросов дальнейшей интеграции в рамках ЕАЭС необходимо было принять решение о пенсионном обеспечении граждан, работающих на территории договаривающихся государств. Однако возможным это стало только через пять лет после принятия Договора о ЕАЭС.

Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов ЕАЭС было принято в г. Санкт-Петербурге 20 декабря 2019 г. (далее — Соглашение). Необходимо отметить, что это большой шаг в трудо-правовой интеграции государств-членов ЕАЭС, можно сказать прорыв, который:

1) принесет новый виток интеграции для работников договаривающихся государств. Так, статистические данные показывают увеличение потоков легальной трудовой миграции. В частности, в 2014 г. в России, основной стране приема трудящихся, с целью работы на миграционный учет было поставлено 371 656 граждан Кыргызстана, а по итогам 2019 г. их число увеличилось на 22% и составило 453 702 чел. Численность граждан Кыргызстана, застрахованных в системе индивидуального персонифицированного учета Российской Федерации, на 1 июля 2019 г. составила 475 051 чел. В отношении 243 527 граждан были начислены страховые взносы¹.

2) устанавливает дополнительные права и гарантии для указанных работников. Соглашение устанавливает равные права формирования пенсионных прав работников как приезжающих, так и коренных жителей государств;

3) позволит действительно свободно работать на территории государств ЕАЭС без опасения за будущую пенсию;

4) предусматривает гарантии для членов семьи работников. Одной из них следует признать право члена семьи на пенсию в случае смерти работника;

5) закрепляет нормы коллизионного регулирования пенсионных отношений работников. В основном это коллизионная привязка — страна трудоустройства (места работы). Также применяется привязка «государство проживания»;

¹ В ЕАЭС растет поток публичной трудовой миграции. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06-03-2020.aspx> (дата обращения: 14.03.2020).

6) будет способствовать легализация трудовой миграции и трудовых отношений. Следовательно, в секторах экономики, где высока доля работников-мигрантов из стран-членов ЕАЭС будет сокращаться «теневая» экономика, что будет способствовать росту заработной платы указанных работников;

7) приведет к снятию вопроса о признании документов об образовании высококвалифицированных работников в сфере образования, юриспруденции, медицины и фармацевтики.

Соглашение было принято практически на исходе 2019 г. и сейчас пока рано говорить о каких-либо итогах, кроме тех преимуществ, которые были выше указаны. Однако следует отметить, что Соглашение закрепляет важные для работников дефиниции: государство проживания, государство трудоустройства, местожительство, пенсии, пенсионные взносы, стаж работы, член семьи и т.д.

Представляется необходимым также обратить внимание на то, что в Соглашении помимо дефиниций, непосредственно относящихся к пенсионным отношениям, закреплены и иные, например: персональные данные трудящихся, обработка персональных данных и др.

В Алматы 31 января 2020 г. прошло заседание Евразийского межправительственного совета (ЕМПС), на котором выступили премьер-министры договаривающихся государств и они были единодушны — необходимо сосредоточится на устранении препятствий и барьеров в дальнейшем интеграции государств-ЕАЭС. Одним из таких барьеров являлся вопрос о «мобильных пенсиях».

Считаем, что принятие Соглашения, безусловно будет иметь положительный эффект для всех государств-членов ЕАЭС. Однако есть и вопросы, которые нуждаются в уточнении или применении Соглашения, т.е. явно вызовут вопросы:

1) обозначенные в Соглашении термины и применение их на практике. Так, в Соглашении закреплено понятие «член семьи» — лицо, состоящее в браке с трудящимся, а также находящиеся на его иждивении дети и другие лица, которые признаются членами семьи в соответствии с законодательством государства трудоустройства. Это понятие важно как для обращения за назначением и выплатой пенсии, а также и для ее получения. Однако пониманием законодателем «члена семьи» разное в национальном законодательстве стран-участниц. Например, в российском законодательстве как такого, этого понятия вообще не существует. Отправным можно считать определение, которое дано в Семейном кодексе РФ (с. 2)². Однако о членах семьи говорится и в нормативных правовых актах, непосредственно посвящённых пенсионным правам граждан. Так, Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»³ (в ред. от 1 октября 2019 г.) предусматривает, что право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют члены семьи как нетрудоспособные, так и трудоспособные, как состоящие на иждивении, так и вне зависимости от этого признака (ст. 10). В данном случае, следует также иметь ввиду нормы Конвенции

² Семейное законодательство устанавливает порядок осуществления и защиты семейных прав, условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами, определяет порядок выявления детей, оставшихся без попечения родителей, формы и порядок их устройства в семью, а также их временного устройства, в том числе в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52, ч. 1, ст. 6965; 2014. № 2, ч. II (поправка).

МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения»⁴ (Женева, 1952 г.), которую Российская Федерация ратифицировала в 2018 г. При сравнении норм Конвенции МОТ, ФЗ «О страховых пенсиях» и Соглашения можно констатировать коллизии между этими документами. В указанной Конвенции МОТ не предусмотрен термин «член семьи», однако по смыслу этого документа можно сделать вывод о том, что это жена и дети, находящиеся на иждивении (п. «а» ст. 61). Таким образом, положения российского законодательства значительно расширяют круг тех, кто имеет право на получение страховой пенсии по случаю потери кормильца, следовательно, несмотря на вступление в действие для России Конвенции 102 к россиянам, так и гражданам стран-участниц ЕАЭС будет применяться российская норма, т.к. она улучшает положение работников и членов их семей, по сравнению с действующим международным договором. В качестве положительного момента Соглашения следует отнести тот факт, что в качестве члена семьи четко указано, что это лицо, состоящее в браке. Это важный момент, т.к. в этом случае пенсионные права предоставляются только тем парам, которые находятся в зарегистрированном, а не в так называемом «гражданском» браке. В то же время, если сравнивать вариант европейской интеграции, то при регулировании трудовых и иных отношений применяется формулировка о том, что такие права имеют как работники, состоящие в зарегистрированном браке, так и не в зарегистрированном;

2) правила применения электронного документооборота. Очевидно, что в скором времени этот вопрос потребует разрешения. Например, Соглашение закрепляет понятие «персональных данных» и «стажа работы». Эти понятия непосредственно связаны с назначением и получением пенсии. Много десятилетий основным документом, подтверждающим стаж работы, а также данные о работе и прочие, была трудовая книжка. Однако сегодня государства ЕАЭС на национальном уровне переходят на электронный документооборот. Значит потребуются либо унифицировать законодательство о ведении такого документооборота в социально-трудовой сфере, либо принимать унифицированные нормы в качестве дополнения к Соглашению. Для всех государств ЕАЭС это новый институт, но для единообразия в расчете стажа работы, работы с налоговыми органами и фондами страхования, внесения данных о работе, передаче данных государствам друг другу необходимо будет выработать общий единообразный механизм;

3) потребуются выработать общие нормы и о передаче персональных данных работника. Это связано с передачей сведений о стаже работы, стажа работы по определенной профессии или условиях. Возможно будет предложено создание единой платформы работников стран ЕАЭС, по примеру платформ других государств (платформа Adepto). Такая платформа будет удобна для работодателя, т.к. предлагает им огромный выбор работников с резюме, достижениями, подготовкой и т.д. Эта система имеет разветвленные сети с корпорациями и позволяет подбирать работников в разных отраслях, создавая общеотраслевые «экосистемы рабочей силы», организовать переобучение работников и пр. Такая экосистема позволит учесть интересы работника по подбору работы. Кроме того, она будет интересна всем заинтересованным государственным органам, в т.ч. и по назначению пенсий, т.к. позволит получать всю необходимую информацию,

⁴ Конвенция МОТ № 102 о минимальных нормах социального обеспечения. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (дата обращения: 02.02.2020).

не делая дополнительных запросов. Это существенно упростит получение информации, а пребывание работников на территории договаривающихся государств сделает комфортным. Возможно, на такой платформе будет программа, которая предоставляет сведения о прохождении обучения, получения дополнительной квалификации. Такая система предоставит дополнительные возможности не только для работников и работодателей, но и учебных заведений, предоставив возможности для потенциальных обучающихся;

4) в случае назначения пенсии по инвалидности возникает вопрос о признании выданных на территории договаривающихся государств ЕАЭС медицинских документов о состоянии здоровья, группе, сроке и причине инвалидности. Соглашение предусматривает, что в данном случае процедура признания документа не потребуется. Однако, например, может быть сложно будет представить документ, выданный на языке государства-члена. Возможно, что потребуется его перевод, заверение, и др., т.е. дополнительные материальные затраты хотя ст. 9 Соглашения предусматривает, что все решения принимаются на безвозмездной основе.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что принятое Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся-членов ЕАЭС будет способствовать развитию интеграции и усилению интеграционных процессов в рамках договаривающихся государств, унификации отдельных вопросов пенсионного обеспечения, предоставления и передачи информации между государствами.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10059
УДК 346.9

Э.Ф. Байбекова, И.В. Калимуллина

ПРИМЕНЕНИЕ НАВЫКОВ МЕДИАЦИИ — КЛЮЧ К УСПЕШНОМУ РАЗРЕШЕНИЮ КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ

Введение: конфликт — неотъемлемая часть деятельности любой организации. Правильное его диагностирование и прогнозирование позволяет использовать те положительные элементы, которые заключены в самой природе конфликта. В этой связи особую актуальность приобретает необходимость формирования эффективного, быстрого и конфиденциального механизма разрешения корпоративных конфликтов, для урегулирования которых не всегда подходит жесткое администрирование. **Цель:** выявление и решение проблем организации и применения процедуры медиации как самостоятельного способа урегулирования корпоративных споров с участием медиатора-посредника. **Методологическая основа:** системно-структурный метод, который позволил всесторонне изучить социально-правовой механизм разрешения корпоративных споров как единое образование и его структуру; сравнительно-правовой метод, который применялся в исследовании и сравнении правовых норм международного законодательства различных государств в сфере медиации. **Результаты:** авторами сформулированы правовая сущность, характерные черты медиации при разрешении корпоративных конфликтов с юридической точки зрения, обосновано мнение авторов, касающееся использования медиативных процедур при разрешении корпоративных конфликтов, а также выявлены проблемы и недочеты при внедрении медиации и медиативных технологий, с которыми сталкиваются российские компании. **Выводы:** применение медиации является наиболее результативным методом при разрешении споров в корпоративных правоотношениях, в процессе которого стороны получают, несомненно, желаемый и нужный результат с минимальными потерями как в отношении себя, так и в отношении корпорации полностью.

Ключевые слова: корпоративное управление, корпорация, корпоративный конфликт, медиация, посредник, урегулирование спора.

© Байбекова Эльмира Фаридовна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры корпоративного права (Астраханский государственный университет); e-mail: karinbey@mail.ru
© Калимуллина Ирина Викторовна
Кандидат экономических наук, доцент кафедры международного права (Астраханский государственный университет); e-mail: karinbey@mail.ru

© Baibekova Elmira Faridovna, 2020
Candidate of legal Sciences, associate Professor at the Department of Corporate Law (Astrakhan State University)

© Kalimullina Irina Viktorovna, 2020
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of International Law (Astrakhan State University)

E.F. Baibekova, I.V. Kalimullina

APPLYING MEDIATION SKILLS IS KEY TO SUCCESSFULLY RESOLVING CORPORATE CONFLICTS

Introduction: conflict is an integral part of any organization's activities. Correct its diagnosis and prediction allows you to extract the positive elements that are contained in the very nature of the conflict. In this regard, the need to create an effective, fast and confidential mechanism for resolving corporate conflicts, which are not always tough administration, is of particular relevance. **Objective:** to identify and solve the problems of organizing and applying the mediation procedure as an independent way of resolving corporate disputes involving a mediator mediator. **Methodology:** a system-structural method that allowed a comprehensive study of the social and legal mechanism for resolving corporate disputes as a single entity and its structure; comparative legal method, which was used in the study and comparison of the legal norms of international legislation of various states in the field of mediation. **Results:** the authors formulated the legal essence, features of mediation in the legal mechanism for resolving corporate conflicts, argued the author's position regarding the use of the mediation procedure in resolving corporate conflicts, and identified problems and shortcomings in the implementation of mediation and mediative technologies faced by Russian companies. **Conclusions:** the institution of mediation is the most effective way to resolve corporate disputes, allowing the parties to get the really necessary and desired result with minimum losses, both for themselves and for the corporation as a whole.

Key-words: corporation, corporate governance, corporate conflict, mediation, mediator, settlement of a dispute.

Современная позиция общества характеризуется поиском новых возможностей, методов управления и эффективных способов урегулирования конфликтов. Сегодня медиация является альтернативным способом разрешения корпоративных споров.

Российский бизнес играет огромную роль в развитии экономики страны, т.к. помогает решать проблемы, связанные с занятостью населения, увеличивает результативность производства, активизирует формирование конкурентной среды, а также является ресурсом для поступления в бюджет стабильных налогов¹.

Н.И. Ларионова — директор Департамента развития малого и среднего предпринимательства и конкуренции Министерства экономического развития России — отмечает, что основная проблема, с которой столкнулся бизнес сегодня — как выжить в непростое, с экономической точки зрения, время. Разрабатываются дополнительные меры по поддержке малого и среднего предпринимательства².

Наряду с экономическими и административными проблемами развития бизнеса, увеличивается количество корпоративных судебных споров. Конструктивной альтернативой силовым методам разрешения конфликтов является путь переговоров. Одним из возможных способов поддержки российского бизнеса является развитие института медиации.

¹ См.: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31, ст. 4006.

² См.: Ларионова Н.И. Бизнес сегодня: проблемы и возможности их решения. Официальный интернет-ресурс Министерства экономического развития Российской Федерации, 2014. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMB/201501261> (дата обращения: 19.01.2020).

В научной и учебной литературе спор и конфликт в корпоративных правоотношениях рассматривается как расхождение интересов, возникающее между участниками того или иного общества, управлением и участниками общества, корпорацией в целом и инвестором [1, с. 11]. Корпоративные конфликты подразделяются на внутренние и внешние. Например, конфликт между руководством общества и его участниками, либо между руководством и подчиненными ему сотрудниками будет носить внутренний характер. Конфликты или споры, связанные с захватом и подчинением контроля над компанией либо конфликты между сотрудниками и клиентами компании будут относиться к внешнему виду конфликтов.

Необходимость в управлении и оперативном разрешении конфликтных ситуаций является основным звеном для более успешного налаживания работы корпорации в целом, а разбирательство в судебных органах не является самым подходящим и допустимым способом урегулирования корпоративных конфликтов. Существует такой способ разрешения спора или конфликта как переговоры: по нашему мнению, особое внимание нужно сосредоточить на урегулирование конфликта с помощью процедуры медиации, появившаяся в России с принятием Закона в 2011 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»³.

Характерной чертой процедуры медиации является то, что в процессе ее существует потенциал для урегулирования не только самих аспектов конфликта, который имеет юридический характер, но также решить проблемы взаимоотношений между людьми и провести работу над экспансивной стороной спора. Именно эта сфера межличностных отношений, нерегулируемая правом, зачастую играет наибольшую роль в урегулировании некоторых корпоративных споров. Таким образом, возможно широкое применение медиации.

Особый интерес при разрешении корпоративных конфликтов представляет коммерческая медиация и медиация в организации. Коммерческая медиация — процедура разрешения конфликтов в области хозяйственных правоотношений, корпоративного менеджмента и между сторонами, не зависимыми друг от друга. Для осуществления коммерческой медиации привлекаются внешние независимые медиаторы. Медиация в организации — процедура разрешения споров, в которых стороны конфликта — сотрудники одной организации, а в качестве медиатора может выступать внутренний или внешний независимый медиатор.

Назначением процедуры медиации — нахождения благоприятного консенсуса и разрешении конфликта без установления причин виновности сторон для обеих сторон. Урегулирования споров при помощи процедуры медиация имеет ряд плюсов. В литературе отмечается, что при разрешении конфликтов, медиация, по сравнению с другими методами урегулирования корпоративного конфликта, обладает определенными преимуществами, а именно:

1) медиатор исследует интересы, на основе которых может сформироваться приемлемое для обеих сторон решение. Более того медиатор не отстаивает позицию одной из сторон;

2) процесс проведения медиации проходит за достаточно короткий промежуток времени, чем судебное разбирательство, последующее вступление решения суда в законную силу и исполнительное производство вместе взятые;

³ См.: Федеральный закон от 27 июля 2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 23 июля 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

3) расходы на оплату гонорара медиатору значительно меньше, чем расходы на юридическое сопровождение судебного разбирательства;

4) в процессе процедуры медиации гарантируется абсолютная конфиденциальность (судебные разбирательства, как правило, публичные). Ни медиатор, ни стороны не имеют права без обоюдного согласия раскрыть информацию, которая стала им доступной в процессе процедуры медиации⁴;

5) в процессе процедуры медиации, удается сберечь отношения между партнерами, что в дальнейшем дает сторонам продолжить сотрудничать в рамках совместного бизнеса;

6) право сторон самим выбрать медиаторов;

7) стороны самостоятельно договариваются о типах медиации и используемых процедурах, о месте и времени проведения процедур. Осуществление процедуры медиации возникает с момента заключения соглашения об осуществлении процедуры медиации сторонами;

8) стороны конфликта имеют право не согласиться на процесс переговоров или с предлагаемым методом разрешения спора, и могут обратиться к иному способу разрешения конфликта, в том числе к судебному процессу;

9) процесс медиации, по своей природе, не является обязательной процедурой, но итог переговоров может стать предметом исполнения для сторон конфликта, как например, договор или соглашение;

10) в процессе медиации до начала спора стороны могут получить более объективный и независимый анализ своих позиций.

Главным условием возникновения желания у сторон применить процедуру медиации является поиск конструктивного решения для существующей проблемы.

Можно согласиться с рациональным мнением Ц.А. Шамликашвили, что «особенностями и одновременно преимуществами медиации являются такие качества, как неформализованный, конфиденциальный процесс, в котором стороны участвуют на равных, сохраняя полный контроль, как за самим процессом принятия решений, так и за их содержательной стороной» [2].

В области корпоративных правоотношений существуют разнообразные вариации использования медиации. В первую очередь, могут быть созданы особые организации, внутренние подразделения или отделы/службы медиации, которые будут рассматривать дела по разрешению конфликтов, до того как дело о споре будет передано в судебную инстанцию. В вышеназванных организациях штат должен состоять из профессионально обученных медиаторов. В соответствии с законодательством медиатор должен оставаться беспристрастным, поэтому сторонам следует руководствоваться тем, что они могут привлечь к разрешению конфликтов юристов, а также иных экспертов, которые будут необходимы им для принятия решения. Привлечение специалистов возможно как непосредственно в саму процедуру медиации, так и с помощью внешнего консультирования сторон с перерывом процедуры медиации.

В зарубежной литературе отмечается, что корпоративный медиатор уже давно считается частью высшего управленческого звена в ведущих западных компаниях. Данный медиатор занимается введением процедуры медиации для

⁴ См.: Федеральный закон от 27 июля 2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 23 июля 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

урегулирования корпоративных конфликтов внутри компании, вырабатывает надлежащее обучение, оценивает конфликты с точки зрения их медиабельности и в некоторых эпизодах подыскивает для разрешения ситуации медиатора, или сам выступает в качестве такового.

Медиация — значительная составная часть управления корпорацией. В компаниях, где руководство понимает это, может быть введена отдельная должность или целый отдел, который будет непосредственно заниматься организацией результативного урегулирования споров и конфликтов.

Еще одной целью для урегулирования межличностного конфликта внутри корпорации является совершенствование психологической обстановки в коллективе. Принимая участие в процедуре медиации, сотрудники повышают свою квалификацию эффективного стиля при ведении переговоров. В рамках медиации внутри корпорации урегулирование конфликтов необходимо проводить с использованием норм предпринимательского, гражданского и трудового права.

Внутри крупной компании упорядочить процедуру медиации можно с использованием внутренних документов (регламентов, правил, положений и т.д.), которые разработаны специально. Если процедура медиации используется между несколькими компаниями, то ее порядок и проведение должны быть зафиксированы внутренним локальным актом в каждой компании. Двустороннее соглашение о проведении процедуры медиации используется и подписывается при возникновении конфликта между разными юридическими лицами, в котором оговаривается кандидатура медиатора, так и уровень обязательности решений, которые приняты в процессе процедуры медиации. Такие решения также фиксируются в соглашениях.

Таким образом, процедура медиации нужна, если стороны заинтересованы в продолжение сотрудничества, быстроте решения конфликта, но не заинтересованы в его огласке.

В настоящее время не существует четко отлаженного механизма применения медиации в классическом ее понимании, более того, само общество, не знакомое широко с данным институтом, зачастую не готово принимать помощь медиатора в проведении переговоров или решении конфликтов.

В бизнесе редко кто говорит, что у него есть проблемы, поэтому консультация, ведение переговоров от третьего лица и применение навыков медиации в повседневной бизнес-практике без реализации полноценной процедуры медиации имеют в настоящее время большой успех, нежели предложение проведения процедуры медиации в классической форме.

Наиболее распространенные сферы применения навыков медиации в ежедневной бизнес-практике.

1. Переговоры. Требуют навыков медиации как владения переговорным процессом, осложненным конфликтом. Возможно самостоятельное применение навыков медиации в переговорах и коучинг (консультирование) лица, ведущего переговоры. Навыки медиации применяются с начала конфликта и при заходе переговоров в тупик. В переговорах медиация выступает как инструмент работы с интересами и ценностями, а не с позициями сторон. Более приемлемая форма участия третьей стороны в современных бизнес-конflikтах — консилиация.

2. Взаимодействие с коллегами внутри компании — сфера наиболее частого возникновения конфликтов ежедневной бизнес-практики. Здесь важное значение имеет владение навыками медиации руководителем подразделения. Возможно

применение процедур медиации к отношениям руководителей других подразделений, от эффективности взаимодействия которых зависит успешность выполнения функций своего подразделения.

3. Решение конфликтных ситуаций с подчиненными, руководством и коллегами. Это — горизонталь и вертикаль власти, в которых ежедневно действует сотрудник компании, явные и скрытые конфликты внутри и за пределами подразделения. Применение навыков медиации желательно для поддержания здоровой, конкурентной, доброжелательной атмосферы в коллективе, может способствовать созданию репутации сотрудника, способного успешно решать конфликтные ситуации, роль такой репутации в построении карьеры.

4. Ускорение достижения целей. Применение медиации предполагает подход к взаимодействию с точки зрения интересов и ценностей, а не позиций, увеличивает свободу и гибкость в переговорах, проводимых на уровне интересов, расширяя границы возможных договоренностей и минимизируя потери при проведении переговоров на уровне позиций.

5. Владение и управление собой в переговорах. Владение медиативными навыками повышает управление и владение собой в переговорах, нивелируя влияние прошлого опыта и автоматических реакций на переговорный процесс, а также снимает автоматические реакции и предубеждение как причину возникновения конфликтов. Медиация выявляет механизмы, порождающие определенные эмоции, как ключ к достижению желаемого результата переговоров.

Однако современные тенденции делают популярным судебный способ принятия решения в конфликте. Судебные решения могут охватить спектр конфликтных проблем лишь частично. В судебных инстанциях, как правило, проигравшей остается одна из сторон, которая не удовлетворена судебным решением (имеются в виду понесенные расходы, время, репутация, отношения) [3, с. 20].

Актуальным вопросом в сфере бизнеса является необходимость урегулировать конфликты в короткие сроки, с минимальными негативными последствиями. Важное значение имеет реальное исполнение принятого по спору решения.

Характерной чертой почти каждого конфликта является тот факт, что убеждения или условия одной из сторон, настаивающая на своем варианте разрешения конфликта, оказываются неприемлемыми для другой стороны [4, с. 153].

В процессе процедуры медиации создается основа для плодотворного взаимодействия, после которого происходит лучшее понимание сути спора. Открытость участников в процессе проведения процедуры медиации внутри компании дает возможность предпринимателю отнестись к ситуации комплексно, это приводит к возможности рассмотреть альтернативные пути урегулирования конфликта или спора.

Особое место в развитии системы социального партнерства и формировании совместной политики развития предпринимательской сферы занимает Торгово-промышленная палата Российской Федерации, одной из важных задач которой является поддержка и содействие в разрешении конфликтов, которые возникают между представителями малого и среднего бизнеса. Создаваемые в местных Торгово-промышленных палатах центры медиации являются элементами инфраструктуры, способствующей развитию предпринимательской сферы.

Организация на местах для использования возможности применения медиативного способа урегулирования конфликта, осуществляет дополнительные критерии поддержки для предпринимателей. Организация Центром медиации

взаимодействия с органами местной власти, районными и арбитражными судами, по вопросам применения медиации и разработки муниципальных программ, может способствовать формированию комфортных условий для развития малого и среднего бизнеса.

Медиация при разрешении корпоративных споров к сожалению используется редко и это добавляет актуальности теме исследования. Основной причиной слабого использования медиации, по нашему мнению, является отсутствие информации о ней как методе альтернативного урегулирования спора или ограниченное представление о возможностях применения медиации, т.е. возможности применения медиации не только в спорах между предпринимателями, но и между предпринимателем и работником, например.

Основной канал продвижения, информированности предпринимателей о существовании и возможностях медиации на сегодняшний день это судебная система РФ. В арбитражных судах регионов активно открываются «Комнаты примирения» для пропаганды медиации в бизнес среде. Вместе с тем в Справке о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.) говорится «...Стороны соглашаются пройти процедуру медиации в исключительных случаях, после того, как судьями в судебных заседаниях затрачивается значительное время на разъяснение сущности процедуры медиации и ее преимуществ».

К тому же предприниматель, узнавший о медиации в «Комнате примирения», уже сделал выбор в пользу судебного разрешения спора, когда обратился для этого в суд.

Необходимо продвижение информации о медиации через профессиональные сообщества или через курсы, лекции, проведение тренингов в бизнес-школах, где существует система доверия к источникам информации и открытость к получению новой информации предпринимателями.

Хорошая и полная информированность предпринимателя о возможностях процедуры медиации как альтернативе судебной системе может позволить ему еще при подготовке сделки и на более ранних стадиях конфликта рассматривать медиацию как вариант возможного разрешения спора. Будучи в полной мере осведомленным о возможностях процедуры медиации и соотнеся свои интересы с существующими факторами бизнеса, предприниматель, по нашему мнению, с очень большой вероятностью в определенных конфликтных ситуациях примет решение о разрешении конфликта с помощью процедуры медиации.

Исследуя опыт предпринимателей по разрешению различного типа конфликтов, думаем, что при принятии решения о выборе способа разрешения конфликта предприниматель будет руководствоваться набором психологических, организационных и средовых факторов. Интерес в медиации для предпринимателя возможен в следующих случаях [5, с. 18]:

- 1) серьезные планы на продолжение работы с конфликтующей стороной;
- 2) слабая собственная юридическая служба или ее отсутствие;
- 3) репутационные потери.

Тщательно изученные наукой аргументы принятия решений являются следствием для решений и действий, которые принимаются и осуществляются человеком. Важным требованием внутренней мотивации можно назвать уверенность человека в своей компетенции, присутствие альтернативы выбора деятельности и обеспеченность оптимальной обратной связи.

Принципы, заложенные в процедуру медиации, например конфиденциальность, дают серьезные положительные моменты для использования процедуры при разрешении корпоративного конфликта с соблюдением и не нарушением тех факторов, о которых сказано выше.

Из вышеперечисленных факторов, пп. 1 и 3, безусловно, действуют в пользу применения медиации. И только отсутствие осведомленности в предпринимательской среде о существующей процедуре медиации, сдерживает пока рост споров, разрешаемых с ее помощью.

В настоящее время в России процедура медиации в урегулировании корпоративных споров находится на стадии своего формирования. Помощь сторонам для разрешения корпоративного конфликта могут оказывать общественные и иные некоммерческие организации. Однако следует обратить внимание на потенциальность данного вида урегулирования корпоративных споров и конфликтов и эффективность такой формы защиты прав и интересов сторон корпоративных правоотношений, как процедура медиации [6, с. 35].

Но стоит учесть, что при внедрении медиации и медиативных технологий в российские компании, организации сталкиваются с такими проблемами как минимизация необходимых правил и требований к организациям, которые оказывают услуги по медиации, дорогостоящее и короткое обучение на курсах, сомнительность вопроса о добровольности медиации по всем группам дел, не до конца изученная система гарантий независимости медиаторов, недостаточная разъяснительная работа среди населения. Однако внедрение в область урегулирования корпоративных конфликтов и споров процедуры медиации способствует формированию благоприятного климата в инвестиционной сфере и безопасной социальной атмосферы в целом.

Библиографический список

1. Корпоративные конфликты: причины их возникновения и способы преодоления / под ред. А.С. Семенова и Ю.С. Сизова. 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2016. 512 с.
2. Шамликашвили Ц.А. Медиатор вместо судьи. Эффективный подход к разрешению споров для современного менеджера // Российская бизнес-газета. 2010. 29 июня.
3. Пун Г. Руководство по медиации для корпоративных юристов. М.: МЦУПК, 2012. 168 с.
4. Ширяева Ю.В. Правовой аспект медиации // Третейский суд. 2014. № 4. С. 151–156.
5. Яковлев В.Ф. Нам нужно обрести культуру диалога // Медиация и право: Посредничество и примирение, 2014. № 24. С. 14–30.
6. Добролюбова Е.А. Медиация как способ разрешения корпоративных конфликтов: правовой аспект // Предпринимательское право. 2016. № 4. С. 33–36.

References

1. Corporate conflicts: causes of their occurrence and ways to overcome / ed. by A.S. Semenov and Yu. S. Sizov. 4th ed., stereotype. Moscow: Komkniga, 2016. 512 p.
2. Tsisana Shamlikashvili Mediator instead of a judge. Effective approach to dispute resolution for a modern Manager // Russian business newspaper. 2010. June 29.
3. Poon G. Guide to mediation for corporate lawyers. M: MCEPC, 2012. 168 p.
4. Shiryayeva Yu.V. Legal aspect of mediation // Arbitration court. 2014. № 4. P. 151–156.
5. Yakovlev V.F. We need to find a culture of dialogue // Mediation and law: Mediation and reconciliation, 2014. № 24. P. 14–30.
6. Dobrolyubova E.A. Mediation as a way to resolve corporate conflicts: a legal aspect // Business law. 2016. № 4. P. 33–36.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10060

УДК 349.6 (476) (075.8) + 349.42

О.А. Хотько, А.И. Михнюк

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Введение: реализация прав граждан на достойную жизнь зависит от выполнения требований законодательства в сфере национальной безопасности, отсутствия внешних и внутренних угроз безопасности. Особо охраняемыми сферами, связанными с защитой прав граждан, должна стать экологическая и продовольственная безопасность. **Цель:** изучение законодательства в области регулирования экологической и продовольственной безопасности и доктринальных положений эколого-правовой и аграрно-правовой науки и выявление их взаимосвязи в контексте имеющихся проблем правового обеспечения защиты прав граждан. **Методологическая основа:** анализ, сравнительно-правовой метод, обобщение, аналогия. **Результаты:** проведен анализ правового регулирования экологической и продовольственной безопасности в Республике Беларусь и исследованы вопросы обеспечения защиты прав граждан в данной сфере, а также сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации, и стран, входящих в Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС). **Выводы:** отмечается необходимость обновления законодательства в сфере сельскохозяйственной деятельности путем закрепления эффективных экологических требований, гармонизации и унификации правовых норм стран-участниц ЕАЭС для достижения цели защиты прав граждан.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экологическое законодательство, продовольственная безопасность, сельскохозяйственная деятельность.

V.A. Khotko, A.I. Mikhnyuk

PROBLEMS OF LEGAL SUPPORT FOR THE PROTECTION OF CITIZENS' RIGHTS IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL AND FOOD SECURITY

Background: the realization of the rights of citizens to a dignified life depends on the implementation of the requirements of legislation in the field of national security and the absence of external and internal threats to security. Environmental and food security are particularly important areas related to the protection of citizens' rights. **Objective:** to study legislation on environmental and food security regulation and doctrinal provisions of environmental and agrarian-legal sciences and to identify their relationship and

© Хотько Ольга Александровна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экологического и аграрного права (Белорусский государственный университет); e-mail o.a.khatsko@gmail.com

© Михнюк Александра Игоревна, 2020
Преподаватель кафедры экологического и аграрного права (Белорусский государственный университет); e-mail cleo_m@inbox.ru

© Khotko Olga Aleksandrovna, 2020
Candidate of law, Associate professor, Associate professor, Environmental and agrarian law department (Belarusian State University)

© Mikhnyuk Aleksandra Igorevna, 2020
Teacher of law, Environmental and agrarian law department (Belarusian State University)

existing legal problems for the protection of citizens' rights. Methodology: analysis of categories «environmental security», «food security», «sustainable development», methods: comparative-legal method, generalization, analogy. Results: the analysis of the legal regulation of environmental and food security in the Republic of Belarus and a comparative analysis with the legislation of the Russian Federation and countries belonging to the Eurasian Economic Union (hereinafter — the EAEU) were conducted, the issues of ensuring the protection of the rights of citizens in this area were studied. Conclusions: the need for updating the legislation in the field of agricultural activity by fixing effective environmental requirements, harmonizing and harmonizing the legal norms of the EAEU member states to achieve the goal of protecting citizens' rights is noted.

Key-words: *environmental security, environmental legislation, food security, agricultural activities.*

Экологическая и продовольственная безопасность являются обязательным условием устойчивого развития общества и отражают общее состояние защищенности окружающей среды, а также жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия. Деятельность в данной сфере можно определить как часть системы мер по реализации конституционного права на жизнь, достойный уровень жизни, на здоровье, на благоприятную окружающую среду.

Актуальность исследования проблем конституционно-правового обеспечения защиты прав граждан в сфере экологической и продовольственной безопасности обусловлена наличием ряда угроз, возникающих при осуществлении хозяйственной деятельности, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, жизнь и здоровье человека.

Продовольственная и экологическая безопасность являются самостоятельными составляющими национальной безопасности, между тем они неразрывно связаны и взаимообусловлены. С одной стороны, без надлежащего качества окружающей среды невозможно осуществление эффективного сельскохозяйственного производства. С другой стороны, поддержание основного критерия продовольственной безопасности — самообеспеченности основными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, предполагает интенсивное использование природных ресурсов, прежде всего, земельных, при этом обеспечение рационального их использования невозможно без учета экологической составляющей: природные ресурсы постепенно сокращаются, вследствие интенсификации систем земледелия страдают экосистемы¹. Между тем уровень правовой регламентации названных сфер безопасности в Республике Беларусь неоднороден.

Конституция Республики Беларусь содержит правовые положения, касающиеся экологической и продовольственной безопасности, затрагивающие наиболее значимые интересы жизнедеятельности каждого человека, в частности, гарантии обеспечения экологической безопасности вытекают из неотъемлемой составляющей права человека на благоприятную окружающую среду (ст. 46), продовольственной безопасности — права на достойный уровень жизни (ст. 21). Эффективная реализация перечисленных прав достигается только посредством

¹ См.: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962 «О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2019.

совместных усилий государства, общества и каждого гражданина, направляющих свои действия на обеспечение экологической и продовольственной безопасности. Благодаря этому могут быть реализованы и иные права, предусмотренные Конституцией Республики Беларусь: право на жизнь (ст. 24), на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды (ст. 34), право на образование (ст. 49).

Вопросы продовольственной безопасности детально урегулированы в Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 г. Однако проблемы и направления правового обеспечения экологической безопасности не получили содержательного регулирования на законодательном уровне. Очевидно, что действующий правовой механизм обеспечения продовольственной безопасности не учитывает вопросы экологической составляющей для оценки, мониторинга, прогнозирования и ее регулирования, о чем свидетельствуют используемые в Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 г. индикаторы экологической устойчивости сельскохозяйственного производства, отклонение от пороговых значений которых свидетельствует о снижении уровня защищенности национальных интересов, способных в конечном итоге оказать негативное влияние и на конституционно-правовое обеспечение защиты прав граждан в сфере продовольственной и экологической безопасности. В качестве таких индикаторов выступают:

удельный вес неиспользуемых земель сельскохозяйственных организаций;
уровень плодородия почв пахотных земель (средний уровень гумуса в почвах пахотных земель);

общая пестицидная нагрузка на один гектар пашни;

доля сельскохозяйственных земель, используемых для получения органической продукции

удельный вес деградированных осушенных земель с торфяными почвами в общей площади сельскохозяйственных угодий

удельный вес нарушенных земель в общей площади земель сельскохозяйственных организаций

доля отходов, образовавшихся в сельском хозяйстве, в общем количестве отходов².

Очевидно, что оценке подлежит лишь состояние одного природного ресурса — земли, это объясняется тем, что именно земля является основным средством производства в сельском хозяйстве, помимо этого в Республике Беларусь наблюдается «тенденция по сокращению сельскохозяйственных земель и увеличения площади деградированных земель с торфяными почвами: по сравнению с 2000 годом их количество увеличилось на 12%. Также зафиксировано устойчивое снижение содержания гумуса на пахотных землях» [1, с. 71]. В то же время субъекты сельскохозяйственного производства, будучи «основными природопользователями, главными потребителями окружающей среды и одними из основных ее загрязнителей» [2, с. 118], оказывают комплексное воздействие на окружающую среду и не ограничиваются исключительно земельными ресурсами. К примеру, мировой аграрный сектор потребляет 69% воды в составе общего

² См.: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962 «О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2019.

водопользования, ученые подчеркивают, что вода — главный фактор, лимитирующий производство сельхозпродукции [3, с. 3]. Следовательно, при решении вопросов связанных с обеспечением экологической безопасности, необходимо исходить из комплексного воздействия сельскохозяйственной деятельности на окружающую среду. Данное положение важно учитывать при определении основных направлений взаимодействия аграрной и экологической политик, призванных обеспечить жизнедеятельность человека и человечества («сохранение биоразнообразия, ликвидация голода, недопущение утраты площадей сельскохозяйственных угодий, снижение рисков в результате применения опасных пестицидов и агрохимикатов, уменьшение негативного воздействия на процессы глобального потепления вследствие поступления метана» и иные), которые, как справедливо отмечено в научном исследовании профессором О.Л. Дубовик [4, с. 35], до сих пор не получили правового закрепления.

Стоит отметить, что соглашения государств-участников Содружества Независимых Государств не включают мер по охране окружающей среды в сельском хозяйстве. С учетом того, что Республика Беларусь, Российская Федерация поддержали международную инициативу «Один пояс — один путь», предполагающую сопряжение двух концепций — построения Экономического пояса Шелкового пути и дальнейшего развития евразийских отношений, стоит отметить, что в отношении регулирования продовольственной безопасности в рамках ЕАЭС подготовлен проект Концепции коллективной продовольственной безопасности, в которой, однако, совершенно не упоминается про экологическую составляющую, а ведется речь только о необходимости наращивания и эффективной реализации производственного потенциала АПК.

В настоящее время следует осознавать необходимость изменения подхода к эколого-правовым требованиям в свете влияния трансформационных процессов экономики, поскольку новые условия диктуют внедрение современной позиции по определенным вопросам, касающимся обеспечения благоприятной окружающей среды. Развитие общественных отношений, направленных на обеспечение прав человека, требует концептуально новых согласованных положений в отраслях законодательства, а также наднациональных правовых актах. Целесообразно обновление положений, касающихся обеспечения прав человека, его защищенности от угроз техногенного характера. В частности, экологизированные нормы белорусского аграрного законодательства во многом имеют декларативный характер. К примеру, специальные положения, направленные на соблюдение экологических требований в процессе осуществления сельскохозяйственного производства, предусмотрены в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября 2014 г. № 954 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 г. № 347», определяющее условия осуществления прямых выплат на единицу площади земельного участка в виде субсидий сельскохозяйственным производителям в качестве меры государственной поддержки. Одним из оснований для отказа в предоставлении таких выплат является снижения уровня плодородия почв по сравнению с зафиксированным на дату последнего агрохимического обследования почв на сельскохозяйственных землях, кроме этого, юридическое лицо лишается половины государственной поддержки при выявлении факта несоблюдения требований о защите окружающей среды. Однако на практике эти положения не нашли реализации, т.к. на данный вид субсидирования бюджетные средства не выделялись.

В Российской Федерации действуют Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2015 г., утвержденная Указом Президента от 19 апреля 2017 г. № 176, Экологическая доктрина, одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р., что свидетельствует о большей степени разработанности вопросов правового обеспечения экологической безопасности. Вместе с тем в вышеназванной Стратегии, среди глобальных вызовов экологической безопасности, особо серьезными указаны последствия изменения климата на планете, которые неизбежно отражаются на жизни и здоровье людей, состоянии животного и растительного мира, а в некоторых регионах становятся ощутимой угрозой для благополучия населения и устойчивого развития, а также рост потребления природных ресурсов при сокращении их запасов³, что оказывает негативное воздействие на состояние национальной безопасности. Эти проблемы общие для наших стран, соответственно, вопросы экологической и продовольственной безопасности важны для Республики Беларусь, но и для интеграционных объединений (Союзного государства, ЕАЭС), хотя в нашей стране и не имеется стратегического документа, закрепляющего механизмы реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, как, например, в Российской Федерации.

Значимость совершенствования законодательства об экологической безопасности в целях обеспечения прав человека признается учеными, что подтверждается исследованиями Е.Н. Абаниной [5], А.П. Анисимовым [6], Н.Г. Жаворонковой [7], Т.И. Макаровой [8] и др. Правовое обеспечение экологической безопасности при осуществлении хозяйственной деятельности должно предусматривать научно-ориентированный и системный подход, включая экологизацию законодательства (сельскохозяйственного, транспортного, энергетического и т.д.).

В настоящее время некоторые государства-члены ЕАЭС самостоятельно осуществляют способы закрепления политики в области обеспечения экологической безопасности и разработки основных целей, задач, направлений деятельности, однако, система правовых норм ЕАЭС в рассматриваемой сфере находится в стадии формирования. Изучение нормативных правовых актов, регулирующих экологическую безопасность демонстрирует, что необходимо реализовывать общую стратегию экологической безопасности в контексте эффективного правового регулирования рассматриваемых отношений в рамках евразийского правового пространства. Попытки унифицировать правовую базу в рамках ЕАЭС с целью создания гармонизации норм об экологической безопасности в целом не предпринимались. Мы можем констатировать, что интеграционное правовое поле в рассматриваемой сфере не имеет общих механизмов обеспечения политики в области экологической безопасности, однако усилиями одного государства обеспечить правовое регулирование защиты прав граждан и соблюдения эколого-правовых требований довольно затруднительно и практически невозможно. И хотя Договор о создании Евразийского экономического союза от 29 мая 2014 г. от 29 мая 2014 г. содержит раздел XXV «Агропромышленный комплекс», полагаем, что документ необходимо дополнить положениями об экологической безопасности, сообщающих о направлении на экологизацию сельскохозяйственной деятельности, что позволит в полной мере реализовать гражданам экологические и иные

³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 «Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

права, которые в совокупности способствуют защите права на благоприятную окружающую среду», и направлены на решение продовольственной безопасности.

Учеными и ранее акцентировалось на необходимость разработки новых подходов к охране окружающей среде в свете новых экологических угроз (изменение климата, возникновение парникового эффекта и др.) и осознания потребности в производстве экологически чистой сельскохозяйственной продукции [9]. Проблемы эффективной защиты прав человека должны быть разрешены путем выполнения требований в области охраны окружающей среды (природоохранных требований, требований экологической безопасности) и точного их закрепления в законодательстве. Важно помнить о том, что применительно к сфере сельскохозяйственного производства охрана окружающей среды является «неотъемлемым условием устойчивого развития сельских территорий» [10], а достижение целей устойчивого развития рассматривается как актуальная комплексная и междисциплинарная проблема в связи с тем, что неблагоприятная экологическая обстановка препятствует устойчивому развитию. Чтобы осуществлять экономические виды деятельности и защищать экологические и связанные с ними права человека, в т.ч. права будущих поколений, поддерживать экологическую безопасность, важен четкий перечень гарантий обеспечения прав граждан, т.е. мер, направленных на обеспечение баланса интересов субъектов зачастую противоречивых направлений деятельности (экономической деятельности и экологической безопасности).

Стоит обратить внимание, что органами государственного управления необходимо проводить политику по поддержке экологоориентированного подхода в деятельности, связанной с обеспечением продовольственной безопасности, регулированию и стимулированию деятельности по обеспечению экологической безопасности в данной сфере. Кроме того, все граждане, учреждения, организации должны беречь и охранять окружающую среду в целях недопущения причинения вреда, жизни и здоровью человека. На наш взгляд, необходимо обновление законодательства с закреплением строгих экологических требований, включая повышение экологического образования и соблюдение экологической культуры, внедрение экономических стимулов, усиление юридической ответственности. Правовая культура в первую очередь влияет на поддержание окружающей среды в состоянии, благоприятном для жизни и здоровья граждан, а в условиях развития техносферы в XXI в. «еще более возрастет значение жизнеобеспечительной функции природы» [11] и уровень защищенности окружающей среды и соблюдение прав человека будет стоять чрезвычайно остро. На этом фоне необходимо повышать прежде всего уровень экологической подготовки руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, т.к. они наделены правом принятия решений в экологической сфере [12, с. 92]. В связи с этим, полагаем, в доктрине экологического права следует отвести особое место для теоретических основ экологической культуры и эколого-правового культурного поведения, включая экологическое образование и просвещение в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Подтверждением являются Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2015 г., в которой отмечается низкий уровень экологического образования и экологической культуры населения. Эта же проблема касается и граждан Республики Беларусь, поэтому, в свете сложившихся проблем, необходимы совместные усилия.

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы. Проблема защиты прав граждан в сфере экологической и продовольственной безопасности — это важнейший компонент национальной безопасности, является приоритетным научным направлением, ставит перед обществом определенные задачи решение которых возможно путем установления нормативных требований и формирования нового правосознания у каждого человека. Для тенденции снижения вредного воздействия техногенных процессов на окружающую среду, необходим современный взгляд на решение данной проблемы, ведь в меняющемся мире, в условиях участия государств в интеграционных процессах, активного развития промышленности, возникает ряд угроз для обеспечения фундаментальных прав человека в связи с тем, что модернизация экономики оказывает существенное влияние на состояние окружающей среды. Необходима гармонизация законодательства ЕАЭС, регулирующего вопросы экологической безопасности, что будет способствовать большему сближению государств в вопросах регулирования экологической безопасности, сохранения благоприятной окружающей среды, природно-ресурсного потенциала. На наднациональном уровне необходимо закрепление правовых основ в области экологии, в условиях трансграничного загрязнения окружающей среды для осознания ответственности за сохранение природы. Положительные результаты правового обеспечения защиты прав граждан могут быть достигнуты только при общей заинтересованности и активном участии государств.

Библиографический список

1. *Малкина И.В.* Актуальные проблемы охраны окружающей среды в АПК // Актуальные проблемы совершенствования правового регулирования агробизнеса: сборник научных трудов Белорусс. гос. сельскохозяйств. академии / редкол. П.А. Саскевич [и др.]. Горки, 2016. Вып. 1. С. 69–75.
2. *Боголюбов С.А.* Правовое обеспечение охраны окружающей среды в сельском хозяйстве // Аграрное и земельное право. 2006. № 2. С. 106–118.
3. *Семина А.Н., Намятова Л.Е.* Специфические особенности сельскохозяйственного производства: теоретические и практические аспекты // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 5. С. 2–12.
4. *Дубовик О.Л.* Современная аграрная политика ЕС: цели оптимизации, конфликты, необходимость поиска экологических, социальных и экономических интересов // Экологическое право. 2019. № 3. С. 35–43.
5. *Абанина Е.Н.* Система принципов правового обеспечения экологической безопасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4. С. 259–264.
6. *Анисимов А.П.* Современные правовые проблемы обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации // Вестник Нижегородской Академии МВД РФ. 2017. № 3. С. 41–46.
7. *Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г.* Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации. М.: Проспект, 2017. 160 с.
8. *Макарова Т.И.* Проблемы правового обеспечения экологической безопасности в контексте интеграционных процессов Республики Беларусь и Российской Федерации // Правовое обеспечение экологической безопасности в сфере природопользования и энергетики: сборник статей участников Международной научно-практической конференции, посвященной Году экологии в Российской Федерации (Казань, 8 декабря 2017 г.). 2018. С. 33–38.

9. *Кузьмич И.П., Шахрай И.С.* Правовое обеспечение охраны окружающей среды в сельском хозяйстве // *Аграрное и земельное право*. 2016. № 9. С. 69–80.

10. *Актуальные проблемы теории экологического права: коллективная монография / под общ. ред. А.П. Анисимова. М., 2019. 520 с.*

11. *Васильева М.И.* Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности // *Экологическое право*. 2005. № 1. С. 19–26.

12. *Шапкина Е.А., Марчук, П.В.* Партнерство государства и общества в сфере экологической безопасности // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 4. С. 90–93.

References

1. *Malkina I.V.* Actual Problems of Environmental Protection in the Agro-industrial Complex // *Actual Problems of Improving the Legal Regulation of Agribusiness: collection of scientific works of Belarus. state farm. academies / editorial board. P. A. Saskevich [et al.]. Gorki, 2016. Vol. 1. P. 69–75.*

2. *Bogolyubov S.A.* Legal Support of Environmental Protection in Agriculture // *Agrarian and land law*. 2006. № 2. P. 106–118.

3. *Semin A.N., Namyatova L.E.* Specific Features of Agricultural Production: Theoretical and Practical Aspects // *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2019. № 5. P. 2–12.

4. *Dubovik O.L.* Modern Agricultural Policy of the EU: Optimization Goals, Conflicts, the Need to Search for Environmental, Social and Economic Interests // *Environmental law*. 2019. № 3. P. 35–43.

5. *Abanina E.N.* System of Principles of Legal Provision of Environmental Safety // *Bulletin Saratov state law Academy*. 2019. № 4. P. 259–264.

6. *Anisimov A.P.* Current Legal Problems Provision of Environmental Safety in the Russian Federation // *Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the interior Ministry*. 2017. № 3. P. 41–46.

7. *Zhavoronkova N.G., Shpakovsky Yu.G.* Legal Support of Environmental Safety in the Conditions of Economic Integration of the Russian Federation. Moscow: Prospect, 2017. 160 p.

8. *Makarova T.I.* The Problems of Legal Provision of Ecological Safety in the Context of Integration Processes of the Republic of Belarus and the Russian Federation // *Legal Maintenance of Ecological Safety in the Sphere of Nature and Power: a collection of articles by participants of the International scientific-practical conference dedicated to the Year of ecology in the Russian Federation (Kazan, December 8, 2017)*. 2018. P. 33–38.

9. *Kuzmich I.P., Shakhrai I.S.* Legal Support of Environmental Protection in Agriculture // *Agrarian and land law*. 2016. № 9. P. 69–80.

10. *Actual Problems of the Theory of Environmental Law: a collective monograph / edited by A.P. Anisimov. Moscow, 2019. 520 p.*

11. *Vasileva M.I.* The Right to a Favorable Environment as an Element of the Legal Status of the Individual // *Environmental law*. 2005. № 1. P. 19–26.

12. *Shapkina E.A., Marchuk, P.V.* Partnership of the State and Society in the Sphere of Environmental Safety // *Agrarian and land law*. 2019. № 4. P. 90–93.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10061

УДК 349.42

А.Ю. Мохов

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Введение: процессы создания межгосударственных союзов связаны с выстраиванием комплекса единых мер по обеспечению той или иной сферы деятельности, прежде всего, экономической. Особое значение традиционно имеет обеспечение продовольственной безопасности, как основа хозяйственного, социального и политического благополучия. Активная деятельность и расширение для Евразийского экономического союза (ЕАЭС) требуют выработки единого организационно-правового механизма в сфере коллективной продовольственной безопасности. **Цель:** проанализировать современное состояние правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности на уровне ЕАЭС, обозначить основные проблемы реализации и совершенствования нормативных актов в данной области. **Методологическая основа:** использованы общенаучный метод всеобщего познания, системно-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой (компаративистский) методы. **Результаты:** в условиях современной интеграции государств, развития межгосударственных союзов, реализации единой продовольственной политики и мер по обеспечению продовольственной безопасности в Евразийском экономическом союзе основной проблемой выступает соблюдение баланса интересов общего рынка сельскохозяйственной продукции и защиты суверенитета государств, входящих в ЕАЭС. **Выводы:** перспективное расширение ЕАЭС за счет государств не только бывшего Советского Союза потребует нового подхода к регулированию АПК, одновременно основанного на принципах равенства рынка и индивидуализации государств с учетом их объективных и субъективных особенностей. Модельный, декларативный характер современного правового регулирования коллективной продовольственной безопасности в странах, входящих в ЕАЭС, предопределяет необходимость унифицированного правового регулирования вопросов продовольственного обеспечения на уровне союза — в интересах обеспечения права населения стран евразийского пространства на питание.

Ключевые слова: аграрное право, международное право, продовольственная безопасность, право на питание, продовольственный кризис, продовольственная политика, продовольственный суверенитет, Евразийский экономический союз.

© Мохов Артем Юрьевич, 2020
Ассистент кафедры конституционного и административного права (Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ);
e-mail: aumohov@mail.ru

© Mokhov Artem Yuryevich, 2020
Assistant of the Department of Constitutional and Administrative Law (Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

A. Yu. Mokhov

LEGAL PROBLEMS OF ENSURING COLLECTIVE FOOD SECURITY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Background: the processes of creating interstate unions are associated with building a set of uniform measures to ensure a particular area of activity, primarily economic. Of particular importance is traditionally ensuring food security, as the basis of economic, social and political well-being. Vigorous activity and expansion - in the long term, of the Eurasian Economic Union (EAEU), not least require the development of a single organizational and legal mechanism in the field of collective food security. **Objective:** to analyze the current state of the legal regulation of ensuring food security at the level of the EAEU, to identify the main problems of the implementation and improvement of regulatory acts in this area. **Methodology:** the general scientific method of universal knowledge, system-legal, formal-legal, comparative-legal (comparative) methods are used. **Results:** in the conditions of modern integration of states, the development of interstate unions, the implementation of a unified food policy and measures to ensure food security in the Eurasian Economic Union, the main problem is to maintain a balance of interests in the common agricultural market and protect the sovereignty of state accidents in the EAEU. **Conclusions:** the prospective expansion of the EAEU at the expense of the states of not only the former Soviet Union will require a new approach to regulating the agro-industrial complex, based on the principles of market equality and individualization of states, taking into account their objective and subjective features. The model, declarative nature of the modern legal regulation of collective food safety in the countries that are members of the EAEU, determines the need for a unified legal regulation of food security at the union level - in the interests of ensuring the right of the population of the countries of the Eurasian space to food.

Key-words: agrarian law, international law, food security, the right to food, food crisis, food policy, food sovereignty, Eurasian economic community.

Продовольственный вопрос, а также прямо связанные с ним аспекты сельскохозяйственного производства, социального обеспечения, аграрной политики в целом традиционно находятся «в центре внимания» Российского государства на всем протяжении его исторического развития. Многие отечественные реформы («крестьянская» реформа 1861 г., коллективизация в начале 1930-х гг., переход к рыночной экономике в течение 1990-х гг.) в той или иной степени были связаны с изменением управленческих и правовых подходов к организации агропродовольственной сферы. Особую актуальность сохраняют вопросы обеспечения продовольствием и на сегодняшний день. Обстановка «санкций» и «контрсанкций» во внешнеэкономических отношениях, недостаток бюджетного финансирования сельскохозяйственного производства, повышающиеся цены на продовольственные товары, несомненно, осложняют целенаправленную деятельность государства в агропродовольственном секторе.

Идея «продовольственной безопасности» как важного компонента общенациональной безопасности Российской Федерации, приобретает все большее значение. От уровня безопасности, достижения и соблюдения ее основных критериев прямо зависит общественное здоровье, возможность активного участия граждан в социально-экономической сфере, политическая стабильность внутри страны (вспомним многочисленные «хлебные» и «картофельные» бунты в истории России). В отличие от ранее действовавшего законодательства, новой

Доктриной продовольственной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ 21 января 2020 г.¹ (далее — Доктрина), продовольственная безопасность обозначается как «состояние социально-экономического развития страны (п. 2 документа). На наш взгляд, это является значительным «шагом» к признанию продовольственного вопроса как комплексного, требующего не только сугубо экономических мер.

Необходимо учитывать также и политическую составляющую сегодняшней продовольственной политики. Российская Федерация является одним из крупнейших мировых экспортеров сельскохозяйственной продукции. Положительное влияние не только на объемы урожая, но и на перспективы расширения экспорта сельскохозяйственного сырья и продукции оказывает и текущая климатическая ситуация. Согласно Отчетам Всемирной продовольственной организации ООН (ФАО ООН), мягкая зима способствовала увеличению посевных площадей и ранней всхожести озимой пшеницы, что, в свою очередь, позволило запланировать большие объемы экспорта на первую половину 2020 г.² При этом основными «потребителями» экспортируемой пшеницы и других зерновых культур выступают страны, выступающие стратегическими партнерами Российской Федерации не только в сфере сельского хозяйства это прежде всего Турция, Южно-Африканская Республика, Исламская Республика Иран. Согласимся с Х.У. Белхароевым, указывающим, что «продовольственная безопасность страны становится серьезным геополитическим фактором» [1, с. 5].

Соответственно, механизмам реализации аграрной политики Российской Федерации на международной арене уделяется значительное внимание. На наш взгляд, «регионализация» продовольственных функций внутри уже существующих межгосударственных региональных союзов может, при правильном их исполнении, укрепить геополитическое положение отдельных их участников. Интеграционные процессы внутри союзов способствуют также и развитию рынков сбыта сельхозпродукции, разрешению проблем занятости, технологизации сельскохозяйственного и пищевого производства. Перспективным направлением для Российской Федерации выступает, как представляется, участие в обеспечении коллективной продовольственной безопасности в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Государствами-участниками ЕАЭС (РФ, Беларусь, Армения, Казахстан и Кыргызстан) разработан проект Концепции коллективной продовольственной безопасности (далее — Концепция)³. Основной целью данного документа, а также реализуемого в соответствии с ней комплекса мер является «наращивание и эффективная реализация производственного потенциала АПК для наиболее полного удовлетворения потребности населения государств-членов Союза в качественном сельскохозяйственном сырье и продовольствии». Коллективная продовольственная безопасность представляет собой способность государств

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 4, ст. 345.

² Crop prospects and Food situation: Quarterly Global Report // Food and agriculture organization of the united nations. URK: <http://www.fao.org/3/ca7236en/ca7236en.pdf> (дата обращения: 26.03.2020).

³ См.: Концепция коллективной продовольственной безопасности Евразийского экономического союза (Проект). URL: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0123907/pd_28062019_att.pdf (дата обращения: 26.03.2020).

участников Союза за счет преимущественного использования собственных аграрных и продовольственных ресурсов, межгосударственной продовольственной кооперации, а также развития стабильного регионального продуктового рынка удовлетворить потребности граждан в надлежащем количестве качественных продуктов питания, как необходимой составляющей обеспечения достойного уровня жизни. Таким образом, система коллективной продовольственной безопасности предусматривает одновременно достижение не только экономических, но и социальных целей в интересах населения всех стран, входящих в ЕАЭС.

Особый интерес вызывают основные принципы обеспечения коллективной продовольственной безопасности в государствах ЕАЭС. Кроме общих для документов стратегического развития принципов системности (устойчивости) мер по продовольственной безопасности, поэтапности и согласованности таких мер, а также преимущественного осуществления рыночных операций внутри регионального рынка продовольствия, представляется необходимым обратить внимание на принципы «сочетания национальных и общегосударственных интересов Союза», а также «равенство и инклюзивность государств-участников ЕАЭС» при формировании региональной агропродовольственной политики. Это представляется важным в условиях экономической интеграции на базе ЕАЭС не только стран постсоветского пространства с уже во многом налаженными со времен СССР хозяйственными связями, но и — в перспективе — присоединения к Союзу некоторых других государств: на сегодняшний день Зону свободной торговли (ЗСТ) со странами ЕАЭС образуют КНР, Социалистическая Республика Вьетнам, Иран и Куба; целый ряд стран (в т.ч. Сербия, Египет и Сингапур) планируют присоединиться в ближайшем времени к ЗСТ, интегрироваться в Союз в той или иной степени.

Практическая реализация данных принципов, на наш взгляд, напрямую связана с необходимостью одновременного соблюдения требований межгосударственных соглашений и сохранением государственного суверенитета отдельных стран — в том числе, и продовольственного. Концепция «продовольственного суверенитета», впервые зародившаяся в Западной Европе в 1970-х гг. и сформулированная в рамках Всемирного продовольственного саммита ООН в 1996 г. [2, с. 147], заключается в необходимости преимущественной защиты интересов отдельного государства в целях гарантии своим гражданам права на питание как неотъемлемого компонента права на достойную жизнь. В сфере торговых отношений, продовольственный суверенитет предполагает защиту местного (национального) производителя пищевой продукции на внутреннем рынке, ограничение доминирующего положения импортных производителей, справедливый для «своих» производителей правовой режим использования необходимых для агропромышленного производства ресурсов (прежде всего, земли).

Несоблюдение этих требований, при решении проблемы предотвращения голода, развитие рынков сбыта одних государств-участников ЕАЭС на территории других, способно «пошатнуть» при этом национальную систему продовольственной безопасности, затрагиваются одновременно вопросы экономической и национальной безопасности. Фактически страна может оказаться в ситуации «продовольственной зависимости» от других государств, что, в свою очередь, влечет за собой утрату политического суверенитета (вспомним здесь тезис о продовольствии как важном факторе современной геополитики): любое «продовольственное эмбарго» со стороны «традиционного поставщика» автоматически

вызовет глубокие социальные проблемы, повысит уровень политического недовольства, став манипулятивным инструментом со стороны богатых ресурсами стран. При этом, как отмечает В.С. Елисеев, ситуативная «замена» одних импортеров другими не решит коренной проблемы зависимости национального АПК от внешних поставок, не преодолеет «продовольственную экспансию» [3, с. 79]. Поэтому вопросам сохранения национальных продовольственных систем должно, как представляется, уделяться такое же повышенное внимание, как и развитию общерегиональных рынков сбыта сельхозпродукции.

Исходя из этого, соблюдение продовольственного суверенитета с одновременным учетом интересов рынка сбыта продукции ЕАЭС в целом должно, на наш взгляд, прямо соотноситься с установлением национальным законодательством обязательной доли продовольственной продукции, произведенной субъектами «внутреннего» АПК. Так, например, согласно Доктрине, для оценки состояния продовольственной безопасности Российской Федерации рассчитывается показатель самообеспеченности (в процентном соотношении объема производимых отечественными участниками продовольственного рынка пищевого сырья и продукции к общему объему пищевого потребления); к примеру, для сахара такой показатель установлен на уровне 90% (п. 9 Доктрины). Соответственно, оставшуюся долю продукта на внутреннем рынке (например, те же 10% сахара) должна обеспечиваться преимущественно за счет товара, произведенного в странах-участницах ЕАЭС.

Как представляется, такое «субсидиарное» обеспечение рынка одних государств за счет сельхозпродукции других, способствует развитию путей сбыта, не затрагивая при этом национальный продовольственный суверенитет отдельных стран. Также обязательным является взаимопомощь государств-участников Союза при возникновении продовольственных кризисов, иных чрезвычайных ситуаций, а также совместное участие в региональных программах, направленных на улучшение общественного здоровья, социальной защиты. Отметим, что программы здорового питания, развития системы детского питания указаны в Концепции в качестве направлений агропродовольственной интеграции стран-участниц (раздел 4 документа). При этом отдельные направления продовольственных товаров (например, поставки в образовательные и медицинские учреждения, снабжение правоохранительных органов и вооруженных сил) должны осуществляться исключительно за счет национальных продуктов — это также обусловлено требованиями сохранения и укрепления внутреннего суверенитета.

Обеспечение равенства участников сельскохозяйственного рынка ЕАЭС с соблюдением их суверенитета и стратегических интересов требует значительного пересмотра и корректировки существующей нормативной базы. По аналогии с принятием в 2018 г. Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, представляется необходимым принятие специального регионального акта в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности. По аналогии с существующим на уровне Содружества независимых государств «Модельным законом о продовольственной безопасности»⁴, такой закон (в виде модельного

⁴ См.: Модельный закон о продовольственной безопасности (принят в г. Санкт-Петербурге 16 октября 1999 г. Постановлением 14–10 на 14-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2000. № 23. С. 155–161.

акта или отдельного Аграрного (сельскохозяйственного) кодекса) должен быть разработан и принят внутри ЕАЭС.

Определенной сложностью в свете систематизации законодательства о продовольственной безопасности видится отсутствие унифицированного правового регулирования данного вопроса на уровне отдельных стран-участниц Союза. В РФ, Беларуси, Армении и Казахстане вопросы обеспечения продовольственной безопасности урегулированы на уровне Доктрин, Концепций — документов стратегического планирования. Однако, такие документы носят во многом декларативный характер; за нарушение их положений не может наступить юридическая ответственность. Российским законодательством о стратегическом планировании указывается на базовый характер таких актов, определение в них основных задач, приоритетов, основ взаимодействия государственных органов, организаций и общества (глава 4 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁵), при этом конкретные меры все еще рассредоточены по отраслевому законодательству, зачастую противоречивому и неупорядоченному. Особые сложности в этой связи обусловлены самим характером продовольственной безопасности, обеспечение которой затрагивает не только собственно аграрную, но и социальную, внешнеполитическую и экономическую сферы управления. Согласимся в данной связи с Н.Г. Жаворонковой и Г.В. Выпхановой, которые выделяют стратегическое планирование («стратегирование»), как самостоятельную функцию современного государства, вне зависимости от экономической модели, существующей в стране на данный момент. Планирование должно осуществляться с учетом «изменения институтов (формальных и неформальных) для повышения эффективности работы всей институциональной системы в процессе достижения поставленных целей» [4, с. 31].

В свою очередь, в РФ систематизация законодательства о продовольственной безопасности затруднена отсутствием четкого указания на компетенцию вопроса о законодательном регулировании аграрных правоотношений в Конституции, а также наличием в субъектах Федерации значительного количества самостоятельных законов о продовольственной безопасности, принятых как до принятия Доктрины, так и после него. Отдельные формулировки в этих разрозненных актах (например, «независимость» как критерий продовольственной безопасности, закреплённая соответствующим законом в Курской области⁶ — что, на наш взгляд, вступает в прямое противоречие с провозглашаемым ст. 8 Конституции РФ гарантированием единого экономического пространства), коллидирующие с федеральными законами, требуют значительной переработки наличного нормативного материала.

Одновременно с этим, должны соблюдаться также и требования «инклюзивности» при осуществлении совместных мер в области продовольственной политики. Инклюзивность, рассматриваемая в теории как процесс включения отдельных элементов в систему, в контексте продовольственной безопасности должна представлять собой предоставление отдельным государствам-участникам

⁵ См.: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. от 18 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26, ч. I, ст. 3378.

⁶ См.: Закон Курской области от 27 ноября 2009 г. № 95-ЗКО «О продовольственной безопасности Курской области» (в ред. от 19 декабря 2011 г.) // Курская правда. 2009. 3 дек.

полноценного участия в системе коллективной безопасности с учетом их географических, культурных и иных особенностей — с целью предотвращения неравного положения членов такой системы.

Так, на необходимость учета культурных особенностей населения при обеспечении питанием указывается и в актах ООН. В соответствии с Декларацией, принятой по итогам Нилинийского (Королевство Мали) форума по продовольственной безопасности в 2007 г., необходимо обеспечение «права народов на здоровую пищу», которая свойственна их культурным особенностям. Если раньше учет культурных особенностей требовался лишь при оказании продовольственной помощи, то в условиях межгосударственных союзов появляется необходимость регулирования производства и распределения продуктов питания с учетом исторических традиций, религиозных особенностей людей, проживающих на его территории. Особенно актуальным это становится для многонациональных и многоконфессиональных государств, где в определенных регионах необходимо создавать условия для обеспечения граждан к пищевой продукции, созданной в соответствии с их религиозными установками (например, достаточное производство халяльных продуктов в мусульманских регионах России и Казахстана).

При этом необходимо обеспечить единый законодательный подход к использованию биотехнологий в сельском хозяйстве стран-участниц ЕАЭС, сформулировать единое отношение к использованию генно-модифицированных растительных и животных организмов [5], выпуску и маркировке органически чистой продукции, произведенной в странах Союза [6]. Единая маркировка органического продовольствия, соответствующего общепринятым международным требованиям к производственному циклу, качеству и безопасности конечного продукта выступит надежным «знаком качества» для реализации таких товаров в Западной Европе и других странах, не участвующих в ЕАЭС.

Таким образом, на примере нормативного регулирования обеспечения продовольственной безопасности в Евразийском экономическом союзе наиболее четко отражаются актуальные задачи государственно-властной деятельности, направленные на предотвращение продовольственных кризисов в межгосударственном масштабе. Реализация продовольственной политики внутри организации не должна нарушать государственный и продовольственный суверенитет стран-участниц. Нормативной базой для обеспечения продовольственной безопасности ЕАЭС должно послужить унифицированное, систематизированное аграрное законодательство и законодательство о продовольственной безопасности, учитывающее особенности экономического и социально-культурного состояния стран-участниц.

Библиографический список

1. *Белхароев Х.У.* Продовольственная безопасность России: история и современность. М.: Изд-во «Спутник+», 2016. 242 с.
2. *Малов А.В.* Продовольственный суверенитет как фактор современного миропорядка // Россия и современный мир. 2018. № 1. С. 146–156.
3. *Елисеев В.С.* Продовольственная безопасность Российской Федерации: проблемы экономико-правового обеспечения // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер.: Юриспруденция. 2019. Т. 5. № 1. С. 76–81.
4. *Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В.* Правовые проблемы стратегирования в экологическом праве // Lex Russica. 2020. № 1. С. 28–42.

5. *Anisimov A., Inzhieva B., Popova O., Ryzhenkov A.* Legal Regulation of Use of Genetically Modified Organisms (GMOs) in Agriculture: The View from Russia. // *Quality - Access to Success*. 2019. № 20 (170). P. 123–129

6. *Навасардова Э.С., Захарин А.Н.* Сравнительный анализ законодательства государств-членов ЕАЭС в области органического сельского хозяйства // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2019. № 2. С. 141–146.

References

1. *Belkharoev H.U.* Food Security of Russia: History and Present: Monograph. М. : Publishing house “Sputnik +”, 2016. 242 p.

2. *Malov A.V.* Food sovereignty as a factor in the modern world order // *Russia and the modern world*. 2018. No. 1. P. 146–156.

3. *Eliseev V.S.* Food Security of the Russian Federation: Problems of Economic and Legal Support // *Scientific Bulletin of the Volgograd Branch of the RANEPА. Series: Jurisprudence*. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 76–81.

4. *Zhavoronkova N.G., Vypkhanova G.V.* Legal Problems of Strategizing in Environmental Law // *Lex Russica*. 2020. No 1. P. 28–42.

5. *Anisimov A., Inzhieva B., Popova O., Ryzhenkov A.* Legal Regulation of Use of Genetically Modified Organisms (GMOs) in Agriculture: The View from Russia. // *Quality - Access to Success*. 2019. No 20 (170). P. 123–129

6. *Navasardova E.S., Zakharin A.N.* A comparative analysis of the legislation of the EAEU member states in the field of organic agriculture // *Humanitarian and Legal Studies*. 2019. No 2. P. 141–146.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10062

УДК 336.14.01

А.А. Федотова

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И ПРОЦЕДУРНЫХ НОРМ БЮДЖЕТНОГО ПРАВА

Введение: в Российской Федерации проводится существенное реформирование бюджетного законодательства, регламентирующее бюджетный процесс. Однако в научной доктрине на протяжении многих лет остается малоисследованной проблема определения понятия бюджетной процессуальной нормы. Нерешенной научной проблемой остается и отграничение бюджетной процессуальной нормы от процедурной. **Цель:** проанализировать природу бюджетных процессуальных норм и провести разграничение между процессуальными и процедурными нормами современного бюджетного права. **Методологическая основа:** диалектический, системный, метод анализа и обобщения, сравнительно-правовой, формально-логический, нормативно-логический. **Результаты:** представлены авторские определения бюджетной процессуальной и процедурной нормы, аргументирована позиция относительно оснований для отграничения процессуальных норм бюджетного права от процедурных. **Выводы:** бюджетные процессуальные и процедурные нормы следует соотносить как общее и частное в регулировании бюджетного процесса в целом и бюджетных процедур в частности.

Ключевые слова: бюджетный процесс, процессуальная норма бюджетного права, процедурная норма бюджетного права, правовое регулирование, правоприменение.

A.A. Fedotova

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE DISTINCTION BETWEEN PROCEDURAL AND PROCEEDING RULES OF BUDGET LAW

Background: in the Russian Federation, a substantial reform of budget legislation regulating the budget legislation is underway. However, the problem of defining the concept of a budget procedural norm has remained little studied in scientific doctrine for many years. Delimitation of the budgetary procedural norm from the procedural one remains as an unresolved scientific problem. **Objective:** to analyze the nature of budget procedural rules and to distinguish between procedural and procedural rules of modern budget law. **Methodology:** dialectical, systemic, method of analysis and generalization, comparative legal, formal logical, normative logical. **Results:** the author's definitions of the budget procedural and proceeding rules are presented, the position on the foundations for distinguishing the procedural norms of budget law from the proceeding ones is argued. **Conclusions:** budget procedural and proceeding rules should be correlated as general and particular in the regulation of the budget process in general and budget proceedings in particular.

Key-words: budget process, procedural norm of budget law, proceeding norm of budget law, legal regulation, law enforcement.

Бюджетный процесс — это сложный многогранный институт бюджетного права, регулируемый не только бюджетными процессуальными нормами, но и бюджетными процедурными нормами.

В теории юридического процесса сформировались «узкий» и «широкий» подходы к определению термина «процесс». Сторонники узкого подхода отождествляют процесс с судопроизводством, т.е. под процессом понимается только судебный порядок рассмотрения и разрешения различных категорий дел. Процесс, в своем «широком» понимании, представляет собой процессуальную деятельность всех органов государственной власти, а не только органов правосудия.

Сторонники как узкого, так и широкого подходов к определению бюджетного процесса едины во мнении его значимости для реализации финансовой, бюджетной деятельности государства и муниципальных образований. Так, Х.В. Пешкова рассматривает бюджетный процесс в числе элементов бюджетного устройства государства и в качестве важнейшего слагаемого бюджетного метода ведения государственного хозяйства [1, с. 101–117, 252–278].

В связи с существованием нескольких подходов к определению процесса остается актуальной дискуссия и о процессуальной форме. Сторонники «узкого» подхода придерживаются мнения о том, что процессуальная форма характерна только для рассмотрения гражданских, административных, уголовных дел в суде на основании единых принципов, закрепленных в Конституции РФ. Таким образом, выделяются гражданская, административная и уголовная процессуальные формы [2, с. 452]. С общей точки зрения, под процессуальной формой следует понимать «совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата» [3, с. 13].

С точки зрения «широкого» подхода к определению процесса и процессуальной формы, считаем обоснованным утверждение о существовании бюджетной процессуальной формы.

При рассмотрении различных процессуальных институтов авторами используются термины «процессуальная норма» и «процедурная норма». В целях определения соотношения этих понятий необходимо определить терминологическое значение «процедуры» и «процесса».

С точки зрения обще лексического значения, большой словарь иностранных слов термин «процедура» раскрывает как «ряд последовательных действий необходимых для совершения чего-либо», а «процесс» как «развитие какого-либо явления; последовательная закономерная смена состояний в развитии чего-либо» [4, с. 539]. В толковом словаре С.И. Ожегова под процедурой понимается «официальный порядок действий, выполнения или обсуждения чего-либо», а под процессом — «ход развития какого-либо явления, последовательная смена состояний в развитии чего-либо» [5, с. 627].

В научных кругах также нет единой точки зрения относительно соотношения понятий «процедура» и «процесс». Так, В.О. Лучин отождествляет эти понятия [6, с. 87]. По мнению В.А. Тарасовой, процедура и процесс не имеют ничего общего, и указывает лишь на возможность перерастания процедуры в процесс [7, с. 112–113]. С.С. Алексеев указывает на то, что не всякая урегулированная правом процедура совершения юридических действий может быть признана процессом, при этом юридический процесс следует рассматривать как длящийся во времени правоотношения [8, с. 204]. По мнению Н.А. Рассахатской, под процедурой следует понимать все, что выходит за рамки процессуальной формы. При этом Н.А. Рассахатская, придерживаясь «узкого» подхода к пониманию

процессуальной формы, выделяет только четыре ее разновидности, предусмотренные ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации [9, с. 16]. Л.Н. Борисова определяет процесс как более широкое понятие, включающее в себя процедуру [10, с. 164]. П.С. Долгополов бюджетные процедуры отождествляет со стадиями бюджетного процесса¹.

В финансово-правовой доктрине сложилось несколько точек зрения относительно вида правового регулирования бюджетных процессуальных отношений. Одна группа ученых полагают, что бюджетные процессуальные отношения регулируются бюджетными процессуальными нормами, закрепленными в законах и подзаконных актах. Иные ученые полагают, что правовые нормы, регулирующие бюджетный процесс носят процедурно-процессуальный характер. При этом происходит отождествление бюджетных процессуальных и процедурных норм.

На основании проведенного анализа понятий «процесс» и «процедура», придерживаясь «широкого» понимания процессуальной формы и процесса, приходим к выводу о существовании в бюджетном процессе как процессуальных, так и процедурных норм. Бюджетные процессуальные нормы регулируют наиболее общие бюджетные процессуальные правоотношения (особенности движения бюджетного процесса из стадии в стадию, полномочия участников бюджетного процесса на каждой его стадии, цели и задачи каждой стадии и бюджетного процесса в целом). Процедурные нормы бюджетного права регулируют процесс совершения конкретных элементарных действий, которые в совокупности составляют стадию бюджетного процесса. Например, процедурные нормы бюджетного права устанавливают правила расчета средне-статистических бюджетных показателей, способов определения эффективности бюджета, достижения им поставленных целей и задач.

В целях проведения сравнительного анализа сущности бюджетных процессуальных и процедурных норм, считаем возможным выделить их общие и специальные признаки (таблица).

Признаки бюджетных процессуальных и процедурных норм

Бюджетные процессуальные нормы	Бюджетные процедурные нормы
Общие признаки:	
1. Носят императивный характер	
2. Распространяют свое действие на определенный круг субъектов бюджетных процессуальных отношений	
3. Устанавливаются на федеральном, региональном и местном уровнях	
Специальные признаки:	
Регулируют наиболее общие отношения между участниками бюджетного процесса. Определяют реализацию бюджетного процесса в целом	Регламентируют порядок совершения отдельных процессуальных действий в рамках стадий бюджетного процесса
Носят служебный характер по отношению к материальным нормам бюджетного права	Конкретизируют содержание процессуальных правил, подлежащих выполнению в рамках бюджетного процесса
	Могут быть установлены на локальном, ведомственном уровне, в том числе в целях детализации нормативных требований к формированию и использованию территориального бюджета, реализации бюджетных процессуальных правоотношений с конкретными участниками

¹См.: Долгополов П.С. Бюджетный процесс: понятие, участники, процедуры. Пресса и книги. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.02.2020).

Считаем необходимым дополнительно пояснить такую особенность бюджетных процедурных норм, как возможность их локального (ведомственного) правового регулирования. Например, локальные бюджетные процессуальные нормы содержатся в Порядке составления, утверждения и ведения бюджетной сметы Министерства сельского хозяйства Российской Федерации². Данные Правила установлены Минсельхозом России и распространяют свое действие только на сотрудников данного Министерства.

В рассуждениях о внутреннем содержании бюджетного процесса, О.В. Болтинова определила процедуру как «порядок применения процессуальных норм на каждой из стадий бюджетного процесса, то есть процедура регламентирует: состав субъектов бюджетного процесса, их полномочия, права и обязанности, объекты, сроки прохождения бюджета и т.д.» [11, с. 109]. Бюджетная процедура представляет собой относительно самостоятельный этап, имеющий пространственно-временные границы, конкретные цели и задачи, специфический круг участников, наделенных соответствующими полномочиями.

И.В. Петровой и Д.А. Мищуковой высказана позиция о том, что в рамках стадий бюджетного процесса реализуется материальная деятельность, которая должна определяться понятием процедура, а не юрисдикционное производство. Соглашаясь с высказанным мнением, следует отметить, что каждая стадия бюджетного процесса включает в себя набор последовательно сменяющих друг друга процедур. При этом объем бюджетных процедур и последовательность их совершения в рамках стадии бюджетного процесса регламентируются процессуальными нормами бюджетного права. В то же время бюджетная процедура — это элементарное действие участников бюджетного процесса для получения промежуточного результата на пути к достижению главной стадии бюджетного процесса. Таким образом считаем возможным не согласиться с мнением И.В. Петровой и Д.А. Мищуковой о том, что в качестве юридических процедур можно рассматривать проект бюджета, принятие нормативного правового акта о бюджете, исполнение бюджета [12, с. 23–27] и т.д.

Считаем возможным проиллюстрировать на примере стадии составления проекта бюджета соотношение цели стадии и результатов бюджетных процедур. Так, проект бюджета является целью первой стадии бюджетного процесса, для ее достижения необходимо реализовать несколько процедур, цели которых являются для нее промежуточными: показатели социально-экономического развития, прогноз социально-экономического развития, бюджетный прогноз, основные направления бюджетной и налоговой политики, проекты государственных (муниципальных) программ, оценка их эффективности, план бюджетных ассигнований, прогноз доходов бюджета, нормативы распределения доходов между бюджетами бюджетной системы, перечень налоговых расходов, методики (проекты методик) и расчеты распределения межбюджетных трансфертов. Указанные документы разрабатываются в рамках отдельных бюджетных процедур, детально регламентированных бюджетными процедурными нормами. Цель каждой такой процедуры — это получение документа, необходимого для составления проекта бюджета. Таким образом, конечный результат каждой бюджетной процедуры является промежуточным для достижения главной цели

² См.: Приказ Минсельхоза России от 26 декабря 2018 г. № 597 «О порядке составления, утверждения и ведения бюджетной сметы Министерства сельского хозяйства Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.02.2020).

стадии составления проекта бюджета на очередной финансовый год и плановый период. Рассматривая особенности правового регулирования каждой бюджетной процедуры, следует отметить, что бюджетные процессуальные нормы регламентируют наиболее общие правила ее проведения, в то время как бюджетные процедурные нормы их конкретизируют.

Так, ст. 169 Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ)³ содержит общие положения о процессе составления проекта бюджета. Процедуры по его составлению, регламентированные бюджетными процедурными нормами, закреплены в Постановлении Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 1010 «О порядке составления проекта федерального бюджета и проектов бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период». В качестве примера можно рассмотреть процессуальную норму о долгосрочном бюджетном планировании. Так, п. 1 ст. 170.1 БК РФ содержит предписание о том, что долгосрочное бюджетное планирование осуществляется путем формирования бюджетного прогноза на долгосрочный период, далее указанная статья закрепляет правила о сроках разработки бюджетного прогноза Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями, о порядке его представления и утверждения. Относительно самой процедуры разработки и утверждения бюджетного прогноза Бюджетный кодекс РФ содержит отсылочную норму к Постановлению Правительства РФ от 31 августа 2015 г. № 914 «О бюджетном прогнозе Российской Федерации на долгосрочный период»⁴. В указанном Постановлении Правительства РФ закреплен конкретный порядок действий каждого участника бюджетного процесса по составлению и представлению бюджетного прогноза.

В наибольшей степени градация бюджетных правовых норм на процедурные и процессуальные прослеживается в институте бюджетирования, ориентированного на результаты (правила БОР). Следует отметить, что до перехода России к бюджетированию, ориентированному на результаты, правовое регулирование отдельных сторон бюджетных процедур (например, организация документооборота при составлении проекта бюджета) носило сегментарный характер. После перехода России к бюджетированию, ориентированному на результаты, в рамках правового поля оказались многочисленные бюджетные процедуры, регулируемые правовыми процедурными нормами бюджетного права. К таковым можно отнести методологию расчета сумм доходов, определение объемов привлечения средств из источников финансового дефицита и распределения бюджетных ассигнований [13, с. 3], методики расчета показателей качества финансового

³ См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 15 апреля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823.

⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 31 августа 2015 г. № 914 «О бюджетном прогнозе Российской Федерации на долгосрочный период» (вместе с «Правилами разработки и утверждения бюджетного прогноза Российской Федерации на долгосрочный период»). (в ред. от 12 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 37, ст. 5138.

менеджмента⁵ и др. Таким образом, нормы, регулирующие данные процедуры, приобрели статус процедурных правовых норм бюджетного права.

Разграничение процессуальных и процедурных норм бюджетного права можно проводить и с точки зрения формы выражения и закрепления. Так, например, процессуальные нормы преимущественно содержатся в законах (Бюджетном кодексе РФ, бюджетном законодательстве субъектов РФ и т.д.), процедурные нормы, как правило, закреплены в подзаконных актах, закрепляющих разного рода рекомендации, методики, разъяснения. Однако наиболее общие правила проведения бюджетных процедур также содержатся в Бюджетном кодексе РФ.

Еще одним основанием к разграничению норм на различные виды можно рассматривать особенности их реализации. В юридической науке традиционно выделяют четыре формы реализации права: соблюдение, исполнение, использование и применение. Соблюдение правовой нормы предполагает воздержание от совершения каких-либо действий (соблюдение запрета). Исполнение нормы права состоит в активном выполнении субъектом права возложенных на него обязанностей. Использование состоит в добровольном и последовательном осуществлении субъектами права, принадлежащих им субъективных прав. Применение права — это деятельность компетентных государственных органов по разрешению конкретных индивидуальных дел, вынесению по ним решений и их исполнению.

Применительно к правовым нормам, регламентирующим бюджетный процесс, целесообразно говорить о таких формах их реализации как исполнение и применение. Так, бюджетная процессуальная норма подлежит как исполнению, так и применению, а процедурная только исполнению. Следовательно, бюджетная процессуальная норма может быть применена неверно, ошибочно, а процедурная норма может быть исполнена или не исполнена.

Проведенное исследование позволяет сделать определенные выводы:

Во-первых, бюджетный процесс как вид юридического процесса отличается признаком стадийности [14, с. 218–219]. Это означает, что каждая стадия бюджетного процесса имеет определённую цель, при достижении которой происходит переход к следующей. В рамках каждой стадии участниками бюджетного процесса совершается ряд процедур. Итоговый результат каждой бюджетной процедуры является промежуточным для достижения главной цели стадии бюджетного процесса.

Во-вторых, рассматривая правовую регламентацию бюджетного процесса, следует обратить внимание на различие бюджетных процессуальных и бюджетных процедурных норм. Бюджетная процессуальная норма представляет собой императивное предписание, устанавливающее общие правила движения

⁵ О формировании отчета Министерства финансов Российской Федерации о результатах мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств федерального бюджета (главными распорядителями средств федерального бюджета, главными администраторами доходов федерального бюджета, главными администраторами источников финансирования дефицита федерального бюджета) (вместе с Положением о формировании отчета Министерства финансов Российской Федерации о результатах мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств федерального бюджета (главными распорядителями средств федерального бюджета, главными администраторами доходов федерального бюджета, главными администраторами источников финансирования дефицита федерального бюджета). Приказ Минфина России от 29 декабря 2017 г. № 264н. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.02.2020).

бюджетного процесса, полномочия участников бюджетного процесса содержание отдельных бюджетных процедур. Бюджетная процедурная норма представляет собой нормативное предписание, обязательное для исполнения определенным кругом субъектов бюджетного процесса, регламентирующее порядок совершения отдельных действий в рамках конкретной стадии бюджетного процесса.

Таким образом, бюджетные процессуальные и процедурные нормы следует соотносить как общее и частное в регулировании бюджетного процесса в целом и бюджетных процедур в содержании данного юридического процесса в частности.

Библиографический список

1. *Пешкова Х.В.* Теоретико-правовые основы бюджетного устройства государства. М.: ИНФРА-М, 2018. 315 с.
2. *Новиков А.В.* Административно-процессуальная форма // Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства / редкол. Ю.Н. Стариков (отв. ред.) [и др.]. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2013. 1060 с.
3. *Юридическая процессуальная форма. Теория и практика* / под ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. М.: Юридическая литература, 1976. 280 с.
4. *Егорова Т.В.* Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: «Аделант», 2014. 800 с.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4 изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
6. *Лучин В.О.* Процессуальные нормы в советском государственном праве. М.: Юридическая литература, 1976. 168 с.
7. *Тарасова В.А.* Процедурная форма деятельности органов социального обеспечения // Советское государственное право. 1973. № 11. С. 110–113.
8. *Алексеев С.С.* Собрание сочинений в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 2 Специальные вопросы правоуказания. 471 с.
9. *Рассахатская Н.А.* Гражданская процессуальная форма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. 19 с.
10. *Борисова Л.Н.* Юридический процесс и юридическая процедура как категории права // Правовая политика и правовая жизнь, 2006. № 2. С. 156–166.
11. *Болтинова О.В.* Бюджетный процесс в Российской Федерации: теоретические основы и проблемы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 418 с.
12. *Петрова И.В., Мищукова А.Д.* Процедурная составляющая как основа разграничения бюджетных правовых норм // Налоги. 2014. № 5. С. 23–27.
13. *Пешкова Х.В.* Бюджетное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 404 с.
14. *Клишина М.А.* Составление проекта бюджета как стадия бюджетного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 29 с.

References

1. *Peshkova Kh.V.* Theoretical and Legal Foundations of the Budget Structure of the State. Moscow: INFRA-M, 2018. 315 p.
2. *Novikov A.V.* Administrative-procedural Form // Administrative Proceedings in the Russian Federation: Development of Theory and Formation of Administrative-procedural Legislation / edit. Yu.N. Starikov (Resp. ed.) [et al.]. Voronezh: VSU Publishing house, 2013. 1060 p.
3. *Legal Procedural Form. Theory and Practice* / edited by P.E. Nedbaylo, V.M. Gorshenev. Moscow: Legal literature, 1976. 280 p.

4. *Egorova T.V.* Dictionary of Foreign Words of the Modern Russian Language. Moscow: Adelant, 2014. 800 p.
5. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions. Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian language. V.V. Vinogradova. 4 ed., suppl. M.: LLC «A TEMP», 2006. 944 p.
6. *Luchin V.O.* Procedural Norms in the Soviet State Law. Moscow: Legal literature, 1976. 168 p.
7. *Tarasova V.A.* Procedural Form of Activity of Social Security Bodies // Soviet state law. 1973. № 11. P. 110–113.
8. *Alekseev S.S.* Collected Works in 10 volumes, Moscow: the Statute, 2010. Vol. 2 Special issues of law. 471 p.
9. *Rassakhatskaya N.A.* Civil Procedural Form: extended abstract of diss. ... cand. of law. Saratov, 1995. 19 p.
10. *Borisova L.N.* Legal Process and Legal Procedure as Categories of Law // Legal policy and legal life, 2006. № 2. P. 156–166.
11. *Boltinova O.V.* The Budgetary Process in the Russian Federation: Theoretical Foundations and Problems of Development: dis. ... doc. of law. Moscow, 2008. 418 p.
12. *Petrova I.V., Mashukova A.D.* Procedural Component as the Basis of Differentiation of Budget Legal Norms // Taxes. 2014. № 5. P. 23–27.
13. *Peshkova Kh.V.* Budget Law in Russia: textbook. 2nd ed., revised and suppl. M.: INFRA-M, 2018. 404 p.
14. *Klishina M.A.* Drafting the Budget as a Stage of the Budget Process: extended abstract of dis. ... cand. of law. Moscow, 2009. 29 p.

ПЕРСОНАЛИИ

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10063

Т.М. Бараев, Г.Р. Колоколов

АРХИТЕКТОР «ПРАВОВОЙ МЕДИЦИНЫ» В САРАТОВЕ

Введение: статья посвящена 100-летию со дня начала деятельности в Саратове и Поволжье выдающегося отечественного судебного медика, Заслуженного деятеля науки, профессора, полковника медицинской службы Михаила Ивановича Райского, основателя саратовской школы судебной медицины. **Методологическая основа:** диалектический, историко-правовой методы. **Результаты:** проведенное исследование деятельности М.И. Райского в Саратове позволяет дать оценку его роли в становлении «правовой медицины», как единения судебно-медицинской экспертизы и криминалистики. **Выводы:** системная научная и практическая работа М.И. Райского, а также преподавание на юридическом факультете Саратовского университета сводилась к тесному взаимодействию судебно-медицинской экспертизы и криминалистики, как гарантии качества следственных и судебных расследований. Его наследие остается актуальным и востребованным в наши дни.

Ключевые слова: М.И. Райский, судебно-медицинская экспертиза, криминастика, правовая медицина, Саратовский юридический институт (факультет).

T.M. Baraev, G.R. Kolokov

ARCHITECT OF “LEGAL MEDICINE” IN SARATOV

Background: the article is dedicated to the 100th anniversary of the beginning of activity in Saratov and the Volga region of the outstanding Russian forensic doctor, Honored scientist, Professor, Colonel of the medical service Mikhail Ivanovich Raysky, founder of the Saratov school of forensic medicine. **Methodology:** dialectical, historical and legal methods of research. **Results:** the conducted research of M. I. Raisky's activity in Saratov allows us to assess his role in the formation of “legal medicine” as a unity of forensic medical expertise and criminalistics. **Conclusions:** the systematic scientific and practical work of

© Бараев Тагир Михайлович, 2020

Кандидат медицинских наук, доцент кафедры правовой психологии, судебной медицины и педагогики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: baraev50@mail.ru

© Колоколов Георгий Рюрикович, 2020

Кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой правовой психологии, судебной медицины и педагогики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: gkolokolov@yandex.ru

© Baraev Tagir Mikhailovich, 2020

Candidate of medical sciences, associate Professor, Legal psychology, forensic medicine and pedagogy department (Saratov State Law Academy); e-mail: baraev50@mail.ru

© Kolokov Georgiy Ryurikovich, 2020

Candidate of medical sciences, associate Professor, head of the Legal psychology, forensic medicine and pedagogy department (Saratov State Law Academy); e-mail: gkolokolov@yandex.ru

M.I. Raisky, as well as teaching at the faculty of law of the Saratov University, was reduced to close interaction of forensic medical expertise and criminalistics, as a guarantee of the quality of investigative and judicial investigations. His legacy remains relevant and in great demand nowadays.

Key-words: *M.I. Raisky, forensic medical examination, criminalistics, legal medicine, Saratov law Institute (faculty of law).*

В 2019 г. исполнилось 100 лет со дня начала работы в Саратове выдающегося отечественного судебного медика, заслуженного деятеля науки, профессора



Михаила Ивановича Райского. Он стал основателем крупнейшей в стране саратовской школы судебной медицины. В Поволжье (Саратов) Михаил Иванович Райский заложил основы специфического раздела здравоохранения, судебной медицины, которую сам он называл «правовой медициной». Большое значение при этом он уделял не только практическому взаимодействию с правоохранительными органами, но и преподаванию основ судебно-медицинской экспертизы будущим юристам. Поэтому М.И. Райский стал одним из ведущих преподавателей юридического факультета саратовского университета (юридического института) [1].

Райский Михаил Иванович родился 14 (26) сентября 1873 г. в Рязанской губернии. В 1898 г. он с отличием окончил медицинский факультет Томского университета и был оставлен на кафедре судебной медицины у профессора М.Ф. Попова. В 1904–1905 гг. участвовал в русско-японской войне в качестве младшего врача пехотного полка. В 1907 г. в Томске защитил докторскую диссертацию на тему «К учению о распознавании смерти от холода», получил звание приват-доцента и был командирован за границу для двухгодичной стажировки. Он изучал постановку судебно-медицинской экспертизы в Берлине, Париже, Вене, Лейпциге, Праге. В 1910 г. Райский читал курс судебной медицины на юридическом факультете Томского университета, в 1912–1917 гг. он профессор кафедры судебной медицины Московского университета. В 1917–1919 гг. во время Первой мировой и гражданской войн работал в распоряжении военно-санитарного управления Юго-Западного фронта.

В Саратове впервые судебная медицина начала преподаваться в Университете с 1912 г. профессором С.П. Вертоградовым и его помощниками прозекторами Г.И. Баджиевым и Н.Л. Поляковым. В 1917 г. С.П. Вертоградов был переведен в Военно-медицинскую Академию, а обязанности по кафедре исполнял Н.Л. Поляков. Ровно 100 лет назад в июле 1919 г. на должность заведующего кафедрой судебной медицины Саратовского университета был избран профессор Михаил Иванович Райский. На этой должности он проработал до 1937 г., т.е. почти 17 лет, и создал крупнейшую в стране саратовскую школу судебных медиков. М.И. Райский сразу же активно включился в дело организации судебно-медицинской службы региона. Сотрудниками М.И. Райского были: Н.Л. Поляков, Л.Б. Лейтман, Ю.С. Сапожников, А.М. Гамбург, А.П. Курдюмов, А.П. Владимирский.

Следует отметить, что организаторская и исследовательская работа М.И. Райского базировалась на принципах, заложенных в свое время в отечественной

медицине великими русскими учеными: хирургом Н.И. Пироговым и физиологом И.П. Павловым.

Основными направлениями научно-практической работы М.И. Райского и его сотрудников в Саратове стали: судебно-медицинская гематология (использование явлений преципитации и агглютинации для определения видовой и групповой принадлежности крови, тканей и выделений человека и животных); судебно-медицинская гинекология и акушерство; повреждения тупыми предметами; огнестрельные ранения; асфиксия и др. Михаил Иванович открыл метод «поздней ревакцинации» (названный его именем). Исследования в гематологии стали предтечей современных иммуно-генетических методов судебно-медицинской экспертизы.

М.И. Райский в Саратове с 1919 г. принимал самое непосредственное участие в практической работе. Он сразу же активно включился в дело организации судебно-медицинской службы региона, став одновременно Саратовским губернским судебно-медицинским экспертом и возглавил медико-социальную экспертизу. В октябре 1920 г. по его инициативе была открыта краевая судебно-медицинская лаборатория по исследованию вещественных доказательств. Она стала проводить исследования в интересах органов дознания, следствия и суда Саратовской, Оренбургской, Тамбовской областей, Калмыцкой и Немецкой республик. В 1928 г. при организации Нижне-Волжского края М.И. Райский назначается Краевым судебно-медицинским экспертом. М.И. Райский много внимания уделял экспертизе по врачевным делам и считал допустимым (в крайних случаях) уголовное преследование врачей, настаивал на создании институтов совершенствования врачей.

В Саратове М.И. Райский и его сотрудники за период с 1923 по 1934 гг. выполнили более 110 научных работ, активно участвовали в работе съездов и конференций регионального и общесоюзного значения, сделали 72 доклада. Одновременно была проведена огромная практическая работа в Саратове и регионе. В 1929–1930 гг. Михаил Иванович вновь выезжал в заграничную научную командировку, где достойно представил нашу страну в Германии, Австрии, Англии, Франции и ознакомился с работой европейских судебных медиков.

Крупные научные успехи профессора М.И. Райского были отмечены Правительством: в 1934 г. он был избран членом ВАК НКЗ РСФСР, в 1935 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки». Он часто приглашался в Москву для консультаций по важнейшим вопросам, связанным с развитием судебной медицины в стране. К 1937 г. в Саратове была им сформирована крупнейшая научная школа. Михаила Ивановича отличали простота, отзывчивость и внимательность к сотрудникам.

Под руководством М.И. Райского выполнены более 30 докторских и кандидатских диссертаций, 16 его учеников стали профессорами, десятки — возглавили судебно-медицинские бюро и отделения, сотни стали практикующими судебно-медицинскими экспертами. Представители его школы, созданной в Саратове руководили научно-практической работой в разных регионах страны: Ю.С. Сапожников (Иваново, Киев), А.П. Владимирский (Ленинград), А.П. Курдюмов (Астрахань, Москва, Кишинев), А.М. Гамбург (Киев), Л.Б. Лейтман (Пермь, Саратов), И.М. Слепышков (Куйбышев, Ленинград), В.С. Пятернев (Самарканд), А.Г. Леонтьев (Ленинград), Л.М. Эйдлин (Воронеж, Самарканд, Ташкент), В.Ф. Огарков (Ленинград) [2].

Саратовский период деятельности М.И. Райского, продолжавшийся около 17 лет, безусловно оказал огромное влияние на дальнейшее развитие судебной медицины в нашей стране. М.И. Райский был награжден Орденом Ленина, Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда», ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР, воинское звание полковника медицинской службы. На основании решения Ученого Совета Саратовского Государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского в 2012 г. кафедре судебной медицины было присвоено имя профессора М.И. Райского [3].

После отъезда М.И. Райского в Ленинград его преемниками стали М.А. Денисов, Л.Б. Лейтман, И.В. Скопин, Т.Е. Татарина, Ю.А. Неклюдов, А.А. Ефимов. Среди наиболее известных последователей М.И. Райского в Саратове следует отметить профессора Юрия Александровича Неклюдова. Он заведовал кафедрой с 1985 г. больше 20 лет.

С 1937 г. до 1940 г. М.И. Райский заведовал кафедрой судебной медицины в 1-м медицинском институте им. И.П. Павлова (г. Ленинград), а с начала Великой Отечественной войны до 1949 г. — в Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова. С 1949 г. до самой смерти (1956 г.) он возглавлял кафедру судебной медицины Одесского медицинского института им. Н.И. Пирогова. Михаил Иванович написал монографию «Судебно-медицинское исследование трупа», закончил учебник судебной медицины, совместно с сотрудниками было выполнено 42 работы. Отдельное место в его исследованиях занимало актуальное для криминалистики учение о смерти (танатология) [4]. Он возглавлял Ленинградское и Одесское отделение Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов.

Значительная часть работ, выполненных в Военно-медицинской Академии, была посвящена изучению повреждений, особенно механизма и морфологии огнестрельных ранений. При этом были широко использованы экспериментальные исследования. В ней особое место отводилось судебно-медицинским аспектам опыта Великой Отечественной войны. Его исследования огнестрельной раны, проводившиеся до войны и в ходе ее существенно дополнили и углубили классические работы Н.И. Пирогова. М.И. Райский дал дополнительное описание «минус ткани» во входном пулевом отверстии, о проникновении копоти под кожу, о пергаментации кожи вокруг раневого отверстия (макро- и микроскопические признаки). Большим успехом у слушателей пользовались лекции М.И. Райского, которые он читал в рамках разработанной им оригинальной программы преподавания судебной медицины.

В 1956 г. М.И. Райский организовал и провел в Одессе 3-ю расширенную конференцию научного общества судебных медиков и криминалистов. Она привлекла широкие круги судебных медиков всей страны. Было заслушано свыше 60 докладов, издан сборник работ под его редакцией. Несмотря на солидный возраст (83 года) Михаил Иванович был полон сил и творческих планов. Неожиданная смерть оборвала жизнь этого замечательного человека и ученого.

Михаил Иванович Райский по праву считается архитектором «правовой медицины», потому что весь период своей деятельности в Саратове он настойчиво проводил курс на тесное объединение науки и практики, судебно-медицинской экспертизы и криминалистики. Большое значение при этом имела его преподавательская работа на юридическом факультете Саратовского университета (юридическом институте).

Юридический факультет в Саратовском университете был создан 1 июля 1917 г. Решением Временного правительства России в 1919 г. он был преобразован в факультет общественных наук, реформированный в 1924 г. в факультет хозяйства и права (в 1930 г. из него выделился факультет советского строительства и права). В 1931 г. на базе последнего был образован Институт советского права, который в 1936 г. был переименован в Саратовский юридический институт (СЮИ). В 1994 г. Саратовский юридический институт был переименован в Саратовскую государственную академию права (СГАП). С 2011 г. — ВУЗ носит название Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА).

В 1925 г. в Саратове М.И. Райский созвал 1-е Совецание судебно-медицинских экспертов, работников суда и следствия Нижнего Поволжья, в котором приняли участие представители 6 губерний и Республики немцев Поволжья. В 1926 г. был издан сборник трудов этого совещания. М.И. Райский в своих выступлениях остро ставил вопрос о необходимости максимального контакта в работе судебно-следственных органов и судебно-медицинской экспертизы. Он категорически протестовал против допускаемых тогда нередких явлений, когда представители судебно-следственных органов в «ясных» с их точки зрения случаях даже явно насильственной смерти или совсем не вызывали судебно-медицинских экспертов или предлагали последним ограничиваться лишь наружным осмотром, без вскрытия трупа. М.И. Райский вел решительную борьбу с подобными явлениями, подчеркивая, что «заклучение, экспертиза, как ярко загоревшийся костер освещает непонятное и темное и указывает верный путь следователю и судье» [5].

По сути, именно в Саратове Михаил Иванович Райский сформулировал основные принципы научного и практического взаимодействия судебно-медицинских экспертов и криминалистов. В более поздний период своей деятельности М.И. Райский возглавлял Ленинградское и Одесское отделения Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов (ВНОСМ и К). В 1950 г. (19–25 июня, г. Ленинград) он принимал участие во втором Всесоюзном совещании судебно-медицинских экспертов и 2-й сессии Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов, где сделал два доклада: «К учению о смерти, подозрительной на насилие, и скоропостижной» и «К истории судебной медицины в России в XVIII и в начале XIX века». М.И. Райский был избран в состав Правления ВНОСМ и К. [6].

За весь период своей деятельности М.И. Райский сделал 7 докладов, в которых он давал определение судебной медицины, как дисциплины неразрывно связанной с правом, подчеркивал значение судебно-медицинской экспертизы, как особого вида доказательства и ее предназначения — помогать судебно-следственным органам в деле раскрытия преступлений против личности. При обсуждении в 1926 г. На 2 Всероссийском съезде судебно-медицинских экспертов нового УК М.И. Райский предложил ввести трехстепенное деление несмертельных травм на тяжкие, средней тяжести и легкие повреждения [7]. Эта классификация успешно применяется по сей день.

В Саратовском Юридическом Институте (Юридической академии) последователями М.И. Райского стали: профессор В.В. Козлов, создатель кафедры судебной экспертизы, а также профессор В.Н. Кирсанов и доцент Г.Р. Колоколов. Они и их сотрудники успешно развивали и продолжают развивать идеи своего выдающегося предшественника, основателя саратовской школы судебной медицины Михаила Ивановича Райского.

Библиографический список

1. *Суровов С.Б.* (ред.) Саратовская государственная юридическая академия — 85 лет свершений и побед. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2016. 504 с.
2. *Неклюдов Ю.А., Глыбочко П.В.* Саратовская школа судебных медиков. Саратов: Изд-во СГМУ, 2004. 120 с.
3. *Ефимов А.А., Неклюдов Ю.А.* К 100-летию юбилею кафедры судебной медицины Саратовского государственного медицинского института // Судебно-медицинская экспертиза. 2013. № 4. С. 56–61.
4. *Райский М.И.* «К учению о смерти, подозрительной на насилие, и скоропостижной». Доклад на втором всесоюзном совещании судебно-медицинских экспертов и 2-й сессии всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов: в сборнике научных работ по судебной медицине и пограничным областям № 2 / под общей ред. В.И. Прозоровского. М.: Медгиз, 1955. С. 20–26.
5. *Сапожников Ю.С.* Саратовский период деятельности профессора М.И. Райского: материалы третьей расширенной научной конференции, посвященной памяти З.Д.Н., профессора М.И. Райского. К.: Медгиз, 1958. С. 3–5.
6. *Левченков Б.Д.* Второе всесоюзное совещание судебно-медицинских экспертов и 2-я сессия всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов: в сборнике научных работ по судебной медицине и пограничным областям № 2 / под общей ред. В.И. Прозоровского. М.: Медгиз, 1955. С. 20–26.
7. *Гамбург А.М.* Участие в судебно-медицинских съездах и совещаниях заслуженного деятеля науки профессора М.И. Райского: материалы третьей расширенной научной конференции, посвященной памяти З.Д.Н., профессора М.И. Райского. К.: Медгиз, 1958. С. 3–5.

Referenes

1. *Surovov S.B.* (ed.) *Saratov State Law Academy — 85 years of Achievements and Victories.* Saratov: Publishing house of the Saratov state law Academy, 2016. 504 p.
2. *Neklyudov Yu.A., Glybochko P.V.* *Saratov School of Forensic Medicine.* Saratov: SSMU Publishing house, 2004. 120 p.
3. *Efimov A.A., Neklyudov Yu.A.* To the 100th Anniversary of the Department of Forensic Medicine of the Saratov State Medical Institute // Forensic medical examination. 2013. № 4. P. 56–61.
4. *Raisky M.I.* «To the Doctrine of Death, Suspicious of Violence, and Sudden». Report on the second all-Union meeting of forensic experts and the 2nd session of the all-Union scientific society of forensic doctors and criminalists: in the collection of scientific works on forensic medicine and border areas No. 2 / under the General ed. Moscow: Medgiz, 1955. P. 20–26.
5. *Sapozhnikov Yu.S.* Saratov Period of Activity of Professor M.I. Raisky: Materials of the Third extended scientific conference dedicated to the memory of Z.D.N., Professor M.I. Raisky. K.: Medgiz, 1958. P. 3–5.
6. *Levchenkov B.D.* The Second All-Union Meeting of Forensic Medical Experts and the 2nd Session of the All-Union Scientific Society of Forensic Doctors and Criminalists: in the collection of scientific works on forensic medicine and border areas No. 2 / under the general ed. of V.I. Prozorovsky. Moscow: Medgiz, 1955. P. 20–26.
7. *Gamburg A.M.* Participation in Forensic Medical Congresses and Meetings of the Honored Worker of Science, Professor M. I. Raisky: materials of the third extended scientific conference dedicated to the memory of Z.D.N., Professor M.I. Raisky. K.: Medgiz, 1958. P. 3–5.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/show1.phtml?vestnik-arhiv>